

ВЕСТНИК
ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ

Tomsk State University Journal
of Philosophy, Sociology and Political Science

Научный журнал

2019

№ 52

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-30316 от 16 ноября 2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору в сфере массовых
коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Подписной индекс 44046 в объединенном каталоге
«Пресса России»

Журнал включен в БД Emerging Sources Citation Index (Web of Science
Core Collection) и в «Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные
научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук»
Высшей аттестационной комиссии
(№ 1528)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Суровцев В.А. (Томск, Россия) – главный редактор, доктор филос. наук, профессор. E-mail: surovtsev1964@mail.ru; **Рыкун А.Ю.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (социология), доктор соц. наук, профессор. E-mail: a_rykun@mail.ru; **Щербинин А.И.** (Томск, Россия) – зам. главного редактора (политология), доктор полит. наук, профессор. E-mail: shai52@mail.ru; **Агафонова Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь, кандидат филос. наук, доцент. E-mail: agaton@rambler.ru; **Сукушина Е.В.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (социология), кандидат филос. наук, доцент. E-mail: elsukhush@inbox.ru; **Скочилова В.Г.** (Томск, Россия) – ответственный секретарь (политология), кандидат филос. наук. E-mail: veronassk@gmail.com; **Борисов Е.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Оглезнев В.В.** (Томск, Россия) доктор филос. наук, профессор; **Сыров В.Н.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Черникова И.В.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Ладов В.А.** (Томск, Россия) – доктор филос. наук, профессор; **Южанинов К.М.** (Томск, Россия) – кандидат филос. наук, доцент; **Щербинина Н.Г.** (Томск, Россия) – доктор полит. наук, профессор; **Кашпур В.В.** (Томск, Россия), кандидат соц. наук, доцент

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Химма Кеннет Э. (Университет Вашингтона, Сизл, США); **Ренч Томас** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Шефлер Уве** (Технический университет, Дрезден, ФРГ); **Вяткина Н.Б.** (Институт философии НАНУ, Киев, Украина); **Васильев В.В.** (Московский государственный университет, Москва, Россия); **Микиртумов И.Б.** (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия); **Целищев В.В.** (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия); **Диев В.С.** (Новосибирский государственный университет, Новосибирск, Россия); **Джонсон Марк С.** (Университет Висконсина, Мэдисон, США); **Балцер Харли С.** (Университет Джорджтауна, США); **Чалаков Иван** (Университет Пловдива, Болгария); **Вавилина Н.Д.** (Новый сибирский университет, Новосибирск, Россия); **Константиновский Д.Л.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Черныш М.Ф.** (Институт социологии РАН, Москва, Россия); **Ярская-Смирнова Е.Р.** (Государственный университет – Высшая школа экономики, Москва, Россия); **Малинова О.Ю.** (Институт информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия); **Соловьев А.И.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Чахор Рафал** (Нижнесилезская высшая школа предпринимательства и техники, Польковице, Польша); **Шестопал Е.Б.** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); **Шуберт Клаус** (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер, ФРГ)

EDITORIAL BOARD:

Surovtsev V.A. (Tomsk, Russia) – Editor-in-Chief
Rykun A.U. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Sociology)
Shcherbinin A.I. (Tomsk, Russia) – Deputy Editor-in-Chief (Political Science)
Agafonova E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor
Sukhushina E.V. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Sociology)
Skochilova V.G. (Tomsk, Russia) – Executive Editor (Political Science)
Borisov E.V. (Tomsk, Russia)
Ogleznev V.V. (Tomsk, Russia)
Syrov V.N. (Tomsk, Russia)
Chernikova I.V. (Tomsk, Russia)
Ladov V.A. (Tomsk, Russia)
Uzhaninov K.M. (Tomsk, Russia)
Shcherbinina N.G. (Tomsk, Russia)
Kashpur V.V. (Tomsk, Russia)

EDITORIAL COUNCIL:

Himma K. E. (University of Washington, Seattle, USA); **Rentsch T.** (Technical University Dresden, Germany); **Scheffler U.** (Technical University Dresden, Germany); **Viatkina N.B.** (Institute of Philosophy of NASU, Kiev, Ukraine); **Vasilyev V.V.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Mikirtumov I.B.** (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia); **Tselishchev V.V.** (Institute of Philosophy and Law of SB RAS, Novosibirsk, Russia); **Diev V.S.** (Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia); **Johnson M. S.** (University of Wisconsin, Madison, USA); **Balzer H.S.** (Georgetown University, USA); **Tchalakov I.** (University of Plovdiv, Bulgaria); **Vavilina N.D.** (New Siberian Institute, Novosibirsk, Russia); **Konstantinovskiy D.L.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Chernysh M.F.** (Institute of Sociology, Moscow, Russia); **Iarskaia-Smirnova E.R.** (National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia); **Malinova O.Y.** (Institute of Information on Social Sciences of RAS, Moscow, Russia); **Soloviov A.I.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Czachor Rafal** (Lower Silesian University of Entrepreneurship and Technology, Polkowice, Poland); **Shestopal E.B.** (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); **Shubert K.** (Westphalian Wilhelm University, Muenster, Germany)

СОДЕРЖАНИЕ

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

Антух Г.Г. Критика антифизикалистской программы в современной философии сознания.....	5
Борисов Е.В. Знание о незнании в эпистемических апориях	15
Доманов О.А. Формализация контекстов в теории типов с записями и модулями	23
Коробков Л.Г. Эволюция понятия «репрезентация» в философии сознания	39
Седов Ю.Г. Феноменологическое исследование структур трансцендентальной субъективности	48
Сухарева В.А. Что еще не так с ‘аргументом против индивидуального языка’?.....	55

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Кречетова М.Ю. Основные аргументы Контрпросвещения.....	65
---	----

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

Бралгин Е.Ю. Эстетика Ж. Бодрийяра: метаморфозы любви к постмодернизму.....	76
Загирияк М.Ю. Специфика обоснования социальных феноменов в философии культуры Фёдора Степуна.....	85
Политов А.В. Микрохронотоп сознания: аналитика пространственно-временной структуры мышления в английском эмпиризме XVII века и категория хронотопа	93
Родин К.А. N-оператор и элиминация знака тождества в «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейна	102
Суровцев В.А. О соотношении категорий <i>to lekton</i> в философии стоиков и <i>Sinn</i> в семантической теории Г. Фреге: логико-грамматический аспект	113

СОЦИОЛОГИЯ

Глухов А.П. Цифровая грамотность поколения Z: социально-сетевой ракурс.....	126
Карпова А.Ю. Савельев А.О. Вильнин А.Д. Чайковский Д.В. Новые технологии выявления ультраправых экстремистских сообществ в социальных медиа.....	138
Кулагина И.В., Исакова А.О., Галин Р.Р. Моделирование практик агрессии в социобиофизической среде.....	147
Рахманов А.Б. Лояльность вооруженных сил и ее эмпирическое исследование: русско-японская и Первая мировая войны.....	162
Сухушина Е.В., Абрамова М.О., Рыкун А.Ю. Базовые элементы построения моделей воспроизводства маскулинности (опыт практического исследования).....	184

ПОЛИТОЛОГИЯ

Остапец Ю.А., Остапец И.Ю. Изменение акторной структуры и конфигурации партийной системы Украины по итогам президентских и парламентских выборов 2019 года	193
Полякова Н.В. К вопросу о символических аспектах современной белорусской политики памяти: национализм vs западнорусизм	205
Прокудин Б.А., Прокудина Д.А. «Семейная хроника» С.Т. Аксакова как патриархальный идеал крепостного строя и приговор ему: историко-политологический анализ.....	213
Соколов А.В., Курбанова А.А. Массовые движения в современной России (на примере движения в поддержку А. Навального)	231
Фан И.Б. Западноевропейская модель национального гражданства в российских условиях.....	246

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	255
--------------------------	-----

CONTENTS

ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, LOGIC

Antukh G.G. The Criticism of the Anti-Physicalism Program in the Modern Philosophy of Mind.....	5
Borisov E.V. Knowledge of Ignorance in Epistemic Puzzles	15
Domanov O.A. Formalization of Contexts in Type Theory with Records and Modules	23
Korobkov L.G. The Historical Evolution of the Notion of Representation in the Philosophy of Mind.....	39
Sedov Yu.G. A Phenomenological Investigation on Structures of Transcendental Subjectivity.....	48
Sukhareva V.A. What Else Is Wrong With the “Private Language Argument”?	55

SOCIAL PHILOSOPHY AND PHILOSOPHY OF HUMANITY

Krechetova M.Yu. The Main Arguments of Counter-Enlightenment.....	65
--	----

HISTORY OF PHILOSOPHY

Bralgin Ye.Yu. Aesthetics of Jean Baudrillard: Metamorphoses of Love to Postmodernism.....	76
Zagirnyak M.Yu. The Specificity of the Substantiation of Social Phenomena in Fyodor Stepun’s Philosophy of Culture	85
Politov A.V. The Microchronotope of Consciousness: The Analytics of the Spatiotemporal Structure of Thinking in the English Empiricism of the 17th Century and the Category of the Chronotope.....	93
Rodin K.A. The N-Operator and the Elimination of the Identity Sign in Ludwig Wittgenstein’s <i>Tractatus Logico-Philosophicus</i>	102
Surovtsev V.A. <i>To Lekton</i> in Stoic Philosophy and <i>Sinn</i> in Gottlob Frege’s Semantic Theory: A Logical and Grammatical Aspect.....	113

SOCIOLOGY

Glukhov A.P. Generation Z’s Digital Literacy: A Social Network View	126
Karpova A.Yu., Savelev A.O., Vilnin A.D., Chaykovskiy D.V. New Technologies to Identify Alt-Right Extremist Communities in Social Media	138
Kulagina I.V., Iskhakova A.O., Galin R.R. Modeling the Practice of Aggression in the Socio-Cyber-Physical Environment.....	147
Rakhmanov A.B. Loyalty of the Armed Forces and Its Empirical Research: The Russo-Japanese War and World War I	162
Sukhushina, E.V., Abramova M.O., Rykun A.Y. Basic Elements of Masculinity Reproduction Models (Practical Research Experience)	184

POLITICAL SCIENCE

Ostapets Yu.O., Ostapets I.Yu. Changes of the Actor Structures and Configuration of Ukraine’s Party System by the Results of 2019 Presidential and Parliamentary Elections	193
Poliakova N.V. On Symbolic Aspects of the Modern Belarusian Politics of Memory: Nationalism vs Zapadnorusizm	205
Prokudin B.A., Prokudina D.A. <i>The Family Chronicle</i> by Sergey Aksakov as a Patriarchal Ideal of Serfdom and Its Death Verdict: A Historical and Political Analysis.....	213
Sokolov A.V., Kurbanova A.A. Mass Movements in Modern Russia (On the Example of the Movement in Support of Alexei Navalny).....	231
Fan I.B. The Western European Model of National Citizenship in Russian Conditions.....	246

INFORMATIONS ABOUT THE AUTHORS	255
---	-----

ОНТОЛОГИЯ, ЭПИСТЕМОЛОГИЯ, ЛОГИКА

УДК 1.16

DOI: 10.17223/1998863X/52/1

Г.Г. Антух

КРИТИКА АНТИФИЗИКАЛИСТСКОЙ ПРОГРАММЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Рассматривается проблема философских оснований теории сознания в контексте соотношения философии и науки. В кратком обзоре развития позитивистских взглядов раскрывается вопрос о практической пользе метафизики. Обсуждается специфика ортодоксальной доктрины О. Конта, верификационистской эпистемологии, принятой в логическом позитивизме, принципа фальсифицируемости К. Поппера в постпозитивизме. На основании представленных концепций формулируется общее правило демаркации научной и философской проблематики. Данное правило распространяется на антифизикалистскую доктрину в философии сознания, что позволяет выявить спекулятивный контекст в современных дискуссиях об онтологическом статусе сознательного опыта. Делается вывод о ненаучности и бесперспективности антифизикалистского подхода к вопросу о единой теории сознания.

Ключевые слова: теория сознания, метафизика, позитивизм, антифизикализм, Д. Деннет, Д. Чалмерс

Возможно ли построить работающую теория сознания? Вопрос, на который большинство известных философов-теоретиков, специализирующихся в области философии сознания и когнитивистики, отвечают положительно. Примечательно, что в то время как одни исследователи заняты построением такой теории [1], другие методично критикуют первых [2], ссылаясь на недостаточную обоснованность их аргументации. Доводы вторых не более убедительны, но, что немаловажно, хорошо продуманы в том самом смысле, в котором перед взыскательным взором предстает хорошо продуманная спекуляция ума. Оправданно ли упрекать философское учение в умозрительности? Достаточно вспомнить, что многие по-настоящему грандиозные прозрения в истории философии и науки случались после продолжительных спекулятивных штудий. Впрочем, не пора ли определиться с действительно важным вопросом: какой должна быть теория сознания – эмпирической или спекулятивной? Как представляется, консенсус на этот счет давно достигнут: сознание – естественный феномен; теория, объясняющая работу сознания, должна опираться на методы эмпирического естествознания. Надо сказать, сомнений по этому поводу не возникает ни у одной из сторон – и у тех, кто занят разработкой теории сознания, и в большинстве случаев у тех, кто последовательно объясняет первым ошибочность их предприятия. Тем не менее и первые и вторые раз за разом возвращаются к вопросу об онтологическом статусе сознания, где эмпирические доводы никак не согласуются со спекулятивным картезианским мифом.

Основной вопрос, который предстоит обсудить в свете заявленной темы: возможна ли наука без философии? Следовало бы уточнить, о какого рода философии идет речь. Не нарушая традиции, поговорим о практической значимости метафизики. Под метафизикой, в свою очередь, будем понимать основанное на априорных предпосылках мышления учение о границах реальности и возможностях [человеческого] познания. Пожалуй, одним из самых масштабных проектов в истории западной философии, в задачи которого входил вопрос о практической пользе метафизики, стал позитивизм. В общем виде позитивизм – это философская концепция, отстаивающая приоритетную ценность науки перед метафизическим, т.е. философским и религиозным, знанием. Именно в таком ключе первый позитивизм предстал в учении его родоначальника О. Конта [3].

Суть радикальной позиция Конта может быть сведена к нескольким тезисам: позитивная наука представляет абсолютную ценность; метафизика не несет практической пользы и мешает развитию науки; метафизическая проблематика должна быть исключена из науки. Причина тому следующая: на позитивной стадии развития общества архаичные формы религиозного мышления и абстрактные принципы, вырабатываемые философией, сменяются научными законами. Научный закон с точки зрения позитивизма задается признаком повторяемости явлений в опыте и не претендует на объяснение сущности тех или иных феноменов. Смешение метафизической и научной проблематики порождает путаницу и неопределенность, что обесценивает научное знание. Следовательно, на метафизику должен быть наложен запрет, от чего, по замыслу Конта, наука только выиграет. Но, как оказалось, признание позитивистских тезисов невозможно без частичного их отрицания [4].

Рассмотрим некоторые уязвимые места контовской доктрины. Первое замечание касается аксиологической характеристики познания. Если наука представляет высшую ценность, а вопрос о ценностях есть вопрос философский, то утверждение о приоритетной ценности науки выходит за рамки научного обсуждения, а значит, не имеет силы. Следующее замечание связано с запретом метафизики. Несложно понять, что рефлексивное утверждение о бесплодности метафизики является суждением ненаучным. Не найдется ни одного эмпирического довода, подкрепляющего или опровергающего данное суждение. По существу, накладывая запрет на метафизику, Конт накладывал запрет на собственное утверждение об этом запрете. Более того, курс на «очищение» науки от метафизики через эмпиризм и феноменализм не мог бы состояться в отрыве от философских установок – эмпиризма и феноменализма. И это еще одно очевидное, но далеко не последнее противоречие радикальной позитивистской линии. Впрочем, указанных замечаний достаточно, чтобы проследить непоследовательность контовской доктрины. Недочеты этой позиции частично устранили логические позитивисты.

Особенностью логического позитивизма становится применение методов логического анализа языка в решении философских задач. Одна из таких задач сводилась к построению семантической модели, адекватно отражающей картину реальности. Убедительная попытка решения данной проблемы нашла свое воплощение в доктрине логического атомизма Л. Витгенштейна [5]. Центральной идеей концепции «раннего» Витгенштейна выступает положение об изоморфизме логической формы предложения и онтологической

структуры факта. Из этого в общем виде следует, что знание о мире детерминировано лингвистическим опытом и им же ограничено. По выражению самого философа, «границы моего языка означают границы моего мира» [5. С. 56]. Синтаксическое и семантическое строение языка в концепции Витгенштейна диктуется необходимостью логического соответствия частей предложения.

Приоритетное эпистемологическое значение Витгенштейн отдает осмысленным предложениям. Осмысленными предложениями признаются высказывания, которым в физическом мире может быть сопоставлено известное положение вещей. Например, высказывание «Сейчас за окном идет снег» является осмысленным, а такое предложение, как «Человек есть мера всех вещей», осмысленным не является, потому как в первом случае физический коррелят декларируемого в высказывании положения вещей может быть обнаружен в опыте, во втором – нет. Стало быть, знание о мире, согласно «раннему» Витгенштейну, ограничивается верифицируемыми предложениями. Все остальные высказывания лишены смысла, так как ни на что в действительности не указывают, даже если и имеют внешнее подобие осмысленных суждений. К бессмысленным высказываниям, помимо прочего, относятся утверждения религии и философии. Таким образом, в логическом позитивизме формулируется критерий демаркации научного и ненаучного знания.

Нужно ли говорить о концептуальных разночтениях учения «раннего» Витгенштейна, если сам автор точно обозначил вероятные претензии в сторону собственной доктрины? В целом верификационистская модель познания, принятая в логическом позитивизме, является удобной мишенью для критики. Не считая специальных аргументов, демонстрирующих слабость референциалистской семантики, поводом к критике концепции верификации становится ее самопротиворечивость. Суть такова: если все имеющие смысл суждения должны быть проверяемыми, то это суждение также должно быть проверяемым; в противном случае оно не имеет смысла. Проще говоря, процедура верификации имеет смысл только в том случае, если самому понятию смысла в физическом мире найдется однозначное соответствие. Поскольку такого соответствия не существует, процедура верификации теряет смысл. Примерно так может быть продемонстрирована слабость верификационистской эпистемологии. Недостатки данного подхода попытались устранить постпозитивисты.

В работе «Логика научного исследования» К. Поппер предлагает замену верификационистской модели демаркации научного и ненаучного знания [6]. В качестве критерия объективного знания он выдвигает принцип фальсифицируемости. Согласно данному принципу, научным признается такое знание, которое может быть опровергнуто. Точнее, научная теория, по мнению Поппера, не должна быть принципиально непроверяемой. Дело в том, что верифицируемость того или иного суждения независимо от количества проведенных испытаний не гарантирует достоверного результата, а указывает лишь на вероятностные корреляции между суждением и положением вещей. Но даже наличия одного-единственного факта, опровергающего теорию, достаточно, чтобы признать такую теорию ложной. Асимметрия между верификацией и фальсификацией свидетельствует о ненадежности эмпирических

подтверждений. Следовательно, принцип фальсифицируемости выступает более достоверным критерием научности знания. Из этого, однако, не следует, что сама концепция фальсифицируемости является научной, ведь сама она фальсификации не подлежит.

Как видно из краткого экскурса в историю позитивизма, ни на одном этапе развития позитивистской идеологии ее сторонникам не удавалось сформулировать общее правило, согласно которому было бы возможно однозначно разграничить научное и ненаучное знание, а также показать автономность науки от метафизики. Означает ли это, что четкой границы между научной и философской проблематикой не существует? Как представляется, позитивисты все же смогли продемонстрировать несколько важных вещей. Первый позитивизм научил тому, что научное и метафизическое знание принадлежит к различным уровням абстрактности, а значит, должно использоваться для решения разных задач. На этапе логического позитивизма стало понятно, что для научного дискурса пригодны только такие вопросы, на которые может быть дан однозначный ответ. Постпозитивизм в лице Поппера установил принцип, согласно которому научное знание, претендующее на объективность, не может вместе с тем претендовать на универсальность.

Для ясного понимания того, в каком направлении следует двигаться философии сознания, нужно не забывать, чем теория, нацеленная на изучение естественных феноменов, отличается от спекулятивной концепции. Целью спекулятивной философии выступает законченная метафизическая система не противоречащих друг другу убеждений, описывающих фундаментальные принципы реальности. Отличия метафизической концепции от эмпирической убедительно свидетельствуют о непрозрачности опыта спекулятивного применения рассудка к построению естественнонаучной теории. В отличие от метафизических построений, эмпирическая теория исполняет несколько «приземленные» задачи. Ее цель состоит в объяснении наблюдаемой действительности, с тем чтобы охватить наибольшее число объектов, принадлежащих какому-либо классу феноменов, и спрогнозировать, как эти объекты будут вести себя в будущем. Главное требование, которому должна соответствовать эмпирическая теория, сводится к критерию объяснительно-прогностической мощности. Если эмпирическая теория не предлагает такого объяснения описываемых ею объектов, которое позволяло бы эффективно предсказывать возникновение тех или иных эффектов, значит, теория эта требует доработки или переосмысления.

Философия сознания – там, где вопрос о фундаментальной теории до сих пор остается открытым, – пытается выработать метатеоретические принципы, объясняющие в общем и целом, каким образом следует развивать эмпирическую теорию сознания и какие методы при этом должны использоваться. Поэтому вопрос о будущем теории сознания в первую очередь связан с отсутствием рабочего метатеоретического задела. Метатеоретическая основа эмпирической теории складывается из двух аспектов, которые либо заданы по умолчанию, если речь идет об уже сложившейся области познания, либо определяются непосредственно за постановкой вопроса о сущности тех или иных явлений. Два важных вопроса, которые следует задать, прежде чем браться за исследование чего-либо: вопрос о предмете исследования и о методе. Специфика философской интерпретации предмета и метода познания

задается тремя тезисами – онтологическим, эпистемологическим и методологическим. Метатеория, таким образом, представляет собой некую модель, в которой данные тезисы, во-первых, согласуются друг с другом без противоречий и, во-вторых, адекватно отражают содержание известной предметной области. В общем виде все, что нужно знать о метатеоретических основаниях той или иной эмпирической концепции с точки зрения позитивной трактовки познания, сводится к простой философской формуле: объективные закономерные связи усматриваются из опыта посредством признака регулярности (повторяемости) явлений. Собственно, этим простым принципом и задается «верхняя» граница области применения эмпирической теории. И, само собой, не стоит ожидать от данной трактовки метафизической полноты.

Еще новоевропейские философы отмечали, что метатеоретические основания естественных наук не имеют последовательной метафизической интерпретации. Противоречие это надолго разделило спекулятивную и эмпирическую линии в философии, что только поспособствовало развитию научного метода. Как показал Поппер, требовать от науки достоверных результатов, значит не понимать самой ее сути. Для науки проблема индукции – не проблема; научные законы ничего не рассказывают о мире, не описывают и не объясняют реальность. Научные законы описывают более или менее вероятные отношения между суждениями, проистекающими из опыта. Опыт – понятие динамическое, и все производные от данного понятия положения будут иметь динамический характер, что и обеспечивает естествознанию возможность непрерывного развития «нижней» границы области своего применения. И нет ничего порочного в том, что эмпирическое естествознание не имеет последовательной метафизической основы, важно то, что наука демонстрирует результат. Наука работает.

Согласившись с тем, что сознание – это естественный феномен, и изучать его надо естественнонаучными методами, не остается ничего, кроме как вслед за Д. Деннетом признать, что спекулятивные концепции только мешают науке о сознании [7]. Если философия и может поспособствовать развитию данной науки, то все усилия на этом пути должны быть сосредоточены на создании рабочей метатеории, правдоподобно объясняющей, что такое сознание и как при всех равных прочих оно вписывается в эмпирическое естествознание. Сделать это при общем понимании проблемы не составит труда, если ясно представлять истоки всех разночтений. И главным источником разночтений нужно признать попытки исследователей создать спекулятивную теорию сознания. Попробуем проследить логику подобных инициатив.

Прошло достаточно времени с тех пор, как в работе, не претендующей на новизну смыслового контекста, Т. Нагель выступил против материалистической трактовки сознательного опыта [8]. Мнение о том, что антифизикалистская стратегия в философии сознания не удовлетворяет требованиям эмпирической науки, сегодня встречается все чаще. Цитирований Нагеля от этого меньше не становится. И в самом деле, каково это – быть летучей мышью? Вопрос, не требующий ответа за очевидностью посыла. Собственно, и сам автор знаменитой статьи приходит к выводу: сознательный опыт – дело субъективное. Конечно, многое можно узнать о сенсорных системах летучих мышей, физиологических и физических аспектах функционирования их нервной

системы, что, однако, при всей сознательности человеческого вида не способствует тому, чтобы хоть как-то приблизиться к ответу на поставленный вопрос. Ситуация, в которой однозначный ответ не налицо, может возникнуть по двум причинам: либо мы чего-то пока не знаем и потому не можем дать однозначный ответ, либо вопрос начисто лишен смысла. И прежде чем сложить всю ответственность на неполноту нашего знания, было бы неплохо изучить породивший неоднозначность вопрос на предмет противоречий. Для того чтобы ответить на вопрос «Каково это – быть летучей мышью?» так или иначе придется ответить на следующие вопросы:

1. Каково это – **не быть собой, но** быть летучей мышью?
2. Каково это – не быть собой, но быть чем-то другим?
3. Каково это – и быть, и не быть одновременно?
4. **Возможно ли, чтобы нечто было и не было одновременно?**

Пожалуй, комментарии тут излишни. Почему же риторический вопрос Нагеля так часто использовался и до сих пор используется в качестве иллюстрации непрозрачности сознательного опыта? Ведь принципиальной разницы между вопросами «What is it like to be a bat?» и «What is it like to be a nothing?» нет. Оба этих вопроса лишены смысла, что вместе с тем – и это нужно отчетливо понимать – не влечет за собой ложность антифизикалистских взглядов. Ведь если антифизикалисты так и не сумели сформулировать внятной проблемы, это совсем не означает, что они заблуждаются. К слову, именно этот спекулятивный зазор и позволят им проводить линию аргументации в защиту сознательного опыта.

Случилось так, что даже убежденный натуралист Деннет был вынужден признать, что аргументация антифизикалистов непостижимым образом ускользает от рассудительного истолкования, но вместе с тем не поддается однозначному опровержению [7]. В утрированной постмодернистской манере Деннет заключил: если феноменальное сознание и существует, то его опыт невыразим. Здравый смысл подсказывает, что опыт как таковой есть то, что может быть передано, а значит, выражено. Если нечто невыразимо, можно ли сказать об этом хоть что-то – хотя бы то, что оно есть? Разумно предположить, что роль такого теоретического конструкта как феноменальный опыт в изучении сознания так же несущественна, как иносказательность, с которой антифизикалисты подходят к формулированию «трудной» проблемы сознания. Если сознательный опыт – в том виде, в котором его отстаивают антифизикалисты, – все же существует, эмпирической науке в формате *from third person* до этого не должно быть никакого дела. Антифизикалисты полагают иначе, но ничего, что помогло бы исправить положение дел, не предлагают. С учетом отсутствия какого-либо метатеоретического тыла, единственное, что им остается, – защищать спекулятивный миф о сознательном опыте. Стоит отметить, пока это у них получается неплохо. На чем же основан этот миф?

Факт в том, что успехи антифизикализма за последние десятилетия основывались не на громких победах в борьбе за перспективную модель когнитивных исследований, но, скорее, на том, что условно можно было бы назвать формальной критикой оппозиционных взглядов. Схема, к которой антифизикалисты чаще всего обращаются для демонстрации ложности прервратно истолкованного ими же натурализма, всегда одна и та же: сознание существует, и, таким образом, физикализм ложен. Отечественные философы

переняли этот сомнительный прием у зарубежных коллег. Не остался в стороне даже В.В. Васильев, утверждающий, что сознание есть и с этим якобы нужно считаться [9]. Действительно, если сознание существует, с этим нужно считаться. Но, как известно, существование «феноменального» сознания пока не удалось доказать никому, равно как и существование мира за границами рефлексивных форм субъективности. В последнем случае это совсем не мешает естествознанию расширять свои горизонты.

В принципе, даже если физикализм ложен, из этого не следует, что сознание существует или, скажем, могло бы существовать в одной из альтернативных реальностей. Но почему-то антифизикалисты продолжают инвестировать свои силы в заведомо убыточное дело, создавая все больше бесплодных спекулятивных задач, которые, как им кажется, уж точно следует решить, прежде чем перед наукой о сознании откроются значимые перспективы. Спрашивается: правильно ли начинать теорию чего-либо с того, чтобы признать это что-то действительно существующим без малейших позитивных решений того, что это что-то действительно есть? Один из наиболее ярких представителей антифизикализма в современной философии сознания – Д. Чалмерс – считает, что это допустимо.

В работе «The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory» (1996) Чалмерс берется за решение непростой задачи – не только оправдать миф о сознательном опыте, но и заложить основы фундаментальной теории [2]. С самого начала современный философ ставит перед собой ограничения, два из которых, как может показаться, с трудом вписываются в логику единого проекта: во-первых, он поручается всерьез относиться к мифу о сознательном опыте и, во-вторых, принимает как данность то, что миф этот подлежит натуралистическому истолкованию. Но прежде чем показать перспективность данного пути, Чалмерс в несколько элегантных движений объясняет читателю ложность физикалистской доктрины. Аргумент следующий:

«1. В нашем мире существует сознательный опыт.

2. Имеется логически возможный мир, физически идентичный нашему, в котором отсутствуют позитивные факты о сознании из нашего мира.

3. Поэтому факты о сознании – дополнительные факты нашего мира, обособленные от физических фактов.

4. Значит, материализм ложен» [2. С. 160].

Первое, что должно насторожить внимательного читателя, так это непринужденная легкость, с которой Чалмерс, по примеру его коллег, объявляет первую посылку своего аргумента отправной точкой рассуждения. Наверное, нет никакого смысла разбираться с внутренними мотивами, побуждающими исследователя развивать те или иные интуиции. Пусть будет так, считает Чалмерс, что в нашем мире сознательный опыт все же существует. Проблема не в этом. Если сознательный опыт действительно существует, почему бы сразу не сказать о том, что именно существует, помимо слов о том, что сознательный опыт существует? В предыдущей работе, посвященной критическому разбору данного аргумента, уже отмечалось, что за отсутствием каких-либо позитивных решений утверждение типа « x существует» в лучшем случае подходит для обозначения пропозициональной функции или логического класса. «Неважно, подразумеваем ли мы под ‘ x ’ сознание, единорогов, говорящую утку и т.п. До тех пор, пока нам ничего не известно об x ,

разговор о существовании логически возможного мира без x не имеет смысла... Сказать, что „В нашем мире существует сознательный опыт“ все равно, что сказать, что „В нашем мире существует *нечто*“, т.е. не сказать при этом ничего, что могло бы хоть что-то значить» [10. С. 95]. Уже на этапе первой посылки Чалмерс предлагает читателю спекулятивное решение задачи, которая, по его же мнению, должна решаться эмпирическим путем. Можно было бы списать данное недоразумение на ограниченность философского метода, если бы не следующее обстоятельство.

Обратим внимание на вторую посылку аргумента Чалмерса, начинающуюся со слов «Имеется логически возможный мир...» В пользу философской ясности перефразируем данное утверждение следующим образом: «Существуют логические объекты, такие что мир без сознательного опыта возможен». Согласившись с данной формулировкой, придется признать, что аргумент Чалмерса является состоятельным в том случае, если логическим объектам в его концепции приписывается онтологическая автономность. Без этого любое рассуждение о существовании логически возможных миров становится логически невозможным. Но ничего подобного в учении современного философа нет. Стало быть, нет необходимости разбирать аргумент Чалмерса дальше, к тому же ранее это уже было сделано [Там же].

Как видно, критика физикализма и развиваемая за ней антифизикалистская концепция сознания не могут быть состоятельными. Спекулятивный посыл, не имеющий завершённой метафизической интерпретации, приводит к необходимости признания абстрактных сущностей; в противном случае необходимость логического следования отпадает, и аргумент теряет силу. Придать убедительность подобным теоретическим построениям могла бы последовательная логико-семантическая концепция универсалистского толка. Как представляется, любое учение, претендующее на полноту и всеобщность декларируемых принципов, не может обойтись без релевантной данным принципам онтоэпистемологической доктрины, вмещающей в себя не только общие положения о субстанции и причинности, но и правила функционирования языка – как на уровне синтаксиса, так и семантики. К слову, существует мнение, что последовательная концепция сознания может быть исключительно универсалистской [11]. Если это действительно так, то единственным решением проблемы сознания, а точнее, «трудной» ее части, становится спекулятивная концепция.

В свете предыдущих рассуждений такой поворот обесценивает потребность в работающей теории сознания. Поскольку же консенсус на этот счет давно достигнут и теория сознания должна быть эмпирической, при общем понимании проблемы не составит труда отказаться от недостижимого идеала законченной философской системы. Если философия мешает науке о сознании, то связано это, прежде всего, с удивительной склонностью человеческого разума к непрестанному оправданию перед лицом собственного несовершенства. Понять нужно одно: наука не учит тому, как устроен мир. Наука о сознании этому также учить не должна.

Литература

1. *Dennett D.C. Consciousness Explained.* Boston : Little, Brown and Company, 1991. 511 p.
2. *Чалмерс Д. Сознательный ум : в поисках фундаментальной теории / пер. с англ. В.В. Васильева. М. : URSS : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 512 с.*

3. Конт О. Дух позитивной философии. Слово о положительном мышлении / пер. с франц. И.А. Шапиро. Ростов н/Д : Феникс, 2003. 256 с.
4. Степин В.С. История и философия науки. М. : Академический проект : Трикта, 2011. 423 с.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы / пер. с нем.; сост., вступ. ст., примеч. М.С. Козловой; пер. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. М., 1994. Ч. 1. 612 с.
6. Поннер К. Логика научного исследования : пер. с англ. / под общ. ред. В.Н. Садовского. М. : Республика, 2004. 447 с.
7. Dennett D.C. Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness. MIT Press, 2005. 199 p.
8. Nagel T. What Is It Like to Be a Bat? // *Philosophical Review*. 1974. № 83. P. 435–450.
9. Васильев В.В. Трудная проблема сознания. М. : Прогресс-Традиция, 2009. 269 с.
10. Антух Г.Г. О самопротиворечивости антифизикализма в теории сознания Д. Чалмерса // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2018. № 45. С. 92–102.
11. Ладов В.А. Иллюзия значения: проблема следования правилу в аналитической философии. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.

Gennady G. Antukh, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 5–14.

DOI: 10.17223/1998863X/52/1

THE CRITICISM OF THE ANTI-PHYSICALISM PROGRAM IN THE MODERN PHILOSOPHY OF MIND

Keywords: theory of consciousness; metaphysics; positivism; anti-physicalism; Dennett; Nagel; Chalmers.

The problem of the philosophical foundations of the theory of mind in the context of the relation of philosophical and scientific knowledge is considered. The question on the practical meaning of metaphysics is discussed in a brief review of the development of positivist views. The specifics of Auguste Comte's orthodox doctrine in the first positivism, the verificationist epistemology in logical positivism and Karl Popper's falsificationism in postpositivism are demonstrated. An analysis of the positivist project shows that it does not propose a clear solution to the problem of demarcation of scientific and non-scientific knowledge. The main difficulty in this regard is the reflective nature of positivist propositions the influence of which does not extend to their own content. However, positivists were able to demonstrate several important things. The first positivism taught that scientific and metaphysical knowledge belongs to different levels of abstraction and, therefore, should be used to solve different problems. At the stage of logical positivism, it became clear that only such questions are suitable for scientific discourse that can be answered unequivocally. Postpositivism in the person of Karl Popper established the principle that scientific knowledge which claims to be objective cannot at the same time claim to be universal. On the basis of the arguments presented, a general rule of demarcation of scientific and speculative knowledge is formulated. This rule applies to the anti-physicalist doctrine in the philosophy of mind, which allows identifying the speculative context in modern discussions about the ontological status of conscious experience. An illustration of this is Thomas Nagel's anti-physicalist position and David Chalmers's critical argument against physicalism. Daniel Dennett's opinion that speculative concepts obstruct the science of mind is reinforced by the obtained results. The conclusion is made about the non-scientificity of the anti-physicalist approach to the question of a unified theory of mind.

References

1. Dennett, D.C. (1991) *Consciousness Explained*. Boston: Little, Brown and Company.
2. Chalmers, D. (2013) *Soznayushchiy um: V poiskakh fundamental'noy teorii* [The Conscious Mind: In Search of a Fundamental Theory]. Translated from English by V.V. Vasiliev. Moscow: URSS; LIBROKOM.

3. Comte, O. (2003) *Dukh pozitivnoy filosofii. Slovo o polozhitel'nom myshlenii* [The Spirit of Positive Philosophy. A Word about Positive Thinking]. Translated from French by I.A. Shapiro. Rostov on the Don: Feniks.
4. Stepin, V.S. (2011) *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Moscow: Akademicheskiy proekt; Triksta.
5. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical works]. Translated from German M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Moscow: Gnozis.
6. Popper, K. (2004) *Logika nauchnogo issledovaniya* [The Logic of Scientific Research]. Translated from English. Moscow: Respublika.
7. Dennett, D.C. (2005) *Sweet Dreams: Philosophical Obstacles to a Science of Consciousness*. Boston: MIT Press.
8. Nagel, T. (1974) What Is It Like to Be a Bat? *Philosophical Review*. 83. pp. 435–450. DOI: 10.2307/2183914
9. Vasiliev, V.V. (2009) *Trudnaya problema soznaniya* [A Difficult Problem of Consciousness]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Antukh, G.G. (2018) On self-contradiction of antiphysicalism in David Chalmers' theory of consciousness. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 45. pp. 92–102. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/45/10
11. Ladov, V.A. (2008) *Illyuziya znacheniya: problema sledovaniya pravilu v analiticheskoy filosofii* [Illusion of Meaning: The Problem of Following the Rule in Analytic Philosophy]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 160.1

DOI: 10.17223/1998863X/52/2

Е.В. Борисов

ЗНАНИЕ О НЕЗНАНИИ В ЭПИСТЕМИЧЕСКИХ АПОРИЯХ¹

Статья посвящена некоторым апориям, связанным со спецификой знания. Анализируются апория глазомера, открытая Т. Уильямсоном, парадокс Ф. Фитча и парадокс неожиданного экзамена. Выявляется общий структурный момент всех трех апорий – допущение, что агент обладает негативным рефлексивным знанием. Показано, что негативное рефлексивное знание играет ту же роль в генезисе эпистемических апорий, которую негативная алетическая автореферентность играет в генезисе семантических парадоксов – парадокса лжеца и парадокса Ябло.

Ключевые слова: эпистемическая апория, негативное рефлексивное знание, апория глазомера, парадокс Фитча, апория неожиданного экзамена, семантические парадоксы, алетически негативная автореферентность.

В работе исследуется структура трех эпистемических апорий – апории, открытой Т. Уильямсоном [1. Р. 114–119] (я буду называть ее апорией глазомера), парадокса Ф. Фитча и парадокса неожиданного экзамена. Цель статьи – продемонстрировать, что существенным моментом всех трех апорий – фактором, обуславливающим их проблематичность – является допущение, что агент имеет негативное рефлексивное знание, т.е. знание о собственном незнании. Это позволяет провести структурную аналогию между данными эпистемическими проблемами и семантическими парадоксами.

1. *Апория глазомера.* Уильямсон исследует следующую ситуацию. Агент видит дерево в отдалении и пытается оценить его высоту в дюймах; у него нет иных источников информации о высоте этого дерева, кроме глазомера; при этом он понимает, что на данном расстоянии высота в один дюйм является для его глазомера неразличимой (это допущение уже имплицитно приписывает агенту знание о собственном незнании). Кроме того, агент уверен в том, что высота дерева не равна нулю. Ниже нам потребуется формализация указанных эпистемических допущений относительно агента. При этом мы будем использовать следующую нотацию: « $T(x)$ » означает, что высота данного дерева составляет x дюймов; i – переменная для натуральных чисел; K – эпистемический оператор, который можно читать как «агент знает, что...» В формальном виде указанные допущения таковы:

$$\forall i K(T(i+1) \supset \sim K\sim T(i)), \quad (1)$$

$$K\sim T(0). \quad (2)$$

Допущение (1) состоит в том, что агент знает следующее: если высота дерева составляет $(i+1)$ дюймов², то он *не* знает, что его высота *не* равна i дюймам, т.е. допускает, что дерево может иметь высоту i дюймов. Например,

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

² Здесь и далее мы рассматриваем высоту дерева в округлении до целого числа.

он знает, что если высота дерева составляет 500 дюймов, то он не знает, что его высота не равна 499 дюймам (допускает, что она может быть равна 499 дюймам). Это знание агента обусловлено тем, что он осознает, что дюйм – слишком маленькая величина (при его глазомере, данном расстоянии до дерева и других релевантных условиях), чтобы он мог заметить разницу в один дюйм. Допустим, высота дерева составляет ровно 500 дюймов; соответственно, мы имеем $T(500)$ и $\sim T(499)$. Агент не знает, что $T(500)$, но знает, что *если* это так, то он не сможет увидеть, что $\sim T(499)$. А поскольку в данной ситуации глазомер – единственный источник информации о высоте дерева для агента, он не знает, что $\sim T(499)$, т.е. мы имеем $K(T(500) \supset \sim K \sim T(499))$. Таким образом, (1) выражает осознание агентом ограниченности своего глазомера.

Против (1) можно выдвинуть следующее возражение: допустим, агент действительно не смог бы (в данной ситуации) различить объекты высотой 499 и 500 дюймов. Но универсальный квантор в (1) говорит, что даже если мы подставим вместо i 0, мы получим истинное утверждение: если высота объекта 1 дюйм, то агент не знает, что его высота не равна 0 дюймам. Однако последнее означает, что агент не различает наличие и отсутствие объекта высотой в 1 дюйм, что уже кажется контринтуитивным. Однако мы можем допустить, что расстояние от агента до дерева настолько велико, что дюйм оказывается исчезающе малой величиной для агента, т.е. что он действительно не может уверенно видеть объекты высотой в 1 дюйм на таком расстоянии. В этом случае утверждение $K(T(1) \supset \sim K \sim T(0))$ оказывается интуитивно понятным. Чтобы сделать (1) абсолютно очевидным, можно в описании примера заменить дюймы, например, на микроны.

Кроме того, (1) сомнительно в силу бесконечного пробега переменной i (напомню, i пробегает по множеству натуральных чисел), что влечет за собой атрибуцию агенту бесконечного по объему информации знания. Чтобы устранить эту трудность, достаточно ограничить пробег переменной. Допустим, i пробегает по множеству натуральных чисел в интервале от 0 до 1 000 включительно. Как станет ясно ниже, апория возникает, если действительная высота дерева попадает в выбранный интервал.

Допущение (2) означает, что агент знает, что высота дерева в дюймах не равна нулю. Истинность данного допущения несомненна.

Проблема возникает, когда мы рассматриваем указанные допущения в свете некоторых общих принципов эпистемической логики. Эти принципы таковы:

$Kp \supset p,$	F
$Kp \supset KKp.$	KK
Если Kp_1, \dots, Kp_n и $p_1, \dots, p_n \Rightarrow q$, то $Kq.$	C ¹

F – это принцип фактивности знания; согласно этому принципу знать можно только то, что фактически имеет место (ложное мнение не может быть знанием). KK (knowledge of knowledge), или принцип рефлексивности знания, говорит, что если агент что-то знает, то он знает об этом своем знании: собственное знание «прозрачно» для агента. Принцип C (от closure) говорит, что наше знание является дедуктивно замкнутым: если мы знаем ряд пропозиций,

¹ Здесь $p, q, p_1, \dots, p_n, q_1, \dots, q_n$ – пропозициональные переменные. F и KK – аксиомные схемы; подстановка любой формулы вместо p в F или KK дает аксиому. В $C \Rightarrow$ означает логическое следование в рамках логики, в соответствии с которой рассуждает агент. Для наших целей будет достаточно допустить, что агент рассуждает в соответствии с классической пропозициональной логикой.

то мы также знаем все логические следствия этих пропозиций. F следует из стандартного определения знания как истинного обоснованного мнения, поэтому не вызывает сомнений. Против КК и С в литературе был высказан ряд серьезных возражений, которые не позволяют принять их безоговорочно, поэтому Уильямсон налагает на КК и С ряд ограничений, делающих их интуитивно приемлемыми. Действительно, если мы понимаем КК как принцип неограниченной рефлексивности знания, то из Kp следует KKp , из KKp следует $KKKp$ и так далее до бесконечности. Опять же, если мы понимаем С как принцип неограниченной дедуктивной замкнутости знания, то из Kp следует $K\sim p$, $K(p\&p)$, $K(\sim p\&p)$ и т.д. В обоих случаях знание одной пропозиции порождает знание бесконечного множества пропозиций, что, конечно, неприемлемо уже в силу ограниченности человеческой памяти. Ограничения, которые Уильямсон налагает на данные принципы, состоят в следующем.

1. КК применяется только к знанию релевантных для данного случая пропозиций – пропозиций формы $\sim T(i)$. Иначе говоря, КК может быть сужен до KK' :

$$\forall i (K\sim T(i) \supset KK\sim T(i)) \quad KK'$$

KK' говорит, что если агент знает, какой высота дерева *не* является, то он знает об этом своем знании: $K\sim T(i)$ порождает $KK\sim T(i)$. Этот принцип уже не позволяет из $KK\sim T(i)$ вывести $KKK\sim T(i)$, что предотвращает регресс в бесконечность. Кроме того, этот принцип нельзя применять к пропозициям другого содержания: например, из того, что агент знает, что снег бел, мы не можем заключить по KK' , что агент знает, что он знает, что снег бел: из K (снег бел) не следует KK (снег бел). В таком ограниченном виде рефлексивность знания вполне возможна: она имеет место, поскольку агент осознает ограниченность своего глазомера относительно данной единицы измерения и данного расстояния.

2. Принцип дедуктивного замыкания тоже получает ограниченную сферу применения. Нам будет достаточно допустить, что из посылок формы $T(i+1) \supset \sim K\sim T(i)$ и $K\sim T(i)$ агент выводит заключение $\sim T(i+1)$:

$$\text{Если } K(T(i+1) \supset \sim K\sim T(i)) \text{ и } KK\sim T(i), \text{ то } K\sim T(i+1) \quad (C')$$

При таком ограничении принцип дедуктивного замыкания выглядит вполне реалистично.

Принцип F, ограниченные принципы KK' и C' и допущения (1) и (2) сами по себе выглядят вполне безобидно, однако вместе они порождают проблему. Дело в том, что применение (KK') и (C') к (1) позволяет получить (3):

$$\forall i (K\sim T(i) \supset K\sim T(i+1)) \quad (3)$$

Вывод таков:

1) $K\sim T(i)$	допущение;
2) $KK\sim T(i)$	применение KK' к 1;
3) $K(T(i+1) \supset \sim K\sim T(i))$	частный случай (1);
4) $K\sim T(i+1)$	применение (C') к 2 и 3;
5) $K\sim T(i) \supset K\sim T(i+1)$	1–4, теорема дедукции;
6) $\forall i (K\sim T(i) \supset K\sim T(i+1))$	обобщение 5.

Неформально: если агент знает, что высота дерева не равна i , то он знает об этом знании. С учетом ограниченности его глазомера, которую он, опять же, осознает, он понимает, что если бы высота дерева была равна $i + 1$, то он не знал бы, что она равна i . Применяя контрпозитивный аргумент, он приходит к выводу, что высота дерева не равна $i + 1$. Это рассуждение применимо к любому натуральному i , т.е. для любого i мы имеем: если агент знает, что высота дерева не равна i , то он также знает, что она не равна $i + 1$.

Частным случаем (3) является $K\sim T(0) \supset K\sim T(1)$. С учетом (2) это дает $K\sim T(1)$. Применяя аналогичное рассуждение к $K\sim T(1)$, мы получаем $K\sim T(2)$ и т.д. Применяя метод математической индукции к (2) и (3), мы получаем общий вывод:

$$\forall i K\sim T(i). \quad (4)$$

Однако (4) несовместимо с принципом фактивности знания. В самом деле: дерево имеет некоторую высоту; обозначим ее n . Стало быть, мы имеем $T(n)$. С другой стороны, если n попадает в область пробега переменной i (почему бы этого не допустить?), то из (4) следет $K\sim T(n)$, а применение принципа фактивности к $K\sim T(n)$ дает $\sim T(n)$. Противоречие.

2. *Парадокс Фитча*. Парадокс Фитча [2] возникает в контексте бимодальной логики, включающей в себя алетическую модальность «возможно, что...» и эпистемическую модальность «агент знает, что...». Парадокс порождается интуитивно очевидным допущением, что существуют неизвестные (некоторому фиксированному) агенту положения дел ($p \& \sim Kp$), а также принципом фактивности знания и принципом познаваемости, согласно которому любая истинная пропозиция может быть известной любому агенту. Принцип познаваемости может быть формально представлен в качестве аксиомной схемы РК:

$$p \supset \diamond Kp \quad \text{РК}^1$$

В аргументе, который выявляет апорию, используется также принцип дистрибутивности оператора К относительно конъюнкции: $K(p \& q) \supset Kp \& Kq$. Этот принцип представляет собой стандартную теорему модальной логики и имеет хорошее интуитивное основание: невозможно знать конъюнкцию, не зная каждого из конъюнктов. Аргумент, демонстрирующий апорию, таков:

- 1) $p \& \sim Kp$ допущение;
- 2) $\diamond K(p \& \sim Kp)$ применение РК к 1;
- 3) $\diamond(Kp \& K\sim Kp)$ дистрибутивность К относительно &;
- 4) $\diamond(Kp \& \sim Kp)$ применение F к $K\sim Kp$ в 3.

Формула 4 противоречива, поскольку утверждает возможность противоречивого положения дел $Kp \& \sim Kp$.

В неформальном изложении аргумент состоит в следующем. Допустим, имеет место некоторый факт p , и агент об этом не знает. Эти два факта (p и тот факт, что агент не знает, что p) вместе образуют комплексный факт. Этот факт, как и любой другой, мог бы быть известен агенту. Если бы этот комплексный факт был известен агенту, то ему была бы известна каждая его со-

¹ Как и в случае с F и KK, p – пропозициональная переменная. Подстановка любой формулы вместо p в РК дает аксиому.

ставляющая, т.е. он знал бы, что p , и знал бы, что он не знает, что p . Но если бы он знал, что не знает, что p , то он – в силу фактивности знания – не знал бы, что p . Таким образом, допущение, что агент мог бы знать данный комплексный факт, приводит к противоречивому выводу, что он мог бы одновременно знать и не знать, что p ¹.

3. *Апория неожиданного экзамена.* Данная эпистемическая апория известна в нескольких версиях [4–6]. Я детально излагал ее в одной из статей, опубликованных в этом журнале [7], поэтому здесь не буду пересказывать ее полностью, ограничусь только фиксацией главного для данной статьи момента. В этом сюжете апория возникает из знания студента о предстоящем экзамене, и это знание включает в себя следующий момент: студенты знают, что если экзамен состоится, то накануне экзамена они не будут знать, что экзамен состоится на следующий день. Формально это знание можно представить так: $K(E \supset \sim KE)$, где K означает «в день x студенты знают, что...», а E означает, что экзамен состоится в день, следующий за x . При этом в один из дней студенты знают, что экзамен должен состояться на следующий день, что приводит к противоречию. Дело в том, что K дистрибутивно относительно \supset , т.е. из $K(E \supset \sim KE)$ следует $KE \supset K\sim KE$, поэтому если мы имеем KE и $K(E \supset \sim KE)$, то мы имеем также $K\sim KE$, а значит, в силу принципа фактивности, также $\sim KE$.

4. *Структурная параллель с семантическими парадоксами.* Нетрудно видеть общий элемент в структуре всех трех апорий: это допущение, что агент имеет определенное знание о собственном незнании. Говоря на формальном языке, каждая апория имеет посылку формы $\dots K(\dots \sim K\dots)\dots$ (многоточия означают, что каждое вхождение оператора K вместе с подчиненной ему формулой является подформулой соответствующей посылки). В случае с апорией глазомера это (1), т.е. $\forall i K(T(i+1) \supset \sim K\sim T(i))$; в случае с парадоксом Фитча это $\diamond K(p \& \sim Kp)$; в случае с апорией неожиданного экзамена это $K(E \supset \sim KE)$. Назовем знание формы $K(\dots \sim K\dots)\dots$ *негативным рефлексивным* знанием. Нетрудно видеть, что феномен негативного рефлексивного знания играет ключевую роль в генезисе рассмотренных эпистемических апорий. В самом деле, если исключить посылки рефлексивного характера (например, если не принимать в расчет принципы вроде KK' или PK), то апории не возникают. Равным образом, апории не возникли бы, если бы мы допускали только *позитивное* рефлексивное знание, т.е. допускали бы знание формы $\dots K(\dots K\dots)\dots$, но не знание формы $\dots K(\dots \sim K\dots)\dots$.

Существенная роль негативного рефлексивного знания в формировании рассмотренных эпистемических апорий позволяет провести структурную аналогию между этими апориями и некоторыми семантическими парадоксами, а именно парадоксом лжеца и парадоксом Ябло. Парадокс лжеца порождает предложение, отрицающее свою собственную истинность, т.е. предложение s , содержание которого можно представить как $\sim T(s)$, где T – предикат истинности. Автореферентность и алетическая негативность данного предложения существенны для формирования парадокса: неавтореферентные предложения, а также автореферентное позитивное предложение $T(s)$ не порождают парадокса. Как показывает Ладов [8], вопрос о том, является ли але-

¹ См. обзор интерпретаций и решений парадокса Фитча в [3].

тически негативная автореферентность необходимым условием возникновения семантических парадоксов вообще, является открытым. Обсуждение этого вопроса выходит за рамки статьи, однако представляется очевидным, что в случае парадокса лжеца этот фактор играет решающую роль.

Менее очевидно присутствие негативной алетической автореферентности в случае парадокса Ябло, который порождается бесконечным рядом предложений, каждое из которых отрицает истинность всех последующих предложений ряда [9, 10]. Сам С. Ябло представляет парадокс, названный его именем, как пример парадокса без автореферентности. Однако Г. Прист [11] предложил трактовку данного парадокса, в которой – на мой взгляд, убедительно¹ – выявил его автореферентный характер. При этом алетически негативный характер предложений Ябло очевиден: каждое из них содержит отрицательный предикат «неистинно». В свете пристовской трактовки парадокса Ябло (которую я принимаю), этот парадокс, как и парадокс лжеца, порождается алетически негативной автореферентностью, что позволяет констатировать структурную аналогию между ним и рассмотренными эпистемическими апориями.

Эта аналогия позволяет выдвинуть гипотезу, что некоторые из стандартных средств устранения семантических парадоксов – такие как введение иерархии языков или предикатов истинности и ложности – могут быть продуктивны в исследовании эпистемических парадоксов. Я планирую представить детальное обсуждение этой гипотезы в одной из следующих публикаций.

Литература

1. *Williamson T.* Knowledge and its Limits. Oxford : Oxford University Press, 2000.
2. *Fitch F.* A logical analysis of some value concepts // *Journal of Symbolic Logic.* 1963. № 28. С. 135–142.
3. *Fara M.* Knowability and the Capacity to Know // *Synthese.* 2010. № 173. С. 53–73.
4. *Quine W.V.* The Ways of Paradox and Other Essays. New York : Random House, 1966.
5. *Janaway C.* Knowing About Surprises: A Supposed Antinomy Revisited // *Mind.* 1989. Vol. 98 (391). P. 391–410.
6. *Olin D.* Paradoxes. Chesham : Acumen, 2003.
7. *Борисов Е.В.* Эпистемический аспект апории неожиданного экзамена // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 46. С. 5–13. DOI: 10.17223/1998863X/46/1
8. *Ладов В.А.* Критический анализ иерархического подхода Рассела–Гарского к решению проблемы парадоксов // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2018. № 44. С. 11–24. DOI: 10.17223/1998863X/44/2
9. *Yablo S.* Truth and Reflection // *Journal of Philosophical Logic.* 1985. Vol. 14. P. 297–349.
10. *Yablo S.* Paradox without Self-Reference // *Analysis.* 1993. Vol. 53, № 4. P. 251–252.
11. *Priest G.* Yablo's Paradox // *Analysis.* 1997. Vol. 57, № 4. P. 236–242.
12. *Борисов Е.В.* Является ли парадокс Ябло автореферентным? // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. № 50. С. 233–244. DOI: 10.17223/1998863X/50/20
13. *Доманов О.А.* О самореферентности парадокса Ябло // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. № 50. С. 245–248. DOI: 10.17223/1998863X/50/21
14. *Ладов В.А.* Лжец без автореферентности // *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология.* 2019. № 50. С. 249–254. DOI: 10.17223/1998863X/50/22

¹ См. детальное обсуждение этой трактовки дискуссии, состоявшейся в этом журнале: [12–17].

15. Нехаев А.В. Парадокс Ябло и *circulus vitiosus*: зачем лгать о себе самом, когда можно лгать обо всех остальных? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 255–261. DOI: 10.17223/1998863X/50/23

16. Суровцев В.А. Парадокс С. Ябло, автореферентность и математическая индукция // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 262–268. DOI: 10.17223/1998863X/50/24

17. Борисов Е.В. Ответ оппонентам // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 269–271. DOI: 10.17223/1998863X/50/25

Evgeny V. Borisov, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tomsk, Russian Federation); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: borisov.evgeny@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 15–22.

DOI: 10.17223/1998863X/52/2

KNOWLEDGE OF IGNORANCE IN EPISTEMIC PUZZLES

Keywords: epistemic puzzles; negative reflexive knowledge; puzzle of visual measurement; Fitch's paradox; surprise exam paradox; semantic paradoxes; alethically negative self-referentiality.

Three epistemic puzzles are analyzed in the article: the puzzle discovered by Williamson (the puzzle of visual measurement), Fitch's paradox (the paradox of knowability), and the surprise exam paradox. It is demonstrated that an essential part of each of them is the assumption that agents can have negative reflexive knowledge, i.e. knowledge of one's own ignorance. In Williamson's scenario, an agent tries to visually estimate how tall a tree is. Negative reflexive knowledge ascribed to the agent in the scenario is to the effect that he knows that, for any natural n , if the tree is n inches tall then he does not know that it is $n - 1$ inches tall. In Fitch's setting, the possibility of knowing one's own not-knowing a state of affairs is considered. Finally, in various versions of the surprise event puzzle (such as the surprise exam puzzle), it is presupposed that people expect an event but know that, a day before the event, they will not know that it is going to take place next day. These observations can be generalized to the claim that negative reflexive knowledge—formally, assumptions of the form $\dots K(\dots K\dots)$ —are an essential part of many (if not all) epistemic puzzles. It is shown that negative reflexive knowledge plays the same role in epistemic puzzles as alethically negative self-reference plays in semantic paradoxes, namely the Liar paradox and Yablo's paradox (the latter is taken in the interpretation proposed by Priest). Alethically negative self-reference is the fact that paradoxical sentences ascribe to themselves the property of being untrue. Both negative reflexive knowledge and alethically negative self-reference, produce (within relevant settings) unwelcome effects: paradoxicality in semantic paradoxes and counter-intuitive consequences in epistemic puzzles.

References

1. Williamson, T. (2000) *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press.
2. Fitch, F. (1963) A logical analysis of some value concepts. *Journal of Symbolic Logic*. 28. pp. 135–142. DOI: 10.2307/2271594
3. Fara, M. (2010) Knowability and the Capacity to Know. *Synthese*. 173. pp. 53–73. DOI: 10.1007/s11229-009-9676-8
4. Quine, W.V. (1966) *The Ways of Paradox and Other Essays*. New York: Random House.
5. Janaway, C. (1989) Knowing About Surprises: A Supposed Antinomy Revisited. *Mind*. 98(391). pp. 391–410. DOI: 10.1093/mind/XCVIII.391.391
6. Olin, D. (2003) *Paradoxes*. Chesham: Acumen.
7. Borisov, E. (2018) The epistemic aspect of the surprise exam puzzle. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 46. pp. 5–13. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/46/1
8. Ladov, V. (2018) Critical analysis of the hierarchical approach to the solution of the problem of paradoxes. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 44. pp. 11–24. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/44/2
9. Yablo, S. (1985) Truth and Reflection. *Journal of Philosophical Logic*. 14. pp. 297–349. DOI: 10.1007/BF00249368

10. Yablo, S. (1993) Paradox without Self-Reference. *Analysis*. 53(4). pp. 251–252. DOI: 10.2307/3328245
11. Priest, G. (1997) Yablo's Paradox. *Analysis*. 57(4). pp. 236–242. DOI: 10.1111/1467-8284.00081
12. Borisov, E. (2019) Is Yablo's paradox self-referential? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 233–244. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/20
13. Domanov, O. (2019) On the self-referentce of Yablo's paradox. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 245–248. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/21
14. Ladov, V. (2019) The liar paradox without self-reference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 249–254. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/22
15. Nekhaev, A. (2019) Yablo's paradox and circulus vitiosus: why lie about yourself when you can lie about everyone else? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 255–261. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/23
16. Surovtsev, V. (2019) Yablo's paradox, self-reference and mathematical induction. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 262–268. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/24
17. Borisov, E. (2019) Reply to critics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologia. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 50. pp. 269–271. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/50/25

УДК 1(091)
DOI: 10.17223/1998863X/52/3

О.А. Доманов

ФОРМАЛИЗАЦИЯ КОНТЕКСТОВ В ТЕОРИИ ТИПОВ С ЗАПИСЯМИ И МОДУЛЯМИ

Представлен подход к формализации контекстов в семантике естественного языка, основанный на теории типов с записями и модулями. Описаны общие принципы формализации и ее конкретная реализация в системе Agda. Показана связь данного подхода с ситуационной семантикой Дж. Барвайса и Дж. Перри. Приведены примеры описания референциальной непрозрачности контекстов, а также понятий абстрактного и конкретного смыслов из ситуационной семантики. Код формализации свободно доступен.

Ключевые слова: семантика естественного языка, теория типов, Agda, пропозиционные установки, ситуационная семантика.

Одна из основных проблем теоретико-типовой семантики [1] состоит в отсутствии адекватных методов работы с контекстами. Для восполнения этого дефицита Р. Купером была предложена теория типов с записями [2, 3]. Она, однако, обладает ограниченными возможностями в формализации таких феноменов, как референциальная непрозрачность контекстов. В то же время многие функциональные языки программирования, основанные на теории типов, содержат развитые модульные системы, позволяющие селективно скрывать или открывать информацию тех или иных фрагментов программы. В данной статье мы рассмотрим возможности, которые открываются для формализации контекстов в теории типов с записями и модулями. Формализация будет проведена на языке программирования с зависимыми типами Agda. Использование языка программирования для работы в теоретико-типовой семантике не случайно. Теория типов тесно связана как с логикой, так и с вычислениями, в частности с программированием. В контексте теоретико-типовой семантики мы можем понимать смысл как нечто вычисляемое, поэтому многие семантические проблемы оказываются связанными с разработкой способов (или программ) вычисления смысла или референта. Agda, как и многие системы для работы с доказательствами, не создавалась специально для нужд семантики естественного языка, она, скорее, ориентирована на математику и логику. По этой причине ее ресурсы, возможно, недостаточны адекватны проблеме, поэтому одна из задач исследования состоит в тестировании пределов этой адекватности. Конечной целью (не достигаемой, разумеется, в данной краткой статье) является разработка универсального инструментария для работы с семантическими проблемами.

Код Agda с описываемой формализацией доступен по адресу: <https://github.com/odomanov/ttsemantics/>.

Необходимые сведения о синтаксисе Agda

Нам не потребуется Agda во всем объеме, поэтому в данном разделе описано лишь то, что необходимо для дальнейшего изложения (для более подробного введения см., напр.: [4, 5]). Agda является функциональным языком

программирования, основанным на варианте теории типов П. Мартин-Лёфа [6, 7], и во-многом следует ее обозначениям. Программы на Agda состоят из файлов в кодировке Юникод, что позволяет использовать в них большинство математических символов, таких как кванторы, различные стрелки и пр. Типы в Agda понимаются как множества, поэтому запись $A : \text{Set}$ означает, что A является типом (существует также иерархия типов, но она нам не понадобится). Запись $a : A$ означает, что a относится к типу A , т.е. является *термом*, или *элементом*, типа A . При определениях сначала декларируется тип определяемого, а затем после равенства записывается само определение, например:

```
a : A
a = ...
```

Тип функций перехода из типа A в тип B обозначается как $A \rightarrow B$. Функция определяется действием на свои аргументы. Например, если тип A состоит из двух элементов Tom и Jerry, то функция в тип натуральных чисел может быть определена следующим образом:

```
f : A → Nat
f Tom = 1
f Jerry = 3
```

Здесь сначала задается тип функции, а затем – ее значения на элементах типа (Agda требует, чтобы функция была определена на всех этих элементах). При определении функции предполагается, что ее аргументы следуют за ее именем, однако Agda допускает и инфиксную, а также смешанную нотацию:

```
_+_ : Nat → Nat → Nat
```

Здесь подчеркивания обозначают места для переменных; применение так определенной функции можно записывать обычным образом как $1 + 4$ (но также, при желании, и как $+_+ 1 4$).

Если аргументы функции зависят друг от друга, то соответствующие термы могут быть указаны явно. Например:

```
f : (n : Nat) → Fin n → C
```

Здесь $\text{Fin } n$ – (зависимый) тип чисел, меньших n (конечное множество).

Согласно соответствию Карри–Ховарда типы соответствуют пропозициям, и существование элемента типа можно рассматривать как существование доказательства пропозиции (и обратно). Поэтому предикаты или пропозициональные функции определяются как функции в Set . Например, $A \rightarrow \text{Set}$ – это одноместный предикат на типе A , $A \rightarrow B \rightarrow \text{Set}$ – двуместный на типах A, B и т.д. Благодаря наличию этого соответствия доказательства пропозиций обычно выглядят в Agda следующим образом:

```
prf : Proposition
prf = ...
```

Здесь в первой строчке декларируется существование доказательства для Proposition , а затем записывается, чему это доказательство равно. Если имя доказательства несущественно и далее не используется, то допустимо писать:

```
_ : Proposition
_ = ...
```

Я ниже буду часто пользоваться такой записью, приводя при этом доказательства почти без пояснений – для целей данной статьи их конкретный вид обычно не важен, важно лишь наличие.

Помимо определения или вычисления типы и их элементы могут быть постулированы:

```
postulate
  _runs : A → Set
  p : Tom runs
```

Здесь постулировано существование предиката `runs` на типе `A`, а также доказательства пропозиции `Tom runs`. Постулаты, вообще говоря, нарушают принципы конструктивной математики, на которой основана теория Мартин-Лёфа. Например, мы можем постулировать существование доказательства дизъюнкции, не предполагая существования доказательства конкретного члена этой дизъюнкции. В случае семантики, однако, это не является недостатком, поскольку люди могут иметь подобные убеждения, и данное свойство позволяет нам их моделировать.

Данная запись демонстрирует также роль отступов в Agda. Команда `postulate` начинает блок, который отмечается отступом, величина которого фиксируется первой строкой после `postulate`. После этого строки с тем же отступом относятся к начатому блоку, а любая строка с меньшим отступом заканчивает блок. Таким образом, две декларации выше относятся к одному блоку `postulate`. Аналогично любое выражение считается продолжающимся на следующие строки, если они записаны с отступом.

Различные значения в Agda могут определяться как неявные в случаях, когда Agda в состоянии найти их самостоятельно. Эти значения помещаются в фигурные скобки. Например, функция

```
func : {A B : Set} → (f : A → B) → C
```

имеет три аргумента: типы `A` и `B` и функцию `f : A → B`. Однако указания последнего аргумента достаточно для того, чтобы вычислить два первых, поэтому они выше определены как неявные. При применении функции `func` они не указываются.

Модульная система

Программа на Agda может содержать множество функций, переменных, констант и пр. Было бы неудобно придумывать им всем различные имена. Agda обладает простой, но мощной системой, позволяющей гибко управлять использованием имен. Для этого программа разбивается на модули, в каждом из которых имена должны быть уникальными. Чтобы снаружи модуля `M` обратиться к имени `name`, находящемуся внутри него, следует использовать полное имя `M . name`. Модули могут быть вложены с произвольной глубиной, так что имена также могут иметь несколько уровней: `M1 . M2 . M3 . name`. Модуль задается следующей директивой:

```
module M where
```

Эта директива открывает блок, в котором записываются декларации модуля. Для того чтобы сделать имена объектов модуля доступными вне него не по полным, а по сокращенным именам, модуль может быть открыт:

```
open M
```

При этом Agda содержит средства управления тем, какие именно имена могут быть открыты или, наоборот, скрыты. Для этого существуют модификаторы `using`, `hiding` и `renaming`. Например, команда

```
open M using (n1; n2) renaming (n3 to new3)
```

делает доступными только объекты `n1`, `n2` и `n3`, при этом последний – под именем `new3`. Команда

```
open M hiding (n2; n3)
```

открывает все имена, кроме `n2` и `n3`. И так далее. Модули можно открывать внутри других модулей, при этом если модуль `M2` открывается внутри модуля `M1`, то конструкция

```
module M1 where
  open M2 public
```

означает, что при открытии модуля `M1` имена из `M2` также становятся доступными (с возможными модификаторами `using`, `hiding`, `renaming`).

Модули могут иметь параметры. Например,

```
module M (A : Set) (x : A) where
  f : B
  g : A → B
```

означает, что все, определенное внутри модуля `M`, зависит также от дополнительных аргументов типов `Set` и `A`. То есть при открытии модуля `M` функции, которые становятся доступными, имеют следующие типы:

```
f : (A : Set) → (x : A) → B
g : (A : Set) → (x : A) → A → B
```

Такой параметризованный модуль может быть открыт с явно указанными параметрами, например:

```
open M Nat n
```

В этом случае становятся доступными функции типов

```
f : B
g : Nat → B
```

В результате модульная система предоставляет нам гибкий инструмент для открытия и сокрытия имен, который поможет моделировать прозрачность или непрозрачность контекстов. Для этого нам понадобится также понятие записи.

Записи, модули и референциальная непрозрачность

Согласно Мартин-Лёфу, основное суждение теории типов $a : A$ представляет собой суждение знания. Его смысл (который, как выражается Мартин-Лёф, мы «поясняем») состоит в том, что утверждается существование элемента a , относящегося к типу A . В таком виде теория типов близка ситуационной семантике [8]. Это обстоятельство, а также роль в нем структуры записей отмечены Купером [3]. Я поэтому буду называть моделируемые контексты ситуациями (хотя их связь с ситуационной семантикой, разумеется, должна быть исследована отдельно). Записи (records) являются стандартной структурой многих языков программирования. С точки зрения теории типов они являются обобщением зависимых Σ -типов или типом кортежей, в котором проекции имеют имена. В упрощенном виде, которого нам для дальнейшего достаточно, тип записи в Agda записывается следующим образом:

```

record R Δ : Set where
field
f1 : A1
f2 : A2
...

```

Здесь R – имя записи, Δ – параметры, от которых запись может зависеть, $f1, f2, \dots$ – имена полей записи, т.е. термов типов $A1, A2, \dots$ (каждый из них может зависеть от предыдущих). Терм записи представляет собой кортеж, состоящий из термов, соответствующих полям, и записывается как

$$r = \text{record } \{ f1 = a1; f2 = a2; \dots \}$$

Здесь $a1, a2, \dots$ – термы типов $A1, A2, \dots$. С точки зрения теории типов поля являются проекциями Σ -типов, т.е. функциями типов (без учета параметров):

```

f1 : R → A1
f2 : R → A2
...

```

В частности, для указанного выше терма записи r выполнены равенства

```

f1 r ≡ a1
f2 r ≡ a2
...

```

(\equiv и \neq обозначают пропозициональное, т.е. доказываемое, равенство и неравенство). Так определенные, записи сходны с модулями. И действительно, Agda для каждой записи определяет соответствующий параметризованный модуль с тем же именем:

```

module R {Δ} (r : R Δ) where
f1 : A1
f1 = R.f1 r
f2 : A2
f1 = R.f2 r
...

```

(вспомним, что объекты параметризованных модулей являются функциями от параметров). Поэтому записи (фактически, соответствующие им модули) также могут быть открыты, причем допускают использование модификаторов. Более того, при задании записи мы можем добавлять декларации в ее модуль, например:

```

record R Δ : Set where
field
f1 : A1
f2 : A2
b : B
b = ...

```

Или даже:

```

record R Δ : Set where
field
f1 : A1
f2 : A2
open M public

```

В последнем случае при открытии записи R будут также доступны определения из модуля M.

Системы знаний, частным случаем которых являются контексты или ситуации, могут быть моделированы либо как модули, либо как записи. Если мы хотим просто вычислить нечто внутри некоторого контекста, то нам достаточно задать модуль с соответствующими определениями и провести в нем необходимые действия. Если же нам требуется метаязык, т.е. высказывания о самих контекстах, композиции контекстов и т.д., то они должны быть определены как термы некоторого типа. В этом случае необходимо формализовать типы контекстов как записи.

Рассмотрим моделирование убеждений (belief reports) на классическом примере референциальной непрозрачности, принадлежащем Куайну [9]: некий Ральф знает двух человек – назовем их человеком в шляпе и человеком на пляже – как двух разных людей, причем первого считает шпионом, а второго нет; мы, однако, знаем, что это один и тот же человек по имени Орткут.

Прежде всего постулируем существование типа Man и предиката «быть шпионом»:

```
postulate
Man : Set
_is-a-spy : Man → Set
```

Если ситуации определены как записи, то мы можем их комбинировать. Действительно, пусть задан простейший тип ситуаций «Имеется объект типа A»:

```
record SitSmth (A : Set) : Set where
field
smth : A
```

Как видно, этот тип записей имеет единственное поле, представляющее собой объект типа A. Частным случаем таких ситуаций являются ситуации типа «Имеется человек»:

```
record SitMan : Set where
field
sitsmth : SitSmth Man
open SitSmth sitsmth renaming (smth to man) public
```

Единственным полем этой ситуации является ситуация типа SitSmth с параметром, равным Man. Эта ситуация открыта публично с переименованием поля (фактически, функции) smth в поле (функцию) man. Мы можем далее использовать эту ситуацию как строительный материал для ситуации «Имеется шпион»:

```
record SitSpy : Set where
field
sitMan : SitMan
open SitMan sitMan public
field
man-spy : man is-a-spy
```

Эта ситуация состоит из ситуации «Имеется человек» и доказательства того, что этот человек шпион. При этом ситуация SitMan открывается, делая доступным объект man, который затем используется. Подобным образом мы

можем составлять сложные ситуации из простых, открывая (или не открывая) их, добавляя новую информацию и т.д.

Система убеждений Ральфа может быть теперь представлена как модуль

```
module RalphBelief where
```

```
postulate
sitSpy : SitSpy
open SitSpy sitSpy public
```

Модуль `SitSpy` здесь открыт, поэтому мы можем (внутри модуля `RalphBelief`) записать утверждение о том, что человек, в существование которого верит Ральф, является шпионом, просто как «`man is-a-spy`», причем его доказательством будет просто доступное Ральфу `man-spy`:

```
  _ : man is-a-spy
_ = man-spy
  Без открытия модуля мы должны были бы писать
  _ : SitMan.man (SitSpy.sitMan sitSpy) is-a-spy
_ = SitSpy.man-spy sitSpy
```

Таким образом, вне модуля `RalphBelief` – т.е. для нас, вне системы убеждений Ральфа – некоторые доказательства и даже формулировка пропозиций могут оказаться невозможными, если мы не разделяем суждений, в которые верит Ральф. Мы можем, однако, проводить доказательства в локальном контексте, что записывается следующим образом:

```
  _ :  $\Sigma [ x \in \text{Man} ] x \text{ is-a-spy}$ 
_ = man , man-spy
where
open RalphBelief
```

Здесь $\Sigma [x \in A] B$ обозначает тип $(\Sigma x : A)B$, т.е. экзистенциальную квантификацию (или, при другой интерпретации, – подмножество элементов множества A , таких что B). Таким образом, доказываемая пропозиция означает «Существует человек, который является шпионом» (а ее доказательством является пара, состоящая из человека и доказательства того, что он шпион). Директива `where` позволяет задать локальный контекст, в котором могут быть определены дополнительные типы, их термы, а также открыты модули. В данном случае, мы открываем модуль убеждений Ральфа, т.е. проводим доказательство «внутри» этих убеждений. Вне контекста Ральфа, т.е. для нас, доказательство превращается в следующее:

```
  _ :  $\Sigma [ x \in \text{Man} ] x \text{ is-a-spy}$ 
_ = RalphBelief.man , RalphBelief.man-spy
```

Мы видим, что модульная система позволяет нам разделять наборы убеждений и контролировать то, какая информация доступна нам и Ральфу. Тем самым моделируется контролируемым образом непрозрачность докисических контекстов, которая составляла проблему для Куайна. Действительно, в полном виде убеждение Ральфа можно записать следующим образом:

```
record SitTwo : Set where
field
{man-in-a-hat} : Man
{man-on-the-beach} : Man
hspy : man-in-a-hat is-a-spy
```

```

bspy : ¬ man-on-the-beach is-a-spy
h≠b : man-in-a-hat ≠ man-on-the-beach

```

```

module RalphBelief where
postulate sit : SitTwo
open SitTwo sit public

```

Здесь `SitTwo` – это ситуация, в которой есть два различных человека – в шляпе и на пляже – один из которых шпион, а другой нет. Конкретное строение ситуации `SitTwo` зависит от наших предпочтений, удобства и пр. Например, мы могли бы определить ситуацию `SitMan` как индексированную натуральным числом и содержащую несколько человек (в частном случае – одного). В этом случае `SitTwo` могла бы содержать ситуацию `SitMan 2` вместо двух элементов типа `Man`. Язык предоставляет нам определенную гибкость. Приведенное определение является одним из простейших.

Аналогично предыдущему модуль `RalphBelief` моделирует убеждения Ральфа. Внутри него мы можем легко доказать:

```

_ : man-in-a-hat is-a-spy
_ = hspy

_ : Σ[ x ∈ Man ] ¬ x is-a-spy
_ = man-on-the-beach , bspy

```

Пусть теперь наша система убеждений выглядит следующим образом:

```

module OurBelief where
open RalphBelief using (man-in-a-hat; man-on-the-beach)
postulate
Ortcutt : Man
o≡h : Ortcutt ≡ man-in-a-hat
o≡b : Ortcutt ≡ man-on-the-beach

```

Здесь в `RalphBelief` открываются только элементы `man-in-a-hat` и `man-on-the-beach`, что означает, что мы разделяем с Ральфом знание о существовании этих людей (для него и для нас это одни и те же люди), но не убеждение об их различии, а также принадлежности или непринадлежности к шпионам. Но зато мы знаем, что оба эти человека являются на самом деле одним и тем же человеком по имени Орткут. Поскольку информация о принадлежности к шпионам не содержится в нашем контексте, мы не можем, например, доказать, что Орткут шпион. Однако мы можем это сделать, если откроем `RalphBelief` полностью (что означает, что мы полностью согласимся с Ральфом):

```

_ : Ortcutt is-a-spy
_ = subst (λ x → x is-a-
spy) (sym (proj₂ (proj₂ hs))) hspy
where
open RalphBelief
hs : Σ[ x ∈ Man ] x is-a-spy × Ortcutt ≡ x
hs = man-in-a-hat , hspy , o≡h

```

Аналогичным образом мы можем доказать, что Орткут не может быть шпионом, что показывает, что наша с Ральфом объединенная система убеж-

дений противоречива (хотя в каждой из них противоречие доказать невозможно). Впрочем, мы можем вывести противоречие более коротким путем, если предварительно докажем (находясь в нашем контексте), что человек в шляпе совпадает с человеком на пляже:

$h \equiv b : \text{man-in-a-hat} \equiv \text{man-on-the-beach}$
 $h \equiv b = \text{trans} (\text{sym } o \equiv h) o \equiv b$

$_ : \perp$
 $_ = \text{contradiction } h \equiv b (\text{RalphBelief.h} \neq b)$

Вместе с тем, как нетрудно видеть, открытие дополнительно, например, только `hspy` (т.е. наше согласие с Ральфом в том, что человек в шляпе шпион) не приводит к противоречию.

Таким образом, теория типов с записями и модульной системой позволяет нам разделять системы убеждений и корректно описывать эффекты непрозрачности контекстов.

Семантические вычисления: абстрактный и конкретный смысл

Рассмотрим еще один пример, а именно понятия абстрактного и конкретного смыслов, как они определяются в ситуационной семантике.

В ситуационной семантике для существования смысла (meaning) требуется наличие трех условий [10. Р. 610–613]: 1) ситуации говорения кем-то некоторых высказываний, 2) описываемой или фокальной ситуации – той, о которой идет речь в ситуации говорения, 3) референций, устанавливаемых говорящим (speaker’s connections) и определяющих, что имеет в виду говорящий, употребляя те или иные языковые выражения. Дополнительно могут понадобиться другие ситуации, например ресурсные, которые непосредственно не присутствуют, но необходимы для вычисления значений, такие как общие знания, ситуации из прошлого и пр. Таким образом, о смысле можно говорить, лишь предполагая ситуацию, в которой кто-то говорит о чем-то, употребляя слова определенным образом.

Для описания этой структуры зададим следующие типы:

`postulate`

`Human LOC TIM Referable : Set`

и предикаты

`postulate`

`_speaks-to / _, _ : Human → Human → LOC → TIM → Set`

`_utters / _, _ : Human → String → LOC → TIM → Set`

`_refers-to_via / _, _ : Human → Referable → String → LOC → TIM → Set`

Здесь `Human` – тип людей, `LOC` и `TIM` – типы мест и времен, которые я не буду далее конкретизировать, `String` – встроенный тип, обозначающий строку символов, а `Referable` – специальный тип, которым будем обозначать все, на что может существовать референция в речи (см. ниже).

Предикаты означают:

`h1 speaks-to h2 / l , t` «Человек `h1` говорит (что-то) человеку `h2` в месте `l` в момент времени `t`»

`h utters S / l , t` «Человек `h` произносит фразу `S` в месте
`l` в момент времени `t`»
`h refers-to E via S / l , t` «Человек `h` отсылает к сущности `E` по-
 средством фразы `S` в месте `l` в момент
 времени `t`».

Это позволяет нам определить ситуацию говорения:

```

record SitUttering : Set where
field
{1} : LOC
{t} : TIM
{speaker} : Human
{listener} : Human
{phr} : String
spk : speaker speaks-to listener / l , t
utt : speaker utters phr / l , t
  
```

Эта ситуация содержит место и время говорения, говорящего (спикера), слушателя, произносимую фразу `phr` и доказательства того, что говорящий обращается к слушателю и произносит данную фразу. Фигурные скобки вокруг полей означают, что их значения являются имплицитными, и Agda будет пытаться самостоятельно их вычислить. Это позволит нам в дальнейшем для определения термов `SitUttering` указывать лишь поля `spk` и `utt`, остальные Agda будет способна восстановить по типам последних.

Рассмотрим пример [10. Р. 610]. Пусть Мелисса говорит Наоми: «Человек у двери» (`A man is at the door`). Когда она это говорит, то: 1) обращается к Наоми; 2) производит отсылки (референции) к человеку и двери, также присутствующим в ситуации. Соответственно, для формализации определим дополнительно типы дверей, объектов и ситуаций:

```

postulate
Door Object SIT : Set
  
```

Вообще говоря, термы почти всех типов одновременно относятся к типу `Referable`, поскольку о них можно говорить. Agda (как и теория типов Мартин–Лёфа) не позволяет относить термы к нескольким типам одновременно и не содержит встроенного механизма приведения типов (коэрсии). Однако его можно определить посредством подходящей функции. Например, коэрсия `Door <: Referable` означает, что определена функция, которая для каждого элемента `Door` вычисляет соответствующий ему элемент `Referable` (см. модуль `Coercion` по адресу выше). Я буду далее считать, что все необходимые приведения определены, причем термы `Human` и `Door` относятся также к `Object`, а термы `Object` и `SIT` – к `Referable` (соответственно, `Human` и `Door` также относятся к `Referable`). Приведение типа в тексте будет записываться как «`a`», что обозначает терм необходимого типа, вычисленного по `a` на основе приведения (приведенное от типа, к которому относится `a`, к нужному в данном месте типу). Agda при этом самостоятельно находит нужные для приведения функции. Кроме этого, для всякого типа ситуации `Sit` всегда определено `Sit <: SIT`, т.е. всякая ситуация одновременно относится к типу `SIT`.

Определим далее тип ситуации референции:

```

record SitRef : Set where
field
situ : SitUttering
open SitUttering
field
referent : Referable
phrase : String
referring : (speaker situ) refers-to referent via phrase
/ l situ , t situ

```

Она состоит из ситуации говорения, референта типа `Referable`, фразы `phrase` (которая не обязательно совпадает с `phr` из `SitUttering`, а может быть, например, ее частью) и доказательства того, что говорящий данной фразой указывает на этот референт. Ситуация референции – это ситуация, в которой кто-то говорит, делая отсылку к некоторому референту.

Ситуация, описываемая фразой «Человек у двери» выглядит следующим образом:

```

postulate
_at-the-door_ : Human → Door → Set

```

```

record SitManDoor : Set where
field
{man} : Human
{door} : Door
mandoor : man at-the-door door

```

Ее строение определяется семантическими соображениями, т.е. смыслом рассматриваемой фразы, который, согласно теоретико-типовой семантике [1], записывается как тип

$$(\exists x : \text{Human}) (\exists y : \text{Door}) x \text{ at-the-door } y.$$

В нашей интерпретации это соответствует приведенному выше типу записи `SitManDoor`. Ее конкретный терм определяется контекстом (см. ниже).

Наконец, построим ситуацию, изображающую наши убеждения. Прежде всего, в ней имеется экземпляр ситуации `SitManDoor`, которую описывает Мелисса:

```

postulate sitManDoor : SitManDoor
open SitManDoor sitManDoor using (door)

```

Здесь открыто только поле `door`, но не поля `man` и `mandoor`, что предполагает, что мы не знаем точно, на какого человека указывает Мелисса, но знаем, о какой двери идет речь.

Для информации, доступной нам только посредством контекста Мелиссы, определим для удобства

```

Melissa-man = SitManDoor.man sitManDoor
Melissa-mandoor = SitManDoor.mandoor sitManDoor

```

Далее, постулируем

```

postulate
Melissa Naomi : Human
sitUttering-mandoor : SitUttering
s≡m : SitUttering.speaker sitUttering-mandoor ≡ Melissa
l≡n : SitUttering.listener sitUttering-mandoor ≡ Naomi

```

```

p≡md : SitUttering.phr sitUttering-
mandoor ≡ "A man is at the door"
loc = SitUttering.l sitUttering-mandoor
tim = SitUttering.t sitUttering-mandoor
postulate
mrefm : Melissa refers-to « Melissa-man » via "man"
/ loc , tim
mrefd : Melissa refers-
to « door » via "door" / loc , tim

```

Таким образом, в нашей ситуации присутствуют Мелисса, Наоми и экземпляр ситуации `SitUttering`, в которой говорящий, слушающий и фраза совпадают, соответственно, с Мелиссой, Наоми и «A man is at the door», а кроме того – доказательства (т.е. наше знание) того, что Мелисса словами `man` и `door` обозначает человека и дверь из ситуации `sitManDoor`, открытой ранее.

Эти определения позволяют нам проводить доказательства, например для пропозиции «(Имеется) некий человек у (некой) двери»:

```

_ : Σ[ x ∈ Human ] Σ[ y ∈ Door ] x at-the-door y
_ = Melissa-man , door , Melissa-mandoor

```

Или строить производные типы, такие как «Тип людей, на которых ссылается Мелисса»:

```

_ : Σ[ x ∈ Human ] Σ[ p ∈ String ] Σ[ l ∈ LOC ] Σ[ t ∈ TIM ]
  Melissa refers-to « x » via p / l , t

```

(несложно показать, что `Melissa-man` принадлежит данному типу).

Наконец, мы можем различить понятия абстрактного и конкретного смыслов, т.е. смысла без учета и с учетом контекста [10. Р. 612]. Согласно Девлину, абстрактный смысл (*abstract meaning*) устанавливает связь между типами ситуации говорения и фокальной ситуацией (о которой идет речь), а конкретный смысл (*meaning-in-use*) – связь между конкретной ситуацией говорения и объектом, на который в ней указывается (вероятно, лучше было бы говорить не о смысле, а о референте). При этом конкретный смысл является инстанциацией абстрактного. Таким образом, о смысле можно говорить только по отношению к ситуациям, которые содержат в себе ситуацию говорения, а также некоторую связь, позволяющую вычислять смысл в данной ситуации. Таким образом, для описания этой структуры нам требуется выделить класс ситуаций, в которых существует смысл, причем для этих ситуаций процедуры вычисления смысла могут существенно различаться. `Agda` предоставляет механизм для группировки типов в классы со сходными свойствами. При этом для классов не требуется введения каких-то новых конструкций, они определяются как записи. Для этого сначала определим класс смыслов ситуаций (т.е. тех, в которых мы можем говорить о смысле):

```

record SitMeaning (Sit : Set) : Set where
field
sitmu : Sit → SitUttering
meaning : Sit → Referable

```

Это класс типов `Sit`, такой что каждый тип, относящийся к этому классу должен определять две функции, позволяющие вычислять: 1) ситуацию говорения; 2) смысл, высказанный в данной ситуации (для простоты, здесь счита-

ется, что смысл совпадает с референцией, т.е. относится к типу `Referable`). Как именно вычисляется смысл, зависит от типа ситуации и определяется для каждого из них отдельно. Рассмотрим для примера два таких типа.

Начнем с определенного выше типа ситуаций `SitRef`. Будем считать, что в этих ситуациях смысл (фактически, референт) совпадает с `SitRef.referent`. Для отнесения данного типа ситуаций к классу `SitMeaning` нам нужно определить функции `sitmu` и `meaning`. В `Agda` это делается с помощью директивы `instance`:

```
instance
SMRef : SitMeaning SitRef
sitmu {{SMRef}} = SitRef.situ
meaning {{SMRef}} s = « SitRef.referent s »
```

Здесь прежде всего декларируется, что `SMRef` относится к типу `SitMeaning SitRef`, для чего должны быть определены две функции из `SitRef`. Эти функции определяются в двух последних строчках, причем значением `sitmu` является ситуация говорения из `SitRef`, а значением `meaning` – поле `referent` из `SitRef`. После этого определения мы способны вычислить смысл для любой ситуации типа `SitRef`. Например, определим референциальную ситуацию «Мелисса, говоря с Наоми, обозначает словом „дверь“ дверь»:

```
MrD : SitRef
MrD = record
{ situ = sitUttering-mandoor
; referent = « door »
; phrase = "door"
; referring =
subst (λ x → x refers-
to « door » via "door" / loc , tim)
(sym s≐m) mrefd
}
```

Здесь в качестве ситуации говорения используется постулированная выше ситуация `sitUttering-mandoor`, а в качестве референта и фразы – дверь из ситуации `SitManDoor` (приведенная к требуемому здесь типу `Referable`). В качестве `referring` должно стоять доказательство того, что говорящий из ситуации `situ` обозначает словом «дверь» дверь, т.е. терм типа

```
(SitUttering.speaker situ) refers-
to « door » via "door" / loc , tim
```

Этого термина у нас нет, но мы можем его построить из `mrefd` и `s≐m`; выражение в определении `MrD` выше и есть такое построение.

Мы можем теперь доказать, что смысл в ситуации `MrD` равен `door`:

```
_ : meaning MrD ≐ « door »
_ = refl
```

Или, не используя промежуточное определение `MrD`:

```

_ : meaning record
{ situ = sitUttering-mandoor
; referent = « door »
; phrase = "door"
; referring =
subst (λ x → x refers-
to « door » via "door" / loc , tim)
(sym s≡m) mrefd
}
≡ « door »
_ = refl

```

Мы можем здесь видеть разницу между абстрактным и конкретным смыслами. Действительно, при отнесении `SitRef` к `SitMeaning` мы указали, что смысл для ситуации `s` равен «`SitRef.referent s`», что соответствует *абстрактному смыслу* «Референт ситуации референции». В то же время для конкретной ситуации `MrD` мы получили *конкретный смысл*, равный «`door`», т.е. определенному объекту.

Это различие еще более явно во втором примере, который мы рассмотрим. Пусть Мелисса произносит слово «Я». Каков его абстрактный и конкретный смысл?

Определим ситуацию «Говорение „Я“» следующим образом:

```

record SitI : Set where
field
situ : SitUttering
open SitUttering
field
uI : phr situ ≡ "I"

```

Отнесем ее к классу `SitMeaning`:

```

instance
SMI : SitMeaning SitI
sitmu {{SMI}} = SitI.situ
meaning {{SMI}} s = « SitUttering.speaker (SitI.situ s) »

```

Как видно, мы определяем здесь абстрактный смысл: «Я» обозначает говорящего в ситуации говорения.

Пусть теперь у нас есть конкретная ситуация, в которой Мелисса говорит «Я»:

```

postulate
sitUttering-I : SitUttering
s≡mI : SitUttering.speaker sitUttering-I ≡ Melissa
p≡mDI : SitUttering.phr sitUttering-I ≡ "I"

```

Мы можем для нее вычислить конкретный смысл и увидеть, что он совпадает с Мелиссой:

_ : meaning record {situ = sitUttering-I; uI = p≐mI} ≐ ⟨⟨Melissa⟩⟩
 _ = ≐-coerce s≐mI

Заключение

Мы видим, что теория типов с записями и модулями позволяет описывать важные аспекты зависимости от контекстов. Вместе с тем этот результат можно рассматривать лишь как предварительный. Agda сама по себе не содержит некоторых инструментов, необходимых для полноценной работы с контекстами или ситуациями. Например, в ней нет адекватных средств сравнения контекстов, установления между ними отношений включения и т.д. Способы их добавления в рамках теории типов требуют прояснения. Тем не менее использование методов функционального программирования, как можно надеяться, способно существенно обогатить инструментарий формальной семантики.

Литература

1. *Ranta A.* Type-theoretical grammar. Clarendon Press, 1994. 226 p.
2. *Cooper R.* Adapting Type Theory with Records for Natural Language Semantics // Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics. Springer International Publishing, 2017. P. 71–94.
3. *Cooper R.* Austinian Truth, Attitudes and Type Theory // Research on Language and Computation. 2005. Vol. 3, № 2. P. 333–362.
4. *Norell U.* Dependently Typed Programming in Agda // Advanced Functional Programming: 6th International School, AFP 2008, Heijen, The Netherlands, May 2008, Revised Lectures. Berlin ; Heidelberg : Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2009. P. 230–266.
5. *The Agda Team.* Agda Wiki. URL: <https://wiki.portal.chalmers.se/agda/>
6. *Martin-Löf P.* An intuitionistic theory of types // Twenty-five years of constructive type theory. New York : Oxford Univ. Press, 1998. P. 127–172.
7. *Martin-Löf P.* An intuitionistic type theory : Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980. Napoli : Bibliopolis, 1984. 91 p.
8. *Barwise J., Perry J.* Situations and Attitudes. MIT Press, 1983.
9. *Quine W.* Quantifiers and propositional attitudes // Journal of Philosophy. 1956. Vol. 53, is. 5. P. 177–187.
10. *Devlin K.* Situation theory and situation semantics // Handbook of the History of Logic. Elsevier, 2006. P. 601–664.

Oleg A. Domanov, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 23–38.

DOI: 10.17223/1998863X/52/3

FORMALIZATION OF CONTEXTS IN TYPE THEORY WITH RECORDS AND MODULES

Keywords: natural language semantics; type theory; Agda, propositional attitudes; situation semantics.

Traditional type-theoretical semantics lacks convenient instruments for taking into account contextual information. To cope with this deficiency, a type theory with records was proposed by Robin Cooper. However, it possesses limited capacities as to the formalization of such phenomena as the referential opacity of contexts. At the same time, a lot of functional programming languages based on type theory contain sophisticated module systems providing means for opening or hiding various information from one or another fragment of programs. This article deals with opportunities that type theory with records and modules opens for the formalization of contexts in natural language semantics. The formalization is implemented in the dependently typed functional language Agda. Using programming language for type-theoretical semantics is not without a reason. Type theory is closely con-

nected not only to logic, but also to computing, and programming in particular. In the context of type-theoretical semantics, we can understand meaning as something computable. That is why many semantic problems turn out to be connected with the development of methods (and programs) of meaning or referent calculation. The article outlines basic principles of formalization and its specific realization in Agda. Relation to situation semantics by Jon Barwise and John Perry is demonstrated. Examples of descriptions for contexts' referential opacity as well as the concepts of abstract meaning and meaning-in-use from situation semantics are provided. The Agda formalization code is freely available.

References

1. Ranta, A. (1994) *Type-theoretical grammar*. Clarendon Press.
2. Cooper, R. (2017) Adapting Type Theory with Records for Natural Language Semantics. In: Chatzikyriakidis, S. & Luo, Zh. (eds) *Modern Perspectives in Type-Theoretical Semantics*. Springer International Publishing. pp. 71–94.
3. Cooper, R. (2005) Austinian Truth, Attitudes and Type Theory. *Research on Language and Computation*. 3(2). pp. 333–362. DOI: 10.1007/s11168-006-0002-z
4. Norell, U. (2009) Dependently Typed Programming in Agda. *Advanced Functional Programming*. 6th International School, AFP 2008, Heijten, The Netherlands, May 2008. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag Berlin Heidelberg. pp. 230–266.
5. *The Agda Team*. *Agda Wiki*. (n.d.) [Online] Available from: <https://wiki.portal.chalmers.se/agda/>.
6. Martin-Löf, P. (1998) An intuitionistic theory of types. In: Sambin, G. & Smith, J.M. *Twenty-five years of constructive type theory*. New York: Oxford University Press. pp. 127–172.
7. Martin-Löf, P. (1984) *An intuitionistic type theory: Notes by Giovanni Sambin of a series of lectures given in Padua, June 1980*. Napoli: Bibliopolis.
8. Barwise, J. & Perry, J. (1983) *Situations and Attitudes*. MIT Press.
9. Quine, W. (1956) Quantifiers and propositional attitudes. *Journal of Philosophy*. 53(5). pp. 177–187.
10. Devlin, K. (2006) Situation theory and situation semantics. In: Gabbay, D.M. & Woods, J. (eds) *Handbook of the History of Logic*. Elsevier. pp. 601–664.

УДК 165.21

DOI: 10.17223/1998863X/52/4

Л.Г. Коробков

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ» В ФИЛОСОФИИ СОЗНАНИЯ

Статья посвящена важному этапу эволюции понятия мысленной репрезентации – тенденциям, актуализовавшим концепцию естественного языка как средства мышления, восходящую к трудам Л. Выготского и Б. Уорфа. Показано, что признание этой концепции в конце 1970-х гг. обусловлено ее плодотворностью при решении так называемой проблемы релевантности или гибкости методов абстрагирования. Тем не менее такие исследователи, как С. Шнайдер и У. Ликан, продолжают придерживаться альтернативной гипотезы о физической символической системе – изначальной гипотезы вычислительной психологии. Шнайдер и другие исследователи связывают решение проблемы с моделью глобального рабочего пространства. Вопреки их мнению утверждается, что эта модель не способна решить проблему.

Ключевые слова: проблема релевантности, глобальное рабочее пространство, массовая модулярность, многомерная диспозиция, репрезентация, язык мышления.

Мысленные репрезентации – это содержания таких пропозициональных установок, как убеждение, желание и т.п., или вообще любых состояний, отражающих факты и события в субъективной перспективе. Исследование этого явления связано с двумя проблемами – семантической проблемой анализа структуры приписываний репрезентаций и философской проблемой объяснения свойств репрезентаций. Данная статья посвящена второй проблеме. Существует несколько стратегий описания свойств репрезентаций. Первая стратегия в качестве базовых феноменов устанавливает убеждения и желания и исследует их функциональную взаимосвязь в контексте поведения субъекта. Вторая стратегия объясняет регулярность ковариации свойств репрезентаций и их объектов с помощью понятия «оптимальных условий». Наиболее широкое признание получила третья стратегия, которая в отличие от двух первых не выражает в явном виде претензии на натурализм, а, скорее, стремится дать приемлемое с точки зрения наивной психологии объяснение. Согласно ей содержание репрезентаций должно анализироваться в терминах предложений, которые агент предрасположен считать истинными. С точки зрения этой стратегии функция репрезентации является примитивной – несводимой к элементам индивидуального опыта. Т. Бёрдж, например, полагает, что «успешная репрезентация не обязательно выполняет биологическую функцию» [1. Р. 301].

Одна версия этой стратегии, разработанная Дж. Фодором, утверждает, что ментальные установки реализуются процессами, присваивающими некому предложению языка мышления (ЯМ) вычислительную роль – например убеждения, и помещающими его в специальное хранилище. Она исходит из предположения о существовании виртуальных хранилищ для убеждений, желаний, сожалений и т.п. Альтернативная версия, защищаемая, в частности, Д. Деннетом, объясняет свойства репрезентаций в терминах имеющейся у

(не страдающего аутизмом) субъекта теории здравого смысла, выражаемой в понятиях естественного языка (ЕЯ). Пользуясь терминами П. Каррутерса, можно сказать, что первая версия основана на «коммуникативной», а вторая – на «когнитивной» концепции языка [2. Р. 658].

По мнению Р. Сталнакера, первая версия «нуждается в дистинкции между явными, или ядерными, и неявными убеждениями, поскольку едва ли было бы разумно считать, что все убеждения хранятся в явном виде» [3. Р. 679]. В первом разделе речь пойдет об этой проблеме, в более широком контексте называемой также проблемой релевантности. Мы увидим, почему она заставила Фодора прийти к заключению о неспособности вычислительного подхода объяснить процессы, от которых зависят присущие человеку гибкость методов абстрагирования и скорость обработки данных восприятия. Во втором разделе мы познакомимся с актуальной аргументацией последователей Фодора, которые не считают проблему релевантности фатальной для гипотезы ЯМ. В третьем разделе мы обратимся к версии, рассматривающей в качестве средства мышления ЕЯ. На наш взгляд, она в сочетании с идеями Г. Райла удовлетворяет задачам объяснения многих свойств репрезентаций. Результаты, полученные в рамках этой стратегии, при решении проблемы релевантности должны быть учтены сторонниками гипотезы ЯМ. Задача данной статьи – предложить такую интерпретацию феномена репрезентации, которая убедит читателя в том, что за этим понятием могут стоять не только – как полагал Фодор – конкретные состояния, но и абстрактные диспозиции. Данное исследование в целом мотивировалось желанием исключить приписывания какого-либо рода внутренних состояний – этот же мотив прослеживается в работах Райла.

1

Гипотеза ЯМ была впервые сформулирована Дж. Фодором и затем разрабатывалась рядом видных философов, среди которых можно упомянуть У. Ликана. По мнению ее сторонников, системность и продуктивность мышления, а также свойственная человеку удивительная способность к адаптации свидетельствуют о том, что наши репрезентации структурированы семантически [4]. ЯМ – специфическое для человека врожденное средство мышления, которым он пользуется бессознательно. ЕЯ не подходит на роль средства мышления, считает Фодор. «Мысль не может заключаться просто в последовательностях слов, поскольку слова, как известно, бывают двусмысленны, а для мыслей это недопустимо», – пишет он [5. Р. 64]. В духе умонастроений, господствовавших в начале 1970-х¹, гипотеза ЯМ приписывает способность к репрезентации физическим состояниям субъекта. Фодор при этом придерживается «методологического солипсизма» – процессы мышления имеют доступ не к подлинно семантическим, но лишь к формальным свойствам репрезентаций. С. Шнайдер, взгляды которой близки к фодоровским, поясняет, что предложения ЯМ «представляют собой вычислительные состояния, которые, лишь будучи дополненными референциальным отношением к миру, получают содержание» [7. Р. 442]. По замыслу Фодора, репрезентации обладают

¹ Они нашли выражение в гипотезе А. Ньюэлла и Г. Саймона о физической символической системе [6. Р. 116].

формально-семантическими и причинными свойствами, причем последние свойства, или «роли», чувствительны к первым – сами понятия для него причинно релевантны. Он полагал, что понятия следует индивидуировать по причинной роли в системе установок, поскольку понятия, индивидулируемые по их роли в дискурсе, оказываются слишком нестабильными и меняют смысл в зависимости от контекста. Семантика для ЯМ задается постулатами значения, которые не зависят от лексики и выражаются в логике первого порядка («для любого x , если x – холостяк, то x – мужчина и x – не женат»). Необходимо подчеркнуть, что универсальные постулаты значения в психосемантике Фодора могут иметь как бессознательный, так и сознательный статус – этим они отличаются от репрезентаций, которые всегда представляются эксплицитно. Это связано с тем, что структурой репрезентаций объясняются причинные свойства состояний, ведь репрезентации – это медиаторы между ощущениями и действиями.

ЕЯ в психосемантике представляет собой один из «модулей» сознания, который декодирует услышанные предложения и кодирует произносимые. Функциями модулей выступают так называемые «вертикальные», или *инкапсулированные*, процессы, обрабатывающие данные в соответствии с ограниченным набором алгоритмов. Они противопоставляются «горизонтальным», или центральным, о которых говорят в контексте целостной системы убеждений. Главное свойство центральных процессов – *изотропность*. Последний термин означает эпистемическую взаимосвязанность – то, что «любая установка из какого-либо множества потенциально релевантна для любой другой» [8. Р. 105]. Рассуждение по аналогии является примером изотропности «в чистейшей форме: этот процесс непосредственно зависит от передачи информации между двумя доменами, до этого считавшимися иррелевантными» [Ibid.]. Понимание того, что модулярный подход не может увязать изотропность и умение выделять существенную информацию, от которого зависит эффективность решения задач, заставило Фодора усомниться в символическом подходе когнитивизма. Проблему, поставившую в тупик первое поколение когнитивистов называют проблемой релевантности. Ф. Джонсон-Лэрд трактует ее на следующем примере: носителю языка известно множество свойств томатов, но «когда он начинает интерпретировать предложение, он едва ли вызывает в памяти всю эту информацию (вопреки Э. Гибсон) или ничто из нее (вопреки Дж. Фодору...). Вместо этого он, скорее всего, извлечет только некоторые данные – наиболее релевантные» [9. Р. 197]. Р. Самуэлс выделяет особый «подвид проблемы релевантности» – проблему, «...которая проявляется в контексте ревизии убеждений» [10. Р. 72]. Эта частная проблема указывает на то, что в мышлении человека должны присутствовать механизмы, минимизирующие или ограничивающие число установок, которые должны быть подвергнуты пересмотру по мере поступления новой информации. Человек на бессознательном уровне учитывает, что большинство действий имеет побочные эффекты, и легко с этим справляется «в реальном времени», но как научить интеллектуальные системы предсказывать тривиальные следствия? Если для интеллектуального агента наряду с аксиомой изменения, гласящей, что при извлечении чашки из шкафа ее местонахождение меняется, составить аксисмы, утверждающие, например, что в данной ситуации местонахождение ложки не меняется, то гигантскую базу данных не

удастся контролировать «грубой силой». Интересно, что Д. Деннет [11] назвал решения, выработанные в ИИ, когнитивными «колесами» ввиду их несоответствия эпистемической ситуации человека.

В заключение этого раздела приведем слова К. Людвиг и С. Шнайдер, которые точно сформулировали состояние проблемы: «То обстоятельство, что мы можем моментально определять релевантные факты, наводит на мысль о том, что мы имеем доступ к релевантности способом, реализованным не-вычислительными средствами» [12. Р. 141].

2

Последователи Фодора не собираются отказываться от идеи модулярности. К. Людвиг и С. Шнайдер считают, что «проблема релевантности не является принципиальным препятствием для компютационализма» [Ibid.]. Она носит чисто количественный характер – суть ее в том, что «вычислительные процессы, которые использовали бы релевантные свойства, потребляли бы такие ресурсы, что мы не стали бы рассматривать их в качестве надлежащей модели работы человеческого познания». Шнайдер полагает, что «решения теории Глобального Рабочего Пространства (ГРП)... позволяют предположить», что скепсис Фодора беспочвенен [13. Р. 12].

Теория ГРП, о которой пишет Шнайдер, вводит представление о – как поясняет П. Каррутерс – «центральном рабочем пространстве, уникальном для человеческого разума» [14. Р. 234]. По его мнению, амодальный (не привязанный к модусам восприятия – например зрению) характер этого пространства напоминает об идеях Г. Эванса, согласно которым наши понятия, естественно образующие бесчисленные композиции, неизбежно должны мыслиться лишеными всякого отношения к конкретным впечатлениям. Б. Баарс отдает пальму первенства в создании модели глобального доступа «группам когнитивного моделирования, руководимым А. Ньюэллом и Г. Саймоном» [15. Р. 292]. Он имеет в виду шаблон проектирования программного обеспечения, позволяющий специализированным программам, «публикующим» частичные решения на «черной доске» – выделенном домене памяти, сообща решать проблемы. Смысл ГРП в том, что если в последовательной модели Фодора проблема возникает из-за нехватки ресурсов, поскольку центральный процесс вынужден проверять все подряд данные в базе, то ГРП позволяет множеству параллельных специалистов бороться за доступ к центральному пространству и создавать временные коалиции, а получив доступ, «вещать» свои данные. Теория ГРП дополняет модель Фодора: «понятие глобального нейронного пространства построено на... фодоровском различении вертикальных „модулярных способностей“ и отдельной „изотропной центральной и горизонтальной системы“, которой под силу распределение информации между модулями» [16. Р. 3]. Критик данного решения Дж. Рэй пишет, что «предложения о параллельных и дистанционных процессах интересны, но их вклад в решение проблемы Фодора трудно представить... выкрикивают ли тысячи модулей свои данные параллельно или последовательно, с близкого или дальнего расстояния, не позволяет определить, какие данные релевантны для какой гипотезы» [17].

П. Сингх считает, что «в то время как метафора черной доски может работать, когда имеется всего несколько агентов, ее использующих, если име-

ются сотни, не говоря уже о тысячах или миллионах, зрелище толкающихся агентов вовсе не производит впечатления осмысленной деятельности...» [18. Р. 541]. Он напоминает, что на самом деле никто не построил систему такого масштаба. Стоило бы также отметить, что философы связывают с моделью ГРП надежды объяснить феноменальное сознание, а использование ее для решения проблемы релевантности относится к периферийным тенденциям. Основные авторитеты в этом вопросе – Шанахан и Баарс – пишут, что «бессознательная обработка информации выполняется параллельными процессами – специалистами. Только та информация, которая вещается через ГРП, обрабатывается сознательно» [19. Р. 165].

Сегодня ведутся споры между сторонниками модели ГРП и сторонниками модели Массовой Модулярности (ММ). Последняя, согласно которой все модулярные процессы характеризуются инкапсуляцией и непосредственно взаимодействуют в выработке адаптивных реакций, представляется более реалистичной: эволюция системы основана на независимой эволюции ее частей. Модули, согласно ММ, могут иметь универсальный входной домен – им не обязательно ограничиваются специфическими данными. В качестве примера модуля с открытым доменом Д. Шпербер приводит рабочую память [20. Р. 54].

В качестве заключения раздела представляется уместным упомянуть точку зрения М. Мински [21] который считал, что прямой доступ к данным не сказывается на интеллекте системы – ведь нужно знать, как их использовать.

3

В рамках вычислительной психологии проблема релевантности может быть решена следующим образом. Мы можем просто сказать, что неявные убеждения – это те, для которых существуют правила произведения их от явных. Среди таких неявных можно, например, назвать убеждения, что число планет меньше 11, меньше 12 и т.д. Однако такой подход сразу вызывает сомнение, так как из осмысленных явных убеждений можно получить необозримое число убеждений, лишь часть из которых будет соответствовать здравому смыслу, причем сформулировать ограничения для таких дериваций не удастся. Лучшая стратегия, как полагают Е. Марголис и С. Лоренс, – отрицать, что люди имеют веру, например, о том, что зебры не носят пальто. По их мнению, «они просто предрасположены к формированию веры при рассмотрении темы» [22. Р. 591]. Диспозиции к формированию веры являются логическими – они не похожи на бихевиористские тем, что связь с действием в них нельзя редуцировать к наблюдаемой причинности. Г. Райл называет такие диспозиции многомерными – их условия истинности представляют собой открытый перечень фактов и событий. Он пишет, что «диспозиционные понятия... обозначают склонности, способности или тенденции – вещи не одного уникального рода, а вещи множества родов» [23. Р. 102]. Логические диспозиции представляют собой особый вид знания – процедурное, или энциклопедическое, знание. Мы должны отказаться от концепции знания, с точки зрения которой существует только пропозициональное знание, которое делится на вербализуемое и невербализуемое: существует знание, которое нельзя свести к пропозициональному. Последнее представляет собой скорее исключение, чем правило. Ввиду этого приходится признать, что концепция

репрезентации как ментального состояния, содержанием которого выступает пропозиция ЯМ, не удовлетворяет задачам объяснения всего спектра ментальных установок. Как справедливо отметил Райл, «обладать диспозиционным свойством не означает находиться в каком-либо определенном состоянии» [23. Р. 31].

М. Мински обобщил умонастроения, характерные для прагматического поворота конца 1970-х: «Для решения действительно трудных проблем нам потребуется несколько видов репрезентаций» [24. Р. 38]. Д. Уилсон считает, что не существует такого уровня анализа, на котором слова кодировали бы один тип значения – например атомарные понятия ЯМ [25. Р. 3]. Если признавать только один тип значения, то потребуются дополнительные методы различения традиционных оппозиций описания и указания, утверждения и предположения и т.п. Помимо понятий, имеющих определения, существуют разного рода «схемы», имеющие прототипическую или вероятностную структуру (а также функциональные слова – единицы процедурного ЯМ низкого уровня, не определяющиеся культурной спецификой). В связи с этим следовало бы предположить, что наша память структурируется не метаязыковыми универсалиями, а, скорее, по принципу статей энциклопедии, описывающих смыслы имен существительных. П. Хэйес, работавший над проблемой организацией больших объемов данных, писал, что «утверждения должны храниться в именованных связках, которые извлекаются из памяти благодаря механизму индексирования, работающему с этими именами» [26. Р. 294]. Ф. Джонсон-Лэрд поставил опыт, в котором предложил испытуемым список слов и попросил запомнить из них такие, которые обозначают съедобные и одновременно твердые предметы. Он показал, что «чем больше слово в списке имеет общих компонентов с предложенными категориями, тем лучше оно запоминается»¹ [9. Р. 193]. Вышеупомянутые и многие другие исследователи пришли к выводу, что категорию средств мышления не следует ограничивать только предложениями. Ю. Дрейфус, вспоминая этот этап развития когнитивных наук, пишет, что М. Мински предположил, что для того чтобы решить проблему релевантности, разработчики ИИ должны использовать метод «описаний типичных ситуаций... чтобы перечислить и организовать те и только те факты, которые в нормальной ситуации были бы релевантны» [27. Р. 41]. Идея заключалась в том, чтобы к двумерной модели «семантической сети» – ориентированному графу, узлы которого соответствуют объектам предметной области, а дуги задают отношения между ними – добавить новое измерение, допустив, что узлы имеют структуру. Мински принадлежит идея от том, что «понимание в некотором смысле параллельно зрению» [28]. Он писал, что «ключевые слова и идеи в рассуждении активируют глубинные тематические структуры» – «фреймы», которые автоматически извлекаются из памяти и сопоставляются с текущими репрезентациями, при этом вместо значений по умолчанию в них подставляются релевантные значения. Фрейм состоит из имени и ряда терминальных точек, называемых слотами. Каждый слот может хранить как конкретное значение, так и аннотацию процедуры, которая вызывается при необходимости и позволяет его вычислить. Фреймы способны объединяться в иерархические структуры и наследовать значения

¹ Например, слово «тарелка» в отличие от «ваза».

слотов родителей. Как отмечает П. Сингх, смысл распределения слотов заключается в том, что «если одно описание фрейма оказывается неадекватным для решения проблемы или представления ситуации, то можно легко переключиться на один из других фреймов» [18. P. 530].

В заключение отметим, что, на наш взгляд, наиболее перспективной стратегией объяснения природы связи репрезентаций и их объектов может быть такая, которая объединяет в себе принципы, разработанные М. Мински (а также Ч. Филлмором и др.), и модель массовой модулярности, которая была описана, в частности, Д. Шпербером и П. Каррутерсом. В качестве примера такого синтеза можно привести работу Дж. Пеццуло, в которой вводится особый «невычислительный компонент – ограниченное количество ресурсов, которое делится между модулями» [29].

Литература

1. *Burge T.* Origins of Objectivity. Oxford University Press, 2010.
2. *Carruthers P.* The cognitive functions of language // *The Behavioral and Brain Sciences*. 2002. Vol. 25, № 6. P. 657–674.
3. *Stalnaker R.* Propositional Attitudes // *The MIT Encyclopedia of The Cognitive Sciences* / ed. by R.A. Wilson, F.C. Keil. Cambridge, MA : MIT Press, 1999. P. 678–679.
4. *Fodor J.* Why there still has to be a language of thought // *Computers, Brains and Minds* / ed. by P. Slezak. Kluwer Academic Publishers, 1989. P. 23–46.
5. *Fodor J.* In Critical Condition. Cambridge, MA : MIT Press, 2000.
6. *Newell A., Simon H.* Computer Science as Empirical Inquiry: Symbols and Search // *Communications of the ACM*. 1976. Vol. 19, № 3. P. 113–126.
7. *Schneider S.* Direct Reference, Psychological Explanation, and Frege Cases // *Mind & Language*. 2005. Vol. 20, № 4. P. 423–447.
8. *Fodor J.* The Modularity of Mind. Cambridge, MA : MIT Press, 1983.
9. *Johnson-Laird P.* The mental representation of the meaning of words // *Cognition*. 1987. Vol. 25. P. 189–211.
10. *Samuels R.* Massive Modularity // *The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science* / ed. by E. Margolis, R. Samuels, S.P. Stich. Oxford University Press, 2012. P. 60–92.
11. *Dennett D.* Cognitive wheels: the frame problem of AI // *Minds, Machines and Evolution* / ed. by C. Hookway. Cambridge University Press, 1984. P. 129–150.
12. *Ludwig K., Schneider S.* Fodor's Challenge to the Classical Computational Theory of Mind // *Mind & Language*. 2008. Vol. 23, № 1. P. 123–143.
13. *Schneider S.* Yes, It Does: a Diatribe on Jerry Fodor's The Mind Doesn't Work that Way // *Psyche*. 2007. Vol. 13, № 1. P. 1–15.
14. *Carruthers P.* Animal Minds Are Real // *American Philosophical Quarterly*. 2013. Vol. 50, № 3. P. 233–248.
15. *Baars B.* In The Theatre Of Consciousness // *Journal of Consciousness Studies*. 1997. Vol. 4, № 4. P. 292–309.
16. *Dehaene S., Changeux J.-P.* Neural Mechanisms for Access to Consciousness // *The Cognitive Neurosciences* / ed. by M.S. Gazzaniga. Cambridge, MA : MIT Press, 2004. P. 1145–1157.
17. *Rey G.* Review of S.Schneider, The Language of Thought, MIT Press, 2011 // *Notre Dame Philosophical Reviews*, 2011. 12 June. URL: <https://ndpr.nd.edu/news/the-language-of-thought-a-new-philosophical-direction-2/> (accessed: 30.09.2018).
18. *Singh P.* Examining the Society of Mind // *Computers and Artificial Intelligence*. 2003. Vol. 22, № 6. P. 521–543.
19. *Baars B., Shanahan M.* Applying global workspace theory to the frame problem // *Cognition*. 2005. Vol. 98. P. 157–176.
20. *Sperber D.* Modularity and relevance: How can a massively modular mind be flexible and context-sensitive? // *The Innate Mind: Structure and Content* / ed. by P. Carruthers, S. Laurence, S. Stich. Oxford University Press, 2005. P. 53–68.
21. *Minsky M.* Conscious Machines // *Machinery of Consciousness*. Proceedings of National Research Council of Canada, 75th Anniversary Symposium on Science in Society, June 1991.

22. Margolis E., Laurence S. The Ontology of Concepts-Abstract Objects or Mental Representations? // *NOÛS*. 2007. Vol. 41, № 4. P. 561–593.
23. Ryle G. *The Concept of Mind*. New York : Routledge, 2009.
24. Minsky M. Logical versus analogical // *AI Magazine*. 1991. Vol. 12, № 2. P. 34–51.
25. Wilson D. The conceptual-procedural distinction: Past, present and future // *Procedural Meaning: Problems and Perspectives* / ed. by V. Escandell-Vidal, M. Leonetti, A. Ahern. Emerald Group Publishing, 2011. P. 3–31.
26. Hayes P.J. The Logic of Frames // *Readings in Artificial Intelligence* / ed. by R.J. Brachman., H.J. Levesque. Los Altos, CA : Morgan Kaufmann, 1979. P. 287–295.
27. Dreyfus H. How Representational Cognitivism Failed and is Being Replaced by Body/World Coupling // *After Cognitivism. A Reassessment of Cognitive Science and Philosophy* / ed. by K. Leidlmaier. Springer Netherlands, 2009. P. 39–74.
28. Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo 306. 1974. June. URL: <http://courses.media.mit.edu/2004spring/mas966/Minsky%201974%20Framework%20for%20knowledge.pdf> (accessed: 30.09.2018).
29. Pezzulo G. How Can a Massively Modular Mind Be Context-Sensitive? // *Proceedings of the International Conference on Cognitive Modeling*. 2006. URL: <https://sites.google.com/site/giovannipezzulo/home/publications/filecabinet/ICCM2005.pdf> (accessed: 30.09.2018).

Leonid G. Korobkov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: 5in7in5@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 39–47.

DOI: 10.17223/1998863X/52/4

THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE NOTION OF REPRESENTATION IN THE PHILOSOPHY OF MIND

Keywords: relevance problem; global workspace; massive modularity; multi-track disposition; representation; language of thought.

What is it that gives concepts and propositional attitudes their content? There are two alternative strategies that have been developed for giving an answer to this question. One strategy, defended by Jerry Fodor among others, assumes that propositional attitudes are realized by the storage (in the “belief box”, using the popular metaphor) of sentences of a language of thought. This view maintains that concepts are mental states which have both representational and causal properties. The author of the article defends a different strategy, which is based on the cognitive conception of language and which accounts for the content of beliefs in terms of the content of the sentences of the public language to which the agent is disposed to assent. The Fodorian strategy needs a distinction between explicit or “core” beliefs and implicit beliefs because it would not be plausible to say that everything believed is explicitly stored. Fodor uses this problem, which was labeled the Frame Problem, to bolster the view that processes that are involved in fixing belief are holistic. A former proponent of computationalism, Fodor later gives it up largely because of the alleged phenomenon that he himself has given the label isotropy. Analogical reasoning is an example of isotropy: it is a process which depends upon the transfer of information among cognitive domains previously assumed to be irrelevant. The author of the article holds that the problem can be solved if to assume that representations or concepts are abilities that are peculiar to cognitive agents rather than mental particulars. He suggests that one’s concepts are multi-track dispositions à la Ryle. We can use ordinary language as a guide for distinguishing dispositions from occurrent states. The obvious way to avoid the problem is by appealing to the attention-focusing power of what Marvin Minsky called frames: descriptions of typical situations like going to a birthday party. These data structures list and organize those facts that would normally be relevant. Some variant of the “sleeping dog” solution is adopted: only those parts of the frame that represent facets of the world that have changed are updated, and the rest is simply left as it is. So one can account for one’s apparent ability to make decisions on the basis only of what reflects a change in the ongoing situation without having explicitly to consider every part of the frame system.

References

1. Burge, T. (2010) *Origins of Objectivity*. Oxford University Press.
2. Carruthers, P. (2002) The cognitive functions of language. *The Behavioral and Brain Sciences*. 25(6). pp. 657–74. DOI: 10.1017/S0140525X02000122
3. Stalnaker, R. (1999) Propositional Attitudes. In: Wilson, R.A. & Keil, F.C. (eds) *The MIT Encyclopedia of The Cognitive Sciences*. Cambridge MA: MIT Press. pp. 678–9.

4. Fodor, J.A. (1989) Why there still has to be a language of thought. In: Slezak, P. (ed.) *Computers, Brains and Minds*. Kluwer Academic Publishers. pp. 23–46.
5. Fodor, J.A. (2000) *In Critical Condition*. Cambridge, MA: MIT Press.
6. Newell, A. & Simon, H.A. (1976) Computer Science as Empirical Inquiry: Symbols and Search. *Communications of the ACM*. 19(3). pp. 113–126. DOI: 10.1145/360018.360022
7. Schneider, S. (2005) Direct Reference, Psychological Explanation, and Frege Cases. *Mind & Language*. 20(4). pp. 423–447. DOI: 10.1111/j.0268-1064.2005.00294.x
8. Fodor, J.A. (1983) *The Modularity of Mind*. Cambridge, MA: MIT Press.
9. Johnson-Laird, P.N. (1987) The mental representation of the meaning of words. *Cognition*. 25. pp. 189–211. DOI: 10.1016/0010-0277(87)90009-6
10. Samuels, R. (2012) Massive Modularity. In: Margolis, E., Samuels, R. & Stich, S.P. (eds) *The Oxford Handbook of Philosophy of Cognitive Science*. Oxford University Press. pp. 60–92.
11. Dennett, D.C. (1984) Cognitive wheels: the frame problem of AI. In: Hookway, C. (ed.) *Minds, Machines and Evolution*. Cambridge University Press. pp. 129–150.
12. Ludwig, K. & Schneider, S. (2008) Fodor's Challenge to the Classical Computational Theory of Mind. *Mind & Language*. 23(1). pp. 123–143. DOI: 10.1111/j.1468-0017.2007.00332
13. Schneider, S. (2007) Yes, It Does: A Diatribe on Jerry Fodor's "The Mind Doesn't Work that Way". *Psyche*. 13(1). pp. 1–15.
14. Carruthers, P. (2013) Animal Minds Are Real. *American Philosophical Quarterly*. 50(3). pp. 233–248.
15. Baars, B. (1997) In the Theatre of Consciousness. *Journal of Consciousness Studies*. 4(4). pp. 292–309. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780195102659.001.1
16. Dehaene, S. & Changeux, J.-P. (2004) Neural Mechanisms for Access to Consciousness. In: Gazzaniga, M.S. (ed.) *The Cognitive Neurosciences*. Cambridge, MA: MIT Press. pp. 1145–1157.
17. Rey, G. (2011) *Review of S.Schneider, The Language of Thought*. [Online] Available from: <https://ndpr.nd.edu/news/the-language-of-thought-a-new-philosophical-direction-2/> (Accessed: 30th September 2018).
18. Singh, P. (2003) Examining the Society of Mind. *Computers and Artificial Intelligence*. 22(6). pp. 521–543.
19. Baars, B. & Shanahan, M. (2005) Applying global workspace theory to the frame problem. *Cognition*. 98. pp.157–176. DOI: 10.1016/j.cognition.2004.11.007
20. Sperber, D. (2005) Modularity and relevance: How can a massively modular mind be flexible and context-sensitive? In: Carruthers, P., Laurence, S. & Stich, S. (eds) *The Innate Mind: Structure and Content*. Oxford University Press. pp. 53–68.
21. Minsky, M. (1991) Conscious Machines. *Machinery of Consciousness*. Proceedings of National Research Council of Canada, 75th Anniversary Symposium on Science in Society, June.
22. Margolis, E. & Laurence, S. (2007) The Ontology of Concepts—Abstract Objects or Mental Representations? *NOÛS*. 41(4). pp. 561–593. DOI: 10.1111/j.1468-0068.2007.00663.x
23. Ryle, G. (2009) *The Concept of Mind*. New York: Routledge.
24. Minsky, M. (1991) Logical versus analogical. *AI Magazine*. 12(2). pp. 34–51. DOI: 10.1609/aimag.v12i2.894
25. Wilson, D. (2011) The conceptual-procedural distinction: Past, present and future. In: Escandell-Vidal, V. Leonetti, M. & Ahern, A. (eds) *Procedural Meaning: Problems and Perspectives*. Emerald Group Publishing. pp. 3–31.
26. Hayes, P.J. (1979) The Logic of Frames. In: Brachman, R.J. & Levesque, H.J. (eds) *Readings in Artificial Intelligence*. Los Altos, CA: Morgan Kaufmann. pp. 287–295.
27. Dreyfus, H.L. (2009) How Representational Cognitivism Failed And Is Being Replaced By Body/World Coupling. In: Leidlmair, K. (ed.) *After Cognitivism. A Reassessment of Cognitive Science and Philosophy*. Springer Netherlands. pp. 39–74.
28. Minsky, M. (1974) *A Framework for Representing Knowledge*. MIT-AI Laboratory Memo 306. [Online] Available from: <http://courses.media.mit.edu/2004spring/mas966/Minsky%201974%20Framework%20for%20knowledge.pdf> (Accessed: 30th September 2018).
29. Pezzulo, G. (2006) How Can a Massively Modular Mind Be Context-Sensitive? *Proceedings of the International Conference on Cognitive Modeling*. [Online] Available from: <https://sites.google.com/site/giovannipezzulo/home/publications/filecabinet/ICCM2005.pdf> (Accessed: 30th September 2018).

УДК 130.121:165.62
DOI: 10.17223/1998863X/52/5

Ю.Г. Седов

ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СТРУКТУР ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНОЙ СУБЪЕКТИВНОСТИ

Обсуждаются следующие положения: структура ego является системой потенциальности, позитивной предрасположенностью; чистое ego занимает центральное место среди других элементов эгологической структуры; чистое ego имеет собственное содержание, состоящее из номатических единств; любому объекту внешнего пространства соответствует внутренняя структура субъективной пространственности.

Ключевые слова: *трансцендентальная субъективность, эгологическая структура, субъективная пространственность, генетическая конституция.*

Введение

Исходной точкой феноменологического исследования служит рефлексия. Согласно истории философии формулировка такого подхода, впервые прозвучавшая в философии Р. Декарта, разворачивается в пространных опытах Дж. Локка и усилиями И. Канта помещается в центр всего последующего немецкого идеализма. Рефлексия не имеет дела с самими предметами, ее интересуют способы нашего познания предметов, субъективные условия постижения посредством понятий, а также пределы рассудочной деятельности и в конечном итоге различие между рациональностью в узком смысле – *рассудительностью* (Verstand), и рациональностью в широком смысле – *разумом* (Vernunft), источником всех наших высших понятий [1. Р. 282]. О рефлексии в этой связи Э. Гуссерль заговорил в 1907 г. в геттингенских лекциях, в которых подробно излагал учение о феноменологической редукции. Последовательное осуществление редукции, как известно, приводит к необходимости анализа ego cogito с целью универсального обоснования всех отраслей научного знания. Позднее он предпринимает попытку развить и расширить это учение, оформив его в концепцию о «раздвоении Я» (*Ichspaltung*) [2. Р. 101, 318]. Импульс к такому расширению был дан благодаря критическому переосмыслению трансцендентального характера философии при сохранении важного различия между фактическим и трансцендентальным ego.

Вопрос о трансцендентальной субъективности в феноменологии

Вся тяжесть проблемы осознается лишь тогда, когда в результате феноменологической редукции трансцендентальное ego сжигает все мосты к отступлению и оказывается в своей собственноручно изготовленной «золотой клетке». Оно устанавливает единственное в своем роде философское одиночество. Неудивительно, что уже современники Гуссерля усмотрели в его учении о трансцендентальной субъективности отсутствие каких бы то ни было экзистенциальных категорий. Как правило, в этой критике делался акцент на

единстве личности – единстве, которое не допускает жесткого разделения на трансцендентальную и фактическую сферы, ибо всегда и везде «обнаруживается необходимая функциональная зависимость чистого сознания от эмпирической личности... Абсолютное сознание совпадает с эмпирическим, так как оно является наблюдателем» [3. Р. 180–181]. Коль скоро фактическое Я остается без внимания, своеобразные феномены человеческой субъективности, напрямую с ним соотнесенные, не учитываются в феноменологическом исследовании.

Современный феноменологический подход к изучению человеческого бытия пытается преодолеть подобные упущения, продвигаясь в одностороннем направлении, преимущественно в экзистенциальном. Такое положение вещей вновь возвращает нас к той бесплодной рассудочной попытке, которую предприняли Ж.-П. Сартр и его последователи с тем, чтобы устранить сущностную различенность фактического и трансцендентального *ego* [4. Р. 319]. По сути дела, Сартр просто отвергнул трансцендентальное *ego*, выдвинув взамен идею об «абсолютно безличном сознании», рефлектирующим над своими собственными актами. Причиной тому послужило, по-видимому, следующее соображение: когда *ego* занимает трансцендентальную позицию по отношению к своему опыту, это трансцендентальное конституирующее сознание само не является объектом, но есть условие возможности всех объектов познания. Ведь оно может объективировать себя только вслед за своим актом. Сартр называет это вечно ускользающее сознание неким «несубстанциальным абсолютом», который никогда не может быть объективирован в силу того, что всякий раз идет на шаг *вперед* своей собственной объективации. Нерефлектируемое и непостижимое, иррациональное сознание указывает на то, что само *ego cogito* трансцендентно [5].

Между тем ситуация коренным образом изменяется, когда исследователь связывает теоретико-познавательную проблематику с анализом трансцендентальной субъективности. Более того, существенно изменяется и сам подход: внимание перемещается от теории познания к учению о *конституции*. Конституция есть приоритетное право трансцендентальной субъективности. Хотя в интенциональной жизни сознания выделяются различные, относительно самостоятельные элементы, все же их нельзя друг от друга отрывать, ибо только так можно решить вопрос о конкретном характере трансцендентального *ego* положительно. Вне всякого сомнения, оно выполняет главную опосредующую функцию – функцию собирающего и связующего центра, удерживающего в себе все многообразие интенциональных актов. Но вместе с тем *ego* следует понимать как вполне определенный момент конкретной эгологической структуры.

Пространство и время трансцендентального субъекта

Для феноменологии характерна констатация принципиальной возможности чистого *ego*, которая актуализируется благодаря рефлексии. Сознание оказывается в двух сферах, когда в результате рефлексивного поворота взгляда способно удерживать довольно длительное время себя самого в качестве предмета.

Указанная способность реализуется благодаря феномену *Ichspaltung*. «В осуществлении саморефлексии я поднимаюсь над самим собой, раздваи-

ваюсь на высшее Я, каковое есть Я акта рефлексии, и на низшее, над которым я рефлектирую» [6. Р. 262]. Этот раскол Я на две части, а также изображение целого в виде привычной пространственной модели со своим верхом и низом фундированы более глубинным феноменом – *субъективной пространственностью*. И хотя Гуссерль не был первым, кто заговорил о таком раздвоении, однако заслуга его в том, что он сделал данное понятие краеугольным камнем своей «первой философии». Действительно, только благодаря раздвоению Я делается плодотворным исследование многочисленных структур субъективности. Оно оказывается главной темой и самой общей эгологической структурой. В этом раздвоении с очевидностью усматривается первоисточник имманентных переживаний – самосознания и рефлексии.

Феномен раздвоения Я теснейшим образом связан с *имманентной временностью*. Действительно, отношение ретенции и раздвоения взаимно: раздвоение зависит от ретенциальных сдвигов, а сама ретенция есть удерживание раздвоенности. Иными словами, без различенности эгологических моментов не было бы и речи об имманентной временности, она даже не выступила бы в качестве темы.

Эгологические структуры

Здесь возникает правомерный вопрос: *кто* актуализирует это раздвоение? Кто осуществляет благодаря повороту к трансцендентальной сфере просмотр эгологических структур? По-видимому, возможно только два ответа. Во-первых, когда исследуются эгологические структуры сознания, например структуры имманентной временности или субъективной пространственности, то всякое разделение и просматривание осуществляет *чистое ego*. Во-вторых, если учитывается весь совокупный опыт, весь трансцендентально-феноменологический метод с его редукциями, конститутивной проблематикой, региональными онтологиями и очевидностями, интерпретацией интерсубъективности, то дело ведет в таком случае философ как *персональное ego*, как личность. Личность есть конкретное ego, обремененное мотивами, интересами и социальными ролями, она живет обычной повседневной жизнью. Сочетая указанные подходы, любой исследователь вскоре обнаруживает, что чистое ego способно приобретать определенности в виде убеждений, привычек, характера, являясь устойчивым полюсом единства. В процессе самораскрытия последовательно занимают различные установки, что, в свою очередь, производит соответствующее преобразование личности, причем чистое ego в таких случаях всегда выступает в качестве инициатора и устанавливает действительное начало конститутивного процесса.

Подобный подход формулирует более гибкую позицию в отношении трансцендентального субъекта, учитывающую не только сущностный аспект, но и возможность контролируемых экзистенциальных допущений, т.е. позволяет рассматривать чистое ego одновременно и как всеобщее вместилище форм, и как определенный структурный элемент в единстве тематической связи. Именно второй момент и выступает в качестве принципа всех экзистенциальных допущений, ибо в нем предельная всеобщность, или самотождественность, представлена в виде вполне конкретной индивидуальности: абсолютное сознание, будучи исключительно априорным образованием, тут же демонстрирует свою завершенность, оказываясь встроенным в эгологическую

структуру. Учитывая данную особенность – тот факт, что чистое *его* является лишь определенным элементом обширной эгологической сферы, – следует прежде всего строго зафиксировать его *место* среди других элементов.

Чистое сознание как система потенциальности

Структура *его* – это своего рода система потенциальности, которая не есть пустая возможность, но позитивная предрасположенность. Такая система находится в постоянной готовности перейти к актуализации, к деятельности. Я всегда могу занять новую, более выгодную для себя позицию, высказать иную точку зрения и достичь поворота. Этот поворот взгляда есть исключительное право чистого *его*. Например, когда философ переходит к трансцендентальной точке зрения, покидая почву естественной установки и осуществляя эгологическую редукцию [7. Р. 109], он замечает, как на основе целостной структуры *его* формируются две взаимосвязанные и одновременно полярно различные сферы – трансцендентальная и фактическая. Фактическое *его* отделяется от трансцендентального *его*, но, разумеется, между ними нет полного разрыва, их различие указывает лишь на изменение сознания одного и того же *его*.

При анализе феноменов сознания необходимо также учитывать два значения термина «фактический». Первое указывает на конкретность личности, которая живет повседневными заботами, а второе связывает фактическое с естественной установкой сознания и с возможностью изменения этой установки в результате поворота к эгологической сфере. Во втором случае фактическое и трансцендентальное *его* суть различные между собой моменты единого процесса образования человеческого духа.

Исходя из данного фундаментального различия, постараемся по возможности кратко дать исчерпывающую характеристику чистого *его* в единстве целостной эгологической структуры. Если *его* *existo* рассматривается только в связи с актом *cogito*, то оно называется «полярным», или активным субъектом познания. Но вне связи с объектами и актами *cogito* оно совершенно пусто и остается голым полюсом единства. Поэтому чистое *его*, взятое в таком аспекте, не поддается никакой дескрипции [8]. Однако оно может приобрести определенности, т.е. может быть конституировано как нечто имеющее убеждения и привычки, несколько не отождествляясь с ними. Предметом анализа здесь могут выступать разные уровни и зависимости, к примеру психофизическое, социальное или политическое *его*. Но будучи так определено, персональное *его* перестает быть объектом аподиктического знания.

Между тем, отвлекаясь от изменчивых характеристик личности, от ее социальных ролей, чистое *его* сохраняет свое собственное содержание. Любой встречаемый объект указывает на некую чистую структуру, находящуюся *внутри* самого *его* и выступающую в качестве первичной формы этого объекта. В данном случае мы имеем дело уже с трансцендентальным *его*, чьи структуры открыты для рефлексивного схватывания и сущностного постижения.

И, наконец, совсем иное значение имеет конкретное *его*, или монада. Оказывается, что чистое *его* есть лишь ядро или центральный слой активной и потенциальной сознательной жизни, а потому является составной частью

монады, которая включает в себе также и сферу категорий, ноэматических единств. В результате абстрагирования его определяется как таковое и репрезентируется в качестве пространственной структуры.

Феномен мира всякий раз отсылает нас к конституирующей деятельности сознания. Реальность не автономна, она изначально соотнесена с субъективностью и сохраняется только как бытие, конституированное сознанием. Так называемая трансцендентность реальности, ее независимость и непостижимость, есть своеобразный коррелят нашего сознания, особый конституируемый смысл.

Если следовать этой логике рассуждения, то внешнему пространству должна соответствовать некая внутренняя пространственность, т.е. система возможного пространственного опыта, в которой заложена удивительная способность человека оперировать не только трехмерными конструкциями. В качестве иллюстрации можно рассмотреть шестимерное пространство «Калаби-Яу» или же «Вселенную Кандинского». Примерами также могут служить фрактальная модель Вселенной и достижения современной инфляционной космологии. Создание таких моделей во многом определяется возможным пространственным опытом познающего субъекта, его умением визуализировать многомерные свернутые пространства. Вместе с тем, субъективность служит условием только для проявления смысла, короче говоря, является необходимым условием. В противном случае, если бы субъективность была достаточным условием, она актуально творила бы материальный мир.

Генетическая конституция

Весьма примечательно, что в структурном анализе субъективности со стороны ее содержания рассматриваются первичные элементы: «гилетические данные» интенционального опыта и «ноэзы», которые оживляют чувственное содержание посредством понимания. Указанные элементы интенционального опыта мы находим, когда рефлектируем над своими актами, описывая их взаимозависимость, последовательность, структуру и трансформацию. Идеальным компонентом акта сознания служит ноэма, коррелятивная ноэзису. Ноэма сама по себе неоднородна. Внутри нее могут быть выявлены различные *слои*, которые сгруппированы вокруг *ядра*, вокруг чистого объективного смысла. Ядро ноэмы постигается интуитивно, и о нем можно сказать только одно – оно удерживает в единстве все периферийные элементы сознания. Сам же осмысляемый объект *инвариантен*, к нему можно возвратиться после, взглянуть на него с другой стороны, наделить его различными модальностями, приписать ему те или иные предикаты.

Здесь его определяется не только как тождественный полюс интенциональных актов, но и как постоянный субстрат «габитуальностей», как сохранившееся содержание прошлого опыта. Все это, взятое вместе, образует монаду. Поэтому феноменология субъективности уже не может удовлетворяться структурным анализом, ограничивающимся статической схемой рассудка. Напротив, требуется раскрыть субъективность в ее конкретном осуществлении. Так, шаг за шагом, феноменологическое исследование с необходимостью приходит к проблематике генетического конституирования, задача которого заключается в том, чтобы тщательно изучить всю целост-

ность сознательной жизни. Генетическая конституция дает возможность критики наших суждений, которая основывается на истории содержания сознания. Вопросы применения генетического метода к некоторым математическим и логическим теориям рассматриваются в *Remarks* [9. P. 143].

Когда исследователь имеет дело только со структурным анализом (или статической конституцией), феноменология дает вполне адекватную картину субъективности. Теперь же, всматриваясь в историю эго и пытаясь оживить содержание актов, которые уже суть прошлое, чрезвычайно сложно выполнить требование адекватности феноменологического описания, ибо всякое суждение будет находиться в окружении смыслов и ранее принятых допущений.

Заключение

В заключение следует отметить, что генетическая конституция подключает к системе феноменологии принцип «интерсубъективности», который породил довольно плодотворную и ныне успешно развивающуюся феноменологическую социологию. Но здесь философ сталкивается с новыми затруднениями: феноменологическая установка требует, чтобы трансцендентный мир был заключен в скобки, а вместе с ним и всякое психофизическое Я. Воздерживаясь от всяких объективистских допущений, философ обретает чистую сферу сознания, которую уже нельзя рассматривать как часть мира, т.е. исключительно как индивидуальное бытие.

Более того, отношение трансцендентального эго к миру и к вещам этого мира является сугубо интенциональным, вследствие чего эго не может быть рассмотрено по принципу каузальности. Соответственно, существование других эго не может быть доказано на основании каузальных связей и зависимостей. Поэтому возникает фундаментальная проблема, а именно: каким образом другие эго, а не просто феномены мира, могли бы быть полагаемы существующими. Ведь они не только являются внешними объектами, но и требуют признания их в качестве трансцендентальных субъектов.

Литература

1. *Roberts J.* The Logic of Reflection: German Philosophy in the Twentieth Century. New Haven ; London : Yale University Press, 1992.
2. *Husserl E.* Ideen zu einer Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie. Den Haag, 1952. Buch 2: Husserliana, Bd. IV.
3. *Plessner H.* Krisis der transzendentalen Wahrheit im Anfang. Frankfurt am Mein, 1980.
4. *Gurwitsch A.* The collected works of Aron Gurwitsch (1901–1973) / ed. by F. Kersten. Dordrecht : Springer, 2010. Vol. II: Studies in phenomenology and psychology.
5. *Sartre J.-P.* La transcendance de l'ego // Recherches philosophiques. 1936. VI. P. 85–123.
6. *Husserl E.* Erste Philosophie (1923/24). Den Haag, 1956. Buch 2: Husserliana, Bd. VII.
7. *Cairns D.* The philosophy of Edmund Husserl. Phaenomenologica. Dordrecht : Springer, 2013. Vol. 207.
8. *Heinsen D.* Husserl's Theory of the Pure Ego // Husserl, Intentionality and Cognitive Science / ed. H.L. Dreyfus. Massachusetts, London : The MIT Press, Cambridge, 1984. P. 147–168.
9. *Седов Ю.Г.* Remarks Concerning the Phenomenological Foundations of Mathematics // Логические исследования – Logical Investigations. 2016. Т. 22, № 1. С. 136–144.

Yuri G. Sedov, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology (Gatchina, Russian Federation).

E-mail: yuriy-sedov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 48–54.

DOI: 10.17223/1998863X/52/5

A PHENOMENOLOGICAL INVESTIGATION ON STRUCTURES OF TRANSCENDENTAL SUBJECTIVITY

Keywords: transcendental subjectivity; egological structure; subjective spatiality; genetic constitution.

The starting point of a phenomenological investigation is reflection. The formation of this approach is based on the discoveries of René Descartes, John Locke and Immanuel Kant. The concept of reflection is most fully represented in Edmund Husserl's works devoted to phenomenological reduction. The consistent implementation of the reduction leads to a structural analysis of the phenomenon of transcendental subjectivity in order to substantiate the unity of scientific knowledge. The doctrine of transcendental subjectivity is associated with the idea of "dividing the self" (Ichspaltung). The exact formulation of this idea becomes possible as a result of a rethinking of the transcendental nature of philosophy while maintaining the distinction between the actual and the transcendental egos. In connection with this, the very approach to the analysis of subjective structures also changes: attention shifts to the theory of constitution. Phenomenology is based on the fundamental possibility of a pure ego which is actualized through reflection. The reflective separation of the pure ego into two parts is represented by using the familiar spatial model with its top and bottom. The model is grounded by subjective spatiality. Due to the phenomenon of "dividing the self", it becomes possible to study the diverse egological structures. This article discusses the following principal theses. (1) Ego-structure is a system of potentiality. Such a system is not an abstract possibility, but a positive predisposition. (2) The pure ego is central to other elements of any integral egological structure. (3) The pure ego as a primary form of objects has its own substance which consists of noematic unities (categories). (4) Any object of external space corresponds to the internal structure of subjective spatiality. The solution of such issues cannot be limited to the structural analysis of transcendental subjectivity; methods of genetic constitution are also required. Genetic constitution enables criticism of one's judgments and allows considering subjectivity in its concrete implementation. The genetic nature of transcendental phenomenology leads to intersubjectivity issues.

References

1. Roberts, J. (1992) *The Logic of Reflection: German Philosophy in the Twentieth Century*. New Haven and London: Yale University Press.
2. Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer Phaenomenologie und phaenomenologischen Philosophie*. Vol. 2. The Hague: [s.n.].
3. Plessner, H. (1980) *Krisis der transzendentalen Wahrheit im Anfang*. Frankfurt am Mein: [s.n.].
4. Gurwitsch, A. (2010) *The Collected Works of Aron Gurwitsch (1901–1973)*. Vol. II. Dordrecht: Springer.
5. Sartre, J.-P. (1936) La transcendance de l'ego. *Recherches philosophiques*. 6. pp. 85–123.
6. Husserl, E. (1956) *Erste Philosophie (1923/24)*. Vol. 7. The Hague: [s.n.].
7. Cairns, D. (2013) *The Philosophy of Edmund Husserl*. Dordrecht: Springer.
8. Heinsen, D. (1984) Husserl's Theory of the Pure Ego. In: Dreyfus, H.L. (ed.) *Husserl, Intentionality and Cognitive Science*. Massachusetts, London: The MIT Press, Cambridge. pp. 147–168.
9. Sedov, Y.G. (2016) Remarks Concerning the Phenomenological Foundations of Mathematics. *Logicheskie issledovaniya – Logical Investigations*. 22(1). pp. 136–144.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/52/6

В.А. Сухарева

ЧТО ЕЩЕ НЕ ТАК С ‘АРГУМЕНТОМ ПРОТИВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЯЗЫКА’?¹

Статья посвящена проблеме индивидуального языка, сформулированной Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования». Проблема рассматривается через призму анализа аргумента против индивидуального языка с опорой на интерпретацию С. Крипке, представленную в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке». В ходе анализа обнаруживается концептуальное несоответствие между дескрипцией индивидуального языка, данной в § 243 «Философских исследований», и крипкевской интерпретацией аргумента против индивидуального языка. Автор показывает, что данное концептуальное несоответствие оказывается критическим для аргументации Крипке. Делается вывод, что экспликация данного концептуального несоответствия не только проясняет суть дискуссии вокруг проблемы индивидуального языка, но и позволяет расчистить путь к доказательству возможности индивидуального языка.

Ключевые слова: индивидуальный язык, аргумент против индивидуального языка, Витгенштейн, Крипке, значение.

Введение

Что такое индивидуальный язык? Что имеют в виду, когда употребляют данное выражение? Традиционно под индивидуальным языком понимают гипотетический язык, который в силу необходимости может быть понятен только одному конкретному индивидууму – носителю этого языка [1].

Особый интерес представляет характеристика индивидуального языка, а также аргументация против существования такого языка, представленные Л. Витгенштейном в работе «Философские исследования». Действительно, так называемый ‘аргумент против индивидуального языка’, или просто ‘аргумент индивидуального языка’, сформулированный Витгенштейном и неоднократно интерпретируемый впоследствии такими философами, как С. Крипке (работа «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке»), А. Айер («Может ли существовать индивидуальный язык?»), Р. Рис («Может ли существовать индивидуальный язык?»), Н. Малкольм («Витгенштейн о языке и правилах»), Г. Бейкер и П. Хакер («Скептицизм, правила и язык») и др., представляется весьма неоднозначным в свете развернувшейся вокруг него бурной дискуссии о том, какое понимание данного аргумента корректно, а какое нет.

Цель данной статьи – попытаться показать, что неоднозначность интерпретаций Витгенштейновского ‘аргумента против индивидуального языка’ может отчасти объясняться присутствием некоторой путаницы в понятиях.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00324.

1

Для начала рассмотрим предложенное Витгенштейном определение индивидуального языка.

В § 243 «Философских исследований» Витгенштейн пишет: «Но мыслим ли такой язык, на котором человек мог бы для собственного употребления записывать или высказывать свои внутренние переживания? (...) Слова такого языка должны относиться к тому, о чем может знать только говорящий, – к его непосредственным, индивидуальным впечатлениям. Так что другой человек не мог бы понять этого языка» [2. С. 171].

Но что, собственно, значит *понимать* язык?

Понимать язык – значит быть способным *устанавливать значение знаков* этого языка. Таким образом, точное определение того, что значит понимать язык, должно задаваться *концепцией значения*.

Можно выделить два типа концепций значения *по основанию природы значения*.

Первый тип – это традиционные концепции значения, опирающиеся на репрезентативную функцию языка. В рамках концепций этого типа значение рассматривается как *неязыковая* сущность (например: предмет, идея, убеждение, ментальное состояние и т.п.), репрезентируемая или выражаемая знаками языка.

Язык здесь выступает в роли *посредника*, или медиума, между субъективной реальностью и реальностью объективной.

А *понимание языка* в этом смысле осуществляется как *интерпретация* – т.е. как обнаружение / установление соответствия между значениями (неязыковыми сущностями) и единицами языка (репрезентантами).

Второй тип – альтернативные концепции значения, получившие в некоторых классификациях (см., напр.: [3. С. 173]) общее название *функциональной теории значения*.

В функциональной теории значения репрезентативная функция языка, как правило, полностью нивелируется, а значение рассматривается как сущность, обладающая *сузубо языковой природой*. Конкретно говоря, значение языкового знака в рамках концепций этого типа может определяться как характеристика сочетаемости отдельно взятого знака с другими знаками того же языка, или как функция знака внутри языкового целого.

К главным представителям так называемой функциональной теории значения традиционно относят Г. Райла, который в статье «Теория значения» выдвигает тезис о том, что знать, что означает некоторое выражение, есть не что иное, как «знать правила использования этого выражения» [4. Р. 365], отчасти Д. Дэвидсона с его холистическим подходом к значению, в рамках которого утверждается, что единица языка имеет значение только в контексте всего языка, а также самого Витгенштейна с его концепцией языковых игр, в рамках которой значение слова определяется как употребление слова в языке. Соответствующую дефиницию понятия «значение» Витгенштейн дает в § 43 «Философских исследований».

Язык в этом смысле перестает рассматриваться в качестве субъекта или участника таких отношений, как «соответствие объективной реальности» или «выражение самости», а *понимание языка* отождествляется с *пониманием*

правила в смысле владения техникой следовать правилу словоупотребления. В сущности, язык вообще не понимается (в традиционном смысле) – он просто используется (правильно или неправильно, т.е. согласно правилам или нарушая их).

В целом функциональная теория значения (во всяком случае та ее версия, которую разрабатывает Витгенштейн) строится на основаниях, альтернативных тем, на которые опирались традиционные концепции значения, отождествлявшие понимание языка с интерпретацией в смысле установления соответствия между неязыковыми сущностями и элементами языка. Различие в основаниях проявляется, в частности, в том способе, которым Витгенштейн употребляет слово «интерпретация» в § 201 «Философских исследований»: «Существует такое понимание правила, которое является не интерпретацией» [2. С. 163]. Это различие можно сформулировать следующим образом: интерпретация может помочь понять отдельно взятое слово, но интерпретация не может помочь понять правило употребления этого слова. В сущности, в данном пассаже Витгенштейн постулирует принципиальную двойственность термина «понимание» (с тем чтобы более явно тематизировать проблему понимания правила).

Итак, после того как мы выделили и рассмотрели подробнее два типа концепций значения, становится очевидным, что в дескрипции индивидуального языка, которую мы привели выше, Витгенштейн опирается на концепцию значения первого типа, поскольку говорит об отношении между «словами языка» и «непосредственными индивидуальными впечатлениями говорящего».

В этом смысле условием и критерием понимания индивидуального языка является способность устанавливать соответствие между непосредственными индивидуальными впечатлениями некоего агента и элементами его индивидуального языка.

2

Теперь рассмотрим, каким же образом Витгенштейн формулирует аргумент против индивидуального языка.

Позиция Витгенштейна, как, в частности, подчеркивает Крипке, может быть охарактеризована как «ускользающая» [5. С. 9]. Действительно, составляющие ее положения широко разбросаны по тексту «Философских исследований», и поэтому всякая попытка собрать их воедино заведомо представляет собой интерпретацию. Мы не преследуем здесь цели представить оригинальную интерпретацию аргумента против индивидуального языка, а потому просто попытаемся найти общий знаменатель уже существующих интерпретаций, опираясь в большей степени на интерпретацию, предложенную Крипке.

Итак, суть витгенштейновского аргумента против индивидуального языка (в интерпретации Крипке) можно свести к указанию на невозможность однозначно задать *критерии правильности* или *правила* использования для элементов индивидуального языка. Тогда как в отношении совместного языка – за счет взаимного согласия или несогласия участников коммуникации – достигается иллюзия следования какому-то определенному правилу, т.е. иллюзия согласованности между прошлыми и будущими употреблениями од-

ного и того же слова. В этом смысле индивидуальный язык оказывается невозможным прежде всего потому, что для него отсутствует принципиальная возможность согласовать между собой прошлые и будущие употребления слов.

Действительно, в рамках концепций значения второго типа согласованность внутри бесконечной последовательности употреблений одного и того же слова является одним из ключевых условий наличия у данного слова значения, а следовательно, и одним из ключевых условий возможности понимания данного слова. Таким образом, гипотетический носитель индивидуально-языка, согласно мысли Крипке, сам не будет иметь возможности понимать собственный язык. Следовательно, индивидуальный язык невозможен.

3

Здесь обнаруживается следующее *концептуальное несоответствие*: дескрипция индивидуального языка – а прежде всего определение понимания индивидуального языка – формулируется Витгенштейном в терминах традиционной концепции значения (концепции первого типа), тогда как в так называемом аргументе против индивидуального языка (в интерпретации Крипке) используется определение понимания языка, сформулированное в терминах альтернативной концепции значения (концепции второго типа).

Действительно, Крипке сознательно смещает акценты в рассмотрении аргумента индивидуального языка, и указывает на это в своей работе: «Следуя § 243 ‘индивидуальный язык’ обычно определяется как язык, который любому другому понять логически невозможно. Аргумент индивидуального языка принимается для того, чтобы опровергнуть возможность индивидуального языка в этом смысле. Эта концепция не содержит ошибки, но, как мне кажется, здесь несколько неверно расставлены акценты. На самом деле отрицается то, что можно назвать ‘индивидуальной моделью’ следования правилу» [5. С. 101]. Но насколько такое смещение акцентов оправдано?

4

Вывод о наличии концептуального несоответствия сам по себе не имеет особой теоретической ценности, поскольку предполагает наличие некоторых дополнительных экспликаций и уточнений. Однако он в принципе позволяет нам выдвинуть следующую *гипотезу* (которая, безусловно, потребует дальнейшего доказательства или опровержения): интерпретация аргумента против индивидуального языка, предложенная Крипке, по сути, превращает аргумент против индивидуального языка в аргумент, направленный в пустоту.

Посмотрим, действительно ли это так – действительно ли аргумент против индивидуального языка в интерпретации Крипке бьет мимо цели (и если да, то насколько мимо).

Для этого нам необходимо рассмотреть следующие наиболее очевидные и наиболее вероятные возражения, которые могут быть выдвинуты против нашей гипотезы.

Первое возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке по той причине, что аргумент против индивидуального языка выводится Витгенштейном (и самим Крипке) в качестве следствия опровержения традиционной концепции значения.

Второе возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке, поскольку аргумент против индивидуального языка необходимо рассматривать в более широком контексте – а именно как часть аргументации против традиционной концепции значения.

Третье возражение: означенное концептуальное несоответствие нерелевантно для аргументации Крипке, поскольку интерпретация слова в смысле установления соответствия между неязыковыми сущностями и элементами языка невозможна без понимания правил употребления данного слова.

Итак, рассмотрим каждое из возражений более подробно (объемы статьи вынуждают нас ограничиться лишь этими возражениями. Однако это не значит, что их не может быть больше).

4.1

Начнем с первого возражения, которое представляется наиболее легко преодолимым. Действительно, Витгенштейн вовсе не опровергает традиционную концепцию значения и не отказывается от ее использования. Он лишь показывает, что традиционная концепция значения является грубым упрощением и опирается на достаточно примитивные представления о языке и принципах его функционирования. В целом традиционная концепция значения не является ложной, но ее основная проблема, как показывает Витгенштейн на примере августиновской картины языка в § 3, состоит в том, что «не все, что мы называем языком, охватывается этой системой» [2. С. 81].

Другой тезис Витгенштейна заключается в том, что традиционная концепция значения несамостоятельна и работает только при определенных условиях: «Указательное определение объясняет употребление – значение – слова, когда роль, которую это слово призвано играть в языке, в общем уже достаточно ясна. (...) мы только тогда скажем, что объяснение обучает его применению, когда почва для этого уже подготовлена» (§ 30–31) [Там же. С. 93].

Таким образом, можно резюмировать, что Витгенштейн не отбрасывает, а, напротив, интегрирует традиционную концепцию значения в свою теорию языковых игр. Он не отрицает существования специфического отношения между именем и именуемым, однако указывает, что это отношение находится в зависимости от правил той языковой игры, в рамках которой функционирует.

Следовательно, первое возражение оказывается несостоятельным: аргумент против индивидуального языка формулируется в контексте, допускающем референцию от слов к неязыковым сущностям.

4.2

Обратимся теперь ко второму возражению. Чтобы второе возражение оказалось состоятельным, нужно показать, что Крипке в ходе аргументации исключает возможность трактовать «понимание слова» в смысле интерпретации (т.е. в смысле обнаружения / установления соответствия между значениями (неязыковыми сущностями) и единицами языка (репрезентантами)).

Однако при более детальном рассмотрении аргументации Крипке можно увидеть, что именно этого Крипке не делает.

Действительно, в работе «Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке» Крипке использует понятие «интерпретация» в другом смысле. Вся-

кий раз, когда Крипке заводит речь об интерпретации, демонстрируя, что интерпретация работает не так, как ожидается, он говорит не об интерпретации слова как такового, а об *интерпретации правила употребления слова*.

Центральным вопросом всей работы Крипке становится вопрос о том, *как возможно понимание правила словоупотребления*. И ответы на этот вопрос являются главными опорными точками его аргументации:

1) правило не является ментальной сущностью: «Бесконечное множество примеров стола не находится в моем сознании так, чтобы я согласовывал с ними свое будущее. Сказать, что в моем сознании есть общее правило, которое сообщает мне, как складывать в будущем, – значит просто спихнуть проблему к другим правилам...» [5. С. 27];

2) понимание правила не является ментальным процессом (что становится очевидным в результате опровержения исходного предположения Крипке о смысле схватывания правила: «Посредством (...) внутреннего ментального представления я ‘схватываю’ правило сложения» [Там же. С. 14]).

В сущности, Крипке, вслед за Витгенштейном, доказывает достаточно тривиальную вещь, а именно что *правило использования знака не является референтом знака* (или, ближе к терминологии самого Крипке, что правило не является ментальной сущностью, к которой знак реферировал бы в каждом последующем употреблении).

Это значит, что Крипке с самого начала опирается на концепцию значения второго типа, отождествляя значение слова с владением правилом употребления слова. Таким образом, второе возражение также оказывается несостоятельным.

4.3

Третье возражение представляется наиболее фундаментальным.

Отвечая на первое возражение, мы уже показали, что Витгенштейн утверждает зависимость интерпретации слова от правил языковой игры, в рамках которой это слово употребляется. Но для того чтобы третье возражение оказалось состоятельным, необходимо также доказать, что эта зависимость носит односторонний характер.

Однако из текста Витгенштейна этого не следует. Если внимательнее посмотреть на те пассажи из § 30 и 31 «Философских исследований», которые мы цитировали, отвечая на первое возражение, а также на § 30, 31 и 32 в целом, то можно увидеть, что между интерпретацией слов и пониманием правил их использования, согласно Витгенштейну, существует *взаимная зависимость*. Такая взаимная зависимость наиболее полно проявляется при освоении новых языковых игр, например когда человек осваивает с нуля чужой язык, «основываясь на указательных определениях» (§ 32) [2. С. 94]. Витгенштейн признает, что в такого рода контекстах более глубокое понимание правила может быть достигнуто только посредством обращения к помощи интерпретации в форме указательных определений.

Но чтобы парировать третье возражение, недостаточно ограничиться доказательством существования взаимной зависимости между интерпретациями и правилами. Необходимо также доказать – и вот тут-то мы, наконец, сталкиваемся с Крипке и его аргументом против ‘индивидуальной модели следования правилу’ лицом к лицу, – что в рамках индивидуального языка

присутствуют оба элемента отношения взаимной зависимости и что для носителя индивидуального языка существует возможность следовать правилу индивидуально.

Коротко наметим несколько возможных стратегий доказательства возможности индивидуальной модели следования правилу.

1. Один из наиболее широко признанных аргументов в защиту возможности следовать правилу индивидуально и против утверждаемой Крипке необходимости апеллировать к сообществу для установления значения элементов языка был представлен оксфордскими исследователями Витгенштейна П. Хакером и Г. Бейкером. Пафос подхода Хакера и Бейкера заключается в том, чтобы показать, что Витгенштейн в действительности связывал понятие следования правилу с понятием регулярности, а не с понятием сообщества [6. Р. 130]. Индивидуальная модель следования правилу, согласно Хакеру и Бейкеру, должна быть признана возможной в форме субъективной регулярности употребления знаков или в качестве способности субъекта самостоятельно производить такие регулярности.

2. Многие исследователи признают аргументацию Хакера и Бейкера убедительной (см., напр.: [7]). Особенность представленной ими критики заключается том, что она носит преимущественно содержательный характер. Однако критиковать позицию Крипке (а отчасти и позицию самого Витгенштейна) можно и с методологической стороны.

В частности, наибольшие сомнения вызывает тот факт, что Крипке сосредоточивает свою аргументацию на отрицании *только одной* возможности, а именно на отрицании возможности реконструировать значение слова, исследуя последовательность его употреблений изолированно от системы языка, т.е. сравнивая слово *только* с самой собой, употребленным в разные моменты времени.

Этого явно недостаточно. Необходимо также показать, что значение слова остается непроясненным и в случае сравнения употребления отдельно взятого слова с употреблением других слов того же языка.

Такая же логика направляет исследование Витгенштейна. Так, в § 69 «Философских исследований» Витгенштейн пишет: «Мы не знаем границ понятия игры, потому что они не установлены» [2. С. 112]. Однако это утверждение носит явно ложный характер, поскольку границы любого понятия могут быть установлены однозначным образом другими понятиями в рамках всего языка, взятого в целом.

В качестве иллюстрации представим себе язык, состоящий из двух слов: «черное» и «белое». В рамках этого языка граница понятия «белое» будет конституироваться понятием «черное» (причем конституироваться однозначно), и *vice versa*. Оба слова будут также иметь фиксированные значения: «не черное» для понятия «белое» и «не белое» для понятия «черное».

3. В поисках условий возможности фиксированности значений в языке оба исследователя также полностью игнорируют признанный лингвистами феномен *внутриязыковой референции*, который описывает ситуацию, когда референтом той или иной категории являются «вербально сформированные концепты» [8. С. 20] (например, словарные дефиниции). Феномен внутриязыковой референции раскрывает принципы организации концептуальных и языковых систем, а также позволяет объяснить, каким образом формируются

точки отсчета, фиксирующие значения, внутри самого языка (что удовлетворяет требованиям концепций значения второго типа). Сеть внутриязыковой референции в некоторых языках может быть достаточно разветвленной для того, чтобы на ее основании задавались правила употребления слов и терминов. Действительно, множественные перекрестные ссылки между единицами языка, охватывающие и пронизывающие все языковое целое, выполняют работу, во многом аналогичную той, которую призваны выполнять ссылки друг на друга среди участников коммуникации в рамках языкового сообщества. В этом смысле знать слово (или знать значение слова) означает знать место слова в сети внутриязыковой референции, знать, как оно связано с другими словами языка. Поэтому вполне возможно представить себе язык с достаточно «плотной» и разветвленной сетью внутриязыковой референции, чтобы иллюзия *достаточной* фиксированности значений внутри языка достигалась и обеспечивалась без обращения к языковому сообществу.

Таким образом, третье возражение может быть в принципе признано несостоятельным или по меньшей мере может быть ослаблено, если будет принят хотя бы один из приведенных выше пунктов критики.

Из несостоятельности третьего возражения должно также следовать, что индивидуальный язык ощущений, созданный агентом, знакомым по крайней мере с одной языковой игрой (в том числе любым носителем естественного языка) в качестве специфической языковой игры ‘для одного игрока’ (наподобие карточных пасьянсов и т.п.), возможен как язык, понять который *полностью* может только его непосредственный носитель / создатель. Заметно, что мы несколько искажаем исходное витгенштейновское определение индивидуального языка, добавляя в него ограничение, касающееся степени понимания. Данное ограничение представляется необходимым, поскольку – в случае отождествления понимания правила со способностью генерировать / реконструировать регулярности – некоторые правила индивидуального языка могут быть частично реконструированы посторонним лицом (например, исследователем-лингвистом). Однако тезис о взаимной зависимости между интерпретациями и правилами запрещает возможность полностью реконструировать все правила индивидуального языка, потому что для этого потребовалось бы обратиться к помощи указательных определений, невозможных в случае с оущениями.

Вывод

Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что экспликация концептуального несоответствия между дескрипцией индивидуального языка, данной в § 243 «Философский исследований», и аргументом против индивидуального языка в интерпретации Крипке как минимум помогает прояснить дискуссию вокруг проблемы индивидуального языка, а также позиции и структуру аргументации вовлеченных в дискуссию сторон, а как максимум (если мы признаем третье возражение нерелевантным) – должна позволить расчистить путь к доказательству возможности индивидуального языка.

Литература

1. Руднев В.П. Язык индивидуальный // Гуманитарная энциклопедия / Центр гуманитарных технологий, 2002–2018 (последняя ред.: 25.08.2018). URL: <https://gtmarket.ru/concepts/7346>.

2. *Витгенштейн Л.* Философские исследования // Витгенштейн Л. Философские работы. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 75–319.
3. *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М. : Политиздат, 1968.
4. *Ryle G.* Theory of Meaning // *British Philosophy in Mid-Century*. London : George Allen & Unwin, 1957. P. 350–372.
5. *Крипке С.* Витгенштейн о правилах и индивидуальном языке. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005.
6. *Baker G.P., Hacker P.M.S.* Wittgenstein: Rules, Grammar and Necessity, Volume 2 of An Analytical Commentary on the Philosophical Investigations. Oxford : Wiley-Blackwell, 2009.
7. *Ладов В.А.* Обозначает ли слово «ощущение» ощущение? (обсуждая аргумент индивидуального языка Л. Витгенштейна) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 4 (16). С. 18–30.
8. *Болдырев Н.Н.* Репрезентация знаний в системе языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4 (13). С. 17–27.

Victoria A. Sukhareva, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 55–64.

DOI: 10.17223/1998863X/52/6

WHAT ELSE IS WRONG WITH THE “PRIVATE LANGUAGE ARGUMENT”?

Keywords: private language; private language argument; Wittgenstein; Kripke; meaning.

The article is devoted to the private language problem formulated by Ludwig Wittgenstein in his book *Philosophical Investigations*. The problem is considered through the prism of analysis of Saul Kripke’s interpretation of the private language argument presented in his *Wittgenstein on Rules and Private Language*. The purpose of the analysis is to clarify the meaning of the notion of “understanding the language”. For this purpose, the author of the article distinguishes two types of the theory of meaning. Such a distinction allows achieving the three main objectives of the research. (1) This distinction reveals the fundamental duality of the notion “understanding”. Thus, in terms of the theory of meaning of the first type, “understanding” is identified with interpretation (in the sense of establishing correspondence between non-linguistic entities and linguistic units). While, in terms of the theory of meaning of the second type, “understanding” is identified with understanding of the rule (in the sense of being master of a technique of following the rules of correct usage). (2) This distinction also clarifies how Wittgenstein and his interpreters treat the duality of the notion “understanding”. It is shown that this duality is of great methodological significance for Wittgenstein, who uses it as an important tool for distinguishing between two interdependent aspects of language understanding. In turn, Kripke neglects the methodological significance of this duality and uses the notion “understanding” in one single meaning as understanding of the rule. (3) Finally, this distinction allows explicating the conceptual inconsistency between the description of the private language (given in § 243 of *Philosophical Investigations*) and Kripke’s interpretation of the private language argument. The second part of the article is devoted to the justification of the assumption that the above-mentioned conceptual inconsistency is critical to Kripke’s argument. The article concludes that the explication of the conceptual inconsistency between the description of the private language and Kripke’s interpretation of the private language argument not only clarifies the discussion of the private language problem, but also opens the way for the possibility of a private language.

References

1. Rudnev, V.P. (2002–2018) *Yazyk individual'nyy. Gumanitarnaya entsiklopediya* [The individual language. Humanitarian Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://gtmarket.ru/concepts/7346>
2. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Work]. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
3. Vetrov, A.A. (1968) *Semiotika i ee osnovnye problemy* [Semiotics and its main problems]. Moscow: Politizdat.
4. Ryle, G. (1957) Theory of Meaning. In: Mace, C.A. (ed.) *British Philosophy in Mid-Century*. London: George Allen & Unwin. pp. 350–372.

5. Kripke, S. (2005) *Vitgenshteyn o pravilakh i individual'nom yazyke* [Wittgenstein about the rules and individual language]. Tomsk: Tomsk State University.
6. Baker, G.P. & Hacker, P.M.S. (2009) *An Analytical Commentary on Wittgenstein's Philosophical Investigations*. Vol. 2. Oxford: Wiley-Blackwell.
7. Ladov, V.A. (2011) Does the word sensation refer to sensation? (discussing L. Wittgenstein's private language argument). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 4(16). pp. 18–30. (In Russian).
8. Boldyrev, N.N. (2007) Knowledge representation in the system of language. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*. 4(13). pp. 17–27. (In Russian).

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/52/7

М.Ю. Кречетова

ОСНОВНЫЕ АРГУМЕНТЫ КОНТРПРОСВЕЩЕНИЯ

Статья посвящена экспликации корпуса аргументов мыслителей Контрпросвещения. Эти аргументы сводятся к критике четырех положений: единого разумного принципа устройства мира, понимания мышления по образцу естественных наук, идеи универсального языка и возможности построения идеального общества на основе рационального знания. Также в статье представлена полемика с ключевой классической работой по данной теме – работой И. Берлина «Контрпросвещение».

Ключевые слова: Просвещение, Контрпросвещение, природа реальности, разум, универсальный язык, преобразование общества.

Просвещение традиционно считается эпохой, заложившей основания современности (модерна). М. Фуко в работе 1984 г. «Что такое Просвещение?» пишет: «Но мне кажется, что с ним [с текстом И. Канта «Was ist Aufklärung?»] в историю мысли незаметно входит вопрос, на который современная философия неспособна ответить, но ей никогда не удавалось и отделяться от него. Она повторяет этот вопрос в различных формах уже два века. Начиная с Гегеля и вплоть до Хоркхаймера или Хабермаса – через Ницше и Макса Вебера – философия всегда, прямо или косвенно, сталкивалась с этим вопросом: что это за событие – Aufklärung, определившее, по крайней мере частично, то, что мы сегодня представляем из себя, наши мысли и наши действия?» [1. С. 132]. Опора на разум, *aude sapere*, свобода мысли, рационализация – бесспорно, одно из ключевых оснований современной Европы или западного мира в целом, – было полностью отрефлексировано именно в эпоху Просвещения. Но дело не только в этом общем генезисе. Многие мыслители настаивают на существовании зависимости между «траекторией» страны в XX в. и тем, как именно проходили процессы Просвещения в связи с национальной и культурной спецификой той или иной страны. Считается, что «образцовым» способом Просвещение реализовалось во Франции и Англии, в Германии же, Италии, России были свои особенности (отношение к власти, отношение к религиозности и пр.), которые косвенным и опосредованным образом, *in long distance*, привели в итоге к формированию фашистских и тоталитарных режимов в XX в. Обоснование такой точки зрения, к примеру, можно найти в классической работе И. Берлина «Контрпросвещение». Нужно отметить, что и ретроспективно зачастую идейная борьба интеллектуалов в темные 30-е гг. XX в. против нового комплекса тоталитарных идей строилась через апелляцию к ключевым ценностям Просвещения: сво-

боде, разуму, веротерпимости, равенству, космополитизму. Интеллектуальную «реабилитацию» Просвещения можно найти в целом ряде работ того времени: Жюльена Бенда 1932 г. «Речь к европейской нации», Эрнста Кассирера 1932 г. «Философия Просвещения», Поля Азара 1935 г. «Кризис европейского сознания» и др.

Другим серьезным аргументом в пользу значимости Просвещения является его существенный эмансипаторный потенциал, который реализовался в столь многих сферах и в столь неожиданных формах, что даже простое описание этих процессов могло бы составить целую книгу. Поэтому ограничимся лишь одним примером – эмансипацией евреев. Британский историк Эрик Хобсбаум, анализируя этот процесс, ссылается на последний абзац книги Арнольда Паукера «Опыт и память»: «...я пишу эти слова в те дни, когда вошло в моду подвергать сомнению даже Просвещение, т.е. прогресс, который единственный дал нам, евреям, жизнь, достойную человека» [2. С. 85]. Э. Хобсбаум, описывая результаты преодоления сегрегации и самосегрегации евреев в XVIII в., фиксирует, помимо прочего, невероятный интеллектуальный взрыв, произошедший в XIX и XX вв. в еврейской культурной среде: «Как будто с кипящего котла с талантами внезапно сняли крышку... Гейне, Мендельсон, Бартольди, Рикардо, Маркс, Дизраэли» [2. С. 88]. Э. Хобсбаум упоминает и экспоненциальным образом возросшее число научных открытий в математике, физике и химии, существенная часть которых (в части физики и химии) была отмечена Нобелевскими премиями, и невероятное представительство евреев в сфере творческих профессий: музыке, литературе, живописи.

Таким образом, Просвещение является не просто одной из «прекрасных» или «темных» эпох европейской истории, а, очевидно, выступает переломным моментом в европейской истории, недаром этот век зачастую обозначается также и как век революций: «политической» Великой французской революции, «экономической» английской революции и «интеллектуальной» германской революции.

Критика Просвещения – *Gegenaufklärung* – развивалась практически параллельно интеллектуальным усилиям просветителей на протяжении всего XVIII в. Однако интеллектуальные и политические страсти не улеглись и позже. Все XIX и XX вв. мы наблюдаем эпизодические попытки разоблачений века Просвещения и его идей. Причем эти попытки вовсе не носят обязательным образом реакционного или консервативного характера в политическом смысле и иррационалистического – в философском. К примеру, одна из самых известных попыток разоблачения Просвещения в XX в. принадлежит мыслителям очевидно левого толка – М. Хоркхаймеру и Т. Адорно. Однако исследовательский интерес этой статьи сосредоточен именно на истоках противостояния Просвещению и хронологически ограничен рамками XVIII в. Здесь нужно сделать еще одно уточнение, опираясь на замечание Тео Юнга: «So konstituieren sich um den Begriff *Gegenaufklärung* gegenwärtig nicht nur eine, sondern zwei Forschungsrichtungen. Die von Isaiah Berlin ausgehende Forschung skizziert eine quasi-transhistorische, ideengeschichtliche Tradition, in deren Mittelpunkt ein festes Set philosophischer Prinzipien steht. Der von McMahan, Masseau und ihren Nachfolgern verwendete Begriff dagegen legt ein gleichzeitig engeres und konkreteres Verständnis der Aufklärung und ihrer Gegner zu Grunde»

[3. С. 91–92]¹ Настоящее исследование опирается на традицию, идущую от Исайи Берлина, а не на традицию, выраженную в таких книгах, как Didier Masseaus *Les ennemis des philosophes* (2000) и Darrin McMahan's *Enemies of the Enlightenment* (2001)². В этих книгах речь идет о «врагах» Просвещения в смысле различных социальных групп, недовольных Французской революцией и имеющих возможность выразить это недовольство в письменной форме: реакционных публицистах, воинствующих священниках, аристократах, цензорах и пр. Настоящая же статья направлена на круг философских идей, противостоящих Просвещению. Так как даже в изначальной конфигурации этого противостояния заметна эклектичность философских (иррационализм, витализм, интуитивизм) и политических (консерватизм, социализм) позиций, важно выделить ядро аргументации, не отвлекаясь на множество маргинальных и окраинных сюжетов. Коррелятивно этой задаче было бы правильно изначальное выделить концептуальное ядро, которое подвергается интеллектуальной атаке. Также исключительно важно сразу зафиксировать принципиальное несогласие с И. Берлином по вопросу «национальной принадлежности» Просвещения. В своей знаменитой статье он придерживается позиции, что весь комплекс просветительских идей был выработан во Франции, в то время как их критика «территориально» сосредоточилась преимущественно в Германии. Это не соответствует ни фактическому положению дел (можно сослаться, к примеру, на обоснование толерантности и равенства людей в пьесе Г.Э. Лессинга «Натан Мудрый», обоснование конечной цели человечества в трактате И. Канта «К вечному миру» и массу других работ), ни тому обстоятельству, что француз М. Фуко в попытке показать неиссякающую значимость Просвещения для современности апеллирует не к своим соотечественникам, а к немцу И. Канту. Итак, обратимся теперь к решению поставленной задачи.

Представляется, что интеллектуальное ядро Просвещения может быть отнесено к констатации *единого разумного принципа устройства мира* и единой природы человека, *мышления по образцу естественных наук*, фиксации результатов мысли в *универсальном языке* и возможности *построения идеального общества* на основе этого знания. Симметрично этой последовательности и критика разворачивается как критика понимания мира, и прежде всего природы, значения иных, нежели исчисляющий разум, способностей для постижения мира (в первую очередь веры, чувства и воображения), констатации невозможности универсального языка и, наконец, сущностных проблем революций и реформ в стремлении к идеальному обществу.

Разберем чуть подробнее key points просвещенческой мысли. Исайя Берлин прав, когда пишет: «Единый набор всеобщих и неизменных принципов правил миром, по мнению теистов, деистов и атеистов, оптимистов и пессимистов, пуритан, „опрошенцев“ и тех, кто верил в прогресс и обильнейшие плоды науки и культуры...» [4. С. 264]. Действительно, если взять, к приме-

¹ «Так, вокруг понятия Контрпросвещения складываются на настоящий момент не одно, а целых два исследовательских направления. Берущее начало от Исайи Берлина исследование намечает квазитрансгисторическую, в духе истории идей традицию, в средоточии которой стоит четкий набор философских принципов. Напротив, употребляемое Макмэнном, Массо и их последователями понятие предполагает в основе узкое и конкретное понимание Просвещения и его противников» (перевод мой. – М.К.).

² Дидье Массо. Враги философов (2000); Даррин Макмэн. Враги Просвещения (2001).

ру, таких интеллектуальных и экзистенциальных оппонентов, как Руссо и Вольтер, можно составить длинный и внушительный список их расхождений: существование души и свободы воли и их отрицание, изначальная альтруистичность или эгоистичность человека, представление, что животные счастливы, и убеждение, что «звери и люди страдают почти без передышки» и пр. Однако что касается универсального принципа устройства Вселенной, оба мыслителя практически дословно совпадают в своих формулировках (см., напр. «Исповедание веры савойского викария» и «Надо сделать выбор»). Далее – этот общий принцип может быть познан разумом; человек, несмотря на всю сложность его природы, – разумное существо, а сам разум – инвариантен, т.е. один и тот же для разных мыслящих существ и для разных интеллектуальных миров. Э. Кассирер в работе «Формы мышления в эпоху Просвещения» отмечает, что, в отличие преимущественно дедуктивной формы мысли XVII в., в XVIII в. преобладает анализ, т.е. обращение от фактически данного к общим принципам, которые его объясняют. Примером такого рассуждения является открытие И. Ньютоном закона всемирного тяготения с опорой на предшествующие открытия И. Кеплера и Г. Галилея. В целом ньютоновская форма естествознания является образцовой для мышления того времени. И. Кант в «Критике чистого разума», по сути, выставляет эту форму как образец научности наряду с логикой и математикой.

Гораздо сложнее обстоит дело с третьим пунктом – фиксацией в языке. Сама тема языка является достаточно поздним открытием и не занимает умы просветителей как первостепенная проблема. Пожалуй, самым значительным исключением является проект Ж.А. Кондорсе, который в 10-й главе работы «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» сначала констатирует необходимость достижения математической точности языка метафизики, морали и политики, а затем и вовсе переходит к радикальной идее – необходимости создания всемирного языка. Описание этого языка выглядит вполне незамысловато и предвосхищает некоторые более поздние попытки создания точного языка в позитивизме и ранней аналитической философии: он должен однозначно фиксировать в знаках реально существующие единичные вещи, их множества (простые общие идеи), отношения между идеями и интеллектуальные операции, к которым прибегает человек. От идеи строгого знания, выраженного в строгом языке, просветители осуществляют переход к идее преобразования общества. Ключевыми здесь являются идеи свободы и равенства как принципы организации будущего общества. Конкретный же образ этого будущего может сильно варьировать от вполне натуралистических описаний общества равных людей и изменения органической природы человека (сначала – через увеличение продолжительности жизни, затем – через достижение бессмертия), как у Ж.А. Кондорсе, до вполне идеалистических описаний морально совершенного состояния человечества, как у И. Канта.

Перейдем теперь к попытке каталогизации и классификации аргументов Контрпросвещения. Наибольшую сложность, как ни парадоксально, представляет начальный пункт – устройство мира. И. Берлин в качестве первого оппонента просвещенческой позиции в этом пункте выставляет Джамбаттиста Вико. Бесспорно, у Вико присутствует аргумент, что мы не можем познать природу, поскольку мы можем полноценно познать только то, что создано нами, а природа создана не нами, а Богом, а значит и лежит за

границами нашего понимания. Однако дальнейшие рассуждения Вико, на которые ссылается И. Берлин, а именно рассуждения об уникальности культур со всеми вытекающими из них импликациями, не имеют прямой опровергающей силы против идеи о едином принципе устройства мира. Скорее – это ранний этап генезиса гуманитарных наук и расчистка поля для приложения их усилий. Позднее гимн индивидуальному и национальному разнообразию у И.Г. Гердера также не будет иметь силы подобного аргумента, а, скорее, подготовит появление комплекса идей исторической школы в лице В. Дильтея и И.Г. Дройзена. В итоге вся эта линия развития приведет к констатации различия номотетических и идиографических наук, различия процедур понимания и объяснения, а не к констатации принципиальной невозможности наук о природе и недостижимости их предмета. Конечно, В. Дильтей постоянно скептически оговаривается относительно того, что «...разум, понимаемый как основа миропорядка, не является чем-то само собой разумеющимся. Таким образом, способность этого разума мысленно овладеть реальностью становится гипотезой или постулатом» [5. S. 88], однако эти оговорки касаются, скорее, нашей эпистемологической позиции, нежели определенного онтологического утверждения об устройстве мира.

Другой пласт аргументов против единого принципа разумного устройства мира связан с рефлексиями о феномене жизни и органической природы как натурфилософского, так и вполне традиционного свойства, легшего впоследствии в основу такой науки как биология. Здесь следует различать две линии. С одной стороны, имеется альтернативное учение о природе, представленное, прежде всего, Г.В. Лейбницем, И.В. Гёте и Ф.В.Й. Шеллингом. С другой стороны, в рамках «канонической» линии развития науки и философии достаточно рано начинаются рефлексии, что организм не может быть понят на основе механических принципов и что, соответственно, необходимы дополнительные рефлексии относительно способов интеллектуального постижения живого и соотнесения этого постижения с естествознанием. Значительная часть кантовской «Критики способности суждения» посвящена этому вопросу. Поэтому здесь опять же наблюдается достаточно сложная картина: с одной стороны, есть очевидная альтернатива пониманию природы как *res extensa* в противоположность *res cogitans* и языку математики как единственному языку для постижения природы. С другой стороны, генезис новой науки, в данном случае биологии, частично происходит в рамках классического просвещенческого подхода и вряд ли может рассматриваться как антипросвещенческий по сути. К тому же есть нечто вроде «перекрестного опыления»: альтернативное учение о природе в виде натурфилософии реализуется Ф.В.Й. Шеллингом, находящимся под сильным влиянием кантовской философии и, в свою очередь, существенно повлиявшим на вполне строгие научные открытия, например в сфере электричества. Таким образом, те пласты дискурса, которые привели к формированию корпуса гуманитарных наук и корпуса таких естественных наук, как химия и биология, вряд ли стоит рассматривать как контрпросвещенческие по своей природе, если только не понимать разумность устройства узко, исключительно по модели большой и сложной машины.

Возьмем другой пласт полемики относительно природы реальности. Его можно рассмотреть на примере критики Ф.Г. Якоби в адрес трансценден-

тального идеализма И. Канта. Ф.Г. Якоби наряду с И.Г. Гаманом составляет костяк оппозиции Просвещению, в то время как И. Кант является не просто образцовым, а, скорее, даже задающим образцы мыслителем Просвещения. Аргументация Ф.Г. Якоби в работе «О трансцендентальном идеализме» направлена прежде всего на противоречивый статус предмета в онтологии И. Канта. С одной стороны, предметы аффицируют наши чувства и тем самым являются источником представлений в нас. С другой стороны, только синтетическая деятельность наших способностей (синтез представлений) производит предмет. Согласно Якоби, это противоречие усугубляется нашим незнанием, согласно Канту, последних оснований той и другой стороны: «В отношении же особых определений этого ощущения, т.е. его источника, или, выражаясь языком кантовой философии, рода и способа аффицирования нас предметами, мы находимся в состоянии полнейшего незнания. Что касается внутренней обработки или переваривания этой материи, благодаря которому она получает свою форму, и в силу чего ощущения в нас становятся предметами для нас, то обработка эта покоится на некоей самопроизвольности нашего существа, принцип которой нам опять-таки совершенно неизвестен и о котором мы только знаем, что первое ее проявление есть проявление некоей слепой по всем направлениям связующей способности, именуемой нами способностью воображения» [6. С. 10–11]. Выходов из этого противоречия может быть только два: либо старый добрый реализм, либо наисильнейший идеализм. Очевидно, Якоби считает единственно корректной позицией реализм и, соответственно, чувственность как базовую способность, на которую мы можем опираться в познании мира. Якоби считает глубоко ошибочным воззрение, что о реальности мы можем судить только как о корреляте синтетической деятельности наших способностей. Так что атаке здесь подвергается не столько даже та или иная констатация о природе реальности, сколько способ, который мы практикуем для доступа к ней, т.е. в терминологии Канта – «трансцендентальное исследование». Следует отметить, что и оппоненты Просвещения волей-неволей рассуждают в рамках этого нового субъективистского подхода – какую способность мы должны «эксплуатировать», чтобы познать реальность.

Так, фокус полемики смещается на второй пункт цепочки – критика разума и мышления по естественнонаучному образцу. На поверхности противостояние здесь выглядит простым и укладывается в бинарные оппозиции: разум – чувство, разум – вера, мышление – откровение. Но такая простота сохраняется только в крайних точках полемики. И.Г. Гаман в работе 1758 г. «Крохи» пишет: «Каким обширным хранилищем предстает перед нами сокровищница человеческой премудрости! И на чем же покоятся все эти знания? – На пяти ячменных хлебах: на пяти чувствах, общих нам и животным. На этой опоре зиждется не только вся товарная лавка (Warenhaus) [естественного] разума, но и сама сокровищница (Schatzkammer) веры» [7. С. 67]. Все интеллектуальные усилия И.Г. Гамана направлены на демонстрацию невозможности перехода от того, что дано чувством, от частного (единичного), к общему, которое может быть дано только разумом. В своем обосновании Гаман прибегает к опоре на аргументацию Д. Юма. Этому же пути следует и И.В. Гёте в своей морфологии, настаивая, что нужно бесконечно долго заниматься модификациями одного наблюдения, одного опыта, в котором дано

единичное, его связями с другим ближайшим единичным, а не восходить к общему, что может привести только лишь к ошибкам. Это понятная оппозиция учению И. Канта о двух стволах познания и схематизме как опосредующем звене между единичным и общим. Но дальше начинаются сложности. И. Берлин, котирующий И.Г. Гамана как ключевого мыслителя, «вознамерившегося разнести их [столпы Просвещения] вдребезги», считает, что у него есть много последователей: Гердер, Якоби, Мёзер, Бёрк и др., впоследствии повлиявших на романтиков, самым значительным представителем которых был Ф.В.Й. Шеллинг. И здесь трудно уже согласиться с И. Берлином, что Ф.В.Й. Шеллинг является продолжателем дела И.Г. Гамана, автора труда «Метакритика пуризма чистого разума», чьи полемические стрелы имеют понятного адресата. Шеллинг, по сути, исходит из поля, размеченного Кантом, хотя и продвигается в этом поле очень далеко. И. Берлин пишет, что Шеллинг делает ставку на интуицию и гениальное воображение в противовес аналитическому уму. Но то, что И. Берлин называет интуицией, носит у Шеллинга название «интеллектуальное созерцание» и является способностью, продуктом которой выступает абсолютное Я. Это в некотором смысле решение вопроса о генезисе трансцендентального Я (трансцендентального единства апперцепции) у И. Канта. Напомним, что И. Кант констатирует, что единственное, что мы можем знать об этом Я, это то, что «оно есть». Понятно, что у Шеллинга возникает естественный вопрос о генезисе этого «есть». С другой стороны, неправильно утверждать, что Кант считает за ключевую способность аналитический ум: даже если не брать в расчет первое издание «Критики чистого разума», в котором в качестве ключевой способности познания предстает трансцендентальная сила воображения, во втором издании ей также отводится исключительно значимая роль и прямо говорится, что без деятельности этой способности у нас не было бы никакого познания. Так что здесь у нас не выходит никакой прямой оппозиции, а, скорее, сложнейшее развитие идеи о соотношении интуиции и мышления в познании. И совсем уж невозможно согласиться с тем, что И. Берлин зачисляет в «лагерь» антирационалистов И.Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегеля [5. S. 285]. Конечно, эти мыслители не понимали разум по модели только исчисляющего и классифицирующего разума, но это не значит, что они были антирационалистами.

Перейдем теперь к третьему пункту – языку. Этот момент как раз впервые тематизирован в рассматриваемой нами традиции. Уже Джамбаттиста Вико считает, что язык, наряду с другими формами, является экспрессивным выражением индивидуального и исторического своеобразия людей определенной эпохи, И.Г. Гаман настаивает, что изначально люди говорили на поэтическом языке и в целом «каждый двор, каждая школа, каждая профессия, корпорация, секта имеют свой собственный язык» (цит. по: Берлин И. Контрпросвещение) [4. С. 274]. Универсального языка не существует, более того, не существует универсальных (общих) правил понимания языка. Это тот же аргумент, который мы уже встречали у И.Г. Гамана в рассуждениях о мышлении. Понять чужой язык можно не на основе правила, а на основе чувства. Позже этот мотив подхватит И.Г. Гердер, указывая, что лишь вчувствование может быть ключом к индивидуальности. Казалось бы, мы видим жесткое противостояние между превознесением естественного языка, путаного, своеобразного, неповторимого, генеалогически вытекающего из уникальных условий

жизни, и проекта универсального языка для всего человечества, однозначно фиксирующего предметный мир и ментальные операции. Однако и здесь ситуация не выглядит столь однозначной. Возьмем, к примеру, герменевтику Ф. Шлейермахера, которая выросла из вышеозначенной традиции. В своем труде «Герменевтика» Ф. Шлейермахер, как известно, различает грамматическое и психологическое толкование текста или речи. Толкование Шлейермахер понимает как искусство, а не как науку, что вполне вписывается в традицию Вико–Гаман–Гердер, и, соответственно, как нечто такое, что не может быть регламентировано правилами. Предмет этого понимания – чужая речь – в силу своей индивидуальности фиксируется как предмет бесконечных усилий по толкованию. Прежде чем приступить к пониманию, нужно уподобиться автору (через погружение в современный автору язык, во внешнюю и внутреннюю жизнь автора, через уподобление первому читателю). Опять же мы встречаем здесь знакомые сюжеты: индивидуальность предмета, процедуру уподобления. Далее – внимание к интонации, к многообразию и сочетанию значений: изначальное и производное, собственное и несобственное. В ряду этих описаний встречается любопытный сюжет, когда Шлейермахер рассуждает о общем и особенном значении и констатирует, что «изначальная задача для словарей – найти истинное, совершенное единство слова». Да, мы имеем многообразие способов употребления, но истинное значение слова мы можем обнаружить, только изолировав его из многочисленных контекстов его употребления. Это рассуждение уже однозначно не вписывается в контекст упомянутой традиции: если мы можем абстрагироваться от контекстов словопотребления, чтобы зафиксировать общее значение, видимо, мы можем двигаться по этому пути универсализации и дальше. Хотя бы гипотетически такая возможность не исключена. В целом тематизация языка как выражения индивидуального вовсе не обязательно препятствует общей просвещенческой установке, о чем свидетельствует, к примеру, и деятельность Вильгельма фон Гумбольдта как в части создания университета по новой модели, так и в части филантропической деятельности по поддержке художников и созданию первого публичного музея в Пруссии.

Наконец, четвертый пункт – это преобразование общества, преобразование человечества на основе рациональных идеалов. Здесь развернулась, пожалуй, самая масштабная и ожесточенная полемика. Отчасти это связано с тем, что Великая французская революция воспринималась современниками как воплощение идеалов Просвещения, и плоды этой революции далеко не всеми воспринимались как прогресс. Реформы в духе Просвещения, проводимые в ряде стран, также встречали вполне понятное сопротивление. Подобным образом далеко не однозначно воспринималась и колониальная политика европейских стран. Одним словом, это было не просто идейное противостояние, а идейное противостояние, основанное на «явленности», или определенной интерпретации, некоторых социальных последствий критикуемых идей. И если, к примеру, в сфере знания, даже если полемика носила резкий характер, все-таки не звучало требований закрытия Академии наук или университетов (максимум были требования отстранения от преподавания профессоров, обвиненных в атеизме¹), то в сфере глобального преобразова-

¹ В данном случае я имею в виду известный эпизод 1798 г. с обвинениями в атеизме И.Г. Фихте, в результате чего он покинул свою преподавательскую должность.

ния человечества и общества идейные требования имели вполне понятные социальные корреляты.

Кажется правильным оставить здесь в стороне яркие, а порой и вполне мрачные обвинения в адрес Просвещения со стороны противников Французской революции, таких как Жозеф де Местр или Эдмунд Бёрк, поскольку они тяготеют, скорее, ко второму значению Контрпросвещения, упомянутому в начале статьи – к социальному и политическому противостоянию Французской революции. К тому же их аргументы блестяще проанализированы в книге Альберта О. Хиршмана «Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность», а именно все реформаторские усилия либо обязательным образом приводят к нежелательным непредсказуемым последствиям, т.е. вместо улучшения наступает ухудшение положения дел, либо они попросту бесполезны и не могут ничего изменить, либо издержки этих изменений столь высоки, что лучше ничего не предпринимать, нежели нести такие издержки. Конечно, велико искушение противопоставить просвещенческим ценностям прогресса и разума ценности регресса и иррациональных репрессий. Фигура ученого как идеал человека, на котором держится мир, versus фигура палача как если и не идеала человека, так уж точно фигуры, на которой держится мир¹. Однако эта черно-белая картина опять же не отражает всей сложности полемики.

Эта сложность видна на примере работ И.Г. Гердера. В них явно или скрыто присутствуют практически все аргументы контрпросветителей: невозможно унифицировать историческое и социальное разнообразие; национальное нельзя заменить космополитическим; естественная органическая связь не может быть вытеснена искусственным механизмом и рациональным расчетом; уникальность и пестрота жизненных отношений не может быть заменена утилитарным договором и покоиться на торговле и власти денег. Однако есть как минимум пара положений, где И.Г. Гердер входит в прямое соприкосновение с просвещенческими идеями: это учение о Humanität как конечной цели человечества («сделать из бесчеловечных чудищ и полулюдей людей в собственном смысле» [8. С. 288]) и, несмотря на бесконечные оговорки об отсутствии избранного народа, выделенное отношение к Греции, греческому народу и греческому искусству. Про Грецию Гердер никогда не может позволить написать себе что-либо подобное тому, что он пишет о славянских народах: «...они занимают на земле больше места, чем в истории» [9. С. 266]. Про Грецию он пишет исключительно в благоговейных и восторженных тонах, часто прибегая к словосочетаниям наподобие «высшие формы» искусства или искусство создало «категории человечества» [8. С. 289]. Так, на примере И.Г. Гердера видно сложное смешение идей о цветущем саде разнообразных культур и нормативном измерении истории, о равенстве культур и образцовости одной из них.

В качестве резюме этих коротких эскизов хотелось бы представить усложнение черно-белой картины интеллектуального противостояния двух идейных миров: Просвещения и Контрпросвещения. И дело не только в наличии изрядного количества фигур, которые однозначно не принадлежат «ни к одному, ни к другому лагерю»: таковы Г.В. Лейбниц, И.Г. Фихте,

¹ Провокационные рассуждения о палаче вышли из-под пера Жозефа де Местра.

В. фон Гумбольдт, И.Г. Гердер и многие другие. Дело в том, что генезис корпуса гуманитарных и биологических наук вряд ли стоит представлять как атаку на принцип рациональности. Или спор о способностях человека не может быть уложен в простые (или непростые) дилеммы: «разум – вера», «разум – чувство», «разум – воображение». Существуют значительные пласты текстов, где речь идет о сложном соотношении интуиции и мышления, воображения и мышления. Также сама по себе корреляция языка и партикулярных миров не может служить помехой для обнаружения в языке общего в противовес особенному. И, наконец, размышления об обществе также могут носить характер сложного переплетения прогрессистских и анти-прогрессистских идей.

Литература

1. Фуко М. Что такое Просвещение? // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С.132–149.
2. Хобсбаум Э. Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке. М. : АСТ, 2017. 379с.
3. Jung T. Gegenauflklärung: ein Begriff zwischen Aufklärung und Gegenwart // Perspektiven der Aufklärung: zwischen Mythos und Realität / D.J. Wetzel (Hrsg.). München : Fink-Verl., 2012. S. 87–100.
4. Берлин И. Контрпросвещение // Берлин И. Подлинная цель познания. М. : Канон+, 2002. 799 с.
5. Dilthey W. Erfahren und Denken. Gesammelte Schriften. Leipzig, 1924. Bd. V.
6. Якоби Ф.Г. О трансцендентальном идеализме // Новые идеи в философии. СПб. : Образование, 1914. Сб. 12.
7. Гаман И.Г. Крохи // Гаман И.Г., Якоби Ф.Г. Философия чувства и веры. СПб., 2006.
8. Гердер И.Г. Письма о поощрении гуманности // Избранные сочинения. М., Л. : Худож. лит., 1959. 458 с.
9. Гердер И.Г. Идеи о философии истории человечества // Избранные сочинения. М., Л. : Худож. лит., 1959. 458 с.

Maria Yu. Krechetova, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation).

E-mail: mkrechetova@hse.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 65–75.

DOI: 10.17223/1998863X/52/7

THE MAIN ARGUMENTS OF COUNTER-ENLIGHTENMENT

Keywords: Enlightenment; Counter-Enlightenment; nature of reality; reason; universal language; transformation of society.

The aim of the article is to explicate the body of arguments of Counter-Enlightenment thinkers. The body of arguments is understood as a set of philosophical ideas, and not just as a social opposition to the French Revolution outcomes on the part of conservative groups. The article is based on predominantly primary sources. These are texts of the classical Enlightenment thinkers (Immanuel Kant, Nicolas de Condorcet, and others) as well as texts of their opponents (Giambattista Vico, Johann Georg Hamann, Friedrich Heinrich Jacobi, Johann Gottfried Herder, and others). In addition to the primary sources, the article is based on historical and philosophical commentaries on the problem mentioned above, in particular, on Isaiah Berlin's *Counter-Enlightenment*. The research method is hermeneutic. The study is based on the identification of the essential core of the educators' position and, accordingly, the symmetrical pool of their opponents' counterarguments. Four ideas are fixed as the core: the statement of a single reasonable principle of the world order, the understanding of thinking by the model of natural sciences, the fixation of the results of thought in a universal language and the possibility of building an ideal society on the basis of this knowledge. The pool of counterarguments also comprises four ideas: the impossibility of a rational understanding of the world, the value of abilities other than the calculating mind for understanding the world, the statement of the impossibility of a universal language and, finally, the fixation of essential problems of revolution and reform in the quest

for an ideal society. A significant result of the study is a debate with Berlin on a number of statements. First of all, the author of the article points out the incorrectness of the separation of the ideas of the Enlightenment and the Counter-Enlightenment on the “geographical” basis, as ideas, respectively, formed in France and Germany. Further, a more complex nature of the debate on each point of divergence than that presented in Berlin’s work is shown. In particular, it is shown that the Vico–Herder line leads to the genesis of the humanities, and the Leibniz–Goethe–Schelling line leads to the genesis of the biological sciences; both lines, in fact, cannot be attributed as anti-Enlightenment by essence. The debate around the key cognitive abilities of man does not revolve around simple dilemmas of “mind and feeling”, “mind and intuition”, “mind and faith” and so on. Rather, in most concepts, one finds a complex relationship between thinking and intuition in cognition. The debate against a universal language also has its limits, which can be seen in the example of distinguishing the general and special meaning of a word in Friedrich Schleiermacher’s hermeneutics or in the example of educational activities of Wilhelm von Humboldt, who, in fact, clearly thematized language as an expression of the individual. And, finally, at the level of ideas, the debate between the progressives and the anti-progressives also does not look unambiguous. In the article, this fact is demonstrated through the tension between the statement of the infinite diversity of cultures and the normative development of humanity to Humanität by Herder.

References

1. Foucault, M. (1999) *Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?]*. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.9. Filologiya – Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology. 2. pp.132–149.
2. Hobsbawm, E. (2017) *Razlomannoe vremya. Kul'tura i obshchestvo v dvadtsatom veke* [Fractured Times: Culture and Society in the Twentieth Century]. Translated from English by N. Okhotin. Moscow: AST.
3. Jung, T. (2012) *Gegenaufklärung: ein Begriff zwischen Aufklärung und Gegenwart*. In: Wetzel, D.J. (ed.) *Perspektiven der Aufklärung: zwischen Mythos und Realität*. Munich: Fink-Verl. pp. 87–100.
4. Berlin, I. (2002) *Podlinnaya tsel' poznaniya* [The true goal of knowledge]. Translated from English. Moscow: Kanon+.
5. Dilthey, W. (1924) *Erfahren und Denken. Gesammelte Schriften*. Vol. 5. Leipzig: [s.n.].
6. Jacobi, F.G. (1914) *O transtsendental'nom idealizme* [About transcendental idealism]. In: Lossky, N.O. & Radlov, E.L. (eds) *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Vol. 12. St. Petersburg: Obrazovanie.
7. Gaman, I.G. (2006) *Krokhi* [Crumbs]. In: Hamann, I.G. & Jacobi, F.G. *Filosofiya chuvstva i very* [The philosophy of feeling and faith]. Translated from German. St. Petersburg: [s.n.].
8. Herder, I.G. (1959a) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Translated from German. Moscow, Leningrad: Izd-vo khudozhestvennoy literatury.
9. Herder, I.G. (1959b) *Idei o filosofii istorii chelovechestva* [Ideas on the philosophy of the history of humankind]. Translated from German by A.V. Mikhailov. Moscow, Leningrad: Izd-vo khudozhestvennoy literatury.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

УДК 1 (091); 18

DOI: 10.17223/1998863X/52/8

Е.Ю. Бралгин

ЭСТЕТИКА Ж. БОДРИЙЯРА: МЕТАМОРФОЗЫ ЛЮБВИ К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Проводится анализ эстетики Ж. Бодрийяра в отношении к осмыслению постмодернистской культуры. Рассматриваются основные эстетические категории, употребляемые Ж. Бодрийяром, такие как симулякр, художественный образ, пространство вещи. Определяются эстетические причины, показывающие Ж. Бодрийяра ярким представителем постмодернизма, обогатившим категориальный аппарат постмодернистской эстетики.

Ключевые слова: постмодернизм, художественный образ, симулякр, пространство вещи.

Традиционно считается, что Ж. Бодрийяр является серьезным критиком современной культуры. Его взгляды называют «гиперкритицизмом, тотальной сверхкритической критикой» [1. С. 10]. Особенно полемично он настроен по отношению к изобразительному искусству, в частности к дизайну¹. Насколько эта критика критична? Насколько Ж. Бодрийяр опасен для постмодернизма? Необходимо ли современному искусству обороняться от идей этого философа и в страхе перед самим собой бежать от них и от себя?

Критика предполагает очень сильную убежденность в своей правоте, в некой ценности, которая является фундаментом любой критической позиции. Мне было сложно воспринимать тексты Ж. Бодрийяра, так как в его «гиперкритицизме» я не находил этой ценности. Казалось бы, она могла быть в его крестьянском детстве. Философ много пишет о ценности традиционного крестьянского дома, критикует города как некие конгломерации, готовые в любой момент взорваться от скученности всех составляющих элементов (горожан, машин, предприятий и т.п.) (имплозивное насилие). Однако «крестьянский» дом Ж. Бодрийяра – это не дом плотника или кузнеца, он ближе к дому зажиточного буржуа с его массивными комодами, спальнями с балдахинами и др. (крестьянский стол явно проигрывает столу Людовика XV или буфету в стиле Генриха II). Критикуя город, он, по сути, является сугубо городским жителем и не мыслит себя в деревне, как, например, тот же М. Хайдеггер. Критикуя искусство фотографии как псевдоискусство, создающее симулякры, сам фотографией занимается, но не как все, а как

¹ «Симулякры провоцируют дизайнеризацию искусства, выводя на первый план его вторичные функции, связанные с созданием определенной вещной среды, культурной ауры...» [2. С. 60–61].

Ж. Бодрийяр. Я не мог уловить ту ценность у Ж. Бодрийяра, которая дает ему колоссальную убежденность в собственной правоте, пока не сравнил его философское творчество с литературой писателей-постмодернистов. И тогда все встало на свои места. Многие современные писатели используют такую парадигму: сначала «убаюкивают» читателя традиционной картиной мира, построенной в рамках линейного детерминизма, для того чтобы в какой-то кульминационный момент действия бросить читателя в пустоту, белое сделать черным, добро – злом, или наоборот. Зло прозрачно, точнее, зла сама прозрачность, которая одновременно и совершенная красота. Многочисленные «скандалы» вокруг высказываний Ж. Бодрийяра (наподобие известной выставки «Анти-Бодрийяр») связаны с непониманием причин его критики современного искусства. Его «критика» – это выражение безграничной любви всему современному искусству. Попытаемся показать это на примере анализа эстетики Ж. Бодрийяра.

Понятие художественного образа в эстетике Ж. Бодрийяра

Согласно концепции Ж. Бодрийяра, есть классическое искусство (кстати, нигде это искусство у Ж. Бодрийяра не расшифровывается фамилиями конкретных художников или названиями их произведений)¹, которое основано на художественном образе. Художественный образ стремится к отражению действительности, но не копирует ее и не пытается заместить собой. Между реальностью мира и реальностью образа всегда остается некий зазор, который заполняется символом, воображением. При этом образ обладает возможностью «моделировать» реальность ради ее «трансформации». Ж. Бодрийяр пишет: «...образ интересен не только в роли отражения, зеркала, репрезентанта реальности, но и тогда, когда он начинает вмешиваться в реальность и моделировать ее, когда он приспосабливается к реальности лишь затем, чтобы лучше ее трансформировать» [3. С. 65]. Современное искусство забыло все эти возможности использования образа, подменив их симулякром, который полностью отождествился с реальностью.

Итак, Ж. Бодрийяром представлены четкие критерии оценки современного искусства. Есть художественный образ, что хорошо, а есть симулякр – это плохо. Однако не все так просто, так как оказывается, что без художественного образа не было бы симулякра. Художественный образ – это тоже своего рода симулякр, но «первого порядка», в котором «отличие никогда не отменяется», а предполагается возможность спора «между симулякром и реальностью». В симулякре же «второго порядка» данное отличие полностью стерто.

Оказывается, то, что «хорошо» (художественный образ), то, по критериям которого мы должны оценивать «плохое» – не так и «хорошо». Или, наоборот, то, что мы в рамках своего линейного детерминизма считали «плохим» (симулякр) – не так уж и «плохо». Еще больше это понимание

¹ Как правило, Ж. Бодрийяр, говоря о классическом искусстве, характеризует его целыми направлениями (барокко, модерн) – без упоминания конкретных авторов. Это странно, ведь это базовая ценность, заставляющая критика – критиковать, идти от «хорошего» к критике «плохого». В то же время сам объект критики (современное искусство) у Бодрийяра представлен именами конкретных художников (Дюшамп, Мондриан, Уорхолл).

усиливается, когда Ж. Бодрийяр разрушает связь, важную для традиционной эстетики, а именно связь художественного образа и смысла. И здесь во всей полноте выступают уже «иконоборческие» заявления Ж. Бодрийяра, в которых философ описывает «смысловое насилие над изображением», смысловую «эксплуатацию изображения» и др. Когда в художественном образе появляется смысл (моральный, политический, религиозный), тогда образ становится симулякром – изображением, «уже убитым смыслом». Традиционно «правильное» (т.е. смысловое) использование образов всегда приводит к катастрофе. Наша технологическая эпоха спровоцировала развитие «злой природы образа», а «зло» в художественном образе имелось изначально. Ж. Бодрийяр пишет: «...Дьявольское искушение образностью, открывающее дорогу поглощению реальности образами, имеет различные предпосылки... Именно разительное сходство с реальностью, обусловленное процессом технологического воспроизведения, делает образ наиболее безнравственным» [3. С. 64].

Если смысл в художественном образе не нужен, тогда какой художественный образ наиболее «правильный», с точки зрения Ж. Бодрийяра? Тот, в котором изображение стремится к своим материалам: краска хочет оставаться краской, холст – холстом, а двумерная плоскость – двумерной плоскостью. Ж. Бодрийяр пишет: «Мы должны, таким образом, очищать, всегда очищать, вернуться к чистому состоянию изображения. Очищение возвращает нас к сути, а именно к тому, что изображение важнее, чем то, о чем оно говорит, так же как язык важнее того, что он обозначает» [4. Р. 92–104].

Классическое искусство сформировало ту «злую природу» художественного образа, последствия которой мы переживаем сейчас. Барокко – это зло гораздо большее, чем современное искусство с его корявыми попытками переосмысления традиции. Ж. Бодрийяр пишет: «И не случайно именно барокко, с его пристрастием к аллегории, с его новым дискурсивным индивидуализмом (избыточность форм и поддельные материалы), с его демиургическим формализмом, – именно барокко открывает собой современную эпоху, в художественном плане сочетая в себе все мотивы и мифы технической эры, в том числе и доведенный до предела формализм детали и движения» [5. С. 125].

В концепции Ж. Бодрийяра происходит постоянное перетекание смысла между «хорошим» и «плохим» контекстом художественного образа. Классическое искусство, даваемое изначально как критерий оценки негативной современности, впоследствии само становится объектом критики как главное «зло». Художественный образ в толковании Ж. Бодрийяра постоянно «надламывает» исследователя, заставляя чувствовать зыбкость какого-то одного определенного смысла, закрепленного за этим понятием. Эта категория неустойчивая, подвижная, меняющаяся в зависимости от контекста, а значит служащая для опосредованного восхищения симулякром и современным искусством вообще. Чистый образ – это и есть процесс смены контекста, смысловая текучесть (образ – это история, образ – это реальность, образ – это технология и т.д.). Неоднократное упоминание «иконоборчества» в связи с художественным образом показывает данную процессуальность художественного образа. Иконоборчество – это история, иконоборец – это я – про-

нический¹ рыцарь, «крушащий иконы», иконоборцы – это мы – звери, насилюющие изображение смыслами.

Понятие функции вещи как степени ее эстетизированности в концепции Ж. Бодрийяра

Главная функция предмета, делающая его социально-эстетическим объектом, – это организация *пространства*. Если в традиционном жилище это и не пространство вовсе, а духовно-моральное родство вещей, одушевленность их историей человека, которому они служат, то в современном интерьере кровать уже не может быть просто кроватью, стул – стулом, а возникает пространственная соотнесенность вещей, делающая их свободными от своей первичной функции. По Ж. Бодрийяру, важен сам предмет (стол, например), а не его модель, смоделированная как стол, как ситуация стола ради пространственной организации жилища.

Итак, читателю Ж. Бодрийяром изначально дается ценностный ориентир: «первичная» функция предмета – это «хорошо», а «вторичная» (пространственная) – «плохо». Все дальнейшее содержание «Системы вещей» состоит в доказательстве обратного, т.е. в размывании изначально заданной ценности. В итоге это приводит философа к сравнению модели (как чего-то оригинального и единственного в своем роде) и серийной вещи, оригинального интерьера и серийного интерьера. Ж. Бодрийяр пишет: «...в комнате, где много пространства, возникает эффект Природы, „все дышит“... „среда“ зачастую представляет собой лишь формальную расстановку, где те или иные вещи „персонализируются“ через исчислимость пустоты. И наоборот, в серийных интерьерах среда разрушается дефицитом пространства, где вещам не дано их роскошного дыхания. Быть может, в такой деланной пустоте следует усматривать отголосок определенной морали, культивирующей отличие и дистанцию» [5. С. 70].

Выходит, что «пустота» может «персонализировать» вещь, при этом у каждой вещи должно быть свободное «дыхание», свое пространство, а сумму таких вещей в своем пространстве можно назвать «средой», т.е. некой пространственной организацией вещей, у каждой из которых будет понимание себя как уникальной через соотнесенность с другой уникальностью. «Отличие» и «дистанция» вещи дают современную «мораль» вещи. Изначально критикуя пространственные отношения, когда вещи выводят на пространство, в итоге философ приходит к констатации необходимости этого пространства вокруг вещей как новой морали.

¹ Структурно описание иронии Ж. Бодрийяром очень схоже с описанием художественного образа, для философа это очень близкие, практически родственные понятия. Начинается все с констатации иронии как моего выбора и моего сомнения («ироническое безразличие»). Только ироническая позиция дает нам возможность более или менее адекватно оценивать современный культурный процесс. Благодаря иронии «обыденность становится более возвышенной». Но при этом существует ситуация иронической мимикрии, когда нечто перенимает иронию, пытаясь неискреннее выдать за искреннее. Тогда ирония может стать «самой искусственной из всех искусственных форм», и это мы наблюдаем в «политике, экономике, информации». Именно здесь ирония совмещается с художественным образом, становясь абсолютным злом. По сути, «диктатура образов» и есть «диктатура иронического». При этом даже в своем высокомерном и издевательском смехе над зрителем ирония дает искусству возможность исчезновения (становиться «Ничто»), т.е. в конечном счете оставаться художественным.

И самая главная «мораль», изложенная в начале «Системы вещей», – традиционный дом с комодами, очагом-камином, спальней-столовой – все это в конце книги становится буржуазным пресыщением, перегрузкой пространства. Сегодня серийный интерьер стал аналогом традиционного жилища. Ж. Бодрийяр пишет: «В серийных интерьерах всегда слишком много вещей; а поскольку вещей слишком много, то пространства слишком мало. Дефицитность вещей вызывает в качестве реакции их скученность, уплотненность. А утрата качества вещей компенсируется их количеством. Напротив, модель обладает пространством – ни слишком близким, ни слишком далеким... В то время как буржуазная традиция, по сути своей склонная к избыточности (дом должен быть как полная чаша), предрасполагает к накоплению вещей, более „функциональные“ контуры современной обстановки ему противоречат» [5. С. 163]. Так из критика пространства, Ж. Бодрийяр превращается в поборника пространства современного интерьера.

Другой социально-эстетической функцией вещи является ее окраска. Анализируя *цвет* как социальный феномен, Ж. Бодрийяр начинает с прямой критики «кричащих» цветов («Наденьте красный костюм – и вы окажетесь более чем голым, станете чистым объектом, лишенным внутренней жизни» [Там же. С. 36]). Лучшая альтернатива этому «бездушному» цвету – черно-белый спектр или пастельные тона. Казалось бы, «культурный» и «пуританский» черный и белый цвета спасут нашу современную «мораль», так как они связаны с традиционным бытом и из него вытекают. Важна ограниченная функциональность, когда функция предмета неразрывна с историей ее использования человеком. Но оказывается, что данные цвета являются еще более «аморальными», чем яркие «кричащие» цвета, так как они (в случае черного цвета) могут быть одинаково истолкованы и в рамках традиционной, и в критериях современной функциональности. А символика белого цвета сейчас превратилась в симулякр чистоты-простоты, например в том же минимализме, где «простота» есть уже высвобождение функции белого цвета от связанности вещью. Поэтому белый цвет хорошо сочетается с новыми пространственными материалами – в «этой сфере, где действует императив чистоты и первичных телесных забот, более всего распространились и утвердились и синтетические материалы – легкий металл, резина, нейлон, пластик, алюминий и т.д.» [Там же. С. 38].

Пастельность – это вообще один из способов гармонии, изначально ориентированный именно на организацию пространства. Такой же пространственной «аморальностью» обладают тон, насыщенность цвета, тепло-холодность – все эти цветоведческие характеристики выводят цвет на новый уровень свободы и функциональности, когда «краски утрачивают свою особую значимость и начинают обязательно соотноситься друг с другом и со всем целым» [Там же. С. 40]. Оказывается, что яркий «кричащий» цвет не так уж и плох по сравнению с подобной «гармонической» степенью отстраненности цвета от вещи. В итоге получается, что, например, красный холодильник – это есть современная добродетель вещи, когда она пытается кричать только о самой себе, не вызывая к помощи посредников и не организуя окружающее пространство. Красный холодильник – это сегодня наиболее «моральный» объект в окружении «аморальных» цветов, организующих про-

странство¹. Эту идею в художественном смысле констатирует поп-арт. Идея потребления сегодня – это единственная привязка вещи к человеку и качества самой вещи к ней самой. Судя по философии цвета Ж. Бодрийяра, изложенной в «Системе вещей», поп-арт оказал огромное влияние на философа. Лишь в «Заговоре искусства» он объясняется в любви к творчеству Э. Уорхолла, называя его «ничтожнейшим» художником, могущим помещать «ничтожность в самую основу образа».

Хай-тек эстетика Ж. Бодрийяра

В статье «Эффект Бобура: имплозия и апотропия» идея поставлена предельно понятно. Ж. Бодрийяр говорит об «умирающей культуре, позорным воплощением которой является Бобур» [6. С. 93]. С точки зрения Ж. Бодрийяра, здесь несколько проблем. Первая – конфликт самого здания с окружающим пространством. Этот конфликт может быть разрешен двумя способами – или окружающее пространство подстраивается под «эффект Бобура», тем самым выживая, или оно умирает. То, что умирает, должно умереть, а то, что выживает вокруг центра Ж. Помпиду, приобретает «брезгливую» символику («дезинфекция, снобистский гигиенический дизайн»). Таким образом, «выжившее» пространство вокруг центра Ж. Помпиду как бы стыдливо отворачивается от созерцания хай-тек «полового акта» из труб, конструкций, полостей и помещений. Окружающее Бобур пространство – это нечто брезгливое, но одновременно и замороженное самим процессом архитектурного совокупления (проникновения всего во все). На фоне великолепно функционирующего сексуально-архитектурного объекта («вентиляция, охлаждение, электропроводка – потоки циркулируются здесь очень хорошо» [Там же. С. 86]) вся оставшаяся архитектура, отказавшаяся обслуживать данную сексуальность, логично умирает от старости и высокомерной аристократичности.

Вторая проблема в том, что существует диссонанс между внешним и внутренним («мобильный экстерьер, стильный и современный, и интерьер, судорожно цепляющийся за старые ценности... красота конструкции и посредственность внутреннего пространства» [Там же. С. 87, 89]). Попадая внутрь Бобура, люди, останавливаясь, не могут найти в нем своего места. Проблема именно в остановке-ценности. Значит, не надо останавливаться и не надо идти, а надо *течь*. Зритель – важная часть проекта Бобура по «оплакиванию культуры» [Там же. С. 92]. Причем Ж. Бодрийяр сознательно избегает таких слов, как «зрители», «люди», он посетителей Бобура называет исключительно технически-тяжеловесным словом «массы». Человеческая масса изначально готова стать частью более сложного механизма, влиться в него как некая смазка, чтобы заработали все шестеренки этого механизма. Поэтому естественно, что «масса превращается в поток... в исполнительный механизм...» [Там же. С. 92–93]. «Мое место» (т.е. остановка) в Бобуре возможно лишь, когда у людей появляется желание самим руководить процессом «соития» со зданием-машиной. «Люди полны желанием все забрать, все опусто-

¹ Ж. Бодрийяр очень любит яркие цветовые контрасты и в своей фотографии. Можно, конечно, сказать, что с помощью цвета он уничтожает, уплощает пространство, делает его двумерным. Да, действительно, таких фотографий у Ж. Бодрийяра достаточно. Но много и других, в которых яркий цвет характеризует именно вещь (красная машина, синяя книга и т.д.).

шить, все поглотить, все ощупать руками... Единственная массовая страсть – это страсть ощупывать руками» [6. С. 97]. Отсюда этот технически-эротический контекст: «Массы устремляются туда, чтобы насладиться этой казнью... этим проституированием культуры... массы спешат в непреодолимом порыве... их желание все пощупать...» [Там же. С. 92]. Меняются роли, но не меняется идеальная связь с техническим объектом, коим является Бобур. В одном случае здание-машина владеет нами, а в другом – мы «на своем месте» пытаемся овладеть зданием-машиной.

Таким образом, постулируя некую проблему в отношении Бобура, сам же Ж. Бодрийяр ее и решает. Получается критика наоборот: критика-восхищение от идеального функционирования архитектурного объекта. Кажется, что само описание архитектурных мотивов хай-тека вызывает у Ж. Бодрийяра огромное наслаждение («конструкция с вывернутыми наружу трубопроводами и арматурой... случайное сцепление и расцепление... вывернутые наружу балки...» и т.д.). И это не случайно, так как в «Симулякрах и симуляциях» есть две однотипные статьи, практически повторяющие друг друга – это «Эффект Бобура» и «Автокатастрофа». Когда я читаю подобные описания («...тонны металлолома с хаосом из труб, рычагов, рам, железа и человеческой плоти внутри... культура Бобура – искорежена, скручена, иссечена и сжата...» [Там же. С. 88]), то я не понимаю, кто это написал – Бодрийяр или Баллард?

Вообще, автомобиль является любимым объектом исследования («фетишем»?) Ж. Бодрийяра, настолько богаты описания данного объекта, начиная с анализа внутреннего устройства современного «техне» и заканчивая символически-либидиозными ассоциациями, получаемыми от автомобиля уже как сексуального объекта. Автомобиль и женщина – это еще одна отдельная большая тема Ж. Бодрийяра.

Помимо автомобиля, все новые материалы – прекрасны. Ощутите красоты бетона, пластика, железных конструкций и особенно стекла. Стекло – это другой «фетиш» Ж. Бодрийяра. Все производное от стекла, т.е. «блики», «отражения», «рефлексы», «мерцания», – являются восторженными эпитетами в трактовке философом современной культуры. Красива сама фактура материала, красив любой механизм безотносительно к его функции. Ж. Бодрийяр пишет о «поэтическом достоинстве», «...которое более или менее ощущается нами в машинах Пикабия, механизмах Тенгли, даже в зубчатых колесиках обыкновенных старых часов...» [Там же. С. 125–126].

Посмотрите на авторские фотографии Ж. Бодрийяра. И хотя он заверяет нас в своем «исчезновении» как фотографа-субъекта, т.е. в опасности выражения своего отношения к фотографируемому (чтобы авторская идея была исключена, должны быть исключены из фотографии «глубина, фактура, эмоции»), тем не менее сами фотографии говорят об обратном. «Моментальность» снимка не спасает от смысла. Момент может быть смыслом и даже больше – художественным идеалом, каким он был у импрессионистов. Так вот, у Ж. Бодрийяра в фотографиях присутствует момент конструктивистский, а значит смысл – концептуальный. Акцент на сломанном, старом, ветхом, повторяемость промышленно-технических структур, бесконечное стекло с многочисленными отражениями и бликами, фактуры, тени, граффити – все это позволяет назвать Ж. Бодрийяра человеком, переосмысляющим идеи фу-

туристов и конструктивистов, т.е. постмодернистом, выдающимся представителем современного искусства.

Постмодернизм, ты усталый? Да. Постмодернизм, ты андрогинный? Да. Сразу вспоминаем Сократа с его многочисленными «да». Постмодернизм всегда становится тем, что нам хочется в нем видеть. Постмодернизм – особая форма диалога, которая принципиально возвышает это культурное явление над всеми научными концепциями, его описывающими. Поэтому постмодернизм над наукой, над концепцией, над теорией, над стилем. Отсюда такой богатый калейдоскоп смыслов, якобы описывающих постмодернизм, а на деле выполняющих уже Его волю. Постмодернизм может быть всем: постмодернизм может иметь постоянно соглашательскую позицию (вечный конформизм) и, более того, служить власти и быть ее олицетворением, а может разрушать любую государственность, быть культурным явлением вне границ и наций. Постмодернизм может выполнять функцию рекламы и быть фактором, стимулирующим экономический рост, потворствовать идеалам потребительского общества (копирование, штамповка, массовость), и в то же время может иронически относиться к копированию произведений искусства, тем самым сознательно обесценивая любое тиражирование. Постмодернизм может иметь женское лицо буквально (феминизм) и символически – вбирать в себя все возможные смыслы, соглашаясь со всеми и сразу (конформизм), оформляя своим женским началом нечто неоформившееся (конфликтное). А может иметь мужское лицо, причем в противоположных ипостасях – собственной бесполости, страдающий от рвотных позывов при созерцании своего тела, стремящийся к импотенции, а с другой стороны – мужчиной, лишенным намека на эротичность (одухотворенности сексуальной энергии), т.е. мужчиной – сексуальным механизмом, порноактером, секс-роботом, секс-машиной (Sex Pistols). Постмодернизм может быть порождением и продолжением модернизма, а может быть явлением, принципиально конфликтующим с модернизмом. А может быть вообще чем-то средним – неким отдельным переходным этапом от старых ценностей, которые нелегитимны, к новым ценностям, которые еще не возникли. Повторим, постмодернизм может быть тем, чем вы захотите. Сами способы описания постмодернизма с точки зрения настоящего – это и есть постмодернизм, они неотделимы от него. Любая концепция, прикасаясь к постмодернизму, становится диалогичной, открытой системой и отражается в постмодернизме как фаза дискуссии. Постмодернизм – это условия существования разного. Постмодернизм всегда будет чем-то более целым по отношению к частным описаниям Его.

Критика в отношении постмодернизма невозможна, она всегда оборачивается созданием постмодернисткой ситуации. Я попытался проиллюстрировать это на примере эстетики Ж. Бодрийяра, для которого критика и возникает вследствие неподдельного восхищения критикуемым явлением. А может быть, сочетание критики с восхищением от критикуемого и есть самый верный путь научного исследования сегодня? Может быть, надо принять свое существование в постмодернисткой культуре как неизбежность самого себя?

Литература

1. Грицанов А.А., Кацук Н.Л. Жан Бодрийяр. Минск : Книжный Дом, 2008. 256 с. (Мысли-тели XX столетия).
2. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб. : Алетейя, 2000. 347 с.

3. Бодрийяр Ж. Злой демон образов // Искусство кино. 1992. № 10. С. 64–70.
4. Baudrillard J. The intelligence of evil or the lucidity pact / translated by C. Turner. English ed. Oxford International Publishers Ltd, 2005. 214 p.
5. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : Рудомино, 1999. 220 с.
6. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М. : ПОСТУМ, 2016. 240 с.

Yegor Yu. Bralgin, Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University (Biysk, Russian Federation).

E-mail: egor-bralgin@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 76–84.

DOI: 10.17223/1998863X/52/8

AESTHETICS OF JEAN BAUDRILLARD: METAMORPHOSES OF LOVE TO POSTMODERNISM

Keywords: postmodernism; artistic image; simulacrum; space of object.

Jean Baudrillard's aesthetics is analyzed with reference to the perception of postmodernism culture. The author examines the main aesthetic categories Baudrillard used, such as simulacrum, artistic image, space of object. Aesthetic principles are determined in order to show Baudrillard as a bright representative of postmodernism, who enriched a categorial instruments of postmodernism aesthetics. The conception of the artistic image in Baudrillard's aesthetics is considered; it changes in accordance with the contexts of Baudrillard's criticism: from a positive idea, when the artistic image is able to "model" reality for the sake of its "transformation", to a negative one ("wicked nature of image"), when the artistic image provokes the emergence of superreality that makes the artist "conceptually rape the image". The function of the notion of object is revealed as a degree of its aestheticism in Baudrillard's conception. In particular, some principal functions of object are characterized, which make it socially aesthetic: the object's space and color. It is shown that, in Baudrillard's conception, the ideas of artistic image, the space and color of object are unstable and mobile categories that change depending on the context, which means they can be used for an indirect admiration of simulacrum and modern art in general. Being a postmodernism critic, Baudrillard uses the potential of philosophical methods only in postmodernism. Criticism with reference to postmodernism is impossible because it leads to a postmodernism situation. The author illustrates it with an example of Baudrillard's aesthetics: for the philosopher, criticism appears due to the genuine admiration of a criticized phenomenon.

References

1. Gritsanov, A.A. & Katsuk, N.L. (2008) *Zhan Bodriyyar* [Jean Baudrillard]. Minsk: Knizhnyy Dom.
2. Mankovskaya, N.B. (2000) *Estetika postmodernizma* [Aesthetics of Postmodernism]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Baudrillard, J. (1992) *Zloy demon obrazov* [Evil demon of images]. Translated from French. *Iskusstvo kino*. 10. pp. 64–70.
4. Baudrillard, J. (2005) *The Intelligence of Evil or the Lucidity Pact*. Translated from French by Ch. Turner. Oxford International Publishers Ltd.
5. Baudrillard, J. (1999) *Sistema veshchey* [The System of Things]. Translated from French. Moscow: Rudomin.
6. Baudrillard, J. (2016) *Simulyakry i simulyatsii* [Simulacra and simulation]. Translated from French by A. Kachalov. Moscow: POSTUM.

УДК 141

DOI: 10.17223/1998863X/52/9

М.Ю. Загирняк

СПЕЦИФИКА ОБОСНОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ФЕНОМЕНОВ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ ФЁДОРА СТЕПУНА¹

Выявлено, что Ф. Степун позиционировал религию как определяющий инструмент обоснования взаимосвязи индивида и общества в процессе развития культуры. Установлено, как философ внедряет концепт соборности в модель социокультурного развития, разработанную в аксиологии баденского неокантианства. Предложен ракурс для оценки учений неокантианской философии русского зарубежья в свете развития континентальной философии.

Ключевые слова: неокантианство, культура, общество, норма, соборность.

Фёдор Августович Степун (1884–1965) – философ русского зарубежья, который сформировал собственное учение в русле актуализации идей И. Канта в европейской философской традиции. Степун начинает статью «Жизнь и творчество» с признания в том, что учения европейской философии за последние полвека можно рассматривать и оценивать сквозь призму углубления в философию Канта [1. С. 89]. В ранней статье «Прошлое и будущее славянофильства» Степун заявляет, что «лишь неокантианство пытается стать совестью русской мысли» [2. С. 381]. Как справедливо заметил А.В. Штаммлер, Степун начал философскую карьеру, как неокантианец [3. С. 734].

Развитие европейской философии, ориентирующейся на решения Канта, по мнению Степуна, представляет собой решение следующей задачи: «...задача неокантианской философии должна была прежде всего определиться как систематическое рассмотрение всех областей культуры с целью отделения в них трансцендентально-формального элемента, т.е. элемента абсолютного, от случайного и преходящего начала материальности, как психической, так и физической» [1. С. 90]. Сформированные в неокантианской философии концепты давали возможность обосновать социокультурные феномены². Предложенную в аксиологии баденского неокантианства трактовку социокультурного развития Степун использует в качестве основы собственной философии культуры, в которую он внедряет концепт соборности из отечественной философско-религиозной мысли. Но, чтобы разобраться, каким образом философ внедрил концепт в неокантианскую схему обоснования социокультурной реальности, необходимо выявить цель данного решения. Это требует предварительного краткого экскурса по аксиологической модели обоснования социума, предложенной в баденском неокантианстве. Рассмотрим ее.

В. Виндельбанд и Г. Риккерт предложили аксиологическое решение проблемы обоснования культуры. Согласно аксиологии баденского неокантиан-

¹ Данное исследование было поддержано из средств субсидии, выделенной на реализацию Программы повышения конкурентоспособности Балтийского федерального университета им. И. Канта.

² В этом контексте уместно прозвучит замечание М. Феррари о том, что в неокантианстве исторический факт культуры становится одним из главных объектов исследования [4. Р. 89].

ства, ценность – это вневременная непознаваемая сущность, служащая источником и ориентиром развития культур [5. С. 22–23]. Каждая культура представляет собой историческую действительность как процесс воплощения вневременных ценностей [Там же. С. 22–23; 6. С. 276–277]. Аксиологическая трактовка истории содержит проблему корреляции развития культуры с жизнью каждого отдельного человека как выразителя свободы воли. Каждый человек реализует свободу воли, внося вклад в бытие культуры. В связи с этим возникает проблема обоснования феноменов социального бытия.

Виндельбанд сформировал решение, которое, с одной стороны, позволило избежать позиционирования отдельного человека как всего лишь элемента логики культурного развития, а с другой – не позволило редуцировать культуру до суммы достижений множества людей. Он развил концептуальное решение Канта, согласно которому свободным считается поступок, совершенный вне зависимости от последствий эмпирических условий¹. Нравственный закон, единый для всех людей, становится основой взаимодействия между ними. Виндельбанд для обоснования социальных феноменов вводит концепт *нормы* – регламентации действий всеобщего значения [7. С. 573]. Для характеристики нормативного сознания он вводит понятие *совести*, которая служит критерием социокультурного развития [8. С. 259–260]². Каждый отдельный человек получает возможность осознать собственную жизнь как единый процесс благодаря соотношению с ценностями [6. С. 279]. Стремление к воплощению нравственного идеала приводит к формированию оценки своей жизни и жизни других людей [7. С. 637]. Виндельбанд следующим образом формулирует эту задачу: «Каждому обществу надлежит – и это составляет его нравственную задачу – вычленив из совокупной деятельности индивидов то, что образует в представлениях, чувствах и определениях воли общую основу его жизни» [9. С. 252].

Религия же играет особую роль в процессе социокультурного развития: она позволяет обосновать сверхопытную связь множества людей, *метафизическую реальность нормативного сознания*, которую в этом смысле Виндельбанд определяет как *святыню* [8. С. 260]. Религиозный опыт – это социальная практика, позволяющая обосновать логику развития общества, так как связывает норму и индивидуальную жизнь, позволяет каждому человеку позиционировать норму как личный мотив [Там же. С. 262].

Степун перенимает способ обоснования культуры как сферы совместного творчества множества людей. Каждый человек имеет возможность стать со-участником формирования культуры и тем самым наполнить смыслом собственную жизнь. Единые для всех трансцендентные ценности – это основа коммуникации между отдельными людьми, равно как и между социальными общностями и институтами. Признавая значение неокантианства в выработке стратегии позиционирования культурного развития как *раскрытия моментов Абсолютного в процессе культурной работы* [10. С. 357–358], Степун не удовлетворился предложенными в баденской школе решениями об идентификации отдельного человека в качестве участника социума. По мнению

¹ «Существуют определенные отдельные действия (именно нравственно хорошие), которые совершаются человеком в его эмпирической волевой жизни без всяких эмпирических причин» [7. С. 629].

² Ср.: «Назначение каждого общества состоит в создании своей системы культуры» [9. С. 251].

философа русского зарубежья, необходим инструмент, связующий отдельных индивидов, помогающий каждому человеку осознать себя как соучастника формирования культурного содержания. Таким образом, Степун обозначил проблему в неокантианской аксиологической схеме обоснования социокультурной динамики: данная модель нуждается в дополнительном коммуникативном инструменте, который бы позволил каждому человеку осознать собственную свободу как соучастие в творчестве содержания культуры.

В европейской философской традиции обоснованию корреляции смысла жизни отдельного человека и логики развития культуры, с точки зрения Степуна, не уделяют внимания. Каждый индивид непосредственно реализует себя как свободное существо, воплощая в собственном творчестве аспекты ценностей. Поэтому общественные феномены редуцируются до уровня социальных коммуникаций. В связи с этим термин «индивид» приобретает в работах Степуна негативные коннотации [11. С. 240]. Данное понятие используется для обозначения частных, эгоистичных стремлений, отрешенности от взаимодействия с остальными людьми в процессе создания культурного содержания: «Латинское слово „индивидуум“ означает нечто неделимое, т.е. в себе замкнутое, лишенное, по терминологии современного экзистенциализма, дара „коммуникации“, т.е. общения. Этой этимологической сущности термина вполне соответствует психологическое и социологическое содержание общепринятого понятия – индивидуалист. Если индивидуалист и не всегда эгоист, то он все же всегда существо в той или иной степени эгоцентричное, носящее свою душу в себе самом, в своей груди» [12. С. 307]. Рассмотренная ситуация содержит угрозу деградации действий человека от нравственно свободных до уровня *беспринципного индивидуалистического произвола* [13. С. 367].

Именно стремление к корреляции собственной жизни с развитием культуры отличает *личность* от *индивида*. «Личность есть, так сказать, индивидуализированное богоподобие. А мы личности боимся. У нас только индивидуум. Интересно, что западноевропейская пресса не отличает личности от индивидуума. А что значит индивидуум? неделимый. И современный демократ ни с кем и ничем не делится, он только соединяется в массы для того, чтобы таранить получше подобного ему – своего врага...» [14. С. 561]. Поэтому совершенно справедлив М.А. Блюменкранц, когда замечает, что в социальной философии Степуна существует возможность «для экзистенциального броска индивидуума от безликости к лицу» [15. С. 144]. Бог – это гарант существования свободы¹. Благодаря религии каждый человек получает ориентиры для нравственной оценки собственных действий.

Степун использует трактовку религии для обоснования сверхопытной связи множества людей, предложенную в философии Виндельбанда, как основу для концепта, посредством которого можно объяснить взаимосвязь жизни отдельного человека со смыслом развития общества. Религия в философии культуры Степуна – это проектор вневременных ценностей в историческую действительность. Философ позиционирует религию как основу обос-

¹ Как верно заметил Г. Штаммлер (Heinrich Stammler), в социальной философии Степуна реализация вневременного в условиях ограниченного временем и пространством мира происходит благодаря Богу. Поэтому вхождение человека в онтологию свободы представляет собой формальное руководство собственной деятельности с христианскими принципами [16. P. 261].

нования функционирования социальных феноменов. Поэтому, как верно замечает Л. Зандер, для Степуна христианство в частности и религии вообще «не система теоретических истин и не институт Церкви, а жизнь, существование (слово это не передает характера термина *Existenz*, каковым он пользуется, противопоставляя безбожие христианству)» [17. С. 691]. Степун позиционировал церковь как институт оптимизации алгоритмов социальных коммуникаций, ориентирование каждого человека к творчеству как к совместно создаваемому бытию свободы, трактуемой с нравственной точки зрения.

Это приводит Степуна к осмыслению *соборности* не только как феномена русской религиозной философской мысли, но и как социального инструмента для анализа и прогнозирования общественного развития. Понятие *соборности* наиболее соответствует задаче обоснования регламентаций жизни отдельного человека, понимаемого как часть развития социокультурного феномена. *Религиозно-соборный опыт жизни* [18. С. 464] позволяет каждому человеку реализовывать себя как свободную личность и при этом сохранять и усиливать взаимосвязь с другими социальными субъектами, которые играют роль со-творцов бытия культуры. Соборность дает возможность поддерживать *органическое равновесие* личности и общества [19. С. 288]. Соответствие нравственным принципам выступает в статусе фундаментального критерия оценки жизни отдельного человека и развития культуры в философии Степуна. Реализация свободы подразумевает корреляцию предвечной общезначимой истины с единственной и незаменимой личностью человека [20. С. 539].

Таким образом, личность коррелирует собственную жизнь с культурным развитием через соборность – инструмент постоянной оптимизации стремлений и интересов, актуализации оценки собственной жизни и жизни других. Поэтому творчество возможно только как взаимодействие с другими участниками социума, позиционирование себя как части целого. Задача культурного развития – «утверждение народа не как атомизированного коллектива, а как соборной личности, т.е. как коллектива, собранного в живую личность Божиим замыслом о нем» [21. С. 501].

Жизнь людей как участников социума требует системы регламентаций, чтобы каждый человек сохранял равные возможности для реализации свободы воли. Творчество каждой личности, в свою очередь, требует корреляции с творчеством других личностей, поскольку именно в таком случае отдельный человек следует правильной стратегии развития собственной свободы воли. Соборность как инструмент социокультурного развития позволяет обосновать свободу воли отдельного человека как процесс формирования личности и при этом показать логику развития культуры, которая, как объект, не редуцируется до уровня интересов отдельного человека¹. Соборность в учении Степуна представляет собой социальную технологию, благодаря которой можно исследовать то, что Виндельбанд назвал социальной общностью сознания [9. С. 250].

Учение Степуна о соборности служит ярким примером того, каким образом можно актуализировать идеи и концепты русской философской традиции в ин-

¹ В связи с этим интересно замечание Леопольда фон Визе (Leopold von Wiese), в котором оценивается значение учения Степуна: «On the contrary, we Western Europeans can learn a great deal from the Russian people with regard to charity and brotherly love» [22. P. 4]. Следует отметить, что этот исследователь не критически относился к устанавливаемой Степуном для христианства функциональности.

теллектуальном пространстве западной философской мысли. Степун связал концепт соборности с религией, инструментальную роль которой он актуализировал на основе ее трактовки как условия формирования нормативного сознания в философии Виндельбанда. Таким образом, обоснование социальных феноменов в философии культуры Степуна можно рассматривать в контексте континентальной философской проблематики как решение проблемы соотношения индивида и общества, индивида и культуры. Применение концепта соборности для анализа культурного развития, трактуемого на основе аксиологии баденского неокантианства, позволяет Степуна сохранить баланс между социологическим номинализмом и социологическим универсализмом: каждый человек обретает собственную свободу и, соответственно, актуализирует себя как личность только в процессе осмысления собственной жизни как процесса осуществления аспектов вневременных ценностей, являющегося составной частью логики развития культуры в целом.

Произведенная философом русского зарубежья корреляция понятий, сформированных в разном историко-культурном контексте, позволяет создать схему для критической оценки любых социокультурных феноменов и критерий для определения перспектив развития какой-либо культуры. На мой взгляд, изучение в концепции Степуна синтеза неокантианских философских решений с концептами, относящимся к историко-культурному контексту русской философской мысли, дает возможность рассмотреть его модель культуры как учение в рамках континентальной социально-философской проблематики. Дальнейший анализ разработок философа русского зарубежья в проблемном поле европейской философской мысли позволяет дополнить существующую идентификацию его учения в истории философии русского зарубежья и потенциально уточнить обоснования предпринятых им решений, а также определить их оригинальность и эвристическую ценность в свете континентальной философской проблематики в целом.

Многие философы русского зарубежья формулировали собственные социально-философские и философско-культурные решения, соединяя понятия и категории, сформированные в европейской философской традиции, с концептами русской религиозной философии¹. Поэтому предложенный ракурс исследования философии культуры Степуна может быть применен для анализа учений неокантианцев русского зарубежья, что позволит, возможно, выявить новые взаимосвязи в интеллектуальной среде эмиграции, а также дополнить классификации в истории философии русского зарубежья.

Литература

1. *Степун Ф.А. Жизнь и творчество // Избранные сочинения. М. : РОССПЭН, 2000. С. 89–126.*
2. *Степун Ф.А. Прошлое и будущее славянофильства // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 375–390.*

¹ На этой особенности обоснования социальных феноменов в среде философов эмигрантов из России заостряет внимание Пьетро Ди Джорджи (Pietro Di Giorgi). Помимо Степуна, такую актуализацию соборности в контексте европейской социальной философии осуществляют С.И. Гессен и Н.Н. Бубнов [23. Р. 410]. При этом следует иметь в виду, что данная особенность в зачаточном состоянии была характерна для Гессена и Степуна еще в дореволюционное время. Так, Губерт Трайбер (Hubert Treiber) замечает, что «госка по органическому единству» характерна для статей, вошедших в сборник «О мессии» [24. Р. 437].

3. *Штаммлер А.В.* Ф.А. Степун // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 732–742.
4. *Ferrari M.* Neokantismo come filosofia della cultura: Wilhelm Windelband e Heinrich Rickert // *Revue de Métaphysique et de Morale.* 1998. № 3: Néokantismes. P. 367–388.
5. *Риккерт Г.* О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. М. : Республика, 1998. С. 15–42.
6. *Виндельбанд В.* Sub specie aeternitatis (Медитация) // Избранное : Дух и история : пер. с нем. М. : Юрист, 1995. С. 271–280.
7. *Виндельбанд В.* О свободе воли // Избранное : Дух и история : пер. с нем. М. : Юрист, 1995. С. 508–654.
8. *Виндельбанд В.* Святыня (Очерк по философии религии) // Избранное : Дух и история : пер. с нем. М. : Юрист, 1995. С. 259–271.
9. *Виндельбанд В.* О принципе морали // Избранное : Дух и история : пер. с нем. М. : Юрист, 1995. С. 231–253.
10. *Степун Ф.А.* Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 351–362.
11. *Степун Ф.А.* Памяти Андрея Белого // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 218–240.
12. *Степун Ф.А.* Б.Л. Пастернак // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 292–310.
13. *Степун Ф.А.* О некоторых отрицательных сторонах современной литературы // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 363–374.
14. *Степун Ф.А.* О корнях большевизма, о демократии, свободе и будущем России // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 558–563.
15. *Блюменкранц М.А.* В борьбе с «метафизической инфляцией». Проблема демократии в мировосприятии Федора Степуна // Федор Августович Степун / под ред. В.К. Кантора. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. С. 138–147.
16. *Stammeler H.* The Great Tradition in Russian Philosophy // *The Russian Review.* 1960. Vol. 19, № 3. P. 254–266.
17. *Зандер Л.* О Ф.А. Степуне и о некоторых его книгах // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 684–708.
18. *Степун Ф.А.* Письма из Германии (формы немецкого советофильства) // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 454–467.
19. *Степун Ф.А.* Г.П. Федотов и «Новый град» // Степун Ф.А. Большевизм и христианская экзистенция : избранные сочинения / сост. В.К. Кантор. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. С. 282–289.
20. *Степун Ф.А.* О свободе // Сочинения. М. : РОССПЭН, 2000. С. 534–554.
21. *Степун Ф.А.* Идея России и формы ее раскрытия // Сочинения. М. : РОССПЭН, 2000. С. 494–503.
22. *Von Wiese L.* What Is European Culture? // *The British Journal of Sociology.* 1960. Vol. 11 (1). P. 1–9.
23. *Di Giorgi P.* Max Weber e la Russia // *Studi di Sociologia.* 1994. Anno 32, fasc. 4. P. 405–415.
24. *Treiber H.* Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These: Webers Bekanntschaften mit der russischen Geschichtsphilosophie in Heidelberg: Überlegungen anlässlich der Veröffentlichung des ersten Briefbandes der Max Weber-Gesamtausgabe // *Leviathan.* 1991. Vol. 19, № 3. P. 435–451.

Mikhail Yu. Zagirnyak, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation).
E-mail: mikhail.zagirnyak@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 85–92.

DOI: 10.17223/1998863X/52/9

THE SPECIFICITY OF THE SUBSTANTIATION OF SOCIAL PHENOMENA IN FYODOR STEPUN'S PHILOSOPHY OF CULTURE

Keywords: Neo-Kantianism, culture, society, norm, sobornost.

This article analyzes the specificity of the formation of social phenomena in Fyodor Stepun's philosophy of culture. The philosopher of the Russian Abroad developed an interpretation of culture as a sociocultural process, in which each person contributes to the development of culture. This concept of society was achieved in the axiology of the Southwest School of Neo-Kantianism by Wilhelm Windelband and Heinrich Rickert. The axiological method allows one to understand reality as the opposition of an a priori value and a historical fact. Culture is an improvement of the realization of values, in the process of which all social communications are forming. Religion plays the role of a tool for the interaction of eternal values and historical development. Every person, by addressing transcendent reality, justifies freedom in his or her own life. The concept of norms in Windelband's philosophy is an expression of the super-experienced connection of a multitude of people, which allows one to focus on the meaning of eternal values. And religion allows each person to actualize the norm as a personal motive. Following Windelband, Stepun defines the functionality of religion in the constitution of society as a tool to justify the significance of a moral trajectory in the defining of the functionality of social phenomena. The concept of sobornost ("togetherness", "symphony") is most consistent with the task of substantiating the regulations of the life of an individual person, understood as part of a sociocultural phenomenon per se. People correlate their own lives with cultural development through sobornost, a tool for constant optimization of aspirations and interests, updating the assessment of their own lives and the lives of others. The justification of social phenomena as a result of the correlation of the ideas of European philosophy and Russian religious and philosophical thought made by Stepun is based on the controversy, which was formed in the intellectual environment of the Russian Abroad and which is expressed in the opposition of Western methodological individualism and the idea of sobornost from the Russian philosophical tradition. Stepun's solution shows the fundamental feasibility of the correlation of ideas proposed in European socio-philosophical constructions with conceptions of Russian religious philosophy.

References

1. Stepun, F.A. (2000) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 89–126.
2. Stepun, F.A. (2017a) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 375–390.
3. Stammer, A.V. (2017) F.A. Stepun [F.A. Stepun]. In: Stepun, F.A. (2017) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 732–742.
4. Ferrari, M. (1998) Neokantismo come filosofia della cultura: Wilhelm Windelband e Heinrich Rickert. *Revue de Métaphysique et de Morale*. 3. pp. 367–388.
5. Rickert, G. (1998) *Nauki o prirode i nauki o kul'ture* [Science of Nature and Science of Culture]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 15–42.
6. Windelband, W. (1995a) *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: Spirit and History]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 271–280.
7. Windelband, W. (1995b) *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: Spirit and History]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 508–654.
8. Windelband, W. (1995c) *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: Spirit and History]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 259–271.
9. Windelband, W. (1995d) *Izbrannoe: Dukh i istoriya* [Selected Works: Spirit and History]. Translated from German. Moscow: Yurist. pp. 231–253.
10. Stepun, F.A. (2017b) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 351–362.
11. Stepun, F.A. (2017c) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 218–240.

12. Stepun, F.A. (2017d) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 292–310.
13. Stepun, F.A. (2017e) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 363–374.
14. Stepun, F.A. (2017f) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 558–563.
15. Blumenkrants, M.A. (2012) V bor'be s "metafizicheskoy inflyatsiei". Problema demokratii v mirovospriyatii Fedora Stepuna [In the fight against "metaphysical inflation". The problem of democracy in the world perception of Fedor Stepun]. In: Kantor, V.K. (ed.) *Fedor Avgustovich Stepun* [Fedor Avgustovich Stepun]. Moscow: ROSSPEN. pp. 138–147.
16. Stammer, H. (1960) The Great Tradition in Russian Philosophy. *The Russian Review*. 19(3) pp. 254–266.
17. Zander, L. (2017) O F.A. Stepune i o nekotorykh ego knigakh [About F.A. Stepun and some of his books]. In: Stepun, F.A. *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 684–708.
18. Stepun, F.A. (2017g) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 454–467.
19. Stepun, F.A. (2017h) *Bol'shevizm i khristianskaya ekzistentsiya. Izbrannye sochineniya* [Bolshevism and Christian Existence. Selected Works]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. pp. 282–289.
20. Stepun, F.A. (2000a) *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 534–554.
21. Stepun, F.A. (2000b) *Sochineniya* [Works]. Moscow: ROSSPEN. pp. 494–503.
22. Von Wiese, L. (1960) What Is European Culture? *The British Journal of Sociology*. 11(1). pp. 1–9.
23. Di Giorgi, P. (1994) Max Weber e la Russia. *Studi di Sociologia*. 32(4). pp. 405–415.
24. Treiber, H. (1991) Die Geburt der Weberschen Rationalismus-These: Webers Bekanntschaften mit der russischen Geschichtsphilosophie in Heidelberg: Überlegungen anlässlich der Veröffentlichung des ersten Briefbandes der Max Weber-Gesamtausgabe. *Leviathan*. 19(3). pp. 435–451.

УДК 111.1

DOI: 10.17223/1998863X/52/10

А.В. Политов

**МИКРОХРОНОТОП СОЗНАНИЯ: АНАЛИТИКА
ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ МЫШЛЕНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЭМПИРИЗМЕ XVII ВЕКА
И КАТЕГОРИЯ ХРОНОТОПА**

Актуальной научной проблемой является раскрытие фундаментального онтологического соотношения пространственного и временного атрибутов сознания, описанных английской эмпирической гносеологией XVII в. в качестве априорных форм восприятия. Для решения артикулированного вопроса задействуется понятие хронотопа. Основной тезис заключается в утверждении сознания как хронотопологической целостности, в которой пространственно-временная взаимосвязь образует трансцендентально-логический каркас, детерминирующий схематику мышления.

Ключевые слова: *хронотоп, пространство, время, сознание, эмпиризм.*

Основатели английского эмпиризма XVII столетия Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Д. Локк подходили к пониманию бытия иначе, чем представители рационализма (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г.В. Лейбниц); эмпирической философии присуща гносеологическая направленность: она обращалась к категории бытия не с онтологически-трансцендентного, как у континентальных философов, но с антропологически-трансцендентального ракурса. Эмпирическая методология чуждалась спекулятивно-догматических построений, которыми не пренебрегали классики рационализма, и избегала оперирования гипостазированными (необоснованно наделенными бытийным статусом) понятиями; у эмпириков во главу угла ставилось не бытие само по себе, а то, как оно явление сознанию. В непосредственно же данном опыте мы не обнаруживаем божественную субстанцию саму по себе; Спиноза, однако, на скептицизм эмпириков мог бы возразить: «Если бы люди ясно познали весь порядок Природы, они нашли бы все так же необходимым, как все то, чему учит математика» [1. С. 202]. Категория опыта – основа эмпирической методологии, в рамках которой происходило не обращение к бытийному первоисточку, преследующее цель актуального совпадения по модусу чистого мышления с абсолютной субстанцией (как в понятии интеллектуальной любви к богу у Спинозы), но декларировалась феноменологическая установка: сознание есть экран, на котором представлено бытие, и посредством рефлексии априорно-трансцендентальных структур интеллекта становится возможным понять его; однако о трансцендентном судить не должно, ибо актуальная бесконечность бытийной субстанции не явлена в опыте. Человек может исследовать структуру сознания, и тогда становится возможным оперирование не гипостазированными понятиями, но материалом внешнего (наблюдения и эксперимента) и внутреннего (рефлексии) опыта, из которого следуют суждения достаточной степени основания. Понятие рефлексии – следующее после понятия опыта основание эмпиризма: для свершения познания необходимо наличие апри-

орно-логических структур, которые должны существовать до опыта и быть настроенными на него точно, как часы.

В настоящей работе положения эмпирической гносеологии будем интерпретировать с помощью категории хронотопа (пространственно-временной целокупности), введенной в философию в первой половине XX столетия отечественными мыслителями А.А. Ухтомским [2. С. 67] и М.М. Бахтиным [3. С. 341], служащей предметом авторского научного исследования [4. С. 50–62], согласно которому понятие хронотопа, выражающее единство пространственного и временного атрибутов сущего, выступает отражением онтологической структуры бытия, где пространственно-временное соотношение является параллельным фундаментальному соотношению эйдоса и материи. Отметим, что как таковой термин «хронотоп», разумеется, еще не был известен английским эмпирикам, но они обращались к рассмотрению трансцендентального соотношения пространства и времени, что в историко-философской науке отсылает к тематике хронотопологичности сущего. В рамках представленного исследования будем использовать введенные нами [5. С. 24–32] интерпретационные понятия – макрохронотоп, репрезентирующий окружающий («внешний») мир, и микрохронотоп сознания (его также можно обозначить как «трансцендентальный микрохронотоп»); соответственно область внешнего опыта (феноменальная сфера) будет описываться категорией макрохронотопа, область внутреннего опыта принадлежит к ареалу значений понятия микрохронотопа. Следующая связка интерпретационных терминов, пересекающаяся с предыдущей – материальный хронотоп (пространственно-временное единство «физического» мира, материально-предметная плоскость сущего) и семантический хронотоп, соотносящийся со сферой эйдоса и выражающий смысловую структуру бытия. Сознание в целом будет пониматься как семантический микрохронотоп – эйдетическая трансцендентальная структура, соприкасающаяся с феноменальной реальностью макрохронотопа – материально-семантического пространственно-временного целого. Термины «сознание», «разум» и тому подобные будем употреблять в качестве синонимичных, что, несмотря на некоторый оттенок спекулятивности, допустимо в контексте докантовской гносеологии.

Для того чтобы раскрыть структуру микрохронотопа сознания, необходимо сначала обратить внимание на состояние и содержание его внутреннего пространства; первым это совершил основатель эмпирического движения Ф. Бэкон, выдающийся методолог науки, сделавший упор, в отличие от Р. Декарта, на аналитико-индуктивную модель: «...два пути ведут к одной цели: опыт и дедукция. (...) Бэкон принял опыт как единственный путь к истинному познанию, Декарт – дедукцию. Ясно, почему он отверг бэконовский метод. Опыт начинается с факта восприятия, т.е. со сложных объектов, познание которых подвергается обману со всех сторон» [6. С. 177]. Г.В.Ф. Гегель скептически относился к методологии Бэкона, считая ее ограниченной поверхностным наблюдением за чувственными явлениями, сводящимся к систематизации последних, а также вообще ко всей англосаксонской философской традиции, обреченной сообразно своей сущности «жить постоянно погруженной в материю и иметь своим предметом действительность» [7. С. 217]. Несмотря на характеристику, ниспосланную Гегелем бэконовской философии, несомненная значимость последней выражается в том, что Бэкон

указал на узловые принципы эмпирической методологии: необходимость концентрации на ясности и отчетливости фактов опыта [8. С. 65] – данности макрохронотопа микрохронотопу сознания, но не на интеллектуальную интуицию, формально-логическая структура которой не представляется достаточно очевидной. Если в рационализме утверждалось, что чувства – источник заблуждений, то в эмпирицистской методологии наоборот: от фактов человек не должен отрываться, иначе он может впасть в спекулятивно-обморочное состояние и рассуждать о сущностях, не явленных в опыте. Бэкон устанавливает параллелизм физики и метафизики, взаимно предполагающих друг друга; система научно-опытного знания приобретает пирамидальную форму, вершина которой – метафизика, универсальная метанаука, содержащая аксиоматику всех наук [9. С. 247–253]. Но бэконовская метафизика не знает категории субстанции и прочих спекулятивных понятий – она очищена от них. Поэтому вернее представлять эмпиризм как метафизику особого рода – гносеологическую метафизику.

Итак, согласно гносеологической методологии мы должны заглянуть «внутри» своего ума, чтобы понять его. Опыт делает доступным чувствам то, что раньше было от них скрыто, но не «бесчувствием» человека к макрохронотопу, а разумом – замкнутым в себе микрохронотопом, в коем и кроются ошибки познания. Патологичность обывательского сознания и необходимость его врачевания – общее место для рационалистов и эмпириков, но ответ на вопрос о причине заблуждений разума они решают разными путями. Эмпирики, в противовес континентальным философам, утверждают, что в уме есть нечто, приводящее к недостоверности познания – имманентная микрохронотопу сознания замкнутость в самом себе, субъективность и солипсизм. Но замкнутое внутреннее пространство разума можно очистить от ошибок – тогда опыт станет возможен; приоритет последнего приводит к необходимости рефлексии сознания: чтобы опыт состоялся, необходимо наличие доопытных трансцендентальных структур, работающих без сбоев. Разум должен пройти очищающий его внутреннее поле путь рефлексии, иначе он всякий раз неизбежно будет выходить за пределы опыта; рефлексия есть тот же опыт, но не во внешнем, а во внутреннем ареале – микрохронотопе сознания. Оглядев внутреннее пространство своего сознания, философствующий субъект убеждается, что там безраздельно царят аффекты и заблуждения. Учение об аффектах – точка соприкосновения двух течений: и у рационалистов, и у эмпириков обнаруживается подробное учение о страстях души. «Большой» разум вовсе не немощен, а излишне амбициозен и привыкает мыслить спекулятивно; согласно Бэкону, мы должны «замкнуть» подобный разум на научный опыт, прояснить ошибки ума, и страсти души постепенно нейтрализуются [Там же. С. 17]. Центральным местом бэконовского учения об очищении внутреннего пространства разума от аффектов являются «идолы сознания», укорененные в структуре интеллекта и им же порождающиеся; если их не нейтрализовать, они будут управлять сознанием, как им заблагорассудится, и человек постоянно будет находиться в тумане ошибочных представлений. Идолы сознания имеют гораздо большую силу, чем аффекты, так как, в отличие от последних, это не приобретенные, но врожденные ошибки, «генетические мутации» сознания, обуславливающие патологию ума (таков прежде всего «идол рода» [Там же. С. 18]); Бэкон одним из

первых открывает антиномичность разума. Замкнутость сознания внутри своей пространственно-временной бытийной сферы – микрохронотопа – делает его подобием закрытого помещения («идол пещеры» [9. С. 19]), из которого созерцается внешний макрохронотоп; сознание ограничено самим собой, и эта ограниченность так же фатальна и неизбежна, как и ранее представленная «родовым идолом». Человек – изначальный солипсист, на все вокруг он смотрит сквозь искаженную призму собственного понимания; он не может оторваться от своей субъективности и проецирует ее на внешний макрохронотоп. Ареал последнего – не просто «окружающий» мир, но сфера наличного бытия (обозначающегося в историко-философском дискурсе категорией *das Dasein*), и потому интерпретационный термин «макрохронотоп» может отображать и структуру повседневного существования, отчужденную сферу социума, контролирующуюся, по Бэкону, еще двумя идолами; один из них – «идол площади» [Там же], в семантическом пространстве которого царит мельтешение всевозможных слов, из-за нечеткости которых возникают ошибки и противоречия. Единственное средство – осторожность в употреблении слов, избежание невнятных их значений и мест, где язык выходит за границы своего собственного семантического пространства (это учение впоследствии перейдет к английским позитивистам). Наконец, последний идол – «идол театра» [Там же], репрезентирующий собой влияние на сознание авторитетных философских и научных мнений, превратившихся в догматические положения, безапелляционной веры в которые трудно избежать.

Так, посредством первоначальной стадии рефлексии сознания, концентрирующейся вокруг его содержания и не доходящей пока что до его структуры, вырисовывается состояние внутреннего пространства разума, тающего в себе ошибки и дефекты, которые нужно нейтрализовать. Необходимо не только великое восстановление наук, что предпринимает бэконовская методология опытного познания, но и великое восстановление разума. Значение Бэкона в том, что он высветил пространство для работы гносеологии – тот экран, на котором явлен мир, логическое шасси, на основе которого возможен опыт, – сознание; необходимо только правильно его использовать, и тогда на нем ясно и отчетливо высветится само бытие. Преемником Бэкона, очертившего пространственное измерение микрохронотопа сознания, выступил Гоббс, вклад которого в гносеологию состоит в понимании работы сознания как исчисления – трансцендентального счета актов мышления и восприятия (что у эмпириков отождествлялось между собой, как у рационалистов отождествлялись чистое мышление и рациональная воля); иными словами, Гоббс открывает вторую составляющую хронотопной структуры сознания – временное измерение [10. С. 141]. Во внутреннем пространстве трансцендентального микрохронотопа разворачивается время – последовательность актов когитации; работа рассудка заключается в их сложении и вычитании. Мышление связано со временем, как соотнесен с ним счет: когда мы рассуждаем, мы считаем; сознание работает как часы, и действие мышления представляет собой словно движение трансцендентального маятника. Гоббс указывает на время и как на форму восприятия [Там же. С. 140] (например, движение из внешнего макрохронотопа переходит в восприятии, в микрохронотопе сознания, в образ движения, которое соотносится с внутренним временем как расстояние между двумя трансцендентальными точками,

принимая форму идеального мыслительного счета). Если у Декарта пространство относилось к внешней сфере макрохронотопа – вещи протяженной [11. С. 586], то у Гоббса уже и пространство, и время являются априорными элементами микрохронотопа сознания [10. С. 235–237]; априорное есть до-опытная, логическая структура, являющаяся необходимым и первичным условием опыта, выражающая деятельность геометрико-математического синтеза мышления. Апостериорное же относится к внесенному в опыт и представляет собой аналитический регистр мышления; из этого вырастает соотношение синтетических и аналитических суждений опыта, в которых с помощью языка познающий субъект делает метки – обозначает предметы знаками, имеющими семантическую составляющую.

Гносеология Локка позволила дать наиболее развернутое в докантовский период описание физиологии интеллекта и может быть признана классической феноменологией сознания [12. С. 44], содержащей фундаментальную аналитику познавательной способности; Гегель называл локковскую философию «метафизицирующим эмпиризмом» [7. С. 318], признавая ее в качестве высшей точки развития англосаксонской мысли. Локк, классифицируя содержание внутреннего пространства трансцендентального микрохронотопа, вводит термин «определенные идеи» [13. С. 89] вместо картезианского «ясные и отчетливые идеи», имевшие внеопытное, трансцендентное происхождение. Термин «идея» у Локка связан с опытным познанием: под нею понимается не спекулятивно-гипостазированная сущность, а данность опыта. Во внешнем чувстве в процессе познания мы можем встретить только определенные идеи, во внутреннем чувстве обнаруживаем идеи рефлексии (о которых будет сказано позже). Существует два вида идей: идеи простые, получаемые из внешнего и внутреннего опыта, и сложные идеи, источником которых является синтетическая деятельность разума [14. С. 31]. Восприятие простых идей представляет собой пассивное, созерцательное состояние ума, а синтезирование (конструирование) сложных – активность интеллекта. Антропологическое шасси познавательной способности устроено интенционально – подобно направленному (аттенциальному) лучу, сознание сконцентрировано на объекте внешнего или внутреннего восприятия, который схватывается в акте внимания и различения; акты полагания и номинации (обозначения объекта с помощью вербально-выразительных средств языка) фиксируют объект познания; различенный объект соответствует определенной идее. Локк выделяет три фундаментальных гносеологических операции, с помощью которых опыт становится возможным. Первым таким инструментом выступает операция удержания: луч внимания направляется на объект, фокусируется на нем и удерживает его во внутреннем поле сознания. Вторая когнитивная операция – различение объекта и суждение о нем; мы в своем внутреннем трансцендентальном пространстве как бы «вертим в руках» объект, разглядывая его. Операция абстрагирования завершает схематику действий рассудка. Упорядочив содержание микрохронотопа сознания, Локк обращается к сфере макрохронотопа и совершает различение первичных и вторичных качеств воспринимаемых сущих. Первичные качества (протяженность, плотность, фигура, движение и покой [13. С. 184]) присущи предметам самим по себе, воспринимаются при помощи чувств и принадлежат к сфере макрохронотопа. Вторичные же качества являются произ-

водными от воздействия первичных и принадлежат уже к пространству внутреннего чувства.

«Гоббсовское» мышление есть исчисление, «локковское» – схватывание идей во внутреннем пространстве сознания. Сознание и времени, исчисляя собственные когнитивные акты, и обладает пространственным измерением как неотъемлемым атрибутом своей бытийной хронотопной конфигурации и априорной формой внешнего и внутреннего чувства. Локк дает, по сути своей, хронотопологическую модель сознания в пространственных образах темной камеры и чистой доски; так как в сознании нет врожденных идей, то это означает изначальную чистоту априорно-антропологического шасси, которое можно представить в виде камеры, куда извне проникают ощущения, или чистой доски, на которой опыт пишет свои письма. Каждый может отрефлексировать свое сознание, очистив его от эмпирии и обнаружив его логический каркас, образованный трансцендентальными пространством и временем. В неотрефлексированном виде внутреннее пространство микрохронотопа сознания представляет собой нагромождение аффектов, спутанных мыслей и туманных восприятий; очищенное сознание есть универсальный инструмент опыта и представляет собой освобожденное эйдетическое пространство. Но возможно ли чистое состояние сознания сколько-нибудь долго? Если концентрация воли, сопряженной с вниманием, ослабнет, человек окажется в плену смутных идей, внутреннее пространство сознания окажется захваченным ими. Мышление должно быть в радость, а не в тягость – этой фразой можно выразить смысл гносеологии Нового времени. Чистое мышление и продуктивное воображение должны быть непрерывными, но они тяжелы для сознания обывателя и требуют больших усилий и полного сосредоточения воли; соблюдать чистоту мышления трудно, для грез же не нужно никакой концентрации. Как только чистое мышление остановится, аттенциальный луч внимания рассеется и аффекты вновь поглотят человека. Английские эмпирики прекрасно понимали, что сознание человека не работает непрерывно, а скорее пульсирует, то уходя во тьму аффектов, в темную глубину своего семантического пространства, то, сконцентрировавшись, вновь выходит на поверхность – к границе трансцендентального и феноменального. Но, с другой стороны, спонтанная активность ума не должна прерываться, ведь в этом состоит свобода и автономия индивида: если мышление не будет спонтанным, то не будет свободным, так как будет определяться внешними обстоятельствами – макрохронотопом *das Dasein*. Временность состояний разума порождает его антиномичность.

Время – условие для синтетической активности сознания, продуцирования рядов восприятий, складывающихся в цепь трансцендентальной последовательности. Пространство и время выступают условиями опыта, вне которых последний невозможен (правда, для нас, конечных существ, нельзя представить, чтобы мы могли пребывать вне подобной конфигурации); по природе своей человек предрасположен к опыту. В этом вопросе проступает различие между тремя эмпириками: для Бэкона опыт являлся экспериментальным познанием мироздания, для Гоббса опытное познание носило преимущественно сенсуалистический характер, для Локка же опыт – не просто поток ощущений, но и рефлексия; опыт суммирует все наблюдения субъекта за деятельностью его собственного рассудка. Но если для Локка, пожалуй, и

внешний, и внутренний опыт равнозначны, то для Канта внешний опыт будет превалировать над внутренним, так как именно феноменальная сфера актуализирует (отсюда нравственно-практическая проблематика критической философии) потенции сознания [15. С. 190–191]. Временящийся поток идей теряется в прошлом, так как мы не можем проследить всю последовательность когнитивных актов, и уходит во тьму будущего, так как мы не в силах познать всю необходимость природы. Мы видим бесконечный для нас ряд актов – психический коррелят бесконечности, которая осмысливается как чистая последовательность; благодаря тому, что мышление представляет собой трансцендентальный счет, последний может соотноситься с вышеупомянутой чистой последовательностью, и человеку в пределах внутреннего пространства микрохронотопа сознания может актуально предстать бесконечность, хотя таковая не встречается в опыте. Противоречие между спекулятивностью разума, способного синтезировать образ актуальной бесконечности, и его неспособностью охватить конечный причинно-следственный ряд феноменальной реальности также включается в означенный ряд антиномий интеллекта.

Гносеологическая антиномичность разума, выявленная эмпириками еще до Канта, скрывает под собой противоречия экзистенциального свойства. Локку, как было отмечено ранее, принадлежит учение об идеях рефлексии, находимых во внутреннем пространстве сознания, связанных не только с феноменологической, но и экзистенциально-личностной проблематикой. Одна из таковых идей – беспокойство [13. С. 301–304], имеющее и рефлексивное значение, и экзистенциально-психологический смысл. Однако Локк был склонен связывать беспокойство преимущественно со стороной аффектации, подлежащей блокировке; у Лейбница же мы обнаруживаем гораздо более глубокий и положительный смысл феномена беспокойства: понятое экзистенциально, оно влечет сознание к бесконечному бытийному горизонту [16. С. 190]. В априорно-логической структуре трансцендентального микрохронотопа обнаруживается бытийное основание, требующее уже не гносеологического, но онтологического подхода, во многом воплощенного воспреемницей эмпиризма Локка – кантовской философией.

Представление эмпирической гносеологии о структуре сознания существенно хронотопологично – Бэкон, Гоббс и Локк раскрывают глубокую взаимосвязь трансцендентальных пространства и времени, образующих каркас разума. Мышление представляет собой временящийся поток идей, идущих бесконечной цепью внутри семантического пространства сознания; пространство и время проявляются и в качестве априорных форм, усматривающихся во внутреннем чувстве, и как составляющая бытийного каркаса, хронотопа сознания. Если трансцендентальное пространство можно сопоставить с приватным пространством человеческой самости (ареалом подлинности, противостоящей внешнему макрохронотопу *das Dasein*), то трансцендентальное время (счет мышления) отождествляется со временем как таковым – бытием: человек с его сознанием есть временящееся (следовательно, конечное, временное) существо. Мышление как временение обнаруживает под собой экзистирование; хронотопная структура сознания скрывает под собой метафизическое основание человеческого бытия.

Литература

1. Спиноза Б. Сочинения : в 2 т. СПб. : Наука, 1999. Т. 1. 489 с.
2. Ухтомский А.А. Доминанта. СПб. : Питер, 2002. 448 с.
3. Бахтин М.М. Собрание сочинений. М. : Языки славянских культур, 2012. Т. 3: Теория романа (1930–1961 гг.). 880 с.
4. Политов А.В. Онтологический смысл понятия хронотопа в философских идеях А. Ухтомского и М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2014. Т. 14, вып. 4. С. 50–62.
5. Политов А.В. Сравнительный анализ понятий семантического мира В.В. Налимова и хронотопа М.М. Бахтина // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 24–32.
6. Фишер К. История новой философии. Рене Декарт. М. : АСТ, 2004. 492 с.
7. Гегель Г.В.Ф. Сочинения. М. ; Л. : Соцэкгиз, 1935. Т. XI: Лекции по истории философии. Кн. 3. 528 с.
8. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1977. Т. 1. 567 с.
9. Бэкон Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. 575 с.
10. Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1989. Т. 1. 622 с.
11. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. М. : Мысль, 1994. Т. 2. 633 с.
12. Железняк В.Н. Феноменология рациональной воли. Пермь : ПГТУ, 1997. 170 с.
13. Локк Д. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 1. 621 с.
14. Локк Д. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1985. Т. 2. 560 с.
15. Железняк В.Н. Медиум. Опыт онтологического истолкования кантовской философии. Пермь : ПТУ, 1997. 249 с.
16. Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1983. Т. 2. 686 с.

Andrei V. Politov, Perm National Research Polytechnic University (Perm, Russian Federation).

E-mail: erikhczeren@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 93–101.

DOI: 10.17223/1998863X/52/10

THE MICROCHRONOTOPE OF CONSCIOUSNESS: THE ANALYTICS OF THE SPATIOTEMPORAL STRUCTURE OF THINKING IN THE ENGLISH EMPIRICISM OF THE 17TH CENTURY AND THE CATEGORY OF THE CHRONOTOPE

Keywords: chronotope; space; time; consciousness; empiricism.

Classical English empiricism of the 17th century is one of the most detailed and justified epistemological theories in the European philosophic traditions. Such empiricists as Francis Bacon, Thomas Hobbes and John Locke proceeded from the priority of empirical cognition developed on the basis of inductive-analytical methodology. In contrast to them, French and German rationalists (René Descartes, Baruch Spinoza and Gottfried Wilhelm Leibniz) considered deductive and postulatory methods to be of primary importance. In the theory of empiricism, experience was divided into external (which involved the perception of the world around) and internal one consisting in consciousness reflection in the frames of which a cognoscitive subject appeals to the inner world of his intellect discovering and describing its content and structure. The key achievement of empirical epistemology was the detection of the a priori transcendental framework of the human cognitive ability in the process of its reflection (according to Immanuel Kant's famous term "physiology of the intellect"). This framework was formed by the spatiotemporal correlation the elements of which appeared both in the forms of perception making possible experience itself and, first of all, as the logical-schematic forms of thinking. The novelty and theoretical significance of this research consist in the fact that the structure of consciousness disclosed in the works of famous philosophers-empiricists is interpreted by the category of chronotope reflecting the spatiotemporal interrelations of Being. The foundation of this approach is the unity of the spatial and temporal dimensions of thinking demonstrated in classical empiricism and immanent for the mechanism of its synthesis. Moreover, dialectical interaction of consciousness with the phenomenal reality of the outside world proves to be the justification of this approach as well. In the final synthesis of epistemology statements and the chronotope theory, consciousness functions as an autonomous semantic spatiotemporal sphere in which acts of thinking and perception are considered to be the expression of its activity. The a priori chronotopological structure of intellect shown by the

philosophy of empiricism demonstrates a strong correlation with the existential ontological basis of human being as far as the existence of thinking turns out to be connected with the existence of Being.

References

1. Spinoza, B. (1999) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Nauka.
2. Ukhtomsky, A.A. (2002) *Dominanta* [Dominant]. St. Petersburg: Piter.
3. Bakhtin, M.M. (2012) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
4. Politov, A.V. (2014) Ontologicheskiy smysl ponyatiya khronotopa v filosofskikh ideyakh A. Ukhtomskogo i M. Bakhtina [Ontological meaning of the concept “chronotope” in the philosophical ideas of A. Ukhtomsky and M. Bakhtin]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* 14(4). pp. 50–62.
5. Politov, A.V. (2017) Sravnitel'nyy analiz ponyatiy semanticheskogo mira V.V. Nalimova i khronotopa M.M. Bakhtina [A comparative analysis of the concepts “semantic world” by V.V. Nalimov and “chronotope” by M.M. Bakhtin]. *Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk.* 17(4). pp. 24–32.
6. Fischer, K. (2004) *Istoriya novoy filosofii. Rene Dekart* [History of the new philosophy. Rene Descartes]. Moscow: AST.
7. Hegel, G.V.F. (1935) *Sochineniya* [Works]. Vol. 11. Translated from German. Moscow, Leningrad: Sotsekgiz.
8. Bacon, F. (1977a) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
9. Bacon, F. (1977b) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
10. Hobbes, T. (1989) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
11. Descartes, R. (1994) *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols]. Vol. 2. Translated from French. Moscow: Mysl'.
12. Zheleznyak, V.N. (1997a) *Fenomenologiya ratsional'noy voli* [The Phenomenology of rational Will]. Perm: Perm State Technical University.
13. Locke, J. (1985a) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 1. Translated from English. Moscow: Mysl'.
14. Locke, J. (1985b) *Sochineniya: v 3 t.* [Works: in 3 vols]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Mysl'.
15. Zheleznyak, V.N. (1997b) *Medium. Opyt ontologicheskogo istolkovaniya kantovskoy filosofii* [Medium. The experience of the ontological interpretation of Kantian philosophy]. Perm: Perm State Technical University.
16. Leibniz, G.W. (1983) *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Translated from German. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

УДК 1(091)

DOI: 10.17223/1998863X/52/11

К.А. Родин

Н-ОПЕРАТОР И ЭЛИМИНАЦИЯ ЗНАКА ТОЖДЕСТВА «В ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКОМ ТРАКТАТЕ» Л. ВИТГЕНШТЕЙНА

Дается краткое изложение основных результатов различных попыток представить предложенную Л. Витгенштейном правильную логическую нотацию в систематическом виде: рассматриваются правила применения N-оператора и правила элиминации знака тождества. Сопоставляются предложенные Каем Вемайером и Тимом Лампертом алгоритмы перевода «стандартных» формул на логический язык Трактата.

Ключевые слова: Витгенштейн, N-оператор, знак тождества, логика первого порядка, пропозициональная функция, логическая эквивалентность.

Предложенный Л. Витгенштейном в «Логико-философском трактате» (далее – Трактат) «правильный» способ логической записи исчерпывается двумя положениями: полным устранением знака тождества (тождество или нетождество объектов должно выражаться через тождество или нетождество знаков (5.53)) и постулированной возможностью получить любые формулы логики первого порядка через применение N-оператора. Первое положение отвергает определение тождества по Лейбницу (принятое и Расселом в *Principia Mathematica*) и в Трактате определенным образом обосновывается (аргументы Витгенштейна мы рассматривать не будем). Второе положение вводится без аргументации. Относительно правил устранения знака тождества и применения N-оператора Витгенштейн ограничился примерами. Цель настоящей обзорной статьи – краткое изложение основных результатов различных попыток представить предложенную Витгенштейном правильную логическую нотацию в систематическом виде. Споры вокруг принципиальной возможности или невозможности систематического применения логической записи без знака тождества с переменным успехом велись со времен публикации Трактата (хорошо известна реакция Рамсея и Рассела и соответствующие последствия для проекта *Principia Mathematica* (см., напр.: [1]). Недавние работы Флойда и Ландини вернули интерес к проблеме (см.: [2, 3]). Но существенный успех в понимании «намерений» Витгенштейна связан с недавними статьями Вемайера (одна статья – в соавторстве с Роджерсом) ([4–6]) и – особенно – Ламперта [7]. Относительно же определения правил применения N-оператора существенного успеха (и проблему можно считать исчерпанной) достигли Роджерс и Вемайер.

В первой части настоящей статьи рассматриваются предложенные Роджерсом и Вемайером правила и алгоритм записи формул логики первого порядка через N-оператор (коротко рассматривается и известный спор Фогелина и Питера Гича [8, 9] относительно N-оператора). Во второй части излагается предложенный Вемайером алгоритм перевода «стандартных» формул логики первого порядка на язык без знака тождества. В третьей части – другой по-

добный алгоритм и соответствующая критика правил перевода Роджерса и Вемайера Лампертом. В заключительной части формулируются дополнительные аргументы в пользу позиции Тима Ламперта.

1

Намеченная Витгенштейном в «Логико-философском трактате» «нестандартная» логическая нотация сводится к элиминации знака тождества и к так называемому N-оператору. Здесь мы рассмотрим только N-оператор.

Наряду с определением N-оператора (применяется к пропозициональной переменной) (5.502. «...N(ξ) есть отрицание всех значений пропозициональной переменной ξ ») Витгенштейн определяет три способа задать значения пропозициональной переменной (переменных):

... Значения переменных должны быть определены.

Определение – это описание заменяемых на переменную пропозиций.

Как описываются члены заключенного в скобки выражения, несущественно.

Мы можем различить три способа описания:

1. Прямое перечисление. В таком случае вместо переменной мы можем просто поставить ее постоянные значения.

2. Задание функции f_x , значения которой для всех значений x – это описываемые пропозиции.

3. Задание формального закона, по которому образованы эти пропозиции. ... (5.501)

За исключением нескольких иллюстраций (примеров применения), Витгенштейн не прописывает синтаксических правил применения N-оператора. Примеры следующие:

1. ξ имеет только одно значение: $N(\xi) = \sim p$ (не p). ξ имеет два значения: $N(\xi) = \sim p$, $\sim q$ (не p и не q) (в таком случае N-оператор работает как штрих Шеффера) (5.51).

2. Значение ξ – все значения функции f_x для всех значений x : $N(\xi) = \sim(\exists x). f_x$. (5.52)

Второй случай стал камнем преткновения. С помощью штриха Шеффера возможно переписать **все** логические константы. Но как с помощью применения N-оператора к классу пропозиций (который задан пропозициональной переменной) переписать **любые** пропозиции с кванторами всеобщности и / или существования...

Понятие пропозициональной функции заимствовано Витгенштейном из Principia Mathematica Рассела. Соответственно определяется и класс пропозиций:

Если какую-то составную часть пропозиции мы заменим на переменную – существует класс пропозиций, который исчерпывает все значения получившейся в результате переменной пропозиции (3.315) (перевод Добронравова и Лахути с изм.).

Итак. Необходимо через применение одного лишь N-оператора к классу пропозиций получить общие пропозиции (в том числе с разными кванторами). Роджер Фогелин (Ф) посчитал задачу невыполнимой. Ход рассуждений Ф можно представить так:

Пусть нам нужно построить общую пропозицию с вложенными кванторами: $\forall x \exists y fxy$.

– Возьмем подходящую для описания класса элементарных пропозиций пропозициональную функцию и применим к данному классу N-оператор: $N(fay)$. $N(fay)$ эквивалентно $\sim \exists y fay$.

Дальше нужно применить оператор ко всем эквивалентным $\sim \exists y fxy$ пропозициям. И для этого класс таких пропозиций нужно задать с помощью пропозициональной функции. Поэтому:

- заменим а в пропозиции $N(fay)$ на переменную x: $N(fxy)$;
- применим N-оператор: $N(N(fxy))$.

Пропозиция $\forall x \exists y fxy$ эквивалентна пропозиции $\sim \exists x \sim \exists y fxy$. А пропозиция $N(N(fxy))$ – так считает (Ф) – эквивалентна пропозиции $\exists x \exists y fxy$ (следовательно, с помощью N-оператора не получилось и в принципе невозможно построить пропозицию $\forall x \exists y fxy$ (пропозицию с разными кванторами)). Такое понимание N-оператора не соответствует намерению Витгенштейна: при попытке получить пропозициональную функцию для **класса** пропозиций мы – напротив – получаем одну определенную пропозицию. Иначе: после перехода от а к переменной x выражение $N(fxy)$ представляется просто другим способом записи пропозиции $\forall x \forall y \sim fxy$ ($N(N(fxy))$ для $\exists x \exists y fxy$ соответственно) (см. подробнее: [6. С. 559]). Поэтому N-оператор применяется уже не к классу пропозиции (заданных пропозициональной переменной). (И, как следствие), символизм N-оператора в интерпретации Ф не позволяет различать между применением оператора к пропозициональной функции и применением оператора ко всему классу значений пропозициональной функции. По Ф, в области своего действия оператор связывает все свободные переменные. Введение любой новой переменной (по правилу 3.315) автоматически делает переменную связанной: вместо открытого предложения получаем определенную (determinate) пропозицию. Ошибочная интерпретация Ф связана с неверным прочтением примеров Трактата: Витгенштейн показывает результат применения оператора к пропозициям или классу значений пропозициональной функции. Однако отсюда не следует представимость результата через соответствующее выражение с N-оператором: $N(N(fxy))$ непонятно как именно указывает на применение оператора дважды. И поэтому в принципе остается неизвестным результат операции. Даже просто для предположения об эквивалентности $N(N(fxy))$ и $\forall x \exists y fx$ нет оснований: дополнительно необходимы какие-то неупомянутые Витгенштейном правила применения N-оператора.

Такие правила (плюс способ записи) попытался сформулировать Питер Гич:

пусть выражение $N(x : fx)$ означает общее отрицание класса пропозиций – который получен через замену в пропозициональной функции fx имени на переменную.

Таким образом, вводится различие между свободными и связанными переменными. Следовательно, вводится и различие между пропозициональными функциями и определенными пропозициями (что удовлетворяет требованию 3.315) (см. подробнее: [6. стр. 560]). И теперь:

пусть нужно получить $(\forall x)(\exists y) fxy$;

– есть элементарная пропозиция fab . Превращаем b в переменную: получаем пропозициональную функцию $y : fay$;

– применяем N-оператор к классу значений полученной функции: $N(y : fay)$. Что эквивалентно $\sim(\exists y) fay$;

– превращаем a в переменную: получаем пропозициональную функцию $x : N(y : fx y)$;

– применяем N-оператор к классу значений полученной функции: $N(x : N(y : fx y))$. Что и эквивалентно $(\forall x)(\exists y) fxy$.

Роджерс и Вемайер (далее – РнВ) предлагают аналогичные правила. Но используют другой способ обозначения (который должен был иметь в виду и сам Витгенштейн). Предложенный способ обозначения соответствует историческому контексту (РМ Рассела плюс комментарий Рамсея).

Ограничимся одним примером: $\widehat{NNNNfx y}$ эквивалентно $(\forall x)(\forall y) fxy$. Слева направо применяем N-оператор:

1. $Nfx \hat{y}$ эквивалентно $\sim(\exists y) fxy$.
2. $N(\sim(\exists y) fxy)$ эквивалентно $(\forall y) fxy$.
3. $N((\forall y) f\hat{xy})$ эквивалентно $(\sim \exists y)(\forall y) fxy$.
4. $N((\sim \exists y) (\forall y) fxy)$ эквивалентно $(\forall x)(\forall y) fxy$.

Циркумфлекс определяет связанную переменную. Горизонтальная черта – область действия соответствующей переменной (the scope of a bound variable) (берется нижняя черта над связанной переменной). Горизонтальная черта присутствует в исходном определении N-оператора (5.502). Циркумфлекс предполагается Витгенштейном по умолчанию (ввиду контекста РМ и комментариев Рамсея). Кроме того РнВ доказали: любая пропозиция стандартной логики первого порядка может в конечное число шагов быть переписана при помощи N-оператора на логический язык Трактата (см. подробнее: [6. С. 565–566]).

2

Элиминация тождества из логической нотации представляется более существенной проблемой. Тождество Витгенштейн предлагает выражать через тождество знаков (нетождество – через различие знаков) (констатация 5.52). Витгенштейн снова ограничивается примерами (констатации 5.531, 5.532 и 5.5321):

1. $f(a,b)$. $a = b$ без знака тождества записывается как $f(a,a)$ или $f(b,b)$.
2. $f(a,b)$. $\sim a = b$ записывается как $f(a,b)$.
3. $(\exists x,y)$. $f(x,y)$. $x = y$ записывается как $(\exists x)$. $f(x,x)$.
4. $(\exists x,y)$. $f(x,y)$. $\sim x = y$ записывается как $(\exists x,y)$. $f(x,y)$.
5. $(\exists x,y)$. $f(x,y)$ записывается как $(\exists x,y)$. $f(x,y) \cdot \vee$. $(\exists x)$. $f(x,x)$.
6. $(x) : fx \supset x = a$ записывается как $(\exists x)$. $fx \cdot \supset$. $fa : \sim (\exists x,y)$. $fx \cdot fy$.
7. Пропозиция «только один x удовлетворяет $f(\)$ » записывается как $(\exists x)$. $fx : \sim (\exists x,y)$. $fx \cdot fy$.

Разность (понимаемая буквально) свободных переменных a и b во втором примере предполагает также и разность значений переменных. Иначе (в общем виде): выполняющее некоторую формулу значение переменной должно быть в 1-1 отношении к другим свободным переменным внутри данной формулы. Если же a и b в примере рассматривать как имена – они не должны иметь общий референт.

Третий пример содержит явно эквивалентные формулы. Однако четвертый пример предполагает: в выражении $(\exists x, y). f(x, y)$ значения переменных x и y никогда не совпадают. И необходимо обеспечить **систематическое** выполнение данного требования. РиВ ссылаются здесь на работу Я. Хинтикки [10]. Задача требует учитывать наложение кванторов. Хинтикка предложил две возможности.

1. Слабая версия исключающего прочтения вложенных кванторов. $(\exists x, y). f(x, y)$. Берем некое значение a (witness) для переменной первого квантора {Никакие значения никаким переменным еще не приписаны. Поэтому никакой объект из области квантора $\exists x$ не исключается}. В подформуле $(\exists y). f(x, y)$ встречается свободная переменная x (которой приписано некоторое значение a). Примем: область значений связанной переменной z содержит любые элементы – кроме значений любой свободной переменной внутри области действия связывающего переменную z квантора. Таким образом, в нашей подформуле значение переменной x будет исключено из области значений связанной переменной y . И условия истинности эквивалентных формул из четвертого примера совпадают.

2. Сильная версия исключающего прочтения вложенных кванторов. Область значений связанной переменной z содержит любые элементы (из области значения) – кроме значений любой переменной внутри области действия которой встречается z (где область действия связанной переменной – это область действия связывающего переменную квантора).

3. Еще одна возможность сформулирована уже РиВ [6. С. 542–543]. Мы можем по-разному определять область действия свободной переменной. В сильной версии исключающего прочтения область действия свободной переменной принимается за формулу целиком. Альтернатива (которую не увидел Хинтикка): свободная переменная не имеет области действия. Тогда третья возможность – узкий вариант сильной версии исключающего прочтения вложенных кванторов.

Шестой пример иллюстрирует разницу в прочтениях: выражение

$(\exists x). fx \supset fa : \sim(\exists x, y). fx. fy$ согласно с сильной версией в «обычной» записи будет выглядеть:

$(\exists x (x \neq a \wedge Fx) \supset Fa) \wedge \neg \exists x \exists y (x \neq a \wedge y \neq a \wedge x \neq y \wedge Fx \wedge Fy)$. Что совсем не передает подразумеваемого в исходном выражении $(x) : fx \supset x = a$ «только a удовлетворяет формулу f ». Но если a не имеет области действия – и, соответственно, не налагает ограничение на значения переменных (т.е. при узком варианте сильной версии исключающего прочтения) – предложенная Витгенштейном замена будет эквивалентной. Что верно и в случае слабой версии исключающего прочтения. Витгенштейн (вероятно) имел в виду слабую версию исключающего прочтения. Но в любом случае РиВ определили формальную процедуру (алгоритм) перевода стандартных формул на логический язык Трактата (и обратно) для всех трех возможностей. Алгоритм простой и основывается на изложенных синтаксических правилах (мы не будем его воспроизводить).

Два замечания:

1. Алгоритм перевода исключает из логического языка Трактата имена или константы (РиВ предлагают заменить имена на свободные переменные с (фиксированными) заданными значениями).

2. При переводе со стандартного языка на логический язык Трактата в случае с выражениями « $x = x$ » и « $x = y$ » предлагается вместо первого выражения писать $T(x)$ (любая тавтология со свободной переменной x) и $\perp(x, y)$ (любое противоречие с двумя свободными переменными) – вместо второго выражения.

Р и В была доказана и выразительная эквивалентность формул стандартного логического языка и логического языка Трактата. Единственный случай нарушения данной эквивалентности – это кореферентность: на языке Трактата невозможно выразить « $a = b$ ». Однако использование имен при описании мира несущественно (5.526). Кроме того, по Витгенштейну, различные имена не должны отсылать к одному объекту.

И все-таки подлинную трудность представляет первый пример перевода сам по себе: $f(a, b)$. $a = b$ без знака тождества записывается как $f(a, a)$ или $f(b, b)$. В любой интерпретации $f(a, a)$ или $f(b, b)$ неэквивалентно $f(a, b)$. $a = b$. $f(a, b)$. $a = b$ очевидно имплицитно $f(a, a)$ и $f(a, b)$. Но импликация необратима. По мнению Р и В $f(a, b)$. $a = b$ можно переводить через противоречие (замечание 2). Однако Витгенштейн (по непонятной причине) вместо перевода записал следствие из формулы Рассела.

3

Тим Ламперт указывает на очевидное несоответствие предложенного Р и В способа перевода букве Трактата. Вернемся к первому примеру Витгенштейна.

Формула Рассела: $Fab \wedge a = b$.

Перевод Витгенштейна: Faa (или Fbb).

Перевод Вемайера: $Fab \wedge (Rab \wedge \neg Rab)$ (можно использовать любое противоречие).

Формула Рассела и перевод Витгенштейна – не противоречия. Р и В сами признают неадекватность собственного перевода – потому что выражение типа « $a = b$ » нельзя выразить на языке Трактата. Перевод же Витгенштейна (как они же утверждают) нерелевантный: выражения неэквивалентные (см. выше).

По мнению Ламперта, отказ признать перевод Витгенштейна со стороны Р и В объясняется неправильным пониманием «отношения» Витгенштейна к проблеме тождества [7. С. 6 и далее].

Прежде всего, по некоторым причинам несправедливо (по существу и по отношению к контексту Трактата) или сомнительно исключение имен (см. выше первое замечание):

– несмотря на 5.525, имена не исключаются Витгенштейном из логически правильного языка;

– любая формула с константами (именами) может быть заменена на формулу без констант. И такая формула будет выполнима, если и только если выполнима «исходная» формула. Но «равная» выполнимость не гарантирует заявленную выразительную адекватность исключающего (искл.) перевода.

Принятие всерьез примеров Витгенштейна **без исключения** неизбежно заставит признать неэквивалентность стандартной логики и логики Трактата. Легко представить некоторые модели, которые можно различить только посредством выражения кореферентности « $a = b$ ». Пусть в некоторой модели

М1 константы a и b интерпретируются одинаково. В модели же М2 – по-разному. Тогда $a = b$ в первой модели истинно и ложно во второй модели). Тогда как в исключаящем прочтении любые формулы будут одновременно истинны или ложны в обеих моделях [7. С. 11–12]. Ламперт справедливо замечает: для Витгенштейна подобное различие между моделями – это псевдо-различие... И «в действительности» различать нечего.

Для РиВ логическую нотацию Трактата «оправдывает» лишь доказательство эквивалентности. Но современное (семантическое) понятие логической эквивалентности нерелевантно относительно чисто синтаксического подхода Витгенштейна к логике.

Ламперт приводит дополнительный (к примерам Витгенштейна) пример (*): для стандартной формулы Fab перевод будет: $Faa \vee Fab$ или $Fbb \vee Fab$ (искл.). Как и в случае с первым примером, выражения неэквивалентные: припишем a и b разные значения o_1 и o_2 . И пусть предикат F интерпретируется на множестве $\{o_1, o_1\}$. Тогда стандартная формула будет ложной. Первый вариант перевода будет истинным. Второй вариант перевода – ложным (отсюда и неэквивалентность вариантов). Во втором варианте перевода мы переписываем $Fab \wedge \neg a = b$ на Fab в предположении не кореферентности « a » и « b ». Однако «применение» модели

$M (M(a) = o_1, M(b) = o_2, M(F) = \{(o_1, o_1)\})$ ко всей формуле $Faa \vee Fab$ будет незаконным. Ведь модель M (приписывающая разные значения разным именам) «не соответствует» подформуле Faa или Fbb (искл.) (предполагает кореферентность). Аналогично: если модель предполагает кореферентность (приписывает разным именам одно значение) – модель не подходит для Fab (искл.). Получается: чтобы выбрать единственный перевод для стандартной формулы Fab , мы должны предполагать определенные модели для нашего перевода (которые учитывали бы тождество или, наоборот, нетождество объектов): в $Faa \vee Fab$ для первого дизъюнкта – только модели $M(a) = M(b)$ и только модели $M(a) \neq M(b)$ для второго дизъюнкта.

Невероятно удачный способ записи предложил Ламперт на основании замечания Витгенштейна из Дневников времен Первой мировой войны от 2 декабря 1916 г. [11]. Витгенштейн предлагает обозначать сходство между общностью и аргументом через $(ax)fx$. Через такую запись для каждого имени можно указать область его действия (подобно области действия квантора). Возьмем выражение $Faa \vee Fab$ (искл.). Оно может быть переводом стандартного выражения Fab или стандартного выражения $(Faa \vee Fab) \wedge \neg a = b$. Чтобы исключить двусмысленность перевод для первого случая переписем через

$(ax)(by)Fxy \vee (ax)Fxx$ и через

$(ax)(by)(Fxy \vee Fxx)$ – для второго случая. {Модель $M(a) = M(b)$, очевидно, не подходит для второго и подходит для первого случая}. Но проблема фиксации класса подходящих моделей такой записью не решается.

Необходимо в случае с примером перевода (*) Ламперта приписывать каждому дизъюнкту разные классы моделей (и здесь так или иначе игнорируется элиминация знака тождества). Или придется признать невозможность одного-единственного перевода и (соответственно) признать стандартную формулу Fab в каком-то отношении двусмысленной. И тогда при переводе – устраняя двусмысленность – мы должны выбрать один из вариантов.

Ламперт предложил выход: введем понятие префикс-матричной формы (ПМФ). Представленные в такой форме формулы состоят из матрицы (не содержит знака тождества) и префикса (конъюнкция выражений со знаком тождества типа « $a = b$ » или « $\neg a = b$ »). Префикс с матрицей объединяются через конъюнкцию. Префикс может быть пустым и должен быть непротиворечивым (кроме того, все имена в префиксе должны встречаться и в матрице (хотя бы в одной из матриц)). Префикс понимается как набор правил для оперирования с именами из матричного выражения и представляет собой одно из кореферентных множеств имен (так, для a и b существует только два кореферентных множества имен: $\{\{a, b\}\}$ и $\{\{a\}, \{b\}\}$). Далее: определим конъюнкцию выражений со знаком тождества (которая разбивает множество имен на множества кореферентных имен) как «каноническую конъюнкцию» (КК). Например, КК для множества кореферентных имен $\{\{a, b\}, \{c, d\}\}$ будет $a = b \wedge c = d \wedge \neg a = c$. Любую неоднозначную (двусмысленную) ПМФ можно представить через дизъюнкцию однозначных ПМФ. К исходной ПМФ вторым (и т.д.) дизъюнктом необходимо добавить ПМФ с такой же матрицей и другим префиксом. Новые префиксы должны соответствовать КК для **всех** дополняющих КК первого префикса множеств кореферентных имен. Назовем такую дизъюнкцию однозначных ПМФ однозначной (т.е. недвусмысленной) дизъюнкцией (ОД).

Каждый дизъюнкт ОД (которая репрезентирует исходную стандартную формулу) соответствует одному из возможных переводов.

Пример (*): формула Fab . В матрице Fab встречаются имена из множества $\{a, b\}$. Соответственно: есть только два множества кореферентных имен: $\{\{a, b\}\}$ и $\{\{a\}, \{b\}\}$ и 2 КК (каждая состоит из одного «конъюнкта»): $a = b$ и $\neg a = b$. Обе КК не противоречат пустому префиксу исходной формулы. ОД будет

$$Fab \wedge a = b \vee Fab \wedge \neg a = b.$$

Каждый дизъюнкт ОД приводит к одному из возможных вариантов перевода исходной стандартной формулы Faa (из возможных переводов Faa или Fbb выбирается, допустим, первый, потому что Fbb – просто другой способ записи: подразумеваемое значение здесь не зависит от способа записи) или Fab . Теперь можно сформулировать понятие логической эквивалентности между стандартной формулой и переводом: стандартная формула ПМФ будет логически эквивалентна множеству возможных переводов (на логический язык Трактата), если и только если для каждого из дизъюнктов ОД формулы среди множества возможных переводов существует логически эквивалентный перевод (ну и *vice versa*). Логическая эквивалентность дизъюнкта и соответствующего перевода устанавливается на основании общего класса моделей (заданного префиксом соотв. дизъюнкта).

Алгоритм перевод, очевидно, может быть применен для всех **значимых** формул логики первого порядка без кванторов. Необходимо только учесть:

– В нотации Трактата псевдопропозиции типа « $a = a$ » или « $a = b. b = c. \supset a = c$ » не могут быть записаны (констатация 5.534). Ведь никакое правило использования имен (по типу префикса в ПМФ) здесь не подразумевается. И выражения не содержат матриц. Можно продолжить аналогию с префиксами и так: $a = a$ – правило подстановки. Но пустое (потому что любое имя может быть подставлено вместо себя). Такие очевидные псевдопропози-

ции соответствуют «пустым» правилам или не соответствуют никаким и должны быть просто устранены. Следовательно не все формулы «стандартной» логики могут быть переписаны на язык Трактата. Использовать знак тождества можно только для задания правил (по типу подстановки) использования знаков.

– Ламперт рассматривает дополнительно несколько правил перевода (или же устранения) некоторых типов псевдо-пропозиций. После определяет и более общий алгоритм перевода дизъюнктивных ПМФ (с несколькими матрицами) и дизъюнктивной нормальной формы (ДНФ) в ОД (см. подробнее: [7. С. 19–22]).

4

Предложенный Лампертом алгоритм перевода ограничен логикой первого порядка без кванторов. Поиск алгоритма для логики первого порядка с кванторами, очевидно, столкнется с определенными трудностями. Но если задача все-таки будет решена – останется объединить оба алгоритма (устранения знака тождества и применения N-оператора) в один общий алгоритм перевода.

Пока мы можем считать алгоритм Вемайера (для устранения знака тождества) не соответствующим намерениям Витгенштейна и просто не согласующимся с примерами Трактата. Даже при исключении констант (имен) (что тоже не соответствует букве Трактата) перевод Вемайера для третьего примера ($\exists x \exists y (Fxy \wedge x = y)$) будет

$\exists x (\exists y (Fxy \wedge (Rxy \wedge \neg Rxy)) \vee (Fxx \wedge (Px \vee \neg Px)))$: первый дизъюнкт ложен (из-за противоречия).

Тогда как перевод Витгенштейна: $\exists x Fxx$.

Аналогичная попытка избавиться от знака тождества была у Рамсея. Он предложил определять тождество через экстенциональную функцию ϕ_e (экстенциональная функция в произвольном порядке приписывает индивидам произвольные пропозиции) (см.: [12]). Тогда из определения

$x = y =_{\text{def}} (\phi_e)$. $\phi_e x \equiv \phi_e y$ получаются тавтология при равенстве x и y и противоречие при неравенстве. Возражение Витгенштейна против такой замены широко известно, и мы не будем его воспроизводить. В любом случае алгоритм Вемайера не соответствует намерениям Витгенштейна.

Итак. Перспективным следует признать алгоритм Ламперта. Одновременно придется признать (что в определенном смысле не критично) и неприводимость некоторых формул на язык Трактата и (соответственно) неполную выразительную эквивалентность языков.

Литература

1. *Ramsey F.P.* Critical notice of the *Tractatus* // *Mind*. 1923. Vol. 32. P. 465–478.
2. *Floyd J.* Number and ascriptions of number in the *Tractatus* // *From Frege to Wittgenstein: Perspectives on Early Analytic Philosophy* / E. Reck (ed.). New York : Oxford University Press, 2002. P. 308–352.
3. *Landini G.* *Wittgenstein's Apprenticeship with Russell*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
4. *Wehmeier K.* How to live without identity – and why // *Australasian Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 90. P. 761–777.

5. *Wehmeier K.* Wittgensteinian tableaux, identity and co-denotation // *Erkenntnis*. 2008. Vol. 69. P. 363–376.
6. *Rogers B., Wehmeier K.* Tractarian first-order logic: Identity and the N-operator // *Review of Symbolic Logic*. 2012. Vol. 5 (4). P. 538–573.
7. *Lampert T.* Wittgenstein's Elimination of Identity for Quantifier-Free Logic : [Preprint]. URL: <http://philsci-archiv.pitt.edu/12974/1/EliminationQFLPreprint.pdf> (accessed: 18.11.2019).
8. *Fogelin R.* Wittgenstein's operator N // *Analysis*. Vol. 42. 1982. P. 124–127.
9. *Geach P.* Wittgenstein's operator N // *Analysis*. Vol. 41. 1981. P. 168–171.
10. *Hintikka J.* Identity, variables, and impredicative definitions // *Journal of Symbolic Logic*. 1956. Vol. 21. P. 225–245.
11. *Wittgenstein, L.* Notebooks 1914–1916 / G.H. von Wright, G.E.M. Anscombe eds. Oxford : Blackwell. 1961.
12. *Ramsey F.P.* Identity // *Notes on Philosophy, Probability and Mathematics* / M. Galavotti (ed.). Naples : Bibliopolis, 1991. P. 155–169.

Kirill A. Rodin, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 102–112.

DOI: 10.17223/1998863X/52/11

THE N-OPERATOR AND THE ELIMINATION OF THE IDENTITY SIGN IN LUDWIG WITTGENSTEIN'S *TRACTATUS LOGICO-PHILOSOPHICUS*

Keywords: Wittgenstein; N-operator; identity; first-order logic; propositional function; logical equivalence.

The correct logical notation proposed by Ludwig Wittgenstein in his *Tractatus Logico-Philosophicus* consists of two provisions: the complete elimination of the sign of identity (the identity or non-identity of objects should be expressed through the identity or non-identity of signs (5.53)) and the postulated ability to obtain any first-order logic formulas through the application of the N-operator. The first position rejects the definition of identity given by Leibniz (adopted also by Russell in *Principia Mathematica*) and in the *Tractatus* is justified in a certain way (the author does not consider Wittgenstein's arguments). The second position is introduced without any argument. Regarding the rules for eliminating the identity sign and applying the N-operator, Wittgenstein limited himself to examples. The aim of this review is to summarize the main recent results of various attempts to present the correct logical notation proposed by Wittgenstein in a systematic way. Disputes over the fundamental possibility or impossibility of the systematic use of logic without an identity sign with varying degrees of success have been going on since the publication of the *Tractatus* (the reaction of Ramsay and Russell and the consequences for the *Principia Mathematica* project are well known). Recent works by Juliet Floyd and Gregory Landini have returned interest to the problem). But significant success in understanding Wittgenstein's intentions has been linked to recent results by Kai Wehmeier and especially by Tim Lampert. Regarding the definition of the rules for using the N-operator, substantial success was reached by Brian Rogers and Kai Wehmeier. The first part of this article discusses the rules and the algorithm for translating first-order logic formulas through the N-operator proposed by Rogers and Wehmeier (the well-known debate between Robert Fogelin and Peter Geach regarding the N-operator is also briefly considered). The second part sets forth the algorithm proposed by Wehmeier for translating standard formulas of first-order logic into a language without an identity sign. In the third part, the author considers another similar algorithm (given by Lampert) and the corresponding criticism of the translation rules of Rogers and Wehmeier. In the final part of this article, additional arguments in favor of Lampert's position are formulated.

References

1. Ramsey, F.P. (1923) Critical notice of the *Tractatus*. *Mind*. 32. pp. 465–478. DOI: 10.1093/mind/XXXII.128.465
2. Floyd, J. (2002) Number and ascriptions of number in the *Tractatus*. In: Reck, E. (ed.) *From Frege to Wittgenstein: Perspectives on Early Analytic Philosophy*. New York: Oxford University Press. pp. 308–352.

3. Landini, G. (2007) *Wittgenstein's Apprenticeship with Russell*. Cambridge: Cambridge University Press. 2007.
4. Wehmeier, K. (2012) How to live without identity – and why. *Australasian Journal of Philosophy*. 90. pp. 761–777. DOI: 10.1080/00048402.2011.627927
5. Wehmeier, K. (2008) Wittgensteinian tableaux, identity and co-denotation. *Erkenntnis*. 69. pp. 363–376. DOI: 10.1007/s10670-008-9118-x
6. Rogers, B. & Wehmeier, K. (2012) Tractarian first-order logic: Identity and the N-operator. *Review of Symbolic Logic*. 5(4). pp. 538–573. DOI: 10.1017/S1755020312000032
7. Lampert, T. (n.d.) *Wittgenstein's Elimination of Identity for Quantifier-Free Logic*. [Preprint]. [Online] Available from: <http://philsci-archive.pitt.edu/12974/1/EliminationQFLPreprint.pdf> (Accessed: 18th November 2019)
8. Fogelin, R. (1982) Wittgenstein's operator N. *Analysis*. 42. pp. 124–127. DOI: 10.1093/analys/42.3.124
9. Geach, P. (1981) Wittgenstein's operator N. *Analysis*. 41. pp. 168–171.
10. Hintikka, J. & Jaakko, K. (1956) Identity, variables, and impredicative definitions. *Journal of Symbolic Logic*. 21. pp. 225–245. DOI: 10.2307/2269095
11. Wittgenstein, L. (1961) *Notebooks 1914–1916*. Oxford: Blackwell.
12. Ramsey, F.P. (1991) Identity. In: Galavotti, M. (ed.) *Notes on Philosophy, Probability and Mathematics*. Naples, Italy: Bibliopolis. pp. 155–169.

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/52/

В.А. Суровцев

О СООТНОШЕНИИ КАТЕГОРИЙ *TO LECTON* В ФИЛОСОФИИ СТОИКОВ И *SINN* В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ Г. ФРЕГЕ: ЛОГИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

*Проводится сравнительный анализ категории стоиков *to lekton* и категории Г. Фреге *Sinn*. Эксплицируются некоторые формальные черты этих категорий, которые демонстрируют сходство логико-грамматических теорий стоиков и Фреге. Показано, что некоторые логико-грамматические аспекты функционирования *to lekton* и *Sinn* позволяют уточнить, какую роль они играют в установлении логических взаимосвязей знания и получения выводов.*

Ключевые слова: логика стоиков, *to lekton*, Г. Фреге, *Sinn*, семантическая теория, *axiōta*, *Gedanke*, компаративные исследования, античная и современная логика.

В работе [1] рассматривался структурный параллелизм, имеющий место между семантическими теориями стоиков и Г. Фреге. Этот параллелизм, как правило, выводится из своеобразной трехчленной трактовки отношения наименования, где помимо лингвистического выражения и обозначаемого этим выражением внеязыкового объекта выделяется еще и третий элемент, *to lekton* у стоиков и *Sinn* у Г. Фреге. Будучи внеязыковым, этот третий элемент в то же время не относится к разряду вещей окружающего нас мира, а представляет собой способ представленности реального объекта в языковом выражении. Имея относительно самостоятельный статус, этот третий элемент образует объективное содержание языковых выражений и трактуется как свойственный каждому выражению способ указания на то, что оно обозначает. Формальное сходство трехчленной структуры отношения наименования дало основание ряду авторов (см., напр.: [2, 3]) для сближения концепции стоиков с концепцией Г. Фреге, являющегося основоположником современной логической семантики.

Чисто формальных оснований для сближения, однако, явно недостаточно. Семантические теории как стоиков, так и Г. Фреге философски мотивированы и во многом основываются на принимаемых онтологических и эпистемологических предпосылках. Различие онтологического статуса *to lekton* и *Sinn* рассматривалось в работе [4], где, в частности, было показано: тогда как у Г. Фреге смыслы языковых выражений представляют собой экзистенциально независимые сущности, существующие до и помимо субъекта, с которым их связывает особая познавательная способность, понимаемая на манер интеллектуального созерцания, *to lekton* у стоиков не имеет независимого статуса, но всегда неразрывно связан с выражающей его речью и субъектом как ее носителем. Не меньшие различия, как было показано в работе [5], касаются и эпистемологического статуса этого третьего элемента. У стоиков *to lekton*

¹ Работа выполнена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 18-18-00057.

зависит от постигающих представлений, обеспечивающих его связь с наличной предметностью, а у Г. Фреге все вопросы эпистемологии, зависящие от процессов восприятия и основанных на них процедур верификации, последовательно выводятся за рамки логической семантики.

Предметом данной статьи являются некоторые логико-грамматические аспекты функционирования *to lekton* и *Sinn*, позволяющие уточнить, какую роль они играют в установлении логических взаимосвязей знания и получения выводов. Вопрос этот интересен уже потому, что в своих логических построениях и стоики, и Г. Фреге отталкиваются именно от теории значения языковых выражений, что усиливает представление о сходстве их позиций, поскольку и в том и другом случае явно задействуются лингвистические ресурсы, а логический анализ отталкивается от логико-грамматических категорий.

Такая позиция стоиков особенно интересно выглядит, например, на фоне логики Аристотеля. У Аристотеля вообще нет теории значения языковых выражений, которая как-то могла бы мотивировать логику. Его система логики связана с онтологическими соображениями, поскольку совсем не важно, как мы говорим и какие выражения при этом используем, главное – о чем говорим. У Аристотеля нет теории значения в том смысле, в котором именно языковые выражения связываются с процессом рассуждения. Основания его представления о логике базируются на эссенциалистской позиции, согласно которой определяющее значение имеют онтологические категории, связывающие процесс рассуждения с тем, о чем мы рассуждаем, а не с тем, какие языковые ресурсы при этом используются. Представление о предзаданной структуре мира определяют, каким образом можно рассуждать. Структура силлогизма и простого атрибутивного суждения определена тем, на чем базируется возможность суждений, как они могут быть связаны и каким образом на этом основании могут быть сделаны выводы из того знания, которое есть, к тому знанию, которое может получиться. Эссенциалистская позиция Аристотеля основана на различении того, что существует само по себе, и того, что существует лишь привходящим образом. Первое – это сущность, второе – это то, что может ей принадлежать согласно различным категориям. Сущность в этом смысле есть то, относительно чего может прилагаться все остальное. Соответственно эссенциалистской позиции представлен и уровень словесного выражения, который произведен от понимания того, что сущность первична, а способы ее выражения вторичны. Лингвистическое выражение сущности производно от того, как она понимается. Так, Аристотель говорит: «Сущность, называемая так в самом основном, первичном и безусловном смысле, – это та, которая не говорится ни о каком подлежащем и не находится ни в каком подлежащем» [б. С. 55]. Сущность как подлежащее атрибутивного суждения определяет его структуру. Все, что можно сказать, предполагается онтологической структурой, понимаемой Аристотелем с точки зрения того, о чем и как идет речь. Есть нечто, и этому нечто что-то приписывается. Отсюда выводится и структура логики, которая лишена теории значения в том смысле, что практически не задействованы ресурсы, связанные со структурой языковых выражений.

Совершенно другое обнаруживается у стоиков. Теория значения образует основную часть стоической диалектики, представляющей собой логиче-

скую теорию в широком смысле. В широком смысле постольку, поскольку помимо собственно логики включает эпистемологию в ее современном понимании (см.: [5]). Причем это широкое понимание связано не с тем, что лежит в основании познания, скажем, сущности и ее определений, но с тем, что может быть выражено в языке. Диалектика – это не знание о том, что существует само по себе и раскрывается в форме суждения, но прежде всего знание того, что может быть истинным и ложным. Сущность же не может быть тем, что является истинным или ложным. Истинным и ложным может быть знание, а знание как раз и выражено в языке. По свидетельству Диогена Лаэртия, «согласно Посидонию, диалектика – это знание истинного и ложного и того, что не является ни истинным, ни ложным, а согласно Хрисиппу – знание об обозначаемом и обозначающем» [7. С. 122, фр. 122]. Таким образом, диалектика прежде всего и по преимуществу связывается с уровнем выражения, а не того, что существует само по себе и может быть представлено до и помимо средств выражения. Особенно интересно здесь мнение Хрисиппа, которое напрямую связывает диалектику со структурами значения языковых выражений, хотя и мнение Посидония заслуживает внимания, поскольку, согласно стоикам, истинным и ложным является то, что выражено в знаках, которые сами по себе не являются ни истинными, ни ложными. Таким образом, собственно диалектика рассматривает не просто логику, но рассматривает ее с точки зрения отношений в рамках структуры обозначения.

Рассмотрение отношения обозначения должно начинаться с исследования природы знаков, т.е. с того, что обозначает. В принципе, именно наличие знака и делает возможным такое исследование. По свидетельству Диогена Лаэртия, «изучение диалектики, по единодушному мнению большинства стоиков, начинается с раздела о звучащей речи» [Там же. С. 74, фр. 13]. В самом общем виде под знаком понимается то, что указывает на нечто, знаком не являющееся, т.е. на наличную предметность. Причем знак – это материальный объект, звучащий или записанный, указывающий на другой материальный объект. У стоиков, как говорит Секст Эмпирик, «телесны – слово и реальный предмет» [Там же. С. 82, фр. 166]. Также и Диоген Лаэртий утверждает, что «по мнению стоиков, звучащая речь – это тело... Действительно, все воздействующее – это тело, а звучащая речь оказывает воздействие, исходя от говорящего к слушающему» [Там же. С. 75, фр. 140]. По сути дела, отношение обозначения или наименования есть соотнесение двух материальных или телесных объектов – произнесенного или написанного, с одной стороны, и воспринимаемой наличной предметности – с другой.

Изучение собственно материальной стороны лингвистического выражения (речи) в таком случае давало бы способ исследования грамматики языка, как оно понимается в современных грамматических теориях (исследование синтаксиса естественного языка). Однако подобный подход нужно понимать с определенной долей условности. С точки зрения стоиков, сама по себе звучащая речь не может служить основанием диалектики, поскольку звуки как таковые остаются просто звуками, если они не несут в себе какого-то смысла. Грамматические преобразования, фиксирующие порядок речи, что с точки зрения современных практик исследований языка достаточно для собственно лингво-грамматического подхода, ориентированного на выделение частей речи и способов их сочетания вне зависимости от того, какой смысл в них

может быть выражен, – это предмет современных синтаксических исследований и меньше всего относится к пониманию стоиками начал диалектики. Вопрос о том, что относится собственно к речи, а речь – это последовательность звуков, отличается от того, что относится к осмысленной речи. В передаче одного из комментаторов стоиков это выражено следующим образом: «Так тот, кто только начинает говорить, произносит отдельные буквы и прочие звуки задолго до того, как научится расставлять все по своим „местам“. Это, с точки зрения Хрисиппа, еще не речь, но „как бы речь“. Ведь подобно тому, как изображение человека не является человеком, точно так же у воронов, ворон и маленьких детей (которые только начинают говорить) слова – это еще не настоящие слова, ибо они не говорят осмысленно» [7. С. 75, фр. 143].

Все дело в том, что звучащая или написанная речь является основанием диалектики не тогда, когда она просто звучит или написана. Главное, что она должна служить пониманию. Речь, т.е. просто звуки или написанные знаки, не является основанием диалектики, если не несет никакого смысла, который мог бы быть передан другому. Звуки сами по себе есть звуки и только, так же и написанные знаки. Например, звуки и символы могут быть восприняты даже тогда, когда для того, кто их воспринимает, они не несут никакого смысла. Передавая идею стоиков, Секст Эмпирик, к примеру, говорит, что есть нечто такое, что «не воспринимают варвары, хотя они и слышат слово» [Там же. С. 82, фр. 166]. Они его не воспринимают постольку, поскольку не понимают следствий, которые оно может повлечь. Смысл заключается в том, что из сказанного (т.е. звучащей речи) должно вытекать некоторое значимое действие, чего не бывает у варваров, таковую речь не понимающих. Звучащая речь и наличная предметность телесны, но сами по себе они никак не связаны, поскольку необходим опосредующий элемент. Именно этим мотивировано введение в отношение обозначения третьей конституенты, встраивающийся в отношение материального знака к тому, что он обозначает. Варвары воспринимают знаки и воспринимают наличную предметность, но у них отсутствует понимание об их взаимодействии, поскольку они не владеют смыслом.

В качестве третьего смыслового элемента *to lekton* вводится в семантическую теорию стоиков именно по причине осмысленности речи, которая, как сообщает Секст Эмпирик, есть «та смысловая предметность, выявляемая в слове, которую мы воспринимаем как установившуюся в нашем сознании» [Там же, фр. 166]. По сути дела, в отношении обозначения, состоящего из трех элементов (обозначающее – обозначаемое – реальный предмет), *to lekton* занимает ведущую позицию, поскольку определяет как осмысленность речи, так и обозначаемую речью предметность, и поэтому исследуется по преимуществу. В трехчленной структуре уже первые комментаторы семантики стоиков прямо указывают на это. К примеру, Секст Эмпирик говорит: «Тело не исследуется (особенно по мнению стоиков), поскольку исследуется только „лектон“, а „лектон“ не является телом» [Там же. С. 84, фр. 170]. Преимущественная роль *to lekton* в семантике стоиков, очевидно, связана с тем, что именно *to lekton* определяет связь телесного, т.е. речи и наличной предметности. И хотя, по свидетельству Диогена Лаэртия, изучение диалектики должно начинаться с раздела о звучащей речи, сам характер этой речи определяется *to lekton*, поскольку сама звучащая речь может быть названа осмысленной

только в этом случае, а не относиться просто к звукам или написанным знакам. Осмысленность речи связана с *to lekton*, сами по себе последовательность звуков и написанных знаков не могут быть соотнесены с наличной предметностью. Здесь обнаруживается особая роль третьего элемента, который, будучи выражен в знаках, соотносит последние с тем, что выражено: «Всякий чистый смысл должен подлежать словесному выражению... А „выразить словом“, как говорят сами стоики, значит произнести слово, которым обозначается мыслимая предметность» [7. С. 83, фр. 167]. Звуки или написанные знаки сами по себе не значат ничего, они лишь являются переносчиками смысла, который связывает одно телесное с другим телесным, а именно то, что выражает, с тем, что выражается. Речь только тогда становится собственно речью, т.е. осмысленной последовательностью знаков, когда она становится понятной, связывая одно телесное с другим. В этом случае общий смысл не зависит от внешней природы знаков, он связан с тем, что знаками выражено, и совсем не важна природа этих знаков. Знаки могут быть разными, но природа понимания должна быть одной.

Знак указывает на обозначаемое, но при условии, что обозначаемое одно, а знаки могут быть разными, если мы понимаем, каким образом, т.е. посредством какого смысла, указано на обозначаемое. Определяющее значение как раз и играет смысл языкового выражения. Основываясь на этом, А.А. Столяров, например, проводит различие между внешней и внутренней речью: «Различие между смыслом и обозначающим его звуком (или писанным словом) иллюстрируется различием между „внутренней“ и „внешней“, т.е. выраженной речью. Первая есть совокупность смыслов, то, что мыслится при произнесении или написании соответствующих слов. Она свойственна только разумным существам (звуки же издают и животные). Различие в словесном выражении одних и тех же смыслов тождественно различию между языками» [8. С. 70]. Сама речь как последовательность звуков не оказывает никакого воздействия, поскольку не содержит никакого сообщения. Только осмысленная речь может привести воспринимающего к действию: «Разумное существо обладает способностью сообщать содержание своего сознания другим разумным существам и воздействовать на них особым средством – словом, т.е. непосредственно механически. Дети и животные не владеют артикулированной речью, не знают синтаксиса – правильной связи слов и корреспондирующих „лектон“, они обладают только „внешней“ речью, которой не соответствуют никакие фиксированные смыслы» [Там же. С. 71]. Внешняя речь как совокупность звуков или написанных знаков не является собственно речью, о которой говорят стоики как о начале диалектики. Диалектика начинается только тогда, когда можно говорить о смысле.

Диалектика у стоиков – это не просто исследование того, что можно было бы изучать как внешнюю форму выражения, т.е. выражения того, что предлагает обыденный язык, хотя они и ориентируются на речь, считая ее началом диалектики. Начало диалектики прежде всего связано со смыслом того, что выражается в языке. Но и как бы могло быть иначе? Звучащая речь – это просто звуки. То, что выражается, – это наличная предметность. Но наличная предметность суть просто факты. Что же тогда их связывает, если одно совершенно не зависит от другого? Каким образом наличное связано с тем, как об этом наличном говорить? Ведь у стоиков и речи не идет о сущно-

стях типа тех, о которых говорит Аристотель. Нет и речи о подлежащем, о котором сказывается все остальное. Все остальное у стоиков определяет *to lekton*. Именно с точки зрения его структуры определяются и способы выражения, и то, что мы стремимся выразить. Формальные способы преобразования зависят от *to lekton* и без него не могут быть выражены. Например, М. Фреде в исследовании о соотношении грамматики стоиков с современными лингво-грамматическими теориями об этой особенности диалектики стоиков говорит так: «В этом разделе диалектики стоики связаны с исследованием того рода вещей, о которых может быть сказано (и следовательно, помыслено). Это исследование приводит нас к критерию, посредством которого мы можем решить, что мы могли бы говорить, а также о том, чего, когда говорят, лучше избегать» [9. С. 308]. Главное в изучении выражений обывденного языка служит не для того, чтобы исследование его особенностей привело к логике. Язык в виде речи есть лишь исходный пункт выявления различий функций разного рода выражений: «Эти, как бы грамматические, различия в отношении диалектики образуют составную часть приспособлений, посредством которых стоики пытаются создать логику» [Там же]. Попытки создать логику на этом основании связаны как раз с речью и с тем, что можно на этом обосновать. Но речь определяется выраженным в ней смыслом, без которого она не является собственно речью. Написанные или выраженные иным способом знаки не имеют никакого значения, если не опосредованы некоторой составляющей, в качестве которой вводится смысл. Согласно М. Фреде, «грамматика стоиков, казалось бы, является частью теории выражений. Но если мы принимаем эту позицию и пытаемся реконструировать систему грамматики стоиков только на основании имеющих дело со стоической теорией выражений, наш предмет, по-видимому, вновь в опасности исчезнуть из-за потери существа дела. Ибо, чтобы удовлетворительным образом и по существу дела получить систему грамматики, нам нужны многие различия такого рода, обоснование которых можно получить только из стоической теории *lekta*» [Там же. С. 308]. И далее: «Мы можем попытаться обойти эти затруднения, предполагая, что теория выражений у стоиков будет иметь двойника в той части теории *lekta*, которая, очевидно, имеет значение для грамматики» [Там же].

Этот двойник у стоиков действительно есть в теории смысла, т.е. в теории *lekta*. Более того, он как раз и является ведущим. Хотя стоики и говорят, что звучащая речь является началом диалектики, но категории звучащей речи они определяют не с точки зрения того, как могут быть классифицированы знаки, но как раз с точки зрения того, какой смысл в этих знаках может быть представлен. В этом отношении смысл является определяющим, поскольку, с одной стороны, квалифицирует категории выражений, а с другой – наличную предметность, которая может быть выражена. Определенность смысла, опосредующего телесные знаки и окружающую действительность, связывает их, так как именно он решает, что можно считать осмысленным, а что – нет. Категории выражений зависят от полноты смысла, который, в свою очередь, задает полноту предметности, определяя синтаксис выражений. Последние, в свою очередь, могут быть завершенными или незавершенными, полными или неполными, от чего зависит успешность коммуникации. Незавершенный или неполный *to lekton* соотносит выражение с неполной или незавершенной

наличной предметностью, что не позволяет речи выразить определенное состояние дел, но лишь указывает на его фрагменты. К примеру, Диоген Лаэртий пишет о стоиках: «Словом „лектон“ они называют то, что возникает в соответствии с разумным представлением. „Лектон“ бывают законченные и незаконченные. Незаконченные – те, которые имеют неопределенную форму выражения, например: „пишет“ (неясно, кто пишет). Законченные – те, которые имеют определенную форму выражения, например: „Сократ пишет“» [7. С. 96, фр. 181]. Соответственно различию типов *to lekton* различаются и формы его выражения. Как пишет тот же Диоген Лаэртий, «к незаконченным „лектон“ относятся предикаты, к достаточным – высказывания, умозаключения, общие и специальные вопросы. Предикат – то, что высказывается о чем-то, или то, что синтаксически связывается с одной или многими вещами... или неполный „лектон“, в синтаксическом соединении с субъектом образующий высказывание (*axiōta*)» [Там же. С. 97, фр. 183]. А.А. Столяров так передает эту положение стоиков: «„Лектон“ делятся на недостаточные, или неполные, выражаемые либо только субъектом, либо только предикатом, и достаточные, или полные, состоящие из субъекта и предиката (грамматического подлежащего и сказуемого)... На грамматическом уровне высказываниям соответствуют предложения, и грамматические части речи изоморфны видам „лектон“» [8. С. 73].

Различие грамматических категорий в связи с типами *to lekton* является крайне важным, поскольку имеет определяющее значение для собственно логики, хотя она и начинается с изучения речи. Все дело в том, что *to lekton* имеет непосредственное отношение к истине и лжи, с которыми диалектика и ее основная часть – логика, связаны по преимуществу. Но не просто *to lekton*, а именно *to lekton*, выраженный в речи, хотя он и не сводится к ней. Речь является исходным пунктом диалектики, но ведущую роль в ее построении играет смысл. Речь, будучи материальной оболочкой смысла, сама по себе не может быть истинной или ложной. Она является лишь телом. Истина и ложь возникают только тогда, когда одно телесное (речь) связывается с другим телесным (наличной предметностью) посредством смысла. Согласно Сексту Эмпирику, «они сообщают еще, что для того, чтобы могло существовать нечто истинное или ложное, прежде всего должен существовать сам „лектон“, затем он должен быть законченным и не каким попало, но высказыванием (*axiōta*), потому что... только произнося высказывание, мы высказываем нечто истинное или ложное» [7. С. 101, фр. 187]. Наличие истинностного значения является основанием различия полного и неполного *to lekton*, только высказывание (*axiōta*) обладает таковым. То, что не является истинным или ложным, может выступать в качестве составных частей высказывания и выражается категориями субъекта и предиката. Высказывание (*axiōta*) же образуется соединением грамматических категорий субъекта и предиката, на основании чего возникают истинность и ложность.

Аналогичная со стоиками позиция относительно функций языковых выражений, т.е. произнесенных и записанных знаков, характера их соотношения с выраженным ими смыслом (*Sinn*) и его роли в определении грамматических категорий обнаруживается у Г. Фреге. Так же как и у стоиков, логика у него опирается не на онтологические категории, а на понятия истинности и ложности. Само слово «истина», как считает он, направляет логику: «Истина яв-

ляется целью любой науки, но логика связана с ней совсем иным способом. Логика соотносится с истиной примерно так же, как физика – с тяготением и теплотой. Открывать истины – задача любой науки; логика же добывается познания законов истинности» [10. С. 28]. В этом отношении позиция Г. Фреге вполне сопоставима с позицией стоиков, которые, как указывалось выше, также утверждают, что «диалектика – это знание истинного и ложного» [7. С. 65, фр. 122]. Знание истинного и ложного у Г. Фреге так же как и у стоиков, связано «с правилами для признания чего-либо истинным» [10. С. 28], признания в том отношении, что это зависит от объективных сторон того, что познается, и каким образом это делается. Объективность определяется теми сторонами знания, которые не имеют отношения к субъективным способам осуществления познания, но зависят исключительно от особенностей самого познания, поскольку задачей логики он считает «обнаружение законов истинности, а не законов утверждения или мышления» [Там же. С. 29]. Но как это понимать, если утверждается, что истинное и ложное направляют логику? Утверждение или мышление связано с субъективными характеристиками познания. Но то, каким образом было получено знание и какие ресурсы при этом были задействованы, для собственно знания не играет никакой роли.

Субъективный, психологический процесс мышления имеет объективный результат, и этим результатом является знание. В отличие от самого процесса мышления, который у каждого свой, знание является достоянием всех. Процесс мышления, являющийся сугубо субъективным, не сказывается на объективности результата. К примеру, процесс доказательства теоремы Пифагора не отражается на ее содержании. Оно не зависит от того, кто ее доказал, сам Пифагор, или кто-то другой. Знание теоремы Пифагора остается самостоительным и выражено объективно, поскольку данное знание может сформулировать любой, если оно доступно его пониманию. Но сам процесс понимания является субъективным и опять-таки не имеющим отношения к знанию. Знание как таковое имеет объективный характер, который не связан с индивидуальными психическими процессами, но зависит исключительно от содержания, которое является достоянием всех. Однако доступ к подобному содержанию также связан с тем, что объективно, что не зависит просто от индивидуального переживания. Таким универсальным посредником для Г. Фреге выступает язык. Знание всегда выражено в языке, который является его материальной оболочкой и без которого невозможна никакая коммуникация. Язык как совокупность произнесенных или написанных знаков является универсальным способом передачи объективного знания: «Поразительно, что делает язык, выражая немногими слогами необозримое количество мыслей; даже для мысли, схватываемой человеком впервые, он находит такое облачение, в котором она будет понятна тому, для кого является совершенно новой» [11. С. 74]. Когда логика определяется как наука о формах и законах мышления, как правило, имеется в виду, что ее безусловность связана с предустановленными правилами рассуждения, но редко указывается на то, откуда эта нормативность возникает. Для Г. Фреге, так же как и для стоиков, главное заключается в том, что нормативность истины и связанная с ней объективность знания выражены в языке, поскольку последний имеет независимый характер. Ориентация на язык как способ выражения знания позволяет рас-

крывать законы истины: «В законах истинности раскрывается значение слова „истинный“» [10. С. 29]. Именно в языке, как утверждает Г. Фреге, определяется общий способ употребления слова «истина».

Сам по себе язык, однако, если рассматривать его только как последовательность произнесенных или написанных знаков, не является собственно знанием. Язык как совокупность произнесенных или записанных выражений (т.е. то, что в терминологии стоиков называется речью и является первым предметом диалектики) становится знанием только потому, что заключает в себе некоторое содержание. Согласно Г. Фреге, в знаках есть нечто большее, чем непосредственно воспринимаемое слухом и зрением: «Знаки, выражающие мысли, могут быть восприняты слухом или зрением, но не сами мысли. Чувственные впечатления могут вести нас к признанию истинности мысли (*Gedanke*)» [12. С. 98]. В данном случае языковые выражения, или речь, выражают нечто, но это нечто к ним ни в коем случае не сводится: «Мы не должны игнорировать глубокую пропасть, которая разделяет уровень языка и уровень мысли (*Gedanke*)» [Там же]. Языковые выражения являются только материальной оболочкой мысли, хотя и объективной. Сами по себе чувственные впечатления, связанные с языковыми выражениями, не служат основанием истинного или ложного знания. Ложное и истинное находятся на другом уровне; чувственно воспринимаемые знаки есть лишь средство доступа к тому, что может быть истинным или ложным.

Произнесенные и записанные знаки – это материальная оболочка, облегчающая доступ к тому, что является собственно знанием и недоступно непосредственному восприятию. В качестве посредника язык позволяет перейти от того, что чувственно, к тому, что таковым не является, «поскольку, с одной стороны, его предложения могут восприниматься чувствами, а с другой стороны, они выражают мысли. Как средство выражения мыслей язык должен быть подобен тому, что происходит на уровне мыслей. Поэтому можно надеяться, что мы в состоянии использовать его в качестве мостика от чувственно воспринимаемого к не воспринимаемому чувствами. Как только мы приходим к пониманию того, что происходит на языковом уровне, мы можем обнаружить, что гораздо легче продолжать и применять то, что мы поняли, к тому, что имеет место на уровне мыслей, – к тому, что отражается в языке» [Там же]. Стало быть, совокупность произнесенных и записанных знаков, что, собственно, и есть язык, представляет собой объективное образование, объективное в том смысле, что является внешним по отношению к субъекту, который воспринимает их посредством органов чувств. Это внешнее является объективным также в том смысле, что оно доступно восприятию другого субъекта, а поэтому может служить общим основанием для постижения того, средством выражения чего оно является. Следует также учесть, что, когда о языке говорится как о материальном и объективном средстве доступа к тому, что он выражает, имеется в виду то, что чувственно воспринимаемые знаки служат не только средством постижения того, что чувственно не воспринимаемо, но также и средством коммуникации, поскольку чувственно воспринимаемые знаки, доступные всем, являются общим основанием понимания выраженного ими содержания. Любое знание может быть усвоено и проанализировано только потому, что оно доступно общему восприятию через средство языка.

Необходимо, однако, отметить, что исследование способов выражения, т.е. самих материальных знаков, особого значения не имеет; они могут быть произнесены или записаны теми, кто стремится сообщить с их помощью некоторое содержание. В этом отношении знаки есть лишь разные способы выражения. Материальная оболочка как таковая – это лишь средство, она не является самодостаточной. Любая последовательность материальных символов служит исключительно задаче сообщения смысла, и только в перспективе решения этой задачи можно говорить об объективном знании и возможности коммуникации. Само по себе исследование речи или письма как просто материальных знаков не относится к тому, что является собственно темой логики или, в терминологии стоиков, диалектики. Цель логики Г. Фреге, так же как и диалектики стоиков, – смысловое содержание, которое может быть выражено в языке. Язык в качестве основания логики и диалектики выступает только материальным посредником, позволяющим получить доступ к тому, с чем, собственно, имеет дело логика: «Предложение, написанное автором, первоначально направлено на образование предложения, высказанного в языке, последовательности звуков которого служат в качестве знаков для выражения смысла. Поэтому с самого начала существует только опосредованная связь между записанными знаками и выраженным смыслом. Но как только эта связь установлена, мы можем рассматривать записанное или напечатанное предложение уже как непосредственное выражение мысли (*Gedanke*), а потому как предложение в строгом смысле слова» [12. С. 99]. Произнесенные или записанные знаки здесь рассматриваются в качестве выражений языка только потому, что они несут в себе какой-то определенный смысл. Более того, последовательность материальных элементов (звуков, к примеру) рассматривается как язык только потому, что они становятся знаками, поскольку выражают некоторый смысл. Язык становится языком только тогда, когда материальные знаки выражают нечто нематериальное, смысл (*Sinn*).

Заметить очевидное сходство в понимании роли речи у стоиков и роли языка у Г. Фреге для диалектики и логики соответственно совсем не трудно, поскольку речь и язык в обоих случаях понимаются аналогичным образом, как совокупность произнесенных или написанных знаков. Понимание этой роли совпадает по крайней мере в следующих важных пунктах.

1. Именно язык является исходным пунктом логического исследования. Не заданные а priori конструкции, касающиеся онтологических категорий, таких как «сущность» или «привходящее» у Аристотеля, определяют структуры, важные для правильного рассуждения, но понятие истинности, которое проявляется в языке относительно определенных языковых выражений. Онтологические категории здесь не имеют никакого значения, поскольку главную роль играют языковые конструкции, в которых они могут быть выражены.

2. Эти языковые конструкции являются объективными в том смысле, что могут быть доступны всем, поскольку являются чувственно воспринимаемыми образованиями, внешними по отношению к тому, кто их использует в качестве средства коммуникации. Знаки, произнесенные или написанные, есть просто намерение что-то сообщить. Язык важен не просто сам по себе, но является объективным посредником, сообщая то, что чувственно не воспринимаемо.

3. Язык, или речь, служит чувственно воспринимаемым средством и позволяет выразить посредством материальных знаков то, что, собственно, и является знанием. Само же знание не является чувственно воспринимаемым, но, выражаясь в знаках, является объективным основанием коммуникации. Причем коммуникация ориентирована не на способности коммуникантов, но на возможность выразить в знаках объективный смысл.

4. Объективное содержание, выраженное в языке (*Sinn*) у Г. Фреге или передаваемое речью *to lekton* у стоиков, определяет, каким образом относится то, что выражается, к тому, что выражено. Смысл (*Sinn*) у Г. Фреге, так же как и *to lekton* у стоиков, должен соотноситься с тем, что есть, с наличной предметностью, как бы эта предметность ни понималась. Наличная предметность стоиков, данная в каталептическом представлении, отличается от того, что по этому поводу думает Г. Фреге [5], но связь с действительностью все-таки должна быть, поскольку разумное рассуждение относится к тому, что есть.

5. Отношение к тому, что есть, связано с характеристиками языка. И не просто с характеристиками языка, но с тем, что можно рассматривать как определение категорий языка, с тем, что задает его структуру. Смысловое содержание языковых выражений категориально структурировано, и именно оно с точки зрения своей категориальной структурированности определяет грамматическое структурирование языка вообще или речи как особого случая языка в частности.

Последний пункт особенно важен, поскольку он наиболее четко прослеживает аналогию между логико-грамматическими идеями стоиков и семантической теорией Г. Фреге. Удивительно уже то, что смысл у Г. Фреге, как и *to lekton*, служит для выделения логико-грамматических категорий. Вернее, смысл (*Sinn*) в совокупности с речью. Язык является исходным пунктом. Но сам по себе он является лишь способом передачи смысла, а смысл для логики или диалектики как раз и является тем, что нужно. Грамматические категории придают речи структуру, но они не сообщают ей смысл. Речь становится осмысленной только тогда, когда выражает некоторое содержание, понятное тому, кто говорит, и тому, кто воспринимает. Восприятие посредством речи смысла (*Sinn*) – немаловажный и даже вполне определяющий факт, поскольку именно он определяет грамматические категории. Чувственные впечатления не являются основанием признания истинности, истинным признается нечто только тогда, когда оно выходит за рамки чувственного, за рамки того, что воспринимается просто чувствами, но постижимо совсем другим образом. То, что выражено в языке, постигается через совокупность знаков, но таковым не является. Смысл (*Sinn*) выражен в знаках, произнесенных или написанных, но не сводится к ним. Грамматические категории языка коррелированы с логическими категориями смысла и у стоиков, и у Фреге. Вопрос о том, каким образом эта корреляция отражается на структуре разрабатываемых ими логических теорий крайне интересен, но он выходит за рамки данной работы. Это тема уже другого исследования.

Литература

1. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге // ΣΧΟΛΗ (Scholē). 2015. № 9.2. С. 241–252.

2. Mates B. *Stoic Logic*. Berkeley ; Los Angeles, 1961.
3. Graeser A. The Stoic theory of meanings // *The Stoics* / ed. J.M. Rist. Berkeley : University of California Press, 1978. С. 77–100.
4. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их онтологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2016. № 10.2. С. 422–440.
5. Суровцев В.А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *Sinn* в семантической теории Г. Фреге: вопрос об их эпистемологическом статусе // *ΣΧΟΛΗ (Schole)*. 2018. № 12.2. С. 499–522.
6. Аристотель. Категории // Сочинения : в 4 т. М. : Мысль, 1978. Т. 2. С. 51–90.
7. *Фрагменты ранних стоиков*. М. : «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1999. Т. II, ч. 1.
8. Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М. : АО КАМИ ГРУП, 1995. 448 с.
9. Frede M. *Principles of Stoic Grammar* // *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minnesota, 1987. С. 301–337.
10. Фреге Г. Мысль: логическое исследование // *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 28–54.
11. Фреге Г. Логические исследования. Часть третья: Сложная мысль // Фреге Г. *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 74–95.
12. Фреге Г. Логическая всеобщность // Фреге Г. *Логико-философские труды*. Новосибирск : Сиб. унив. изд-во, 2008. С. 96–101.

Valeriy A. Surovtsev, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: surovtssev1964@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 113–125.

DOI: 10.17223/1998863X/52/12

TO LEKTON IN STOIC PHILOSOPHY AND SINN IN GOTTLob FREGE'S SEMANTIC THEORY: A LOGICAL AND GRAMMATICAL ASPECT

Keywords: Stoic's logic; *to lekton*; Gottlob Frege; *Sinn*; semantic theory; *axiōma*; *Gedanke*; comparative studies; ancient and contemporary logic.

The article deals with the comparative analysis of the Stoic category *to lekton* and Gottlob Frege's category *Sinn*. This article explicates some formal features of these categories, which demonstrate similarity between the Stoic and Frege's logical theories. It is demonstrated that some logical and grammatical features of the functioning of the Stoic *to lekton* and Frege's *Sinn* give opportunities to elucidate the role they play in logical interconnections of knowledge.

References

1. Surovtsev, V.A. (2015) *To lekton in stoic philosophy and sinn in G. Frege's semantic theory: The question of their relationship*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 9.2. pp. 241–252. (In Russian).
2. Mates, B. (1961) *Stoic Logic*. Berkeley and Los Angeles: [s.n.].
3. Graeser, A. (1978) The Stoic theory of meanings. In: Rist, J.M. (ed.) *The Stoics*. Berkeley: University of California Press. pp. 77–100.
4. Surovtsev, V.A. (2016) *To lekton in stoic philosophy and sinn in G. Frege's semantic theory: The question of their ontological status*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 10.2. pp. 422–440. (In Russian). DOI: 10.21267/AQUILO.2016.10.2952
5. Surovtsev, V.A. (2018) *To lekton in stoic philosophy and sinn in g. Frege's semantic theory: the question of their epistemological status*. *ΣΧΟΛΗ. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya – Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*. 12.2. pp. 499–522. (In Russian). DOI: 10.21267/schole.12.2.12
6. Aristotle. (1978) *Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Collected Works: in 4 vols]. Vol. 2. pp. 51–90.
7. Chrysippus of Soli. (1999) *Fragmentsy rannikh stoikov* [Fragments of the Early Stoics]. Vol. 2. Translated from Ancient Greek by A.A. Stolyarov. Moscow: Greko-latinskij kabinet Yu.A. Shichalina.
8. Stolyarov, A.A. (1995) *Stoya i stoitsizm* [Stoicism]. Moscow: AO КАМИ ГРУП.

9. Frede, M. (1987) *Essays in Ancient Philosophy*. University of Minesota. pp. 301–337.
10. Frege, G. (2008a) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 28–54.
11. Frege, G. (2008b) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 74–95.
12. Frege, G. (2008c) *Logiko-filosofskie trudy* [Logical and philosophical works]. Translated from German. Novosibirsk: Sibirskoe univiversitetskoe izd-vo. pp. 96–101.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.77

DOI: 10.17223/1998863X/52/13

А.П. Глухов

ЦИФРОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ ПОКОЛЕНИЯ Z: СОЦИАЛЬНО-СЕТЕВОЙ РАКУРС¹

В преамбуле рассматриваются ключевые подходы к концептуализации понятия цифровой грамотности. Предлагается новая концептуализация социально-сетевой цифровой грамотности как элемента сетевой цифровой культуры. На основании оценок и мнений представителей цифрового поколения, выявленных в результате проведения серии полевых исследований, описывается содержательное наполнение комплекса лингвистических, коммуникативных, этико-этикетных и самопрезентационных компетенций, образующих социально-сетевую цифровую грамотность

Ключевые слова: цифровая грамотность, социально-сетевая коммуникативная культура, цифровые компетенции, цифровая трансформация образования

В совместном докладе Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики «Двенадцать решений для нового образования» (апрель, 2018) [1] ключевой проблемой системы образования определяется растущее отставание от цифровой трансформации экономики и сферы услуг. Авторами доклада прогнозируется революционное изменение традиционных структур образования под воздействием цифровых технологий. В декабре 2017 г. на уровне Правительства РФ были приняты решения и даны поручения принять за основу предложения Минобрнауки по подготовке приоритетного проекта «Цифровая школа» [2].

Одним из важнейших ориентиров цифровой трансформации образования является достижение цифровой грамотности граждан. Целью статьи является обоснование и выявление структуры и содержания концепта социально-сетевой коммуникативной цифровой грамотности как элемента сетевой цифровой культуры и общей цифровой грамотности поколения Z на основе неявных установок и представлений цифрового поколения – представителей студенческой молодежи, выявленных в ходе полевых исследований.

Исходя из понимания социальных медиа как новой инфраструктуры межличностных отношений в сети можно говорить о новой социально-сетевой культуре отношений, а также о социально-сетевой компетентности и социально-сетевой цифровой грамотности как контекстно-зависимой практике, ориентированной на новые социальные отношения и новые институты, которые они поддерживают [3].

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «Культура сетевых полупубличных коммуникаций цифрового поколения» при поддержке гранта РФФИ № 18-011-00225А.

В последние десятилетия различные концептуальные подходы к качественному определению и способам измерения цифровой грамотности стали предметом научно-педагогических дискуссий и обсуждений, связанных с определением политики различных развитых стран в области образования [4].

В различного рода европейских декларациях в области образования на системном уровне часто подчеркивается необходимость инвестировать в повышение цифровых навыков для экономического роста и конкурентоспособности [5].

В частности, в Рамочной конвенции ключевых компетенций для всех граждан Европейского союза [6] цифровая компетентность определяется как одна из восьми ключевых компетенций, «включающая уверенное и критическое использование технологий информационного общества для работы, отдыха и общения».

Цифровая компетентность подразумевает владение такими базовыми навыками в области ИКТ, как использование компьютера для поиска, оценки, хранения, производства, распространения и обмена информацией, а также общения и коллабораций в сети Интернет.

В 2013 г. Европейская комиссия опубликовала документ «Основы цифровой компетентности», дифференцирующий ее по пяти направлениям и 21 компетенции, которые включают в том числе и понятие цифровой грамотности [7].

В Швеции цифровая компетентность используется в качестве основы концепции в ныне реализуемой национальной стратегии по цифровизации образования [8].

Сам термин «цифровая грамотность» был введен П. Гилстером в 1997 г. в одноименной книге. Гилстер интерпретировал цифровую грамотность как «способность понимать и использовать информацию в различных форматах из широкого спектра источников, представленных с помощью компьютера» [9. Р. 1].

В дальнейшем термин был расширен и переинтерпретирован такими исследователями, как Р. Гудфеллоу [10], Л. Гурлей [11], М. Холл [12] и др.

Т. Джустен предлагает определение цифровой грамотности как адаптации «навыков к новой среде, [и] нашему опыту Интернета через освоение основных компетенций» [13. Р. 6]. В подобной перспективе цифровая грамотность связывается с такими терминами, как медиаграмотность и компьютерная грамотность, понимается на основе навыков и, следовательно, редуцируется к функциональному использованию технологии и адаптации навыков [11]. В более поздних публикациях при определении цифровой грамотности акцент делается также на когнитивные навыки [14].

Именно человек, а не социальные аспекты обучения, должен находиться в центре внимания, что подчеркивает когнитивную перспективу цифровой грамотности как «функционального доступа, навыков и практик, необходимых для того, чтобы стать уверенным, гибким пользователем целого ряда технологий для личного, академического и профессионального применения» [15. Р. 1]. Б. Чен также акцентирует когнитивные навыки и определяет цифровую грамотность как «способность понимать и использовать информацию в нескольких форматах с акцентом на критическом мышлении, а не на ИКТ-компетенциях» [16. Р. 2].

Х. Спирс и М. Бартлет [17] подразделяют различные интеллектуальные процессы, связанные с цифровой грамотностью, на три категории: (а) поиск и использование цифрового контента, (б) создание цифрового контента, (с) передача цифрового контента.

Рене Хоббс [18] в своем докладе определяет цифровую грамотность как совокупность жизненных навыков, необходимых для полноценного участия в пространстве, насыщенном средствами медиа.

К ним относятся способности:

1) анализировать и оценивать (понимание проблем и наличие представлений): анализ сообщений в различных формах, определение автора, цели и точки зрения, а также оценка качества и достоверности содержания;

2) создавать и сотрудничать (авторство и творческие компетенции): творчество в индивидуальном формате и совместная коллаборация, чтобы делиться знаниями и решать проблемы в семье, на работе и в обществе, а также принимать участие в качестве члена сообщества;

3) использовать и делиться (использование инструментов и навыки доступа): создание контента в различных формах с использованием языка, изображений, звука и новых цифровых инструментов и технологий;

4) применять этические суждения (онлайн социальная ответственность и цифровое гражданство): принятие ответственного выбора и получение доступа к информации, поиск и обмен материалами, рефлексия своего цифрового поведения с применением социальной ответственности и этических принципов.

Дж. Мачин-Мастроматтео использует понятие «грамотность» как зонтичный термин для объединения информационной грамотности, цифровой грамотности и новых грамотностей, разделяя их следующим образом: «Информационная грамотность широко понимается как индивидуальная способность обрабатывать информацию в целом. Цифровая грамотность относится к способности использовать для обработки технологические устройства (аппаратное и программное обеспечение). Новые грамотности – это серия новых и инновационных навыков, связанных с помощью способов работы с онлайн-контентом и социальными технологиями, что выходит за рамки концепции цифровой грамотности» [19. Р. 574].

Г. Дженкинс в рамках расширенного толкования предлагает для характеристики подобной цифровой грамотности как определенного типа коммуникативной культуры термин «культура участия». Подобная культура виртуально-сетевое участия характеризуется низкими «входными барьерами» для художественного самовыражения и экспрессии пользователя, возможностями гражданской вовлеченности, сильной поддержкой и мотивацией в создании и обмене (шеринге) созданными артефактами между участниками виртуальных комьюнити [20].

В России по тематике цифровой компетентности сотрудниками Фонда развития Интернета, факультета психологии МГУ и ФГАУ «Федеральный институт развития образования» Минобрнауки России под руководством Г.В. Солдатовой в 2009–2010 гг. проводилась серия исследований в рамках Года Безопасного Интернета в России [21]. Главным фокусом исследований являлись особенности восприятия детьми и взрослыми глобальной сети, проблемы безопасности российских детей и подростков в Интернете, роль роди-

телей в обеспечении безопасности и компетентность педагогов в использовании современных ИКТ. В рамках исследования рассматривались такие релевантные темы, как роль Интернета в социализации подростков, особенности российских школьников как пользователей Интернета, восприятие рисков Интернета российскими школьниками и их родителями, классификация подростков интернет-пользователей по уровню компетентности, ИКТ-компетентность и осведомленность педагогов о безопасном использовании Интернета.

В 2015–2017 гг. региональной общественной организацией «Центр интернет-технологий» (РОЦИТ) осуществлялся практико-ориентированный исследовательский проект, направленный на измерение Индекса цифровой грамотности россиян и проведение мероприятий по повышению уровня знаний и компетенций населения в данной области. В рамках проекта цифровая грамотность тематизировалась как набор знаний и умений, которые необходимы для безопасного и эффективного использования цифровых технологий и ресурсов Интернета. Согласно методологическому допущению проекта цифровая грамотность должна включать в себя три ключевые компоненты: цифровое потребление, цифровые компетенции и цифровую безопасность [22].

Несмотря на многообразие представленных выше подходов и интерпретаций цифровой грамотности в поле исследовательского дискурса отсутствует отдельная экспликация компетенций, связанных с эффективной коммуникацией и адаптацией к социально-сетевой коммуникативной культуре. Ниже предлагается концептуализация особого вида цифровых компетенций – социально-сетевой цифровой грамотности.

Ключевой предпосылкой выделения особого типа цифровой грамотности служит постулат определенной культурно-функциональной автономии мира социальных медиа, особенно в рамках молодежной субкультуры.

Использование социальных медиа является одной из определяющих характеристик поколения Z. Исходно теория поколений (Strauss–Howe generational theory) была предложена Уильямом Штраусом и Нилом Хоувом для анализа поколенческих циклов США XX и начала XXI в. [23]. Концепт Generation Z применяется в исследовательской литературе в отношении поколения людей, родившихся примерно с 2000 г. и насчитывает уже достаточно длительную историю приложения и исследований [24]. Представители поколения Z (близкие по смыслу синонимы: Generation I, Internet Generation, Millennial Generation, Net Generation) активно используют различные электронные устройства с доступом в сеть – планшеты, VR- и AR-реальность. Зачастую термин «поколение Z» рассматривается в качестве синонима термина «цифровое поколение». Представители поколения Z связаны между собой благодаря таким коммуникационным инструментам, как Интернет в целом, социальные сети общения (ВКонтакте, Instagram, Facebook), YouTube, мобильные телефоны, мессенджеры и 3D-плееры [25, 26].

Социальные сети общения, такие как ВКонтакте, Instagram, Facebook, Twitter, Одноклассники и различные мессенджеры, образуют для современного поколения Z свой особенный автономный мир, в котором происходит первичная социализация, налаживаются межличностные отношения, устанавливаются и реализуются межличностные и деловые контакты.

Автономия коммуникаций в социальных сетях общения проявляется в наличии и тренинге определенных цифровых компетенций и интериоризации

определенных неписанных правил организации как межличностных, так и деловых коммуникаций на базе социальных платформ. Подобный уровень автономии и относительной замкнутости жизненного мира социальных сетей позволяет говорить о существовании социально-сетевой коммуникативной культуры, отличающейся как от общения офлайн, так и от других типов цифрового общения, например переписки по e-mail или коммуникации на корпоративном сайте организации.

Анализ структуры и наполнения социально-сетевой цифровой грамотности был элементом более широкого исследовательского проекта [27], направленного на изучение трансформации коммуникативной культуры в области повседневных межличностных виртуальных коммуникаций цифрового поколения в социальных медиа.

Для описания интериоризации и применения в среде продвинутых пользователей студенческой аудитории вузов г. Томска новой виртуальной культуры полупубличных коммуникаций и менеджмента коммуникаций цифровым поколением Z были использованы методы анализа творческих эссе на заданную тему (респондентами написано 10 эссе), глубинных (полуструктурированных или лейтмотивных) интервью (проведено 17 интервью) и фокус-группы (3 фокус-группы) как в офлайн-, так и в онлайн-формате (ссылка на материалы исследовательской онлайн фокус-группы «Менеджмент режимов коммуникации»: <https://vk.com/event163852830>).

Качественные исследования были дополнены проведением социологического стандартизированного опроса со студентами вузов г. Томска с использованием онлайн-анкетирования по тематике описания новой компетентности в области менеджмента коммуникаций. Всего были опрошены 322 респондента, представляющих 6 томских вузов, от 18 до 28 лет; выборка носила целевой характер, основываясь на принципе доступности респондентов.

В результате проведения серии полевых исследований в рамках проекта, посвященного изучению сетевой культуры поколения Z, были выявлены ключевые компоненты и определенное содержательное наполнение комплекса социально-сетевой коммуникативной цифровой грамотности, соотносящиеся с 4 измерениями коммуникативной культуры.

1. Лингвистические компетенции по продуцированию разножанрового и мультимедийного социально-сетевого контента и эффективной обратной связи.

Социально-сетевая лингвистическая компетенция, по мнению студентов-представителей поколения Z, включает в себя навыки выбора релевантной цели общения цифровой платформы с четким пониманием ее жанровой специфики: *«Для успешной коммуникации очень важно выбрать правильную цифровую платформу, так как именно от технического удобства зависит уровень развития общения»* (К.А.) [сохранена стилистика респондента].

Так, например, ВКонтакте воспринимается молодежью как платформа для общения в личных сообщениях и коммуникации в сообществах по интересам (в том числе в группах образовательных учреждений), а Instagram в большей степени подходит для самовыражения, развлечения, поиска полезной информации и решения профессиональных задач: *если «общение носит дружеский характер, то следует использовать ВКонтакте, Telegram, Instagram, WhatsApp. Длинный лонгрид следует публиковать в социальной сети ВКонтакте. Глянцевую фотосессию следует разместить в Instagram*

или же ВКонтакте, исповедальный текст часто можно увидеть в Instagram, но если же это диалог с кем-то, то подойдут WhatsApp, Viber, Telegram» (К.А.) [сохранена стилистика респондента].

Социально-сетевая лингвистическая компетенция проявляется также в способности распознавания и владения гипержанрами социальных медиа (персональный сайт и видеоблог; блог на блогплатформе (типа ЖЖ); персональная страница (аккаунт) в социальной сети общения) и субжанрами социально- сетевого общения, такими как аватар, статус, пост, сторис, прямой эфир, постер, фотоколлаж, интернет-мем, фотожаба и др.

Использование широкого спектра мультимедийных возможностей платформы социальных сетей при создании контента различных субжанров свидетельствует о коммуникативной «грамотности» пользователя и является элементом социально-сетевой лингвистической компетенции. Авангардные молодежные социальные сети, прежде всего Instagram и ВКонтакте, постоянно изобретают и запускают новые мультимедийные форматы, такие как Stories, постеры, видеообложки. Владение данными форматами является в молодежной среде элементом коммуникативной моды и показателем уровня цифровой компетентности.

Применение эмоджи и стикеров, выполняющих компенсаторную функцию замены отсутствующих офлайн невербальных средств коммуникации (язык тела и мимика), также демонстрирует уровень социально-сетевой лингвистической компетенции. Нередко эмоджи, выполняя фатическую функцию, выступают также как графические знаки препинания в тексте или элементы быстрой позитивной / негативной обратной связи (реакции на общения).

2. Коммуникативные компетенции по организации контекстов социально-сетевой коммуникации с различными аудиториями пользователей.

Социально-сетевая коммуникативная компетенция включает в себя навыки организации и управления контекстами коммуникации в плане менеджмента контактов (зачисление / исключение во френды), управления уровнями приватности различной информации (в том числе в профиле), управления уровнями вовлеченности в общение за счет использования различных коммуникативных форматов (видео-, аудиозвонок, аудиосообщение, текстовый пост, гифка / эмоджи).

Современное цифровое поколение оптимизирует общение с различными целевыми аудиториями по различным цифровым каналам: «С друзьями я общаюсь ВКонтакте, потому что в момент регистрации на данной платформе она была на пике популярности и все мои знакомые были там. На данный момент, как правило, любого человека можно найти ВКонтакте, даже если его профиля нет на других платформах. Для общения с друзьями я также использую Instagram, но это в те моменты, когда подруга или я отправляем друг другу какую-нибудь информацию, которая нас заинтересовала. С родственниками удобнее всего общаться в WhatsApp, потому что для людей в возрасте эта платформа является наиболее удобной и более-менее понятной. Для общения с преподавателями использую ВКонтакте или почту» (З.О.) [сохранена стилистика респондента].

Социально-сетевая коммуникативная компетентность подразумевает навыки ненавязчивого установления сетевого контакта с незнакомыми людьми.

ми (потенциальный гендерный партнер / партнерша, потенциальный деловой партнер, работодатель) и безболезненного прерывания отношений (исключение из списка друзей): *«Для меня „чистить“ список друзей и удалять ненужных персонажей важно. Я это делаю потому, что устаю от лишней и неинтересной информации, когда листаю ленту. Человек, который выкладывает что-то не интересное мне, может быть прекрасным человеком или даже лучшим другом, но если информация, которой он делится, не вызывает у меня интереса или наоборот вызывает негативные эмоции, может заставить нажать кнопку „отписаться“»* (З.О.) [сохранена стилистика респондента].

К социально-сетевой коммуникативной компетенции может быть отнесена также компетенция управления синхронностью сетевой коммуникации: при асинхронном характере большинства форматов сетевой коммуникации, как свидетельствуют респонденты – представители поколения Z, определенные неписанные регламенты времени ответа для разных аудиторий (гендерного партнера, родителей, работодателей, преподавателей) все же существуют и требуют соблюдения: *«Люди любят, когда сразу получают ответ на свой вопрос. Ведь время – деньги. Для [гендерных] партнеров тоже важно уделять внимание и предупреждать, если не будешь долго отвечать. С партнером – желательно отвечать сразу, допустима задержка 10 минут, при договоренности можно и больше. 2–3 ч. Если человек работает, то и весь рабочий день. Друзья – желательно не больше 30 мин – 1 час задержка. Родители – о, лучше ответить сразу, или предупредить, что позже пообщаетесь. От греха подальше. Работодатель – 1–2 ч максимальная задержка. Преподаватель – 1–2 ч»* (Н.М.) [сохранена стилистика респондента]. Форма обратной связи также зависит от контекста глубины отношений и социального статуса адресанта и варьирует от эмоджи / стикера, лайка, комментария, репоста до развернутого сообщения в ЛС или на стену пользователя.

3. Практико-нормативные компетенции по соблюдению этических норм и требований этикета и поддержанию бесконфликтного социально- сетевого общения.

Социально-сетевые практико-нормативные компетенции включают в себя этикетные правила сетевого знакомства, вступления / завершения беседы, выбора формата (в том числе платформенного) и стиля общения, использования эмоджи в коммуникации в зависимости от возраста или социального статуса партнера. По мнению респондентов, в ситуации коммуникации с социально-статусно более высокими партнерами по коммуникации (работодателями, преподавателями) необходимо прибегать к форматам с низкой синхронностью (текстовые сообщения), не требующим немедленного ответа, и можно позволить себе использование жаргона или эмоджи только как ответный жест на его иницилирующее применение противоположной стороной коммуникации: *«Этикетные ограничения на общение со старшими и различными профессиональными аудиториями следующие: доступ к профилю открыт, видно все, кроме разделов, скрытых настройками приватности по умолчанию, стилистика общения приближенна к деловой, использование стикеров, смайликов минимальное или отсутствует совсем, голосовые сообщения отсутствуют»* (К.М.) [сохранена стилистика респондента].

К социально-сетевым этикетным требованиям можно отнести дифференциацию доступа к персональной информации в сети, когда контент, относя-

щийся к личной жизни и неформальному общению (например, фото с вечеринок) остается недоступным для взрослых аудиторий родственников и партнеров по социально-сетевому деловому общению: *«Я ограничиваю доступ к сохраненным фотографиям и музыке для таких категорий пользователей как работодатели, преподаватели, одногруппники или коллеги по работе. Это связано с тем, что многие фотоматериалы предназначены для личного пользования или имеют авторские права»* (Д.А.) [сохранена стилистика респондента].

Важной нормативной компетенцией являются навыки избегания и невовлечения (правило «не корми тролля») в сетевые конфликты и бессмысленные споры (холивары), а также умение распознавать и обращаться с сетевыми троллями без ущерба для идентичности и коммуникации.

4. Компетенции по построению цифрового имиджа и социально-сетевой самопрезентации.

По мнению респондентов, допустимый диапазон вариантов цифровой самопрезентации достаточно широк и произведен от целей: *«Правила оформления аккаунта для всех разные, на мой взгляд, все зависит от целей коммуникации в данной соцсети. Кто-то использует соцсети для поиска заказчиков, то есть набирает и ищет клиентскую базу, поэтому ему необходимо правильно оформить для этой цели контакты, поставить свои личные фото без откровенного содержания, убрать кучу репостов котиков и мемов и репостить что-то крайне редко, а лучше самому являться автором полезного контента и размещать у себя на странице, скрыть аудио и почистить видео, удалить дурацкие комментарии друзьяшек. Для человека, который просто общается с друзьями или родственниками, достаточно минимального набора данных, свои настоящие имя и фамилия, и можно даже обойтись без аватара. Но если тебе важно сохранить и / или повысить свой статус в сети, то необходимо будет размещать актуальный, хайповый, интересный и полезный контент, быть максимально открытым (аватар, данные других социальных сетей). Для публичных личностей свои правила»* (Н.М.) [сохранена стилистика респондента].

К ключевым навыкам компетенции социально-сетевой самопрезентации относятся навыки владения инструментами визуализации своей самопрезентации, вариативность самопрезентации (мультиперсональность, по аналогии с мультизадачностью) для различных целевых аудиторий и на различных цифровых платформах в зависимости от времени и ситуации самоподачи, балансировка аспектов публичной и частной жизни в рамках одного профиля пользователя, управление ими за счет технологических возможностей сети (ограничение доступа, настройки показов, нейтрализация контента, использование личной переписки) с тенденцией закрытия личного пространства (отношения, вредные привычки) от внешней аудитории.

Лингвистические, коммуникативно-организационные, этические и самопрезентационные компетенции в комплексе образуют основу социально-сетевой цифровой грамотности, позволяющей молодому поколению осуществлять эффективные коммуникации в виртуальном пространстве социальных сетей. Сама социально-сетевая цифровая грамотность становится одним из условий социализации и адаптации человека как в повседневном общении, так и в рамках деловых коммуникаций, поскольку сами деловые

коммуникации все более «платформизируются» (переносятся на цифровые платформы; это можно наблюдать в журналистике, маркетинге, HR-коммуникациях, торговле, индустриях, государственной службе, образовании). Традиционные взгляды на грамотность как умение читать, писать и считать с внедрением цифровых коммуникационных технологий в повседневность масштабировались в сторону включения навыков работы с цифровыми инструментами и цифровым контентом.

Экспликация ключевых навыков и норм поведения, отражающих социально-сетевую цифровую грамотность, позволит в дальнейшем через их операционализацию в формате опросников и тестов проводить ее измерения и мониторинг как элемента общей цифровой грамотности школьников, студентов, учителей и педагогов высшей школы.

Дискуссионными остаются вопросы, связанные с концептуализацией и включением / исключением отдельных навыков социально-сетевой коммуникации в концепт цифровой грамотности (например, навыков безопасного общения в соцсетях) и конкретным их наполнением в рамках лингвистической, коммуникативной, практико-этической и самопрезентационной компетенций, поскольку, как показали полевые исследования, их понимание значительно различается среди категорий пользователей – представителей поколения Z и зависит от уровня «продвинутости» и профессиональных интересов.

В то же время сама инклюзия социально-сетевой коммуникативной цифровой грамотности в качестве элемента общей цифровой грамотности в набор требований к образовательной системе и подготовке современного специалиста нам представляется безальтернативной в силу транзита всех видов профессиональной коммуникации на цифровые платформы.

Литература

1. *Двенадцать* решений для нового образования: доклад Центра стратегических разработок и Высшей школы экономики). М., 2018. URL: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (дата обращения: 01.10.2019).
2. *Паспорт* федерального проекта «Цифровая школа». URL: <https://new.avо.ru/documents/33446/1306658/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F+%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0.pdf/82453653-bbcc-3356-ffdf-04b00193c783> (дата обращения: 01.10.2019).
3. *Kajee L., Balfour R.* Students' access to digital literacy at a South African university: Privilege and marginalization // *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 2011. Vol. 29, № 2. P. 187–196.
4. *Ilomäki L., Paavola S., Lakkala M., Kantosalo A.* Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research // *Education and Information Technologies*. 2016. Vol. 21, № 3. P. 655–679.
5. *A Digital Agenda for Europe* // European Commission. Brussels, 2010. 26 aug. URL: http://ec.europa.eu/information_society/digital-agenda/index_en.html (accessed: 01.10.2019).
6. *Recommendation on key competences for lifelong learning* // European Commission. Council of 18 December 2006 on key competences for lifelong learning, 2006/962/EC, L. 394/15. Retrieved December 7, 2017. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/en/TXT/?uri=CELEX:32006H0962&qid=1496720114366> (accessed: 01.10.2019).
7. *Ferrari A.* DIGCOMP: a framework for developing and understanding digital competence in Europe (Report EUR 26035 EN). JRC Technical Reports. Seville: Institute for Prospective Technological Studies, European Union, 2013.
8. *Swedish Ministry of Education.* Nationell digitaliseringsstrategi för skolväsendet U2017/04119/S. 2017. URL: <http://www.regeringen.se/4a9d9a/contentassets/00b3d9118b0144f6bb95302f3e08d11c/nationell-digitaliseringsstrategi-for-skolväsendet.pdf> (accessed: 01.10.2019).
9. *Gilster P.* Digital literacy. New York: John Wiley, 1997.

10. Goodfellow R. Literacy, literacies and the digital in higher education // Teaching in Higher Education. 2011. Vol. 16, № 1. P. 131–144.
11. Gourlay L., Hamilton M., Lea M.R. Textual practices in the new media digital landscape: Messing with digital literacies // Research in Learning Technology. 2013. № 23. P. 1–13.
12. Hall M., Nix I., Baker K. Student experiences and perceptions of digital literacy skills development: Engaging learners by design? // Electronic Journal of e-Learning. 2013. Vol. 11, № 3. P. 207–225.
13. Joosten T., Pasquini L., Harness L. Guiding social media at our institutions // Planning for Higher Education. 2012. Vol. 41, № 10. P. 125–135.
14. Mishra K.E., Wilder K., Mishra A.K. Digital literacy in the marketing curriculum: are female college students prepared for digital jobs? // Industry and Higher Education. 2017. Vol. 31, № 3. P. 204–211.
15. Beetham H., Sharpe R. Digital literacies workshop. Paper presented at the JISC learning literacies workshop. Birmingham, 2011. URL: <http://jiscdesignstudio> (accessed: 01.10.2019).
16. Chan B.S., Churchill D., Chiu T.K. Digital literacy learning in higher education through digital storytelling approach // Journal of International Education Research (JIER). 2017. Vol. 13, № 1. P. 1–16.
17. Spires H., Bartlett M. Digital literacies and learning: Designing a path forward. Friday Institute White Paper Series. NC State University, 2012.
18. Hobbs R. Digital and Media Literacy: a plan of Action. The Aspen Institute. Communications and Society Program, 2010.
19. Machin-Mastromatteo J. D. Participatory action research in the age of social media: Literacies, affinity spaces and learning // New Library World. 2012. Vol. 113. № 11. P. 571–585.
20. Jenkins H., Clinton K., Purushotma R. et al. Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century / An occasional paper on digital media and learning. The MacArthur Foundation, 2006.
21. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., Чекалина А.И., Гостимская О.С. Пойманные одной сетью: социально-психологическое исследование представлений детей и взрослых об Интернетe / под ред. Г.В. Солдатовой. М., 2011. 176 с.
22. Шариков А. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 1. С. 87–98.
23. Howe N., Strauss W. Generations: the History of America's Future, 1584 to 2069. New York : William Morrow & Company, 1991.
24. The state of Gen Z 2018 // The Center for Generational Kinetics. 2018.
25. The generation Z connection: teaching information literacy to the newest net generation // Teacher Librarian. 2006. Feb.
26. Riedling A.M. An educator's guide to information literacy: what every high school senior needs to know. Libraries Unlimited, 2007.
27. Глухов А.П., Бычкова М.Н., Гужова И.В., Окушова Г.А., Стаховская Ю.М. Культура сетевых коммуникаций цифрового поколения: ресоциализация отношений и дестигматизация социальных медиа (сборник материалов исследования) / науч. ред. А.П. Глухов. Томск : Изд. Дом Том. гос. ун-та. 2018. 120 с.

Andrey P. Glukhov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 126–137.

DOI: 10.17223/1998863X/52/13

GENERATION Z'S DIGITAL LITERACY: A SOCIAL NETWORK VIEW

Keywords: digital literacy; social network communication culture; digital competencies; digital transformation of education.

The preamble discusses the growing lag behind the digital transformation of the economy and the service sector as a key problem in the Russian education system. The key approaches to the conceptualization of the concept of digital literacy in foreign and Russian research discourse are considered. It is emphasized that various conceptual approaches to the qualitative definition and methods of measuring digital literacy have become the subject of scientific and pedagogical discussions and discussions related to determining the policies of different developed countries in the field of education. There is a shortage of approaches to the analysis of competencies associated with effective communi-

cation and adaptation to the social network communication culture of youth. A new conceptualization of social network digital literacy as an element of network digital culture and general digital literacy of generation Z is proposed. Based on the estimates and opinions of representatives of the digital generation identified as a result of a series of field studies in the framework of a research project devoted to the study of the network culture of generation Z, the content is described of the following linguistic, communicative, ethical and self-presenting competencies that form network digital literacy: (1) linguistic competence in the production of different genres of social networking content and effective feedback; (2) communicative competence in organizing contexts of social network communication with various user audiences; (3) practical and normative competence to comply with ethical standards and etiquette requirements and to maintain conflict-free social network communication; (4) competencies of social network self-presentation. It has been suggested that the explication of key skills and behavioral norms that reflect social network digital literacy will allow it to be further monitored through their operationalization as an element of general digital literacy among schoolchildren, students, teachers and higher education teachers. In the conclusion, there is a discussion of a number of issues related to the conceptualization and inclusion / exclusion of individual social network communication skills in the concept of digital literacy (for example, the skills of safe communication in social networks), as well as the specific content of the required skills within the framework of linguistic, communicative, practical ethical and self-presentation competencies.

References

1. Higher School of Economics. (2018) *Dvenadtsat' resheniy dlya novogo obrazovaniya* [Twelve Solutions for New Education]. Report of the Centre for Strategic Research and the Higher School of Economics). [Online] Available from: https://www.hse.ru/data/2018/04/06/1164671180/Doklad_obrazovanie_Web.pdf (Accessed: 1st October 2019).
2. The Russian Federation. (n.d.) *Pasport federal'nogo proekta "Tsifrovaya shkola"* [Passport of the federal project "Digital School"]. [Online] Available from: <https://new.avo.ru/documents/33446/1306658/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%8F+%D1%88%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0.pdf/82453653-bbcc-3356-ffdf-04b00193c783> (Accessed: 1st October 2019).
3. Kajee, L. & Balfour, R. (2011) Students' access to digital literacy at a South African university: Privilege and marginalization. *Southern African Linguistics and Applied Language Studies*. 29(2). pp. 187–196. DOI: 10.2989/16073614.2011.633365
4. Ilomäki, L., Paaola, S., Lakkala, M. & Kantosalo, A. (2016) Digital competence – an emergent boundary concept for policy and educational research. *Education and Information Technologies*. 21(3). pp. 655–679. DOI: 10.1007/s10639-014-9346-4
5. The European Union. (2010) *A Digital Agenda for Europe*. European Commission. August 26, 2010. Brussels. [Online] Available from: http://ec.europa.eu/information_society/digital-agenda/index_en.html (Accessed: 1st October 2019).
6. The European Union. (2006) *Recommendation on key competences for lifelong learning*. European Commission. Council of December 18, 2006, on key competences for lifelong learning, 2006/962/EC, L. 394/15. [Online] Available from: <http://eur-lex.europa.eu/legalcontent/en/TXT/?uri=CELEX:32006H0962&qid=1496720114366> (Accessed: 1st October 2019).
7. Ferrari, A. (2013) *DIGCOMP: A framework for developing and understanding digital competence in Europe (Report EUR 26035 EN)*. JRC Technical Reports. Seville: Institute for Prospective Technological Studies, European Union.
8. Swedish Ministry of Education. (2017) *Nationell digitaliseringsstrategi för skolväsendet U2017/04119/S. 2017*. [Online] Available from: <http://www.regeringen.se/4a9d9a/contentassets/00b3d9118b0144f6bb95302f3e08d11c/nationell-digitaliseringsstrategi-for-skolvasendet.pdf> (Accessed: 1st October 2019).
9. Gilster, P. (1997) *Digital literacy*. New York: John Wiley.
10. Goodfellow, R. (2011) Literacy, literacies and the digital in higher education. *Teaching in Higher Education*. 16(1). pp. 131–144. DOI: 10.1080/13562517.2011.544125
11. Gourlay, L., Hamilton, M. & Lea, M.R. (2013) Textual practices in the new media digital landscape: Messing with digital literacies. *Research in Learning Technology*. 23. pp. 1–13. DOI: 10.3402/rlt.v21.21438
12. Hall, M., Nix, I. & Baker, K. (2013) Student experiences and perceptions of digital literacy skills development: Engaging learners by design? *Electronic Journal of e-Learning*. 11(3). pp. 207–225.

13. Joosten, T., Pasquini, L. & Harness, L. (2012) Guiding social media at our institutions. *Planning for Higher Education*. 41(10). pp. 125–135.
14. Mishra, K.E., Wilder, K. & Mishra, A.K. (2017) Digital literacy in the marketing curriculum: Are female college students prepared for digital jobs? *Industry and Higher Education*. 31(3). pp. 204–211. DOI: 10.1177/0950422217697838
15. Beetham, H. & Sharpe, R. (2011) *Digital literacies workshop*. Paper presented at the JISC learning literacies workshop. Birmingham. [Online] Available from: <http://jiscdesignstudio> (Accessed: 1st October 2019).
16. Chan, B.S., Churchill, D. & Chiu, T.K. (2017) Digital literacy learning in higher education through digital storytelling approach. *Journal of International Education Research (JIER)*. 13(1). pp. 1–16. DOI: 10.19030/jier.v13i1.9907
17. Spires, H. & Bartlett, M. (2012) *Digital literacies and learning: Designing a path forward*. Friday Institute White Paper Series. NC State University.
18. Hobbs, R. (2010) *Digital and Media Literacy: A plan of Action*. The Aspen Institute. Communications and Society Program.
19. Machin-Mastromatteo, J.D. (2012) Participatory action research in the age of social media: Literacies, affinity spaces and learning. *New Library World*. 113(11). pp. 571–585. DOI: 10.1108/03074801211282939
20. Jenkins, H., Clinton, K., Purushotma, R. etc. (2006) *Confronting the Challenges of Participatory Culture: Media Education for the 21st Century*. The MacArthur Foundation.
21. Soldatova, G.V., Zotova, E.Yu., Chekalina, A.I. & Gostimskaya, O.S. (2011) *Poymannyye odnoy set'yu: sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie predstavleniy detey i vzroslykh ob internete* [Caught with one network: a socio-psychological study of the perceptions of children and adults of the Internet]. Moscow: Fond Razvitiya Internet.
22. Sharikov, A. (2016) Digital Literacy: A Four-Component Model. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – Journal of Social Policy Studies*. 14(1). pp. 87–98. (In Russian).
23. Howe, N. & Strauss, W. (1991) *Generations: The History of America's Future, 1584 to 2069*. New York: William Morrow & Company.
24. Villa, D. et al. (2018) *The State of Gen Z 2018*. The Center for Generational Kinetics.
25. Anon. (2006) The Generation Z connection: teaching information literacy to the newest net generation. *Teacher Librarian*. February.
26. Riedling, A.M. (2007) *An educator's guide to information literacy: what every high school senior needs to know*. Libraries Unlimited.
27. Glukhov, A.P., Bychkova, M.N., Guzhova, I.V., Okushova, G.A. & Stakhovskaya, Yu.M. (2018) *Kul'tura setevykh kommunikatsiy tsifrovogo pokoleniya: resotsializatsiya otnosheniy i domestikatsiya sotsial'nykh media* [Digital Generation Network Culture: Resocialization of Relations and Domesticization of Social Media]. Tomsk: Tomsk State University.

УДК 316.4; 004.891

DOI: 10.17223/1998863X/52/14

А.Ю. Карпова, А.О. Савельев, А.Д. Вильнин, Д.В. Чайковский

НОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ВЫЯВЛЕНИЯ УЛЬТРАПРАВЫХ ЭКСТРЕМИСТСКИХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА¹

Статья посвящена аналитическому обзору подходов по созданию инструментов для выявления ультрарадикальных сообществ в социальных медиа. Обозначены ключевые характеристики и идеологические платформы ультраправых экстремистских сообществ, угрозы и риски онлайн-радикализации. Обозначены проблемы по созданию исследовательских инструментов и сервисов. Разработана классификация и описаны сильные и слабые стороны подходов по созданию инструментов для выявления экстремистских сообществ. Предлагается описание авторского метода календарно-корреляционного анализа.

Ключевые слова: онлайн радикализация, ненависть и экстремизм, терроризм, аналитика социальных медиа, прогнозирование событий, Web Mining.

Противостояние угрозе начинается с того, чтобы называть ее тем, чем она является. Проблема формулировки является серьезной, когда дело доходит до отслеживания наиболее опасных группировок. Академические ученые пытаются придумать стандартные термины для ультраправых и ультралевых, а также формулировки для различных разновидностей тех и других. Исследователи отмечают, что более мягкие формулировки не применяются, когда речь идет об исламистских радикалах. Сбор данных, обучение сотрудников правоохранительных органов, общественное понимание – все это страдает без общепринятого словаря. Относиться к этим угрозам серьезно – значит определять термины. Предиктором экстремизма, терроризма является радикализация. Данный процесс в самом общем виде можно обозначить как переход от ненасильственных форм выражения мнений к насильственным действиям. Четко очерченных границ интерпретации этого понятия на настоящий момент не существует, поэтому данная тема остается дискуссионной в исследовательской среде. Радикалов следует рассматривать как приверженцев решительных действий, которые могут и не быть крайними. Экстремистов следует рассматривать как сторонников применения крайних средств для достижения своих целей, даже при наличии возможности достижения цели законным путем, без применения насилия. Террористы же – это те, кто применяет идеологически мотивированное насилие [1]. Мерилом правовой оценки действий каждой из категорий будет оценка уровня опасности применяемых ими методов для общества и государства [2–4]. Приставка «ультра» означает, что радикалы принимают идею о том, что насилие необходимо для продвижения идеологической цели. Они оправдывают, пропагандируют эту идею, выражают готовность перейти к насильственным действиям, а также берут на себя моральное обязательство защиты тех групп,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ в рамках научного проекта № 19-011-31535.

которые продвигают эту идею. Такой вид радикальных действий относится к категории насильственного экстремизма, который рассматривается как «поощрение, оправдание или поддержка совершения насильственного действия для достижения политической цели, идеологических, религиозных, социальных или экономических целей» [5].

Радикальные убеждения не являются преступными, но участие в экстремистских, террористических организациях является преступлением. Проявление вражды и ненависти в отношении какой-либо группы лиц, объединенной по признаку пола, расы, религии, идеологии, принадлежности к какой-либо социальной, профессиональной, возрастной, гендерной или иной группе, характерно для ультраправых радикальных сообществ. Перегретая риторика, эскалация языка вражды, продвижение теорий заговора, демонизация и рассуждения о превосходстве и неполноценности тех или иных групп, оправдание общепризнанных исторических фактов преступлений поощряют насилие. основополагающая идея ультраправых сообществ – убеждение в превосходстве одних индивидов и групп и неполноценности других.

Ключевые характеристики и идеологические платформы ультраправых:

- антииммиграционные и антиинтеграционные позиции;
- принцип сегрегации: разделение групп людей, считающихся «высшими», и групп, считающихся «низшими»;
- политика угнетения, геноцид, ксенофобия, авторитаризм;
- полный отказ от концепции социального равенства;
- разветвленный характер, «специализация» на проблемных, актуальных темах общественных недовольств;
- консолидация на международном уровне: укрепление идеологических, финансовых, организационных и транснациональных связей;
- создание и продвижение блогов и дискуссионных форумов для распространения своих убеждений и идеологии, содействие радикализации, рекрутингу, создание виртуальных онлайн-сообществ, разделяющих общую повестку ультраправых, на таких площадках, как Twitter, YouTube, Tumblr, Imgur, Flickr, социальные сети (например, Gab), имиджбордов и анонимных веб-форумов (например, 4chan, 8chan), подстрекающих к насилию;
- создание и продвижение альтернативной медиасистемы, получившей название «Альтернативная сеть влияния» (AIN), стимулируя онлайн-радикализацию. Создатели контента в AIN претендуют на предоставление альтернативного источника информации для новостей и политических комментариев, используя методы маркетинга, но вместо продажи продукта или услуг они продают политическую идеологию. В целом AIN распространяет ультраправый идеологический контент, используя такие способы воздействия, как идеологические рекомендации, политический самобрендинг, поисковая оптимизация и стратегическая полемика, целенаправленно создавая общую контркультурную идентичность [6. Р. 10];
- национализм, расизм, нацизм, неофашизм, экофашизм, неонацизм, антикоммунизм, супремасизм и др.

Ультраправые движения (alt-right), сообщества в зарубежной исследовательской практике чаще всего рассматривают как политический блок, который стремится объединить деятельность нескольких различных экстремистских движений или идеологий. Несмотря на то, что alt-right распространился

в международном масштабе, его центр влияния находится в Соединенных Штатах и берет свое начало от Ричарда Спенсера, известного белого националиста, который и придумал термин alt-right. Ряд различных типов ультраправых отождествляют себя, идентифицируют или мимикрируют под белых националистов. Региональные движения могут иметь совершенно разные приоритеты и острые проблемы, но в то же время разделяют основные идеи белых националистов. Угроза со стороны ультраправых сообществ ежегодно возрастает во всем мире, примеры тому теракты в Италии (Болонья, 1980), Великобритании (Лондон, 1999), Германии (Кельн, 2004), России (Москва, 2006), Норвегии (Осло, 2011), Новой Зеландии (Крайстчерч, 2019) и особенно в США [7], где число инцидентов, совершенных доморощенными сторонниками белого превосходства, в 2018 г. увеличилось на 182%: в 2017 г. совершен 421 инцидент, в 2018 г. – 1 187 инцидентов [8]. Угрозу ультраправого терроризма отмечает в своем докладе за 2018 г. Международный центр по изучению радикализации (ICSR) «ISIS поглотил львиную долю правоприменительных и разведывательных ресурсов, в результате чего сильно ослаблено внимание к ультраправым экстремистским группам, которые развиваются и мобилизуются по всей Европе» [9].

Рост инцидентов совершенных «одинокими акторами», или, как их еще называют, «одинокими волками», напрямую связан с процессом использования массовых коммуникаций для побуждения случайных субъектов к проведению насильственных или террористических актов, которые являются статистически предсказуемыми, но индивидуально непредсказуемыми. Феномен такого рода насильственных инцидентов, совершенных одиночками, получил качественное определение «стохастический терроризм» [10]. На практике «эффект подражания» для «одиноких волков», совершающих массовые убийства и другие насильственные действия, используется таким образом, чтобы преднамеренно разжигать насилие одинокого актора. «Самые восприимчивые люди легко раскачиваются от ненавистной риторики и часто ищут легитимность и чувство уверенности в своих насильственных действиях» [11]. Рассматривать такого рода насилие как изолированные инциденты, совершенные «одинокими волками» или растревоженными людьми, вместо того чтобы признать их проявлением идеологии геноцида, основанной на расизме и белом национализме, – это потеря возможности сосредоточить внимание общественности и правоохранительных органов на проблеме [12].

Политическая радикализация, ведущая к насилию, не происходит в вакууме. Современные информационные технологии дают возможность потребителям информации выбирать совершенно разные идеологические модели, транслировать заданные ими версии «реальности». Группы ультраправого толка применяют различные таргетинговые технологии для продвижения своих целей и осуществляют радикализацию онлайн. Отслеживание наличия такого контента в социальных сетях в реальном времени важно для аналитиков безопасности.

Термин «аналитика в социальных сетях» привлек большое внимание исследователей лет десять назад и интерпретируется как «междисциплинарная исследовательская область, которая направлена на объединение, расширение и адаптацию методов анализа данных социальных медиа» [13]. Анализ содержания социальных медиа, так же как и методы сбора, анализа контента, эволюционировал в последние несколько лет. Исследования деструктивного

контента, при помощи которого продвигаются радикальные идеи, являются примером области, в которой социальные медиаданные оказывают огромное влияние. Собранные данные социальных сетей могут быть проанализированы с целью изучения «цифровых следов», поведения пользователей социальных сетей, мотивации и технологий продвижения ультрарадикального контента, составления профилей радикалов или групп, в которых формируются экстремистские взгляды. Для исследований такого рода необходим инструментарий, создаваемый на основе моделей и методов искусственного интеллекта. Значимость программных алгоритмов, позволяющих с высокой скоростью диагностировать различного рода угрозы в информационном пространстве, имеет не просто актуальное значение, а является насущной необходимостью в целях сохранения общества. Создание новых технологий для выявления экстремистских сообществ в социальных медиа возможно в междисциплинарных исследовательских командах, состоящих из социологов, специалистов computer science, лингвистов, психологов, криминологов. В качестве основы для создания программных алгоритмов используются следующие функциональные признаки:

– «фоновые характеристики» – социометрические характеристики, условия, среда, события жизненного цикла, социальные связи, которые могут способствовать формированию насильственных убеждений, и другие характеристики; в целом – маркеры и уровень радикализации;

– «фоновая аналитика» – мобилизационные факторы для совершения экстремистских, террористических действий; повод для недовольства; выявление различных типов влияния, подражания и вдохновения; субтипы преступников, как уже осужденных, так и тех, кто под подозрением.

Всесторонний анализ современного состояния исследовательского поля, изучение пробелов в исследованиях, направлений и методов позволил выделить ряд ключевых проблем (табл. 1).

Таблица 1. Ключевые проблемы по созданию исследовательских инструментов для выявления экстремистских сообществ в социальных медиа

Проблема	Описание
Дефицит данных	Узко очерченный предметный спектр создает исследовательские лакуны, где имеется дефицит данных, либо они слабы или их нет совсем, строгие методы отсутствуют, а результаты не связаны с теоретическими рамками
Ограниченная выборка данных	Ограничения по выборке (к примеру, только на религиозных радикалах), ограничения в переменных (т.е., изучение только тех людей, которые успешно совершили насильственные действия), чтобы объяснить процесс радикализации
Применение индуктивных методов	Большинство исследований основано на индуктивных методах, которые используются для выявления коррелятов преступного поведения, создания универсального профиля террориста и предположения, что существует единый путь радикализации. Но реальность нарастающего количества неспрогнозированных инцидентов террористической направленности и всплеска насильственного экстремизма, по сути, опровергает эффективность данного подхода
Качество формализации переменных	Проблема качества формализации связана с кодированием исходных данных, составлением словаря триггерных слов под решаемые задачи и точностью установления корреляционной зависимости между значениями различных параметров
Автоматическая идентификация онлайн-радикализации	Динамическая природа социальных сетей, пользовательские соглашения создают ограничения по сбору, идентификация такого контента, поиску пользователей и прогнозированию событий. Поиск по ключевым словам в большинстве случаев нецелесообразен

Проблема	Описание
Объем контента	Затрудняет аналитикам обнаружение такого контента вручную, поиск общих закономерностей и тенденций в данных, что ведет к неточностям / ошибкам в создании формализованных переменных
Визуализация данных и взаимодействий между пользователями, загружающими деструктивный контент	Ручная проверка и маркирование на основе ключевых слов увеличивает количество ложных срабатываний и снижает эффективность предлагаемых подходов
«Мусорный» контент	Пользовательские данные содержат «шум», т.е. неправильную грамматику, слова с ошибками, интернет-сленг, аббревиатуры, текст, содержащий многоязычный текст, неформальные языковые выражения и т.п. Наличие некачественных метаданных увеличивает сложности и технические проблемы для сбора данных и лингвистического анализа
Фильтрация контента	Мимикрирование названий для видео / аудио под благонадежные. Названия и описание видео / аудио не содержат никаких подозрительных терминов, но в то же время видео имеет контент, связанный с продвижением насилия, разжиганием ненависти
Распознавание «именованных объектов»	Трудность распознавания «именованных объектов» при отсутствии проработанных словарей по конкретным ультрарадикальным сообществам, включающих даты, события, ники, прозвища, культовых персонажей, книги, фильмы и др.
Пространственно-временное прогнозирование	Пространственно-временная информация, присутствующая в контенте, чрезвычайно важна для оперативного прогнозирования событий. Вычислительная точность результатов напрямую зависит от качества формализации метаданных

Подходы, связанные с созданием инструментов для выявления экстремистских сообществ в социальных медиа, мы классифицировали по следующим категориям: автономный, аддитивный, гибридный, многоуровневый (табл. 2). Ключевые характеристики технологий: информация из открытых источников, применение группы методов Web-mining (извлечение и уточнение знаний о людях, сообществах, структурах, системах, организациях, событиях, их взаимосвязях и взаимном влиянии), автоматический и полуавтоматический сбор данных, модели машинного обучения (ML), установленные правила кодирования, формализованные переменные «фоновых характеристик» и «фоновой аналитики».

Таблица 2. Классификация подходов по созданию инструментов для выявления экстремистских сообществ в социальных медиа

Категория	Описание	Слабые стороны	Сильные стороны
Автономный	Лингвистические маркеры для автоматизированного анализа текста: словари триггерных слов, имеющих отношение к пропаганде / продвижению / оправданию насильственных действий; речевые клише для выявления социальных, психологических и личностных процессов	Сложность однозначной интерпретации триггерных слов, вероятностный набор языковых маркеров для определения речевых шаблонов, «информационный шум»	При постоянном совершенствовании вычислительной лингвистики данный подход может использоваться для идентификации авторов анонимных блогов, сообщений и в качестве подтверждающих доказательств радикализации
Аддитивный	Поведенческие траектории, ролевые модели, контрафактное отклонение, психологические и биологические механизмы насильственного экстремизма и психологии предубеждения	Дефицит данных, либо они слабы или их нет совсем, строгие методы отсутствуют, зачастую невозможно подобрать критерии для измерений, опора на нейронаучные исследования	Основательная теоретическая база, успешные попытки типологизации и классификации моделей поведения, траекторий; доказанная эффективность использования метода case study для формализации качественных данных

Окончание табл. 2

Категория	Описание	Слабые стороны	Сильные стороны
Гибридный	Типология социальных связей, поведенческие, эмоциональные, операциональные и личностные механизмы радикализации, выявление внешних факторов влияния в онлайн-радикализации	Вероятностный характер выявленных причинно-следственных механизмов вследствие пробелов в исходных данных; требуется многократное эмпирическое тестирование	Возможность определять важные структурные и реляционные изменения и тенденции внутри и между сетями, образованными ультрарадикальными сообществами, в перспективе прогнозировать терминальную стадию планирования инцидента, выбор цели, соответственно, скоординировать усилия по его пресечению
Многоуровневый	Комплексная оценка рисков роста насильственного экстремизма; корреляция переменных микро-, макро- и мезоуровня; построение структуры сетевых кластеров для атрибутов (организационная иерархия, сетевая сплоченность, идеологическая платформа и др.; прогнозирование поведенческих траекторий; геопространственные, временные компоненты и др.)	Возможность реализации только при наличии постоянно обновляемых баз данных; ограничения доступа к полным данным для академических исследователей	Перспектива преодолеть проблему «объяснительной пропасти» в части радикализации: почему только некоторые люди из числа тех, кто находится в одинаковых условиях, переходят к насильственным действиям. Социально-топологическая картина структурной, реляционной, социальной индивидуальной и групповой динамики мобилизации на насилие; проследить изменения масштаба и характера социальных и вспомогательных связей радикалов; понимание уязвимостей индивидуальных акторов, структуры и моделей отношений, которые они формируют в онлайн-среде

Реализуемые на сегодняшний момент подходы зачастую обладают низкой селективностью и для решения узкоспециализированных задач не дают эффективных результатов. Альтернативой является способ обнаружения целевой группы по характерному изменению активности группы в «окрестности» ключевых событий. Например, активность сторонников ультраправых движений в социальной сети ВКонтакте значительно увеличивается в окрестности «29.04», которая означает «день рождения 29.04.1999» – день, знаковый для такого рода сообществ, поскольку связан с конкретным персонажем, неонацистом, совершившим инцидент в Хабаровске. В качестве базовых характеристик мы рассматриваем меру активности пользователей, т.е. совокупность таких показателей, как количество постов на стене сообщества, комментариев, лайков, просмотров и других показателей в единицу времени. Таким образом, по изменению активности группы в «окрестности» ключевых событий можно судить о принадлежности этой группы к тому или иному ультрарадикальному сообществу. Очевидно, что для надежной идентификации группы необходимо зафиксировать подъем, высокий уровень и спад активности в группе, причем в разные даты (представляющие календарь ключевых событий). В настоящее время коллектив авторов проводит тестирование инструмента, разработанного на основе предлагаемого метода, обозначенного как календарно-корреляционный анализ (ККА).

В завершение подчеркнем, что создание эффективных технологий выявления экстремистских сообществ в социальных медиа для сдерживания онлайн-радикализации, прогнозирования инцидентов возможно. Основа – адаптация прошлых статических типологий, корреляция с использованием методов социальной науки, предназначенных для решения сложных процессов (социальной топологии) и компьютерных наук. Это задача с вызовом, но растущие мощности вычислительной техники и изобретательность ученых в области computer science делают эту задачу решаемой.

Литература

1. Карпова А.Ю. Механизмы индивидуальной радикализации в процессе самоорганизации молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики : сб. / под ред. С.В. Рязанцева, Т.К. Ростовской. М., 2019. С. 69–81. (Демография. Социология. Экономика).
2. О противодействии экстремистской деятельности : Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (дата обращения: 15.07.2019).
3. О противодействии терроризму : Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 31.12.2014). URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-6-marta-2006-g-n-35-fz-o.html> (дата обращения: 15.07.2019).
4. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы. URL: <blob:http://nac.gov.ru/ead1093d-f2e1-46c5-b059-0b9cc15645a9> (дата обращения: 15.07.2019).
5. Borum R. Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories // Journal of Strategic Security. 2011. Vol. 4, № 4. P. 7–36.
6. Lewis R. Alternative ENDNOTES Influence: Broadcasting the Reactionary Right on YouTube : Report // Data & Society’s Media Manipulation research initiative. 2018. URL: <https://datasociety.net/research/media-manipulation> (accessed: 16.07.2019).
7. Fact Sheet. START. Far Right Fatal Ideological Violence Against Religious Targets 1990–2018. URL: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf (accessed: 16.07.2019).
8. Антидиффамационная лига. White Supremacists Step Up Off-Campus Propaganda Efforts in 2018. URL: <https://www.adl.org/resources/reports/white-supremacists-step-up-off-campus-propaganda-efforts-in-2018> (accessed: 11.06.2019).
9. ICSR. The Cost of Crying Victory: Policy Implications of the Islamic State’s Territorial Collapse. 2018. URL: https://icsr.info/wp-content/uploads/2019/01/ICSR-ICCT-Feature_The-Cost-of-Crying-Victory-Policy-Implications-of-the-Islamic-State%E2%80%99s-Territorial-Collapse.pdf (accessed: 19.06.2019).
10. Stochastic Terrorism: Part 1, triggering the shooters. 2011. Jan. 26. URL: <http://stochasticterrorism.blogspot.com/> (accessed: 25.06.2019).
11. Bruinius H., O’Carroll E. ‘Lone wolves’ and the rhetoric that fuels them // The Christian Science Monitor. 2018. Oct. 29. URL: <https://www.csmonitor.com/USA/Society/2018/1029/Lone-wolves-and-the-rhetoric-that-fuels-them> (accessed: 18.06.2019).
12. Beutel A. The New Zealand Terrorist’s Manifesto: a look at some of the key narratives, beliefs and tropes. 2019. Apr. 30. URL: <https://www.start.umd.edu/news/new-zealand-terrorists-manifesto-look-some-key-narratives-beliefs-and-tropes> (accessed: 16.07.2019).
13. Zeng D., Chen H., Lusch R. Social Media Analytics and Intelligence // Intelligent Systems, IEEE. 2011. Vol. 25 (6). P. 13–16. DOI: 10.1109/MIS.2010.151.

Anna Yu. Karpova, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: belts@tpu.ru

Aleksey O. Savelev, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: sava@tpu.ru

Aleksandr D. Vilnin, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: vilninad@tpu.ru

Denis V. Chaykovskiy, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: dnvit@tpu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 138–146.

DOI: 10.17223/1998863X/52/14

NEW TECHNOLOGIES TO IDENTIFY ALT-RIGHT EXTREMIST COMMUNITIES IN SOCIAL MEDIA

Keywords: online radicalization; hate and extremism; terrorism; social media analytics; web mining; event forecasting.

The article makes an analytical review of approaches to creating ultra-radical communities identifying tools for social media. The formulation of the radicalization process, as a transition from non-violent forms of expression to violent actions, is indicated. Radicals should be seen as committed to decisive action, which may not be extreme. Extremists should be considered as supporters of using extreme means to achieve their goals, even if it is possible to achieve the goal legally, without using violence. Terrorists are those who use ideologically motivated violence. The measure of the legal assessment of the actions of each category is the assessment of the level of danger of the methods they use for society and the state. The prefix “ultra” means that the radicals accept the idea that violence is necessary to advance an ideological goal. They justify, propagandize this idea, express readiness to proceed to violent actions, and also undertake a moral obligation in defense of groups that promote this idea. Key characteristics and ideological platforms of ultra-right extremist communities, threats and risks of online radicalization are described. The fundamental idea of ultra-right communities is the belief in the superiority of some individuals and groups and the inferiority of others. It emphasizes the importance of software algorithms that allow diagnosing various kinds of threats in the information space with high speed. Creation of new technologies for the identification of extremist communities in social media is possible in interdisciplinary research teams consisting of sociologists, computer science specialists, linguists, psychologists, criminologists. The “background characteristics” and “background analytics” are used as the basis for creating software algorithms. Problems with the creation of research tools and services are indicated, the authors’ classification and description of the strengths and weaknesses of approaches to create tools for identifying extremist communities are given. The following categories are indicated: autonomous, additive, hybrid, multi-level. A description of the authors’ method of calendar-correlation analysis is proposed for detecting the target ultra-radical group on the characteristic change in the group’s activity in the “neighborhood” of key events. Currently, the team of authors is testing the prototype.

References

1. Karpova, A.Yu. (2019) Mekhanizmy individual'noy radikalizatsii v protsesse samoorganizatsii molodezhi [The mechanisms of individual radicalization in the process of youth self-organization]. In: Ryazantsev, S.V. & Rostovskaya, T.K. (eds) *Molodezh' i molodezhnaya politika: novye smysly i praktiki* [Youth and youth policy: new meanings and practices]. Moscow: RAS. pp. 69–81.
2. The Russian Federation. (2002) Federal Law No. 114-FZ of the Russian Federation of July 25, 2002, (as amended on November 23, 2015) “On counteraction to extremism”. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37867/ (Accessed: 15th July 2019).
3. The Russian Federation. (2006) Federal Law N 35-FZ of March 6, 2006 (as amended on December 31, 2014) “On Countering Terrorism”. [Online] Available from: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/zakony/federalnyy-zakon-ot-6-marta-2006-g-n-35-fz-o.html> (Accessed: 15th July 2019). (In Russian).
4. The Russian Federation. (n.d.) *Kompleksnyy plan protivodeystviya ideologii terrorizma v Rossiyskoy Federatsii na 2019-2023 gody* [A comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023]. [Online] Available from: <blob:http://nac.gov.ru/ead1093df2e1-46c5-b059-0b9cc15645a9> (Accessed: 15th July 2019).
5. Borum, R. (2011) Radicalization into Violent Extremism I: A Review of Social Science Theories. *Journal of Strategic Security*. 4(4). pp. 7–36. DOI: 10.5038/1944-0472.4.4.1
6. Lewis, R. (n.d.) *Alternative ENDNOTES Influence: Broadcasting the Reactionary Right on YouTube*. Report. Data & Society’s Media Manipulation research initiative. Published September 18, 2018. [Online] Available from: <https://datasociety.net/research/media-manipulation> (Accessed: 16th July 2019).
7. National Consortium of the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. (n.d.) *Fact Sheet. START. Far Right Fatal Ideological Violence Against Religious Targets 1990–2018*. [Online] Availa-

ble from: https://www.start.umd.edu/pubs/START_ECDB_FarRightFatalIdeologicalViolenceAgainstReligiousTargets1990-2018_Oct2018.pdf (Accessed: 16th July 2019).

8. Anti-Defamation League. (2018) *White Supremacists Step Up Off-Campus Propaganda Efforts in 2018*. [Online] Available from: <https://www.adl.org/resources/reports/white-supremacists-step-up-off-campus-propaganda-efforts-in-2018> (Accessed: 11th June 2019).

9. ICSR. (2018) *The Cost of Crying Victory: Policy Implications of the Islamic State's Territorial Collapse*. [Online] Available from: https://icsr.info/wp-content/uploads/2019/01/ICSR-ICCT-Feature_The-Cost-of-Crying-Victory-Policy-Implications-of-the-Islamic-State%E2%80%99s-Territorial-Collapse.pdf (Accessed: 19th June 2019).

10. Stochastic Terrorism. (2011) *Stochastic Terrorism: Part 1, triggering the shooters. January 26, 2011*. [Online] Available from: <http://stochasticterrorism.blogspot.com/> (Accessed: 25th June 2019).

11. Bruinius, H. & O'Carroll, E. (2018) 'Lone wolves' and the rhetoric that fuels them. *The Christian Science Monitor*. 29th October. [Online] Available from: <https://www.csmonitor.com/USA/Society/2018/1029/Lone-wolves-and-the-rhetoric-that-fuels-them> (Accessed: 18th June 2019).

12. Beutel, A. (2019) *The New Zealand Terrorist's Manifesto: A look at some of the key narratives, beliefs and tropes*. 30th April. [Online] Available from: <https://www.start.umd.edu/news/new-zealand-terrorists-manifesto-look-some-key-narratives-beliefs-and-tropes> (Accessed: 16th July 2019).

13. Zeng, D., Chen, H. & Lusch, R. (2011) Social Media Analytics and Intelligence. *Intelligent Systems, IEEE*. 25(6). pp.13–16. DOI: 10.1109/MIS.2010.151

УДК 316.776

DOI: 10.17223/1998863X/52/15

И.В. Кулагина, А.О. Исхакова, Р.Р. Галин

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРАКТИК АГРЕССИИ В СОЦИО-КИБЕРФИЗИЧЕСКОЙ СРЕДЕ¹

Современное информационное общество обладает возможностью не только выстраивать новые формы коммуникации и формировать пространство для социальных отношений с помощью новейших средств и технологий связи, но и потенцировать ряд социально-психологических эффектов, например агрессивное поведение, психологическое давление, формирование деструктивных групп. В статье изучены явления агрессии в социо-киберфизической среде и их влияние на индивидуальное и групповое сознание пользователей для разработки и создания единой социо-киберфизической системы управления данными процессами.

Ключевые слова: интернет-контент, информационное общество, социальные сети, социо-киберфизическая система, социо-киберфизическая среда, психологическое давление, агрессия, коммуникация.

Агрессия и современная социо-киберфизическая среда

Одной из задач современного информационного общества является стремление развивать межличностную и массовую коммуникацию, обогатив их новейшими технологиями передачи данных и сформировав для этого новую социо-киберфизическую среду. В процессе развития информационных технологий предполагалось, что их усовершенствование расширит возможности и цели коммуникации, осуществляемой с помощью этих технологий, обеспечит новый уровень качества социальных отношений, ускорит обмен информацией. Однако современные исследователи далеки от однозначной трактовки происходящих изменений в силу ряда причин.

Н. Луман считает важнейшими условиями коммуникации видение, слушание, чтение, т.е. наличие принимающей стороны – личности, которая превращает передачу сообщения в коммуникативный процесс с неким результатом [1. С. 12]. В этом процессе индивидуальное сознание первично по отношению к массовому, а восприятие и осмысление – по отношению к дальнейшему массовому социальному действию или общественному мнению. Однако уже в середине XX в. массовая коммуникация обнаруживала специфические черты: происходили рост информированности индивидов и параллельно увеличение их пассивности, отрыв от процессов принятия решения, реальных социальных действий [2].

Описанная в «Диалектике Просвещения» Т. Адорно и М. Хоркхаймером «ложная идентичность всеобщего и особенного» [3. С. 150] принесла личность в жертву индустрии культуры. Псевдолиберальный характер развития

¹ Исследование выполнено при частичной финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-22104.

современной коммуникативной среды продолжает делать массовую коммуникацию все менее зависимой от личности, все более детерминированной теми источниками и средствами, которыми производится сообщение, теми способами кодирования и интерпретации, которые задаются извне без встречной потребности. Это порождает противоречие, связанное с полномасштабным развитием массовой коммуникации, ростом значения в ней социальных потребностей и ценностей и снижением роли личности и индивидуальности в коммуникативной практике. В условиях этой «массовизации» сознания и культуры меняется и поведение личности [4. С. 85].

Возможно, в этом кроется и причина формирования в процессе электронной коммуникации специфических ниш, не связанных с передачей социально важной, культурно или интеллектуально развивающей информации. Эти ниши используются для демонстрации различных проявлений психологических потребностей личности, подавление которых в реальной и массовой коммуникации происходит сильнее всего, – агрессии и давления на участников коммуникации для защиты или отстаивания собственной автономии, превосходства. Философский смысл современной агрессии может быть усмотрен в попытке личности вернуть какую-то часть ее биологической природы, раз сама реальность личности уже ставится под вопрос в постмодернистской системе симулякров, возникающих и удерживающихся средствами электронной коммуникации.

Природа агрессии детально рассмотрена в социальной психологии и определяется как форма поведения, способствующего выживанию и адаптации индивида к миру [5], либо как фундаментальное свойство психических процессов, протекающих в форме противостояния инстинктов [6], либо как способ компенсации потребности в превосходстве над другими [7].

Агрессия (от лат. *aggressio* – нападение) – мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам (правилам) сосуществования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.) [8].

Психологическое давление – процессуальная характеристика отдельных форм социального взаимодействия, имеющая относительный характер и определяющая степень манипулирования индивидуальным и массовым сознанием и поведением. В современной психологической и социологической теории нет однозначного определения данного понятия [9].

Являясь атрибутом межличностной коммуникации, агрессия не просто автоматически переносится личностью в новую форму электронной коммуникации. Анализируя последние события социальной жизни – ведение информационных войн, осуществление актов массового насилия над обычными гражданами, терроризм, появление манипулирующих сознанием подростков деструктивных сообществ и пр., – мы приходим к выводу, что меняется сущность агрессии.

Отталкиваясь от эволюционно-генетического подхода, можно предположить, что с развитием общества практика агрессивного поведения должна была постепенно утратить свою актуальность в условиях отсутствия внутривидовой борьбы или подавления инстинктов в условиях защищенности.

В макросоциальном отношении сдерживание применения агрессии должно было произойти как результат серьезного развития военных технологий защиты и нападения, формирования мировых политических институтов для межкультурного и межгосударственного диалога. В современном обществе провозглашены гуманистические идеалы и сформирована устойчивая политика защиты и правовой поддержки граждан, произведена демократизация образования и других социальных институтов, формирующих личность. В то же время агрессия не только сохраняет свое присутствие, но и имеет тенденцию к развитию в масштабах своего применения. И этому способствует появление условий, поддерживающих необходимость и возможность проявления агрессии. Мы полагаем, что агрессия еще до осуществления коммуникации становится ее авансеной, условием, поскольку для нее технически отведено место, зарезервировано символическое поле, разработаны продукты «для применения» и заданы условия ее реализации [10].

Также в практике электронной коммуникации обнаруживается существование таких объектов агрессивного воздействия, достигнуть которых ранее в межличностной коммуникации не представлялось возможным в силу удаленности, недоступности для воздействия, или они вообще не существовали [11]. Поэтому возникает потребность в детальном исследовании и моделировании современных практик агрессии в электронной коммуникации.

Актуальность темы исследования также связана с формированием в информационном обществе *социо-киберфизических систем* – интеллектуальных систем управления, частью которых являются человек, его действия и знания, с одной стороны, а с другой – новая социальная действительность, в которой применяются современные информационные технологии коммуникации [12]. Существует острая потребность в управлении и контроле над явлениями социальной агрессии и психологического давления в новых формах социальной коммуникации, формализация проявлений этих феноменов становится актуальной задачей междисциплинарных исследований [13].

Моделирование социальных процессов в социо-киберфизической среде

Решение проблемы моделирования агрессии и создания программных средств ее сопровождения позволит в дальнейшем осуществлять управление воздействием на индивидуальное и массовое сознание. Саму возможность моделирования будем рассматривать, предполагая осуществимость формализации агрессии. Для этого обратимся к использованию системно-функционального подхода, рассматривая электронную коммуникацию в ее системном значении для общества, а агрессию – как явление, имеющее смысл и ценность для социального взаимодействия.

Основные методы, использованные при проведении исследования: метод фокус-групп, эксперимент, контент-анализ, моделирование.

Основной целью нашего комплекса исследований стала социологическая разработка оснований для моделирования агрессии в социо-киберфизической среде для дальнейшего создания технических средств диагностики и управления. Объектом исследования выступает социо-киберфизическая среда – место действия социо-киберфизических систем. Эта среда обуславливает возможности организации и появления эффектов

агрессии и давления, способствует созданию деструктивных эффектов в отношении индивидуального и массового сознания. Предметная сторона исследования затрагивает все структурно-функциональные аспекты проявлений агрессии, давления и других деструктивных феноменов в электронной коммуникации, в том числе социально-правовые, технологические стороны их существования [14].

Научная новизна исследования связана с необходимостью разработки модели процессов коммуникации в социо-киберфизической среде. Это предполагает теоретическое обобщение междисциплинарных подходов к анализу гипертекстового контента и формирование конкретных рекомендаций по обнаружению, распознаванию и управлению деструктивным воздействием в отношении индивидуального и массового сознания. В современных условиях эта задача позволит обнаружить баланс между использованием всех технологических возможностей для совершения электронной коммуникации и стихийным развитием социо-киберфизической среды в эпоху информационного общества. Автоматизация и управление развитием этой среды позволят, в первую очередь самой личности, достигать индивидуальных целей в электронной коммуникации в легитимной, нормативной и безопасной обстановке [15].

Такое моделирование требуется и в связи с невозможностью выстраивания систем управления и контроля без понимания механизмов запуска и разворачивания агрессии в электронной коммуникации.

В отношении современных особенностей социо-киберфизической среды можно предположить следующее.

Первичным источником осуществления агрессии или давления в виртуальной среде выступает личность, она же является и целью агрессии или давления, так как сами средства создания этих форм воздействия ориентированы на восприятие личностью и бессмысленны вне ее наличия.

Существуют различия между представлением личности в виртуальной среде и в реальности. Эти различия могут оказывать влияние на восприятие и оценку агрессии в процессе электронной коммуникации.

Пространство, в котором осуществляется электронная коммуникация, обладает набором средств для осуществления давления и формирования агрессии у субъектов социо-киберфизической среды.

Производя анализ соответствия между реальной личностью и личностью в виртуальной среде, мы преследовали цель обосновать связь между определением типа пользователя и восприятием его агрессивного или подавляющего поведения со стороны других пользователей сети.

Пользовательская практика – совокупность средств и наборов операций, программ, используемых для осуществления электронной коммуникации пользователем (индивидом или группой).

Общими характеристиками пользовательских практик будем считать:

- использование наборов средств и операций пользователя профиля;
- уровень активности / регулярности пользовательской деятельности;
- качество коммуникации с другими пользователями;
- широту охвата коммуникации.

В связи со сложностью и ориентированностью на индивидуальное восприятие объекта изучения мы прибегли к проведению качественного исследова-

дования на основе метода фокус-групп. В фокус-группе приняли участие 11 участников электронной коммуникации¹.

Пользовательские практики были распределены для изучения в 4 категории с использованием шкалы «экспертность – типичность» (рис. 1):

– экспертные практики (Э) – относительно полно использующие наборы средств и операций пользователя профиля, ведущие низкую или умеренную пользовательскую деятельность, имеющие неформальную коммуникативную связь с другими пользователями, но обладающие уникальными чертами, характеристиками, указывающими на индивидуальность профиля, узкой или ограниченной пользовательской аудиторией;

– специфические практики (С) – достаточно полно использующие наборы средств и операций пользователя профиля, ведущие активную пользовательскую деятельность, с низкой или формальной коммуникативной связью с другими пользователями, широкой пользовательской аудиторией;

– нетипичные практики (Н) – наименее полно или нетипично использующие наборы средств и операций пользователя профиля, не ведущие (мертвый аккаунт) или практически не ведущие пользовательскую деятельность, с низкой или отсутствующей коммуникативной связью с другими пользователями, нулевой или небольшой пользовательской аудиторией;

– типичные практики (Т) – широко использующие наборы средств и операций пользователя профиля, ведущие активную пользовательскую деятельность, с достаточно плотной неформальной коммуникативной связью с другими пользователями, относительно широкой пользовательской аудиторией.

Рис. 1. Распределение пользовательских практик при формировании выборки

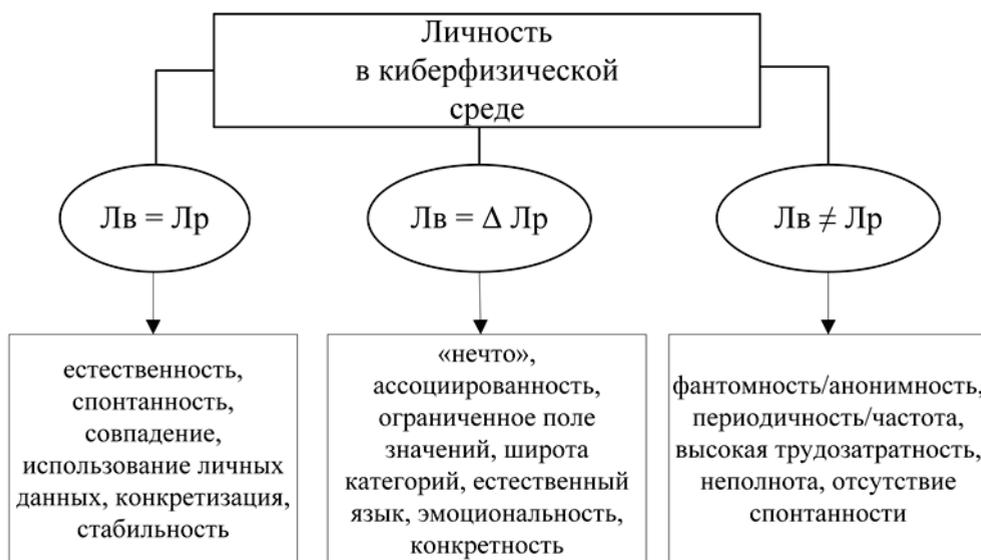
Одной из задач исследования было установление критериев соответствия реального и виртуального пользователя в различных типах пользовательских практик. Основания соответствия были получены в рамках рассмотрения

¹ Фокус-группа включала в себя 11 участников и одного модератора. Выборка осуществлялась на основании выполнения условий регулярного участия в электронной коммуникации в течение последних двух лет и по половозрастному критерию, значение которого связано с предположением о роли пола и возраста в интерпретации агрессии. Участники представлены 6 женщинами и 5 мужчинами в трех возрастных подгруппах: 18–28 лет, 29–39 лет, 40–50 лет.

профилей в выборке¹. Заключение о соответствии производилось при помощи выработанного в фокус-группе перечня признаков профилей.

Следует понимать, что установление достоверного соответствия личности и ее виртуальной копии, исходя из свойств ее пользовательского профиля, представляется проблематичным и лежит вне плоскости социологического исследования в области проверки соответствия IP-адресов и реальных данных пользователей, и т.п. Однако возможность моделирования в сознании участника электронной коммуникации связи реальной и виртуальной личности оценивалась положительно подавляющим большинством участников фокус-группы. Это моделирование возникает как результат обнаружения тех свойств пользовательского профиля, которые потенциально могут быть расценены как указывающие на возможное присутствие конкретной личности в процессе восприятия участниками коммуникации «другого». Категории, используемые в процессе моделирования, спонтанно выделялись самими участниками фокус-группы.

Результаты моделирования представлены на рис. 2.

Лв – личность виртуального пространства; Лр – реальная личность.

Рис. 2. Диаграмма представлений типов пользовательских профилей в сети Интернет и их соотношения с реальной личностью

Стала очевидной возможность соотнесения экспертных и типичных практик с пользовательскими практиками, осуществляемыми реальными личностями. В отношении специфических и нетипичных практик у участников фокус-группы возникала трудность в их отнесении к категории практик

¹ Выборка исследования профилей включала 32 пользовательских профиля, отобранных в наиболее популярных интернет-ресурсах – Instagram, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, Facebook, YouTube, предполагающих коммуникацию пользователей согласно выделенным условиям. Разработка выборки строилась на значимых свойствах исследуемого феномена по аналогии с моделью восьмиугольной выборки И.Е. Штейнберга [16]. Профили пользователей были рассмотрены как репрезентирующие типы пользовательских практик.

реальных пользователей, однозначное соотнесение с конкретной реальной личностью в пользовательской практике оставалось под вопросом или отрицалось.

Комплексное социологическое исследование форм агрессии и их связи с моделями пользователей должно было показать, насколько серьезным изменениям подвергается личность в социо-киберфизической среде. В реальной межличностной коммуникации индивид всегда выступает от своего имени, ему сложно скрыть свои индивидуальные свойства и характеристики. Электронная коммуникация позволяет личности преобразовывать свое представление для другого, скрываться, создавать новые формы существования, эмуляции реальной личности. Мы предполагали, что выявление соответствия текстовых сообщений с агрессивным значением и типа профиля пользователя позволит обнаружить значимость этих трансформаций. Предполагалось, что пользователи типа $L_v = L_r$ не будут демонстрировать агрессивность либо проявляют ее в компенсированных формах и в меньшей степени, чем пользователи типа $L_v \neq L_r$.

На первой стадии исследования анализу подверглись ранее выделенные профили 32 пользователей для определения оснований их оценки. Кластеризация производилась с учетом наиболее часто представляемых типов переменных для их концептуальной группировки. Основной задачей кластеризации было установление однозначных оснований для определения профиля типа $L_v \neq L_r$ в соответствии с гипотезой исследования о связи этого типа пользователя и агрессивного поведения в коммуникации. Мера связи основания с однозначным определением типа профиля не являлась предметом исследования.

Первоначально требовалось выделить основания и типы концептуальных групп. Далее участниками эксперимента¹ гипотетически моделировалось значение указанного основания для типа профиля и ставился знак наличия признака – «х». Затем, происходила проверка профиля в соответствии с указанными основаниями для отнесения к типу.

Основания для сопоставления типа профилей указаны в табл. 1–5. Знаком «х» отмечены основания, значение которых используется для определения соответствующего типа профиля большинством участников эксперимента.

Таблица 1. Основания сопоставления профилей в группе «Визуализация»

Основания	Тип профиля		
	$L_v = L_r$	$L_v = \Delta L_r$	$L_v \neq L_r$
Наличие фотографий пользователя (селфи)	х	х	
Количество селфи-фотографий пользователя (более 1)	х	х	
Метафоризация образа пользователя	х	х	х
Отсутствие аватара в профиле		х	х
Наличие указателей на других пользователей на фото	х	х	
Отметка пользователя на фото сторонними пользователями	х	х	
Наличие селфи-фото в исторической последовательности	х	х	
Использование бытовых селфи-фото	х	х	
Использование групповых фото вместо селфи	х	х	х

¹ В эксперименте приняли участие 11 участников первичной фокус-группы.

Таблица 2. Основания сопоставления профилей в группе «Социально-демографические характеристики»

Основание	Тип профиля		
	Лв = Лр	Лв = ΔЛр	Лв ≠ Лр
Идентификаторы личности, ФИО	х	х	х
Кличка / ник	х	х	х
Вероисповедание	х	х	х
Национальность	х	х	х
Пол	х	х	х
Возраст	х	х	х
Семейное положение	х	х	х
Работа / учеба	х	х	х

Таблица 3. Основания сопоставления профилей в группе «Социальные связи»

Основание	Тип профиля		
	Лв = Лр	Лв = ΔЛр	Лв ≠ Лр
Наличие друзей	х	х	х
Наличие подписчиков	х	х	х
Наличие подписок	х	х	х
Наличие подарков / поздравлений в чужой адрес	х	х	х
Наличие подарков / поздравлений в свой адрес	х	х	х
Наличие репостов / ретвитов чужих сообщений	х	х	х
Наличие комментариев пользователя	х	х	х

Таблица 4. Основания сопоставления профилей в группе «Увлечения / хобби»

Основание	Тип профиля		
	Лв = Лр	Лв = ΔЛр	Лв ≠ Лр
Указание на увлечение / хобби в профиле	х	х	х
Наличие фото, подтверждающих увлечения / хобби	х	х	х
Коммерческие предложения / реклама	х	х	

Таблица 5. Основания сопоставления профилей в группе «Локация»

Основание	Тип профиля		
	Лв = Лр	Лв = ΔЛр	Лв ≠ Лр
Указание мест учебы / работы	х	х	
Город проживания (реально существующий)	х	х	х
Город проживания (реально не существующий)	х	х	х
Географическая локация к фото	х	х	
Наличие городских групп в подписках профиля	х	х	х
Указание контактных данных	х	х	
Использование фото из банков фотографий	х	х	х

В ходе эксперимента была опровергнута гипотеза о важности групп оснований «Социальные связи» и «Социально-демографические характеристики» для идентификации типа профиля. При рассмотрении данных оснований не удалось однозначно отделить тип профиля Лв ≠ Лр от других. Это позволило сделать вывод о потребности личности практически всегда использовать в пространстве электронной коммуникации те свойства, на которые мы ориентированы, когда вступаем в межличностную коммуникацию: характеризующие человека признаки и указание на способность к коммуникации с другими.

Чем же объясняется применение различных форм демонстрации агрессии в социо-киберфизической среде? Попробуем ответить на этот вопрос, произведя анализ соответствия типа профиля пользователя и агрессивного контента.

Необходимость понимать социальное взаимодействие в социо-киберфизической реальности иначе, чем в социальной реальности, была продиктована целью социологического проекта. Мы предполагаем, что это может быть обусловлено:

- техническими условиями обеспечения коммуникации в киберфизической реальности, которые отличаются от условий непосредственной коммуникации наличием технических средств (агрессию могут порождать как сами технические условия организации коммуникации – плохой звук, изображение, подача текста и т.д., так и некорректное их использование коммуникаторами – спам, репосты, копипасты, повторы и заикленность и т.д.);

- спецификой моделирования коммуникации в киберфизической реальности (мы лишены привычных форм создания образа объекта – личность переведена в аудиовизуальный ряд, определена материалом дискурсивных практик в искусственно выделенных рамках для восприятия, задаваемых либо технически, либо идеологически, социокультурно и т.п.);

- появлением новых визуальных форм отклика в киберфизической реальности на происходящее в коммуникации (заменой эмоций на эмодзи, смайлы, gif-анимацию и т.д.)

Очевидно, что в практике определения связи между типом пользовательского профиля и формами агрессивного поведения необходимо следовать в обратном порядке. Первоначально следует задать условия для определения контента как агрессивного по своему характеру, а затем соотнести его с автором. Однако существует ограничение, связанное с возможностью применения данного метода сравнительного анализа. Оно возникает в связи с тем, что ряд практик, осуществляющих агрессивные модели поведения, лишен возможности идентификации. Так, например, в интернет-форумах часто существует возможность участия в групповых дискуссиях, демонстрации своего отношения без регистрации пользователя, в анонимной форме [17].

Обсуждение в фокус-группе содержания агрессивных высказываний позволило выделить два типа четко определяемого агрессивного контента: ненормативный и нормативный.

К ненормативному агрессивному контенту участниками фокус-группы были отнесены все виды контента с переходом на личности, использование ненормативной лексики, оскорблений, угроз, призывов к дискриминации по половому, этническому и другим признакам, проявление социальной ненависти и унижающих человеческое достоинство определений и визуализаций.

К нормативному агрессивному контенту были отнесены все виды контента с обращением к низкому уровню образования, социального положения, недостойного вида деятельности, обычно в саркастической форме, с использованием социально-приемлемых форм выражений, но в виде однозначного осуждения, констатации недостатков, культурных и образовательных изъянов адресата, демонстрация физического, интеллектуального или статусного превосходства, дистанцирование, формы игровой агрессии.

Исследование связи типов контента с типами профилей выявило определенную закономерность (рис. 3). Участникам фокус-группы было предложено

но найти в сетевых ресурсах Instagram, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, Facebook, YouTube высказывания, которые бы отвечали двум вышеуказанным типам контента. При этом должна была быть возможность соотнести высказывание с типом профиля автора. На диаграмме представлено распределение всего объема (100%) вариантов агрессивного контента по типам профилей и нормативности¹.

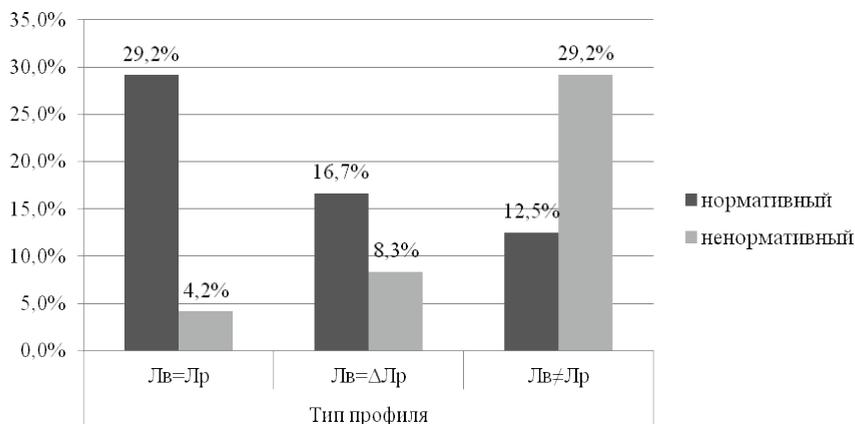

Рис. 3. Диаграмма распределения агрессивного контента по типам профилей пользователей

Диаграмма отражает обратную связь между частотой применения ненормативного и нормативного агрессивного контента и типом профиля. Чем больше связь с реальным пользователем демонстрирует пользовательский профиль, тем реже обнаруживается появление ненормативного типа контента в практике агрессивного поведения субъекта.

Таким образом, можно утверждать, что гипотеза о существовании различия в осуществлении форм агрессивного поведения в социальной реальности и социо-киберфизической среде практически подтверждена. Источником различий мы можем считать набор условий, операций и средств, которых нет у личности в реальной социальной коммуникации. Как видно из диаграммы, существует связь между типом профиля и выражением агрессивности. Это позволяет предположить, что источником ненормативной, маргинальной агрессии чаще выступают субъекты анонимные, действующие с закрытых или пустых профилей, подменяемые вымышленными характеристиками, лишённые индивидуальных свойств и условий для контакта с другими пользователями. Это может быть свидетельством как наличия социально-психологических проблем у личности, страха ответственности и пр., так и возникновения глубокой социальной проблемы разнесения статусов социальной коммуникации в реальности и виртуальном пространстве. Обращает на себя внимание популярность у современников именно электронной формы

¹ Выборка была представлена 24 агрессивными высказываниями, размещёнными в сетевых ресурсах Instagram, ВКонтакте, Twitter, Одноклассники, Facebook, YouTube, набранными стихийным методом равными долями по двум основаниям (тип агрессивного контента и наличие пользовательского профиля автора высказывания), подвергнута предварительной выбраковке при выявлении высказываний без автора либо с автором, тип личности которого невозможно было определить по свойствам профиля. Ограничение объема выборки производилось при помощи временного параметра поиска, ограниченного в эксперименте интервалом в 30 мин.

коммуникации, которая предполагает возможность выражения агрессии в том масштабе и формах, которые в реальном обществе культурно недопустимы, нелегитимны и маргинальны.

Заключение

Несмотря на сложность установления источников агрессии, четко определяется связь между видом агрессивного контента и типом профиля личности. Первичный вывод подтвердил гипотезу: давление или агрессия всегда ассоциируются с конкретным источником. Невозможность установления авторства, закрытость или безадресное состояние источника агрессии обращают отклик на нее в бессмысленный процесс. Поэтому дополнительным основанием для системного анализа манипуляций массовым и индивидуальным сознанием должны служить структурные характеристики пользовательских профилей.

Результаты исследования показали, что именно индивидуальное сознание служит целью манипуляций в рамках новых форм коммуникации в социо-киберфизической среде. В условиях электронной коммуникации обнаруживается пространство индивидуальных и коллективных целей, связанных с выбором агрессии как наиболее оптимальной и рациональной формы для их достижения либо связанных с агрессией ценностно-нормативных условий для ведения пользовательской практики. Это обеспечивается рядом факторов:

- наличием индивидуального сознания пользователя социо-киберфизической среды, психологических условий для восприятия новых форм коммуникации, что служит появлению, развитию и сохранению форм давления, агрессивности и других манипуляций;

- наличием, легкостью и доступностью текстовых, аудио- и визуальных средств демонстрации личного отношения в сети Интернет;

- анонимностью пользователей социо-киберфизической среды, повышением транзитивности (обратимости информации) в электронной коммуникации;

- наличием самого пространства «размещения» материалов, содержащих агрессию и психологическое давление на некоторый временной интервал (до модерации / удаления);

- демаргинализацией агрессивности и различных форм психологического давления в конкретных социальных ресурсах / группах;

- расширением трактовки агрессивности в связи с изменением социокультурных условий (общей культуры, социального состава, профессиональной культуры пользователей сети и т.д.).

Особенностью социальной коммуникации в современной социо-киберфизической среде является возможность трансформации восприятия агрессии и различных форм давления за счет невозможности идентифицировать пользователя средствами, доступными другим пользователям. Более половины участников фокус-группы подтвердили, что анонимная агрессия отражается на их восприятии иначе, признается менее актуальной, заметной, чем агрессия, исходящая от персонифицированного пользователя.

Одним из главных условий агрессии и психологического давления в сети Интернет выступают сама социо-киберфизическая среда, ее характеристики. Расширение способов и условий для проявления этих феноменов с помощью технических средств, с одной стороны, приводит к нейтрализации эффекта агрессии и давления как результату виртуализации реальных состояний и

перевода их в отношении «типа», «как бы» и т.п. В этом может воплощаться постнеклассическое представление о социо-киберфизической среде как самоорганизующейся и самостоятельно эволюционирующей [18]. Первоначальные цели применения агрессивного контента с течением времени смещаются в сторону использования его как типичного в ряде пользовательских практик.

С другой стороны, обнаруживается тенденция к расширению палитры проявлений агрессии за счет эффекта «присоединения» к группе в массовом сознании. Также происходит изменение характера и природы агрессии в силу снижения социальной ответственности в электронной коммуникации, доступности технологий оперирования массовым сознанием с использованием легких и удобных для восприятия средств, особенно аудиовизуальных.

Агрессивное поведение и психологическое давление в социо-киберфизической среде часто возникают как проявление популярной формы реагирования в виртуальной реальности. Как подчеркивали участники фокус-группы, природа агрессии коренится в самой новой «реальности», например в игровой ее форме – «увидел – убил», «убивать не страшно», «убей первым, или убьют тебя». Скорость отклика постепенно приобретает первостепенное значение, довлеет над формой, поэтому в развитии диалога или монолога агрессия может не отражать реальных чувств пользователей. А так же получать снятие либо, наоборот, усиление в форме раздражения, нарастающего в связи с отсутствием понимания, лояльности или других форм отношений внутри электронной коммуникативной среды [19].

Одним из условий управления процессами агрессии, давления и другими деструктивными явлениями в социо-киберфизической среде является формирование системно-структурного представления об объекте исследования. Текст не может быть рассмотрен в отрыве от источника – автора, пользователя, личности. Само сообщение может оказаться бессмысленным, проигнорированным или не воспринятым как агрессивное по целому ряду причин. Системное объединение источника с используемыми в рамках гипертекстового сообщения средствами и формами коммуникации позволяет учесть социальный эффект сообщения, его возможность быть воспринятым, поможет исследователю предвосхитить последствия манипуляции [20].

Выявленная связь между типом профиля и выражением агрессивности приводит к выводу о ее природе. Агрессия коренится уже не только в психическом состоянии индивидов при социальном взаимодействии. В современной электронной коммуникации обеспечена возможность избегать социальной ответственности за совершаемые действия, поскольку снижена оценка уровня социальной опасности форм агрессии, ослаблен контроль со стороны общества за проявлениями деструктивного поведения в электронной коммуникации. Правовое регулирование агрессии в электронной коммуникации затруднено условиями самой пользовательской практики.

Современное общество постепенно меняется за счет перехода коммуникативных процессов из реальности в виртуальное пространство электронной коммуникации. Изменяется характер межличностной коммуникации, теряется потребность в прямом взаимодействии, претерпевает изменения концепция личности в социо-киберфизической среде, расширяются определения личности в связи с ее параллельным существованием в различных видах социальных реальностей [21]. Моделирование социальных процессов в социо-

киберфизической среде служит основанием для дальнейшего развития технических средств диагностики и управления процессами электронной коммуникации с использованием методов математического анализа и социальных графов [22]. Такое моделирование позволит в дальнейшем отслеживать изменения в структуре и функциях современной коммуникации, а, значит, лучше понимать общество.

Литература

1. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М. : Праксис, 2005.
2. Lazarsfeld P., Merton R. Mass Communication, popular taste and organized social action // The Communication of Ideas / Bryson (ed.). New York : Harper and Brothers, 1948.
3. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецова. СПб. : Медиум, Ювента, 1997.
4. Чернов Г.Ю. Понятие массовизации: антропосоциокультурный подход // Вестник Челябинского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Культурология. 2012. Вып. 23, № 4 (258). С. 85–88.
5. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности // Психологический журнал. 1996. Т. 17, № 5. С. 3–3.
6. Фрейд З. Психология бессознательного. М. : СТД, 2006.
7. Адлер А. Понять природу человека. СПб. : Академический проект, 2000.
8. Большой психологический словарь. М. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003.
9. Тальцев А.Н. Феномен психологического давления как фактор социально-психологических явлений // Молодой ученый. 2012. № 10. С. 299–302. URL: <https://moluch.ru/archive/45/5455/> (дата обращения: 25.09.2019).
10. Donnerstein E. The media and aggression: From TV to the Internet // The Sydney Symposium of Social Psychology. 2011. Vol. 13: The psychology of social conflict and aggression. P. 267–284.
11. Mengü M., Mengü S. Violence and Social Media // Athens Journal of Mass Media and Communications. 2015. Vol. 1, is. 3. P. 211–228.
12. Зандкуль К., Смирнов А.В., Шилов Н.Г. Таргетированное предоставление информации на цифровых вывесках: возможные решения // Труды СПИИРАН. 2018. Вып. 1 (56). С. 5–33.
13. Исхакова А.О., Исхаков А.Ю., Меццержаков Р.В. Проблема формализации деструктивного влияния виртуальной среды пользователя в задаче детектирования вредоносного контента // Модели мышления и интеграция информационно-управляющих систем (ММИИУС – 2018, Нальчик-Терскол) : тр. 2-й Междунар. науч. конф. Нальчик–Терскол : Ред.-изд. отдел КБНЦ РАН, 2018. С. 43–48.
14. Казарин О.В., Охипкин В.П., Охипкина Е.П., Шаряпов Р.А. Социально-правовые и технологические аспекты проблемы выявления деструктивных информационных воздействий в сети Интернет // Вестник РГГУ. Сер. Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. 2017. № 3 (9). С. 132–147.
15. Исхакова А.О., Исхаков А.Ю., Меццержаков Р.В. Подход к автоматизированному выявлению материалов деструктивной направленности // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2018. № 6 (86), ч. II. С. 203–209.
16. Штейнберг И.Е. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиугольная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). 2014. № 38. С. 38–71.
17. Кундышева И.Р., Русецкая И.А. Инструменты и методы негативного информационного воздействия в социальных сетях // Информационная безопасность: вчера, сегодня, завтра : материалы междунар. науч.-практ. конф. Российский государственный гуманитарный университет. 2018. С. 13.
18. Кулагина И.В. О Необходимости парадигматического подхода в теории массовой коммуникации // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики : науч.-практ. журн. Сер. Познание. 2018. № 12. С. 57–60.
19. Гарин Е., Меццержаков Р. Модель управления социумом // Проблемы теории и практики управления. 2017. № 1. С. 105–121.
20. Гарин Е., Меццержаков Р. Реляционно-иерархический подход в мониторинге и прогнозировании социально-экономического состояния общества // Общество и экономика. 2016. № 8. С. 28–40.

21. Gao Fengqiang, Xu Jie, Ren Yueqiang, Han Lei. The Relationship Between Internet Addiction and Aggression: Multiple Mediating Effects of Life Events and Social Support // *Psychology Research*. 2016. Vol. 6, № 1. P. 42–49.

22. Garin E.V., Meshcheryakov R.V. Method for determination of the social graph orientation by the analysis of the vertices valence in the connectivity component // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Математика. Механика. Физика*. 2017. Т. 9, № 4. С. 5–12.

Irina V. Kulagina, Surgut State University (Surgut, Russian Federation).

E-mail: viva@ngs.ru

Anastasia O. Iskhakova, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: shumskaya.ao@gmail.com

Rinat R. Galin, V.A. Trapeznikov Institute of Control Sciences of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

E-mail: grr@ipu.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 147–161.

DOI: 10.17223/1998863X/52/15

MODELING THE PRACTICE OF AGGRESSION IN THE SOCIO-CYBER-PHYSICAL ENVIRONMENT

Keywords: Internet content; information society; social networks; socio-cyber-physical system; socio-cyber-physical environment; psychological pressure; aggression; pressure; communication.

The modern information society builds new forms of communication and forms a space for social relations with the help of the latest means and technologies of communication. This contributes to a number of social and psychological effects: formation of new forms of aggressive behavior, psychological pressure, creation of destructive groups, etc. The article discusses the task of modeling the phenomena of aggression in the socio-cyber-physical environment and studying their influence on the individual and group consciousness of users to develop the provision and creation of a socio-cyber-physical system for managing these processes. The simulation of aggression is required in connection with the need to build a system of control based on an understanding of the mechanisms of aggression launching in the electronic communication. The development of the model involves a theoretical generalization of cross-disciplinary approaches to the analysis of the content of the socio-cyber-physical environment and the formation of concrete recommendations for the detection, recognition and management of destructive effects to individual and mass consciousness. The study was carried out within the framework of a system-functional approach using methods of modeling, experiment, focus groups, content analysis. Electronic communication is considered in its systemic importance to society, and aggression is presented as a phenomenon of meaning and value for social interaction. The study created a classification of user types, established criteria for compliance of the real and virtual user in different types of user practices, established a link between the frequency of application of abnormal and normative aggressive content and the type of profile, identified grounds for the modeling of aggression practices. The results of the study show that it is individual consciousness that serves as the purpose of manipulation within the framework of new forms of communication in the socio-cyber-physical environment. Conclusions were drawn on the impact of technical conditions for communication in socio-cyber-physical reality on the formation of aggression and the high role of anonymity in the practice of aggressive behavior.

References

1. Luhmann, N. (2005) *Real'nost' massmedia* [The Reality of Mass Media]. Translated from German by A.Yu. Antonovsky. Moscow: Praxis.
2. Lazarsfeld, P. & Merton, R. (1948) Mass Communication, popular taste and organized social action. In: Bryson, L. (ed.) *The Communication of Ideas*. New York: Harper and Brothers.
3. Adorno, T. & Horkheimer, M. (1997) *Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of education. Philosophical fragments]. Translated from German by M. Kuznetsov. St. Petersburg: Medium, Yuventa.
4. Chernov, Yu. (2012) Ponyatie massovizatsii: antroposotsiokul'turnyy podkhod [The concept of massization: an anthroposociocultural approach]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filosofiya*, S. (2015) Violence and Social Media. *Athens Journal of Mass Media and Communications*. 1(3). pofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya. 4 (258). Vyp. 23, 2012. pp. 85–88.

5. Rean, A.A. (1996) Agressiya i agressivnost' lichnosti [Aggression and aggressiveness of personality]. *Psikhologicheskij zhurnal*. 17(5). pp. 3–3.
6. Freud, S. (2006) *Psikhologiya bessoznatel'nogo* [Psychology of the Unconscious]. Translated from German. Moscow: STD.
7. Adler, A. (2000) *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understanding the Human Nature]. Translated from German by E. Tsygina. St. Petersburg: Akademicheskij projekt.
8. Zinchenko, V.P. & Meshcheryakov, B.G. (2003) *Bol'shoy psikhologicheskij slovar'* [A Large Psychological Dictionary]. Moscow: Praym-EVROZNAK.
9. Taltsev, A.N. (2012) Fenomen psikhologicheskogo davleniya kak faktor sotsial'no-psikhologicheskikh yavleniy [The phenomenon of psychological pressure as a factor in socio-psychological phenomena]. *Molodoy uchemyy*. 10. pp. 299–302. [Online] Available from: <https://moluch.ru/archive/45/5455/> (Accessed: 25th September 2019).
10. Donnerstein, E. (2011) The media and aggression: From TV to the Internet. *The Sydney Symposium of Social Psychology*. 13. pp. 267–284. DOI: 10.1111/1467-9280.00366
11. Mengü, M. & Menp. 211–228. DOI: 10.30958/ajmmc.1-3-
12. Sandkul, K., Smirnov, A.V. & Shilov, N.G. (2018) Knowledge Management in Production Networks: Classification of Knowledge Reuse Techniques. *Trudy SPIIRAN – SPIIRAS Proceedings*. 1(56). pp. 5–33. (In Russian). DOI: 10.15622/sp.56.1
13. Iskhakova, A.O., Iskhakov, A.Yu. & Meshcheryakov, R.V. (2018) [The problem of formalizing the destructive influence of the user's virtual environment in the problem of detecting malicious content]. *Modeli myshleniya i integratsiya informatsionno-upravlyayushchikh system* [Thinking Models and the Integration of Information Management Systems]. Proc. of the Second International Conference. Nalchik; Terskol: RAS. pp. 43–48. (In Russian).
14. Kazarin, O.V., Okhapkin, V.P., Okhapkina, E.P. & Sharyapov, R.A. (2017) Sotsial'no-pravovye i tekhnologicheskie aspekty problemy vyyavleniya destruktivnykh informatsionnykh vozdeystviy v seti internet [Socio-legal and technological aspects of the problem of identifying destructive information impacts on the Internet]. *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arkhivovedenie. Informatika. Zashchita informatsii i informatsionnaya bezopasnost'*. 3(9). pp. 132–147.
15. Iskhakova, A.O., Iskhakov, A.Yu. & Meshcheryakov, R.V. (2018) Podkhod k avtomatizirovannomu vyyavleniyu materialov destruktivnoy napravlenosti [An approach to the automated identification of materials of a destructive orientation]. *Izvestiya Kabardino-Balkarskogo nauchnogo tsentra RAN*. 6(86). pp. 203–209.
16. Steinberg, I.E. (2014) A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie (4M) – Sociology: methodology, methods, mathematical modeling (4M)*. 38. pp. 38–71. (In Russian).
17. Kundsheva, I.R. & Rusetskaya, I.A. (2019) Instrumenty i metody negativnogo informatsionnogo vozdeystviya v sotsial'nykh setyakh [Tools and methods of negative information impact in social networks]. In: Arutyunov, V.V. (ed.) *Informatsionnaya bezopasnost': vchera, segodnya, zavtra* [Information Security: Yesterday, Today, Tomorrow]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 13.
18. Kulagina, I.V. (2018) O neobkhodimosti paradigmatskogo podkhoda v teorii massovoy kommunikatsii [On the Need for a Paradigmatic Approach in the Theory of Mass Communication]. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki – Modern Science: Actual Problems of Theory And Practice*. 12. pp. 57–60.
19. Garin, E. & Meshcheryakov, R. (2017) Model' upravleniya sotsiumom [The model of social management]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya – International Journal of Management Theory and Practice*. 1. pp. 105–121.
20. Garin, E. & Meshcheryakov, R. (2016) Relational- hierarchical approach to monitoring and forecasting of social economic condition of the community. *Obshchestvo i ekonomika – Society and Economy*. 8. pp. 28–40.
21. Gao Fengqiang, Xu Jie, Ren Yueqiang & Han Lei. (2016) The Relationship Between Internet Addiction and Aggression: Multiple Mediating Effects of Life Events and Social Support. *Psychology Research*. 6(1). pp. 42–49. DOI: 10.17265/2159-5542/2016.01.005
22. Garin, E.V. & Meshcheryakov, R.V. (2017) Method for determination of the social graph orientation by the analysis of the vertices valence in the connectivity component. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Matematika. Mekhanika. Fizika – Bulletin of the South Ural State University. Mathematics. Mechanics. Physics*. 9(4). pp. 5–12. (In Russian). DOI: 10.14529/mmph170401

УДК 316.4, 355.01

DOI: 10.17223/1998863X/52/16

А.Б. Рахманов

ЛОЯЛЬНОСТЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ЕЕ ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ: РУССКО-ЯПОНСКАЯ И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНЫ

Ставится проблема исследования лояльности вооруженных сил страны своему государству. На основе анализа эмпирического материала, касающегося боевых потерь Российской императорской армии в ходе русско-японской и Первой мировой войн, выявляется, что разные категории ее личного состава демонстрировали разный уровень лояльности по отношению к Российской империи. Эти различия были обусловлены социальным происхождением солдат и офицеров, а также спецификой рода войск.

Ключевые слова: лояльность вооруженных сил, Российская императорская армия, русско-японская война, Первая мировая война, Макс Вебер, гностицизм.

Теоретико-методологические основы исследования лояльности вооруженных сил

Выдающийся немецкий социальный теоретик Макс Вебер в своем главном труде «Хозяйство и общество», разрабатывая концепцию легитимного господства, определяет тесно связанные друг с другом понятия власти и господства следующим образом: «Власть означает всякий шанс осуществить свою волю внутри социального отношения даже и в случае сопротивления, независимо от того, на чем основан этот шанс. Господством должен называться шанс добиться повиновения приказу определенного содержания от соответствующих лиц» [1. S. 28]. Следовательно, власть и господство соотносятся друг с другом как сущность и форма ее проявления. Согласно Веберу, господство основывается на привычности, материальных интересах, аффективных и ценностно-рациональных мотивах людей, но, помимо этого, оно не может обойтись без веры в легитимность [Ibid. S. 122]. Концепция легитимного господства была выдвинута Вебером в качестве реакции на трудности, которые возникли перед классическим марксизмом при объяснении государства. К. Маркс и Ф. Энгельс систематического исследования государства не провели, и в рамках материалистического понимания истории, включавшего в себя и концепцию классов и классовой борьбы, оставалось невыясненным то, почему представители эксплуатируемых и угнетенных классов повинуются и проявляют лояльность к соответствующим общественным порядкам, даже если они непосредственно не сталкиваются с угрозой государственного насилия.

С точки зрения лояльности по отношению к государству и стоящему за ним общественному строю людей со времени появления первых сословно-классовых общества следовало бы разделить на три основные категории лиц. Это, во-первых, те, кто полностью или в основном поддерживает существующие властные порядки, во-вторых, люди, частично поддерживающие их и

одновременно частично недовольные ими, в-третьих, лица, полностью или в основном отвергающие их. Назовем условно первых абсолютными лоялистами, вторых – умеренными лоялистами, а третьих – бунтарями, помня о том, что бунт может принимать активную и пассивную формы.

К первой категории относились представители имущих и привилегированных социальных групп (классов, сословий и т.д.), а также выходцы из иных слоев общества, которые были лояльны по отношению к существующим властным порядкам в силу традиционных, харизматических или легальных оснований. К третьей категории относились представители неимущих (малоимущих) и непривилегированных (низкопривилегированных) социальных групп (главным образом), а также выходцы из имущих и привилегированных групп, которые ставили под сомнение легитимность власти. Низкий имущественный статус и непривилегированность индивидов проявлялись в ограничении возможности распоряжаться собственностью и участвовать в управлении государством или же в отсутствии подобных возможностей. В этом случае люди воспринимали государство как чуждое, враждебное, а себя – как пребывающих в состоянии отчуждения. Представители второй категории занимали промежуточное положение, им были присущи частичное приятие и частичное неприятие властных порядков. Ярким примером умеренных лоялистов могут послужить плебеи Римской республики в период до III века до н.э., борьба которых за равноправие с патрициями доходила до угроз саботажа военной службы в случае отказа в удовлетворении их чаяний и сохранения их непривилегированного положения.

Предлагаемое выделение категорий граждан восходит к типологии личностей гностика Валентина (II в.н.э.), который подразделял людей на пневматиков (духовных людей), психиков (душевных людей) и гиликов, или соматиков (плотских людей). Русский исследователь гностицизма М.Э. Поснов писал: «На человека гностики смотрели, как на микрокосм, состоящий из духа, души и тела; в них отражались три принципа универса – бог, демиург и материя, но в различной степени. Вследствие этого они делили людей на три класса – пневматиков, в которых имел перевес божественный дух из идеального мира, психиков, у которых имело место смешение духовного начала жизни с материей, и соматиков, или гиликов, в которых господствовало материальное начало» [2. С. 544–545]. Согласно Клименту Александрийскому, с точки зрения Валентина и его последователей, большинство людей материальны, немногие душевны, избранные – духовны. Их ждут разные перспективы: «При этом духовные люди спасены по своей природе, душевные имеют право свободного выбора и могут достигнуть веры и бессмертия, могут же выбрать неверие и гибель. Материальные люди гибнут в силу своей природы» [3. С. 208]. Эта концепция мистична, но, как и любое мистическое построение, она содержит в себе весомые рациональные зерна. Те, кого Валентин называл пневматиками, – это личности, которые полностью отвергают существующие порядки и господствующие ценности, будучи ориентированными на небесно-божественную альтернативу, соматики же – это те, кто полностью принимает эти порядки и ценности, будучи всецело удовлетворен теми плотскими благами, привилегиями и щедротами, которые несет им данный миропорядок, психики занимают промежуточное положение. Пневмати-

ки, на мой взгляд, соответствуют бунтарям, психики – умеренным лоялистам, соматики – абсолютным лоялистам¹.

Можно ли точно измерить степень лояльности граждан власти, государству? В условиях нормального и стабильного функционирования демократических процедур степень лояльность людей по отношению к государству регулярно выявляется на выборах разного рода, равно как и на референдумах. О степени лояльности граждан того или иного государства мы в этом случае можем судить на основании данных, во-первых, о степени участия в выборах (явка), во-вторых, о степени поддержки кандидатов на выборные должности. Но этот способ неприменим или малоприменим к недемократическим и псевдodemократическим государствам.

Если выборы дают возможность выяснить лояльность населения в демократических государствах, то войны позволяют определить лояльность личного состава армий и опосредствованным образом, в особенности если речь идет о массовых призывных армиях, – и всего населения. Важным способом, позволяющим выяснить степень лояльности граждан государства любого типа, является исследование их поведения во время войны, а именно их участия в боевых действиях. По деятельности солдат и офицеров в условиях войны мы можем судить об их поддержке государства, а следовательно, и о поддержке государства населением.

На войнах люди, жертвуя жизнью и здоровьем при выполнении приказов командования или же отказываясь от подобных жертв, довольно определенно выражают свою поддержку политики государства или же ее неприятие. Война выступает как голосование оружием, как плебисцит на крови. Высокий уровень лояльности личного состава вооруженных сил по отношению к государству обуславливает их поддержку целей и средств ведущейся войны. Она проявляется в таких качествах войск, как героизм, стойкость, мужество, решительность, натиск, жертвенность, дисциплина, квалифицированное, талантливое и инициативное ведение боевых действий со всем комплексом интеллектуальных характеристик субъекта войны – изобретательностью, находчивостью, смекалкой и т.д. Напротив, низкий уровень лояльности государству приводит к саботажу личным составом воюющих армий активного участия в боевых действиях, что с точки зрения командования и властей воспринимается как малодушие, трусость, нестойкость, неорганизованность, недисциплинированность, неповиновение, уклонение от воинского долга, неэффективное, неумелое, неэффективное ведение военных действий и т.п.

Высокая или низкая степень лояльности по отношению к собственному государству отражается в практике военного дела и в военной мысли как высокий или низкий боевой дух войск. Классики военной мысли издавна подчеркивали значение морального фактора. Первый военный теоретик в истории человечества древнекитайский мыслитель Сунь-Цзы утверждал: «Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон. Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыс-

¹ Выделенные Р. Мертоном пять форм приспособления личности к существующей социальной структуре и ценностям (конформность, инновация, ритуализм, бегство и мятеж) [4. С. 255], на мой взгляд, восходят к типологии Валентина. Конформность соответствует поведению соматиков, мятеж – пневматиков, а остальные формы являются модификациями поведения психиков. Валентин, при всей мистичности и эзотеричности его подхода, на мой взгляд, был более глубок, чем Р. Мертон.

лями правителя, когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений» [5. С. 36]. К. Клаузевиц подчеркивал значимость моральных факторов на войне: «Можно было бы сказать: физические явления подобны деревянной рукоятке, в то время как моральные представляют подлинный отточенный клинок, выкованный из благородного металла» [6. С. 200]. При этом он замечал: «К сожалению, моральные силы неуловимы для книжной мудрости, ибо их нельзя подвести ни под числа, ни под разряды; их можно лишь наблюдать и чувствовать» [Там же. С. 199]. В настоящей статье я попытаюсь оспорить эту мысль Клаузевица, показав, что возможны точные, конкретные замеры морального фактора, т.е. степени лояльности армий (и стоящих за ними народов) в условиях войны. Более того, в недемократических государствах они только в условиях войны и возможны.

Соотношение указанных выше категорий лиц в рядах вооруженных сил в условиях войны, на мой взгляд, может быть вычислено благодаря статистике военных потерь, а именно на основе данных о соотношении убитых (и умерших от ран), раненых и пленных. Надлежит исходить из следующего: то, что солдат или офицер был убит на войне, в среднем и типическом случае означало поддержку им целей войны, а следовательно, и политики соответствующего государства (и стоящего за ним общественного строя); в противном случае не было бы жертвы жизнью. То, что солдат или офицер оказывался в плену, в среднем и типическом случае означало нежелание жертвовать жизнью на поле боя, а значит, неприятие целей войны и, следовательно, низкую или отрицательную степень лояльности по отношению к государству, ведущему эту войну. Раненые солдаты и офицеры в этом отношении занимали промежуточное положение.

Безусловно, далеко не всякий погибший на войне военнослужащий был последовательным сторонником государства, пославшего его на войну, а далеко не всякий попавший в плен – его противником, но несомненным и решающим для нашего исследования является то, что численность лиц в рядах вооруженных сил, характеризовавшихся высокой степенью лояльности государству, была прямо пропорциональной количеству погибших, а численность лиц с низким или отрицательным уровнем лояльности – количеству пленных. Следовательно, чем больше убитых по отношению и к раненым, и к пленным и чем больше раненых по отношению к пленным, тем выше поддержка государства личным составом армии. И напротив: чем больше пленных по отношению и к убитым, и к раненым, тем ниже поддержка государства в рядах вооруженных сил. Победа или поражение, а также соотношение потерь рассматриваемой армии и потерь армии противника говорят об уровне развития военного дела в данной стране, а также о ее ресурсах. В отличие от этого соотношение количества убитых (и умерших от ран), раненых и пленных соответствует соотношению абсолютных лоялистов, умеренных лоялистов и бунтарей в рядах воюющей армии и свидетельствует о лояльности личного состава армии государству и общественному строю.

В отечественной литературе были рассмотрены разные факторы лояльности личного состава вооруженных сил. Выпуски «Военно-статистического ежегодника армии» за 1910–1912 гг. [7–9], издававшегося Главным штабом военного министерства Российской империи и являющегося самым полным

статистическим исследованием Российской императорской армии (РИА) начала XX в., содержат в себе эмпирические данные, позволяющие судить о социальной напряженности в рядах РИА, которая и обуславливала разную степень лояльности различных категорий военнотружущих к Российской империи.

Труды дореволюционных русских исследователей армии П.А. Режепо [10–12] и К.М. Оберучева [13, 14], а также мемуары А.И. Деникина [15] показывают скрытое напряжение внутри офицерского корпуса РИА, обусловленное тем, что офицеры, происходившие из разных сословий и обладавшие разным образованием, имели разные шансы карьерного восхождения, а их служба протекала в разных условиях. К.М. Оберучев рассматривал распространение революционных идей среди офицеров РИА, начиная с восстания декабристов [16].

Советские психотехники И.Н. Шпильрейн, Д.И. Рейтынбарг и Г.О. Нецкий в 1920-е гг. исследовали язык красноармейцев, что позволяло делать выводы об образовании, политической грамотности и уровне развития бойцов Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА). При этом выделялись различия родов войск [17]. Фундаментальный труд советского историка П.А. Зайончковского отразил сословные, имущественные и образовательные различия внутри офицерского корпуса РИА рубежа XIX и XX вв. [18]. Современный российский исследователь С.М. Диривянкин рассмотрел боевой дух офицеров РИА начала XX в. [19]. Менталитет солдат и офицеров РИА в условиях русско-японской и Первой мировой войн был проанализирован рядом современных российских авторов, принявших участие в издании двух коллективных трудов по военной антропологии [20, 21].

Однако непосредственным предтечей настоящего исследования являются произведения русского ученого-эмигранта, одного из создателей социологии войны генерал-лейтенанта Н.Н. Головина. В работах «Наука о войне» (1938) и «Мысли об устройстве будущей Российской вооруженной силы. Общие основания» (1939) [22] ученый анализировал боевой дух армии и его предпосылки. Еще большее значение для нас имеет труд Н.Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне» (1939), в котором он на основании данных о соотношении разных типов потерь РИА в ходе Первой мировой войны выявил различия в боевой активности, во-первых, офицеров и солдат, во-вторых, разных родов войск и, в третьих, различных социальных групп Российской империи. Он, избрав в качестве показателя соотношение «кровавых потерь» (убитых и раненых) и пленных, пришел к выводу о том, что «офицерский состав сражается доблестнее, нежели солдатская масса» [Там же. С. 531]. При этом меньше всего пленных было в гвардии и у казаков, больше всего – в артиллерии и пехоте [Там же. С. 534–536]. Кроме того, русский ученый выявил различия поведения войск в зависимости от территориального происхождения офицеров и солдат: выходцы из южных губерний проявили большую доблесть, чем уроженцы северных губерний России [Там же. С. 536–538]. Н.Н. Головин отмечал и различия по этническому признаку: «Лучше всего дерутся русские народности» [Там же. С. 538]. Он отмечал, что наибольшая стойкость (в порядке убывания) характерна для казаков, малороссов, великороссов и белорусов. Им уступали «инородческие массы из губерний Таврической, Астраханской, Симбирской, Самарской, Казанской и

Уфимской» [22. С. 538], но хуже всего воевали выходцы из польских губерний Российской империи. Ученый подчеркнул, что он не предлагает объяснения различий в доблести разных групп населения. Одним из немногих отступлений ученого от этого принципа каузального эпохэ было то, что, с его точки зрения, «плохую стойкость» контингентов Московской губернии следует объяснить высокой концентрацией на этой территории фабричных рабочих, среди которых были весьма распространены критические настроения по отношению к властям.

Для целей нашего исследования введем индикатор лояльности вооруженных сил (войск), который учитывал бы все типы военных потерь (убитых и умерших от ран, раненых и плененных). Этот индикатор, на мой взгляд, должен вычисляться по формуле: $L = (X + Y)/(Y + Z)$, где X – численность убитых и умерших от ран, Y – раненых, Z – плененных. Численность раненых присутствует и в числителе, и в знаменателе ввиду того, что эта категория потерь выступает как промежуточная между двумя другими типами потерь, как величина, опосредствующая и стабилизирующая их.

Следует сделать важную оговорку: предлагаемый способ вычисления лояльности вооруженных сил применим в данном виде только к войнам эпохи конца XIX и начала XX в. Это обусловлено тем, что, с одной стороны, для более ранних эпох отсутствует полная и надежная статистика военных потерь, с другой – тем, что войны середины XX в. и более позднего времени благодаря массированному применению танков, моторизованных соединений и авиации превратились в высококомобильные войны индустриальных армий. Последнее означает, что само по себе пленение солдата или офицера могло быть объяснено не только его низким уровнем лояльности по отношению к пославшему его на войну государству, но и тем, что вследствие фланговых прорывов войск противника и нарушения коммуникаций продолжение сопротивления оказывалось невозможным и бессмысленным в силу отсутствия боеприпасов, продовольствия и т.д. Поэтому вполне закономерно мы с целью изучения проявления лояльности или нелояльности обращаемся к наиболее крупным войнам конца XIX и начала XX в., наиболее примечательными из которых были русско-японская война 1904–1905 гг. и Первая мировая война. Для Второй мировой войны и последующих войн предлагаемая методика исследования лояльности армии должна быть модифицирована, а рассмотрение того, как именно это должно быть сделано, выходит за пределы предмета настоящей статьи.

Лояльность вооруженных сил Российской империи в период русско-японской войны

Исходя из сказанного, исследуем лояльность вооруженных сил Российской империи в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Для этого мы используем данные двух статистических исследований о боевых потерях российских войск. Первое из них выполнено современными российскими авторами под руководством Г.Ф. Кривошеева и касается армии и флота в целом [23. С. 58–59], второе – под руководством русского врача Н.И. Козловского и затрагивает только РИА [17; 24. С. 15]. Сведем соответствующие данные в таблицу и подсчитаем значения индикатора лояльности войск Российской империи (табл. 1).

Таблица 1. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил Российской империи во время русско-японской войны 1904–1905 гг.*

Потери войск Российской империи	Убитых и умерших от ранений, тыс. чел.	Раненых и контуженных, тыс. чел.	Пленных, тыс. чел.	Индикатор лояльности
По Г.Ф. Кривошееву	39,518	158,6	74,369	0,85
По Н.И. Козловскому	30,833	140,53**	59,218	0,86

* Не учтены умершие от болезней.

** Не учтены умершие от ран.

Примечательно, что анализ эмпирических данных, касающихся двух несовпадающих предметов и полученных из двух разных источников, дает очень близкие значения индикатора лояльности, что, вероятнее всего, свидетельствует о том, что мы правильно определили уровень лояльности вооруженных сил России в ходе русско-японской войны.

Для вычисления индикатора лояльности противника мы не располагаем данными о численности японских солдат и офицеров, попавших в российский плен, но существует косвенный способ получить представление о ней, сопоставив ее с аналогичным показателем вооруженных сил России. Речь идет о таком показателе, как количество погибших и умерших на 1 000 человек личного состава армии, принимавших участие в боевых действиях. Этот показатель является действенным только тогда, когда мы сравниваем две армии в одной и той же войне – победившую, но понесшую большие потери, и побежденную, но понесшую меньшие потери. И это как раз случай рассматриваемой нами русско-японской войны: Япония одержала победу, но понесла большие потери убитыми и умершими, тогда как Россия потерпела поражение, но потеряла меньше убитыми и умершими. Если победившая армия понесла большие потери, чем побежденная, то можно уверенно утверждать, что первая обладала большей стойкостью, большей волей к победе, а значит, и лояльностью по отношению к своему государству. Если армия победила, но понесла меньшие потери, то это еще не говорит о лояльности войск, поскольку может быть объяснено лучшими вооружениями и большим уровнем ее военного искусства. Для японской армии данный показатель был равен 132,3, для РИА – 60,99¹, что и говорит о том, что японская армия в ходе войны продемонстрировала больший уровень лояльности, чем РИА. Солдаты и офицеры РИА в меньшей степени горели желанием умирать за династию Романовых, чем японские солдаты и офицеры – за микадо, что и внесло свой ощутимый вклад в поражение РИА. Японские солдаты и офицеры в большей степени проявляли стойкость, упорство и мужество, чем солдаты и офицеры РИА. Это означает, что первые поддерживали японское государство (и общественный строй) Японии в заметно большей степени, чем солдаты и офицеры РИА – Российскую империю. Это подтвердилось и последующими событиями революции 1905–1907 гг. в России, в первую очередь революционным брожением в вооруженных силах и, в частности, восстанием на броненосце «Потемкин», тогда как в Японии подобных актов неповиновения не было.

Относительно невысокий боевой дух войск России накануне вступления в русско-японскую войну подтверждает А.И. Деникин, который писал: «По совокупности всех изложенных обстоятельств, война не могла быть популярна в русском обществе и в народе. И не только потому, что все сложные пе-

¹ Подсчет автора по: [25. С. 250].

рипетии, предшествовавшие ей, держались в тайне, но и потому еще, что сама русская общественность, научные круги и печать очень мало интересовались Дальним Востоком... В конце концов народ собирался спокойно на призывные пункты, и мобилизация проходила в порядке. И армия пошла на войну без всякого подъема, исполняя только свой долг»¹ [26. С. 94–95]. Отсутствие «подъема», т.е. боевого духа, и было обусловлено относительно невысоким уровнем лояльности личного состава вооруженных сил Российской империи. Вышесказанное позволяет дополнить и скорректировать распространенное в исторической литературе объяснение поражения России в русско-японской войне. Причины неудачи Российской империи обычно видят в отдаленности театра военных действий, низком уровне развития железнодорожного транспорта, превосходстве японских вооружений, бездарности российского командования и т.д. Все эти факторы, безусловно, сыграли свою роль, но большое значение имело и то, что вооруженные силы Российской империи уступали войскам Японии своим боевым духом и стоявшим за ним уровнем лояльности.

Рассмотрим проявление лояльности РИА во время русско-японской войны более детально и конкретно, а именно то, как она распределялась среди нижних чинов и офицеров разных родов войск – пехоты, кавалерии, артиллерии, инженерных войск и пограничной стражи. Представим данные о структуре потерь и индикаторе лояльности нижних чинов и офицеров названных родов войск (табл. 2).

Таблица 2. Структура военных потерь и индикатор лояльности РИА во время русско-японской войны 1904–1905 гг.*

Род войск	Категория личного состава	Убитых и умерших от ранений	Раненых	Пленных	Индикатор лояльности	Разность индикаторов лояльности офицеров и нижних чинов
Офицеры всех родов войск		841	4 228	975	0,97	0,14
Нижние чины всех родов войск		24 003	142 291	58 243	0,83	
Пехота	Офицеры	740	3 480	772	0,99	0,13
	Нижние чины	22 591	133 322	48 420	0,86	
Кавалерия	Офицеры	30	209	27	1,01	–0,07
	Нижние чины	515	2 794	270	1,08	
Артиллерия	Офицеры	44	476	106	0,89	0,37
	Нижние чины	681	5 183	6 186	0,52	
Инженерные войска	Офицеры	6	26	3	1,10	0,73
	Нижние чины	58	444	925	0,37	
Пограничная стража	Офицеры	11	17	4	1,33	0,7
	Нижние чины	125	386	428	0,63	

* Составлено и подсчитано автором по: [24. С. 15, 17].

¹ Похожие оценки отношения российского общества к русско-японской войне давали многие авторы. В 1920-х гг. известный русский историк военного искусства А.А. Свечин характеризовал ситуацию накануне войны: «Предстоящее столкновение с Японией являлось тем более опасным, что политически к этому не были подготовлены не только широкие русские народные массы, не только русская буржуазия, долженствовавшая, казалось бы, откликнуться на династическую попытку к экспансии, но и государственный аппарат – министерства финансов, путей сообщения и прежде всего военное министерство» [27. С. 692]. Н.Н. Головин в 1939 г. писал о том, что идея войны с Японией не была поддержана русским национальным самосознанием, тогда как японский народ к войне с Россией отнесся совсем по-другому: «Японский народ во всем своем составе, от первого ученого до последнего рабочего, был проникнут идеей необходимости войны с Россией» [22. С. 842].

Как показывает табл. 2, лояльность офицеров РИА вполне ожидаемо была более высокой, чем лояльность нижних чинов. Наиболее лояльными оказались офицеры пограничной стражи и инженерных войск. Офицеры кавалерии и пехоты немного отставали от них в этом, а артиллерийские офицеры оказались наименее лояльными. Среди нижних чинов наибольшую верно-подданность проявили кавалеристы, причем в кавалерии нижние чины оказались даже более лояльными, чем офицеры. Нижние чины пехоты заметно уступали им. Наименьший уровень лояльности обнаружили нижние чины инженерных войск, артиллерии и пограничной стражи.

Важным показателем является разность значений индикатора лояльности по офицерам и нижним чинам. Наибольшие различия лояльности существовали между командным составом и нижними чинами в инженерных войсках и пограничной страже, заметными они были и в артиллерии. Это означает, что в подразделениях этих родов войск в отношениях между офицерами и нижними чинами существовали предпосылки для конфликтов. В то же время в пехоте и кавалерии наблюдается значительный уровень солидарности офицеров и нижних чинов по отношению к целям войны, а значит, и по отношению к Российской империи.

О разном уровне лояльности офицеров и нижних чинов свидетельствует и характер их ранений. Врач Н.И. Козловский, анализируя данные, касающиеся 4 445 офицеров и 147 499 нижних чинов, классифицирует их в соответствии с местом ранения (в череп, лицо и шею, грудь и спину, живот и таз, верхние и нижние конечности) и причиной ранения (огнестрельное или холодное оружие). Подразделим ранения на ранения в область жизненно важных органов (в череп, лицо и шею, грудь и спину, живот и таз) и ранения в область конечностей и проанализируем то, как распределяются эти виды ранений среди офицеров и нижних чинов по обоим типам причин ранений (табл. 3).

*Таблица 3. Распределение областей ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа оружия, причинившего ранение**

Тип оружия	Области ранения	Офицеры	Нижние чины
Огнестрельное оружие	Жизненно важные органы	42,4	38,5
	Конечности	57,6	62,5
Холодное оружие	Жизненно важные органы	56,0	36,4
	Конечности	44,0	63,6

* Подсчет автора по: [24. С. 18].

Офицеры получили в относительных величинах несколько большее количество ранений в область жизненно важных органов, вызванных огнестрельным оружием, чем нижние чины, что, безусловно, свидетельствует о более активном вовлечении офицеров в боевые действия, т.е. о том, что они в большей степени находились на линии огня. Это говорит о более высоком боевом духе и, следовательно, о большем уровне лояльности у них. Очень значительно офицеры превосходили нижних чинов по доле ранений в области жизненно важных органов, обусловленных воздействием холодного оружия. Подобные ранения были получены в ближнем бою, в условиях непосредственного физического контакта с неприятелем, что обнаруживает намного более высокую степень осознанного активного вовлечения в воен-

ные действия, т.е. значительно более высокий боевой дух и, следовательно, более высокий уровень лояльности. В отличие от этого ранения, причиненные огнестрельным оружием, т.е. полученные на большем или меньшем удалении от противника, допускают заметный элемент случайности и могут быть сопряжены лишь с пассивным участием в сражениях.

Большой интерес предоставляют и данные об областях ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа огнестрельного оружия, т.е. от того, причинены ли они ружейным или артиллерийским огнем. Осуществив их группировку на основе данных Н.Н. Козловского, получим следующую картину (табл. 4).

*Таблица 4. Распределение областей ранений офицеров и нижних чинов в зависимости от типа огнестрельного оружия, причинившего ранение**

Причина огнестрельного ранения	Области ранения	Офицеры	Нижние чины
Ружейный огонь	Жизненно важные органы	29,9	29,7
	Конечности	70,1	70,3
Артиллерийский огонь	Жизненно важные органы	57,7	32,3
	Конечности	42,3	67,7

* Подсчет автора по: [24. С. 19].

Распределение мест ранений, полученных благодаря воздействию ружейного огня, среди офицеров и нижних чинов практически совпадает. А вот в том, что касается ранений в область жизненно важных органов, обусловленных воздействием артиллерийского огня, то обнаруживается, что офицеры получали такие ранения значительно чаще, чем нижние чины. Это, на мой взгляд, также свидетельствует о более высоком боевом духе и, следовательно, о более высоком уровне лояльности, офицеров поскольку подобные ранения означают более активное осознанное вовлечение в боевые действия, а следовательно, и более высокий уровень лояльности: офицеры в большей степени, чем нижние чины, были нацелены на боевую активность, поскольку в меньшей степени стремились скрыться от артиллерийского огня противника, т.е. были в меньшей степени склонны приносить выполнение обязанностей в боевых условиях в жертву личной безопасности.

Лояльность вооруженных сил Российской империи в годы Первой мировой войны

Рассмотрим значения индикатора лояльности войск армии Российской империи в годы Первой мировой войны, опираясь на два статистических труда – во-первых, на исследование, осуществленное под руководством Г.Ф. Кривошеева, во-вторых, на работу Н.Н. Головина (табл. 5).

*Таблица 5. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил России в годы Первой мировой войны**

Источник сведений	Демографические потери (убитые и умершие от ран и болезней), тыс. человек	Санитарные потери (раненые и контуженные), тыс. человек	Попавшие в плен, тыс. человек	Индикатор лояльности армии
По Г.Ф. Кривошееву	2 254,4	3 749,0	3 343,9	0,85
По Н.Н. Головину	1 650	3 850	2 417	0,88

* Подсчет автора по: [22. С. 521; 23. С. 106].

Результаты, полученные на основе анализа двух рядов эмпирических данных, оказались очень близкими друг к другу, что говорит о том, что мы с достаточным уровнем адекватности отразили закономерность поведения войск Российской империи в ходе Первой мировой войны.

Сравнение табл. 1 и 5 показывает, что лояльность вооруженных сил Российской империи в годы Первой мировой войны по сравнению с русско-японской войной не изменилась. Однако, если совместно с пленными учесть и дезертиров, что было бы вполне логично, ведь массовое дезертирство означает явное неприятие целей войны, в первую очередь нижними чинами – 1,865 млн человек [23. С. 102], то значение индикатора лояльности вооруженных сил России упадет до 0,67. Дезертиров из РИА в 1904–1905 гг. было крайне немного, что обусловило отсутствие соответствующей категории учета потерь, тогда как в годы Первой мировой войны дезертирство стало массовым явлением. Следовательно, мы должны констатировать резкое падение лояльности вооруженных сил Российской империи от русско-японской к Первой мировой войне, что было симптомом нарастания глубокого кризиса общественного строя и государства.

Обозначенные тенденции хорошо иллюстрируют воспоминания бывшего офицера гвардейского Семеновского полка Ю.В. Макарова, который критически описывал организацию военного дела и боевые практики РИА в период Первой мировой войны: «В старой царской армии на войне порядка было немного. Дисциплина была слабая. И солдаты, и в особенности офицеры проделывали безнаказанно иногда такие вещи, за которые в других европейских армиях полагался военный суд и почти неизбежный расстрел.

Но зато, конечно, ни в какой армии не ценили человеческую жизнь так дешево, как ее ценили у нас. Недостаток технических средств и общую неслаженность сплошь и рядом заменяли „живой силой“, благо считалось, что этой „живой силы“, „серой“ драгомировской „скотинки“ у нас не занимать стать. Военная наука искони учила покупать военные успехи возможно „малой кровью“. У нас зачастую великою кровью не покупали ровно ничего. Приказывали атаковать. И люди подымались, и шли, и валились, и гибли сотнями, и не только без всякого успеха, но и без всякой надежды на успех» [28. С. 284]. Невысокая эффективность управления и организации военного дела в РИА в период Первой мировой войны, приводившая к излишним потерям, в конечном итоге приводила к дискредитации командования в глазах и офицеров, и нижних чинов и, следовательно, к падению уровня лояльности личного состава.

Мы не располагаем надежными данными о структуре боевых потерь во время Первой мировой войны среди нижних чинов РИА – наличная информация о пленных и пропавших без вести не является дифференцированной. Но мы располагаем детальными данными о потерях офицерского корпуса, содержащимися в статистическом исследовании «Россия в мировой войне 1914–1918 года» [29]¹, что позволяет нам рассчитать лояльность этого корпуса в целом и офицеров основных родов войск РИА (табл. 6). Рода войск ранжированы по значению индикатора лояльности их офицеров (по убыванию).

¹ Данное исследование не полностью охватывает потери, понесенные РИА в годы Первой мировой войны, но оно адекватно воспроизводит структуру потерь, что отвечает задачам нашего исследования.

Таблица 6. Структура боевых потерь и индикатор лояльности офицеров различных родов войск РИА в Первую мировую войну*

Род войск	Убитые, умершие от ран и отравления газами, человек	Раненые и контуженные, человек	Пленные, человек	Индикатор лояльности
Казачьи войска	517	1 710	102	1,23
Пограничная стража	395	1 308	76	1,23
Кавалерия	393	1 601	101	1,17
Пехота	13 822	43 573	10 777	1,06
Инженерные войска	87	363	74	1,03
Артиллерия	474	2 304	651	0,94
Все рода войск	15 971	52 471	13 226	1,04

* Подсчет автора по: [29. С. 35]. В числе убитых и умерших от ран не учтены умершие в плену.

Как видим, наибольшая лояльность была характерна для казачьих офицеров, офицеров кавалерии и пограничной стражи России. Их уровень лояльности был близок уровню лояльности армий Франции, Германии и Великобритании. Офицеры пехоты, инженерных войск и особенно артиллерии РИА обнаружили заметно меньшую лояльность. Офицеры-артиллеристы по уровню лояльности были заметно ближе к уровню РИА в целом, а значит, и уровню лояльности нижних чинов, чем офицерского корпуса казачьих и пограничных войск, а также кавалерии.

Как явствует из полученных результатов, лояльность офицерского корпуса РИА в период Первой мировой войны превысила уровень его лояльности периода русско-японской войны. По всей вероятности, это следует объяснить тем, что Первая мировая война, которую Российская империя в значительной мере вела на своей территории и в условиях угрозы ее жизненно важным центрам, воспринималась офицерским корпусом РИА как более важная и актуальная, более освященная патриотизмом, нежели русско-японская война, которая велась на далекой периферии Российской империи и воспринималась как колониальная война. Свою роль, надо полагать, сыграла и официальная пропаганда, стремившаяся представить Первую мировую войну как новую Отечественную войну. Русско-японскую войну было бы затруднительным представить в этом качестве.

На основе изучения лояльности солдат и офицеров РИА во время русско-японской и Первой мировой войн следует сделать два вывода. Во-первых, солдаты на обеих войнах отличались меньшей лояльностью, чем офицеры. Исключением являются рядовые казаки во время русско-японской войны, которые по этому показателю даже превосходили своих офицеров, весьма лояльных Российской империи. Во-вторых, офицеры и солдаты разных родов войск обнаружили разную лояльность. Среди офицеров наибольшая лояльность была присуща казакам, инженерам, кавалерии и пограничникам. В гораздо меньшей степени она характеризовала командный состав пехоты и артиллерии. Среди рядовых наибольшая лояльность была свойственна нижним чинам казачьих войск. Им заметно уступал солдатский состав пограничных войск, кавалерии и инженерных войск, а наименьшая лояльность отличала нижних чинов пехоты и артиллерии. Рядовые казаки и нижние чины пехоты и артиллерии воплотили собой противоположные полюса лояльности Российской империи.

К объяснению различия лояльности личного состава РИА

Мы выяснили, что существуют различия лояльности: 1) между офицерским корпусом и нижними чинами РИА (офицеры более лояльны, чем нижние чины); 2) между родами войск (например, офицеры-кавалеристы более лояльны, чем офицеры-артиллеристы, а нижние чины кавалерии более лояльны, чем нижние чины инженерных войск и артиллерии). Как объяснить эти различия?

Безусловно, высокие значения индикатора лояльности офицерского корпуса, т.е. большее количество убитых по сравнению с пленными, можно объяснить тем, что офицеры находились во главе боевых порядков, т.е. на линии вражеского огня, и противник стремился поражать их в первую очередь, используя их внешнюю приметность (погоны и т.д.). Но этот тип поведения, заключающийся в активном и сознательном участии в военных действиях, собственно, и означает высокий уровень лояльности офицерского корпуса, что и нуждается в объяснении. На мой взгляд, существовало две детерминанты лояльности личного состава РИА в условиях обеих войн. Первой детерминантой было социальное происхождение офицеров и солдат, второй детерминантой служила специфика рода войск, т.е. военной специальности офицеров и солдат.

Для того чтобы рассмотреть первую детерминанту, уточним сословную структуру офицерского корпуса РИА, опираясь на данные «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год» (табл. 7).

Таблица 7. Сословная структура офицерского корпуса РИА в 1912 г., %

Род войск	Потомственные дворяне	Потомственные почетные граждане	Духовного звания	Купеческого звания	Бывших податных сословий
Пехота	43,25	14,56	4,72	3,72	33,76
Кавалерия	77,23	10,10	2,20	4,03	6,44
Артиллерия	73,88	12,03	1,10	2,34	10,65
Инженерные войска	65,82	15,41	1,32	2,70	14,75
Казачьи войска	40,13	12,15	2,99	5,57	39,15
Все рода войск	54,53	13,67	3,65	3,34	24,81

* Подсчет автора по: [9. С. 229]. Терминология источника сохранена.

Подавляющее большинство офицерства РИА в целом относилось к привилегированным сословиям и имущим классам – потомственному дворянству, потомственным почетным гражданам, т.е. наиболее привилегированному и богатому слою купечества, духовенству и «простому» купечеству. Выходцы из бывших податных сословий (крестьяне, мещане и т.д.) составляли менее четверти офицерского корпуса российской армии. Следует отметить, что и часть лиц, происходивших из среды бывших податных сословий, также являлась выходцами из имущих (но непривилегированных) семей, поскольку после 1861 г. часть крестьянства и мещанства в России обуржуазилась, и логичным будет представить, что главным образом буржуазная часть представителей бывших податных сословий экспортировала своих сыновей в РИА в качестве офицеров. Высокую лояльность офицеров следует объяснить в первую очередь тем, что они происходили в основном из привилегированных сословий и / или имущих классов. Проявляя высокую лояльность по отношению к Российской империи и ее политике в условиях войн, офицеры РИА защищали общественную систе-

му, внутри которой они реализовывали свои жизненные шансы, основанные на принадлежности к этим сословиям и классам. Положение лишь отчасти изменилось в ходе Первой мировой войны в связи с тем, что была выбита значительная часть кадрового офицерского корпуса и командные должности (главным образом, обер-офицерского уровня) стали в значительной мере замещаться выходцами из непривилегированных слоев.

В противоположность командному составу нижние чины РИА почти полностью происходили из «податного и казачьего сословий»: в пехоте таковые составляли 98,65%, в артиллерии – 98,61, кавалерии – 98,69, инженерных войсках – 98,09, в казачьих войсках – 99,88, а во всех родах войск совокупно – 98,55%¹. Нижние чины до поступления на службу относились к социально-профессиональным группам, предполагавшим невысокий уровень достатка (табл. 8).

Таблица 8. Распределение нижних чинов РИА в 1912 г. по родам занятий до поступления на службу, %*

Род войск	Земледельцы	Ремесленники и мастеровые	Чернорабочие	Фабричные и заводские
Пехота	62,51	14,78	11,25	3,54
Кавалерия	58,46	17,93	9,99	2,80
Артиллерия	62,03	15,71	11,90	2,65
Инженерные войска	27,01	43,67	6,80	7,68
Казачьи войска	95,85	1,10	0,43	0,03

* Подсчет автора по: [9. С. 375]. Опущены данные о незначительных по численности категориях – выходцах из рядов домашней прислуги, служивших в административных и общественных учреждениях, а также практиковавших «прочие занятия».

Вполне закономерно, что нижние чины РИА, исходя из непривилегированных сословий, неимущих и малоимущих слоев, на войнах, которые вела Российская империя, проявляли к ней значительно меньшую лояльность, чем представители офицерства. Исключением являются нижние чины казачьих войск, поскольку казачество было полупривилегированным сословием и по своему имущественному статусу заметно превосходило основную массу крестьянства.

Сословный характер организации и деятельности РИА проявлялся и в весьма разных условиях несения службы и быта офицеров и солдат. Об этом мы можем судить, в частности, по данным «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год» о заболеваемости офицеров и солдат. «Ежегодник» сообщает, что в 1912 г. из личного состава РИА заболели 28 409 офицеров, что составило 57,26% от всего офицерского корпуса РИА (с казачьими войсками) и 498 436 (37,7%) нижних чинов². Офицеры заболевали чаще, чем нижние чины, и это следует объяснить тем, что они были старше последних: офицерский корпус включал в себя лиц в основном в возрасте 20–70 лет, тогда как возраст основной массы нижних чинов колебался в диапазоне от 21 до 25 лет. Однако при этом выздоровело 97,74% заболевших офицеров и лишь 90,41% заболевших нижних чинов³. Такое заметное различие исхода болезней у офицеров и нижних чинов можно объяснить только тем, что заболевшие офицеры получали несравнимо более качественные медицинскую

¹ Подсчет автора по: [9. С. 373].

² Подсчет автора по [Там же. С. 26–27, 405].

³ Подсчет автора по [Там же. С. 405].

помощь и питание, чем нижние чины, что, безусловно, не могло не восприниматься как несправедливость и не вызывать законного недовольства последних и подрывать их лояльность командованию и в конечном счете Российской империи.

О различиях лояльности офицеров и нижних чинов РИА свидетельствует и статистика преступлений, совершенных ими. Согласно «Ежегоднику», в 1912 г. военными судами были осуждены за преступления всех типов 325 (0,66%) офицеров и 40 777 (3,08%) нижних чинов [9. С. 395, 398]. Это означает, что нижние чины были заметно больше недовольны существующими порядками в армии и стране, чем офицеры. О меньшем уровне лояльности нижних чинов говорят, на мой взгляд, и различия структуры преступлений, совершенных офицерами и нижними чинами. Так, 114, или 35,08% от числа осужденных офицеров, были осуждены за преступления дисциплинарного характера («нарушение воинского чинопочитания и подчиненности», «неявка в срок на службу», «превышение или бездействие власти», «нарушение воинского благочиния»), а 142 (43,69%) – за преступления имущественного характера («преступления при хранении имущества», «подлоги, мздоимство и лихоимство»). В отличие от этого 20 905 (51,27%) нижних чинов были осуждены за преступления дисциплинарного характера («нарушение воинского чинопочитания и подчиненности», «побеги и самовольная отлучка», «нарушение обязанностей службы во время караула и во время дежурства», «нарушение воинского благочиния»), тогда как 7 711 человек (18,91%)¹ – за преступления имущественного характера («противозаконное отчуждение и порча казенного оружия и имущества», «кража простая и со взломом»). Офицеры в большей степени совершали имущественные преступления, а нижние чины – дисциплинарные. Дисциплинарные преступления более непосредственно, чем имущественные, выступали как отрицание властных порядков.

Наконец, сословными различиями следует объяснить и то, что офицеры пехоты по лояльности заметно уступали кавалерийским и казачьим офицерам: командный состав пехотных частей был более плебейско-демократическим по своему происхождению.

Вторая детерминанта лояльности личного состава вооруженных сил Российской империи проявлялась двояко.

Во-первых, большое значение имело то, что разные рода войск несли тяготы войны в разной степени. Русско-японская и Первая мировая войны были крупными, продолжительными и интенсивными конфликтами самого начала эпохи индустриальных войн, и в силу этого военная деятельность предполагала огромную физическую нагрузку, а также соответствующие тяготы и лишения. Личный состав кавалерии и артиллерии в силу использования конского состава как тягловой силы испытывал заметно меньший объем нагрузок, чем личный состав пехоты и инженерных войск. И это, разумеется, не могло не модифицировать лояльность этих родов войск соответствующим образом, т.е. создавать предпосылки для большего недовольства у пехотинцев и инженерных войск. И в первую очередь это касалось нижних чинов, которым приходилось перемещаться пешком, тащить на себе всевозможные военные грузы, рыть окопы и т.д.

¹ Подсчет автора по: [Там же].

Во-вторых, разные рода войск предполагали разные типы военной деятельности и разные уровни квалификации военного труда. Самым высокотехнологичным (и самым важным) родом войск в начале XX в. была артиллерия, в особенности тяжелая. Артиллерия была основана на применении наиболее сложных вооружений, наиболее изощренных технических устройств из всех использовавшихся в армии. Деятельность артиллериста была основана на более глубоком преобразовании природных процессов социальными и, следовательно, предполагала использование более рационального знания, чем то было характерно для деятельности кавалериста и пехотинца. В связи с этим артиллерия, с одной стороны, аккумулировала наиболее образованных и интеллектуально развитых офицеров армии, с другой стороны, практика службы в артиллерии в большей степени, чем в других родах войск, способствовала интеллектуальному развитию как офицеров, так и нижних чинов¹. В эпоху Второй мировой войны самым высокотехнологичным родом войск станет авиация, которая в 1914–1918 гг. только зарождалась².

Более высокий интеллектуальный уровень личного состава артиллерии порождал в среднем и типическом случаях более рациональное и трезвое понимание происходящего и более критическое отношение к находящейся в глубоком общественно-политическом кризисе Российской империи и ведущимся ею войнам, чем у представителей других родов войск. Это вполне закономерно детерминировало относительно невысокий уровень лояльности артиллеристов³.

¹ Правоту положения о связи службы в артиллерии и высокого уровня интеллектуального развития (в условиях начала XX в.) мы можем подтвердить с помощью анализа данных исследования В.К. Соколова, приведенных в книге И.Н. Шпильрейна, Д.И. Рейтунбарга и Г.О. Нецкого [17. С. 187–190]. Это исследование было проведено в начале 1920-х гг. в Ташкентской военной школе им. В.И. Ленина. Оно заключалось в выяснении того, насколько правильно курсанты разных военных специальностей определяли понятия, связанные с общей культурой и общественно-политической сферой. Объектом исследования стали четыре группы курсантов, каждая из которых подразделялась на артиллеристов, кавалеристов и пехотинцев. Каждой из групп задавались вопросы о значении 50 терминов, причем список терминов был различен. Ответ каждой группы курсантов определенной специальности оценивался в коэффициентах верного знания понятий. Наш подсчет по данным В.К. Соколова показывает, что этот коэффициент у артиллеристов четырех групп был равен 77,23, 75,89, 74,81 и 75,31, у кавалеристов – 72,98, 75,66, 73,2 и 70,68, у пехотинцев – 68,99, 68,35, 67,02 и 65,84, т.е. артиллеристы во всех случаях добивались лучших результатов, чем кавалеристы и пехотинцы. Учитывая, что объем культурной и политической подготовки курсантов трех военных специальностей был одинаковым, на мой взгляд, следует и в этом случае сделать вывод о том, что артиллеристы по уровню интеллектуального развития превосходили кавалеристов и пехотинцев.

² Если говорить о вооруженных силах государства совокупно, то весьма сложной и в высокой степени предполагающей использование рационального знания была деятельность по управлению войсками государства в целом, чем занимался Генеральный штаб. В силу этого вышесказанное следует уточнить: самыми интеллектуально развитыми офицерами эпохи Первой мировой войны в среднем и типическом случаях были генштабисты и артиллеристы, в эпоху Второй мировой – генштабисты и летчики. Но в силу специфики своего рода деятельности офицеры генеральных штабов в основном находились за боевыми порядками и почти не несли боевых потерь, поэтому в настоящем исследовании офицеры службы Генштаба РИА рассмотрены быть не могут.

³ Н.Н. Головин полагал, что высокая доля попавших в плен артиллеристов РИА в ходе Первой мировой войны объяснялась сдачей крепостей Новогеоргиевска (Модлина) и Ковно, гарнизон которых включал в себя значительное количество артиллерийских частей [22. С. 534]. Распространена точка зрения – ее, видимо придерживался и Н.Н. Головин, – согласно которой вина за капитуляцию этих цитаделей возлагалась на малодушие их комендантов. Однако в случае высокого боевого духа офицеров и солдат это не стало бы помехой для продолжения обороны.

Наличие этого кризиса было очевидным и для наиболее умных представителей разных родов войск, но артиллеристы осознавали его наиболее более четко. А.И. Деникин, являвшийся артиллеристом по своей первоначальной военной специальности и начавший свою карьеру со службы в бригаде полевой артиллерии, писал: «Неизбежный исторический процесс, завершившийся февральской революцией, привел к крушению русской государственности. Но если философы, историки, социологи, изучая течение русской жизни, могли предвидеть грядущие потрясения, никто не ожидал, что народная стихия с такой легкостью и быстротой сметет все те устои, на которых покоилась жизнь: верховную власть и правящие классы – без всякой борьбы ушедшие в сторону; интеллигенцию – одаренную, но слабую, беспочвенную, безвольную, вначале среди беспощадной борьбы сопротивлявшуюся одними словами, потом покорно подставившую шею под нож победителей; наконец – сильную, с огромным историческим прошлым, десятиллионную армию, развалившуюся в течение 3–4 месяцев» [12. С. 4]. Невысокий уровень лояльности личного состава самого многочисленного рода войск, пехоты, и самого важного в начале XX в. рода войск, артиллерии, создавал угрозы для выживания Российской империи (и Белого движения как ее наследника), которые в полной мере реализовались в 1917 г. (и в ходе Гражданской войны в России).

Лояльность вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны

Рассмотрим лояльность вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны для того, чтобы сопоставить ее с лояльностью войск Российской империи (табл. 9). Страны ранжированы по значению индикатора лояльности их войск (в порядке убывания).

*Таблица 9. Структура боевых потерь и индикатор лояльности вооруженных сил основных стран-участниц Первой мировой войны**

Страна	Демографические потери (убитые и умершие от ран и болезней), тыс. чел.	Санитарные потери (раненые и контуженные), тыс. чел.	Попавшие в плен, тыс. чел.	Индикатор лояльности
Франция	1 397,8	2 800,0	504,0	1,27
Германия	2 350	4 510,0	1 000,0	1,25
Великобритания	908,4	2 035,9	358,8	1,23
Италия	381,0	800,0	500,0	0,91
Австро-Венгрия	1 100,0	1 980,0	1 800,0	0,82
Турция	250,0	763,7	479,6	0,82

* Составлено и подсчитано автором по: [23. С. 106].

Как следует из табл. 5, основные участники Первой мировой войны в соответствии с различием в значениях индикатора лояльности их вооруженных сил могут быть условно разделены на две группы – страны с высокой лояльностью вооруженных сил (Франция, Германия и Великобритания) и страны с низкой лояльностью вооруженных сил (Италия, Россия, Австро-Венгрия и Турция). Российская, Австро-Венгерская и Османская империи распались в результате Первой мировой войны, и одним из важных факторов их распада, очевидно, следует считать низкий уровень лояльности их войск. Для Австро-Венгрии и Османской империи роковыми оказались внутренние

национальные (и религиозные) противоречия, которые, среди прочего, определили и невысокий уровень лояльности их армий. Германская империя также потерпела крах, но это было обусловлено военными поражениями и истощением ресурсов страны в результате потерь и блокады, но не нелояльностью армии – немецкая армия в основном была верна своему государству, империи Гогенцоллернов до конца. Италия сохранилась как государство, но в ней произошло коренное преобразование политического строя (при сохранении монархии) – в 1922 г. к власти пришли фашисты во главе с Б. Муссолини.

Ключом к объяснению разного уровня лояльности вооруженных сил России и ведущих западноевропейских держав может послужить анализ М. Вебера. Немецкий социальный теоретик в своей работе «Социализм» (1918) предложил объяснение различия отношения армий России и Германии к идеям социализма. В обеих армиях солдатский состав формировался в основном из крестьян. Но, как полагал Вебер, немецкие крестьяне существенно отличаются от крестьян России, поскольку общинный строй в Германии исчез давным-давно и немецкие крестьяне являются полноценными частными собственниками. Он писал: «Кроме того, необходимо учитывать, что западноевропейский крестьянин устроен иначе, нежели крестьянин русский, который живет при своем аграрном коммунизме. В России определяющим моментом является земельный вопрос, который у нас вообще не играет роли. Немецкий крестьянин... сегодня – индивидуалист, зависящий от своей собственности, передаваемой по наследству, и от своей земли. Его вряд ли можно заставить от всего этого отказаться. Гораздо вероятнее, что немецкий крестьянин станет союзником крупного землевладельца, чем радикально-социалистического рабочего, если ощутит, что рабочий угрожает отнять у него собственность и землю» [30. S. 516]. В связи с этим, как считал Вебер, немецкий крестьянин резко отрицательно относится к идее диктатуры пролетариата и обобществления средств производства. Развивая свою мысль, он предлагает объяснение низкой популярности социалистических идей в среде рядовых солдат германской армии. Он замечает, что Л.Д. Троцкий рассчитывал на переговоры в Брест-Литовске в 1918 г. вести коммунистическую пропаганду, обращенную к населению центральных держав и с ее помощью «вызвать гражданскую войну в Германии, но при этом он был настолько плохо информирован, что не знал, что немецкая армия рекрутируется, по меньшей мере на две трети, из сельских жителей и еще на добрую одну шестую из мелких буржуа, которым доставило бы истинное удовольствие дать разок в морду (*eins auf den Mund zu geben*) рабочим или кому-либо еще, кто хотел бы устроить революцию» [ibid. S. 515]. Анализ М. Вебера позволяет понять причины того, что в РИА солдат и офицеров, нелояльных по отношению к Российской империи, было намного больше, чем абсолютных лоялистов, тогда как в рядах немецкой армии лояльность по отношению к Германской империи доминировала над нелояльностью.

Позицию М. Вебера дополняют оценки А.И. Деникина, данные им в 1929 г. армиям Австро-Венгрии, Германии и России периода Первой мировой войны: «Австрийская армия – представительница лоскутной государственности – с первым веянием революции разложилась сразу и окончательно. Русская – раскачивалась в течение года, то втыкая штыки в землю, то делая сла-

бые и разрозненные попытки сопротивления. Немецкая – сильно поколебалась, восприняв от русской «революционную дисциплину», но скоро одумалась. Видеть во всех этих явлениях только лишь следствие военных систем не приходится. Истоки этих явлений заложены глубоко – в недрах жизни и в духовном облике народов» [31. С. 132]. Как видим, при всем различии предлагаемых объяснений, подходы немецкого социального теоретика и русского генерала к анализу разных уровней лояльности армий стран – участниц Первой мировой войны были весьма близки.

Заключение

В настоящей статье была предпринята попытка исследования лояльности вооруженных сил Российской империи во время русско-японской и Первой мировой войн с учетом различий, с одной стороны, между офицерами и нижними чинами, с другой – между разными родами войск. Различия в лояльности разных групп офицеров и солдат Российской императорской армии государству, на взгляд автора, следует объяснить, с одной стороны, их социальным (сословным и классовым) происхождением, с другой – спецификой рода войск. Не претендуя на окончательность результатов своего исследования, следует подчеркнуть, что анализ лояльности вооруженных сил имеет большое значение, поскольку позволяет понять многие аспекты участия Российской империи в Русско-японской и Первой мировой войнах, а также события Февральской и Октябрьской революций и последовавшей за ними гражданской войны в России. Предложенный в статье метод исследования лояльности вооруженных сил по отношению к их государствам может быть применен к воюющим армиям любой страны мира конца XIX – начала XX в., а с определенной модификацией – и более позднего времени.

Литература

1. *Weber M.* Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. Tübingen : Mohr, 1980.
2. *Поснов М.Э.* Гностицизм II века и победа христианской церкви над ним. Брюссель : Жизнь с богом, 1991.
3. *Школа Валентина.* Фрагменты и свидетельства / пер., предисл. и ком. Е.В. Афонасина. СПб. : Алетей, 2002.
4. *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М. : АСТ Москва, Хранитель, 2006.
5. *Сунь-Цзы, У-Цзы.* Трактаты о военном искусстве. М. ; СПб. : Terra Fantastica, 2003.
6. *Клаузевиц К.* О войне. М. : Логос-Наука, 1998.
7. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1910 год. СПб. : Военная типография (в здании Главного Штаба), 1911.
8. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1911 год. Изд. Главного штаба. СПб. : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1913.
9. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1912 год. Изд. Главного штаба. СПб. : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914.
10. *Режепо П.А.* Статистика генералов. СПб. : Тип. Тренке и Фюсно, 1903.
11. *Режепо П.А.* Статистика полковников. СПб. : Столичная тип. С.Х. Золотухина, 1905.
12. *Режепо П.А.* Офицерский вопрос. СПб. : Русская скоропечатня, 1909.
13. *Оберучев К.М.* Наши военные вожди. М. : Тип. «Труд», 1909.
14. *Оберучев К.М.* Наши командиры (опыт статистического исследования служебного движения офицеров). Киев : Тип. Р.К. Лубковского, 1910.
15. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Минск : Харвест, 2002. Т. 1.

16. *Оберучев К.М.* Офицеры в Русской революции. Нью-Йорк : Первое русское изд-во в Америке, 1918.
17. *Штильрейн И.Н., Рейтлинберг Д.И., Нецкий Г.О.* Язык красноармейца. Опыт исследования словаря красноармейца Московского гарнизона. М. ; Л. : Госиздат, 1928.
18. *Зайончковский П.А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий. М. : Мысль, 1973.
19. *Дирвянкин С.М.* Моральный дух офицеров Российской армии и его укрепление: исторический опыт, уроки: 1900 – август 1914 г. : дис. ... канд. ист. наук. М. : 2006.
20. *Военно-историческая антропология* : ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2002.
21. *Военно-историческая антропология* : ежегодник, 2005/06. Актуальные проблемы изучения. М. : РОССПЭН, 2006.
22. *Головин Н.* Наука о войне. М. : Астрель, 2008.
23. *Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование* / под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М. : Олма-Пресс, 2001.
24. *Козловский Н.И.* Статистические данные о потерях русской армии от болезней и ранений в войну с Японией 1904–1905 гг. СПб. : Тип. Главного управления уделов, 1911.
25. *Война с Японией 1904–1905 гг. Санитарно-статистический очерк / сост. Санитарно-статистической частью Главного военно-санитарного управления при непосредственном участии и под руководством Н. Козловского.* Петроград : Военная тип. Императрицы Екатерины Великой, 1914.
26. *Деникин А.И.* Путь русского офицера. М. : Вагриус, 2003.
27. *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М. : Академический проект, Кучково поле, 2002.
28. *Макаров Ю.В.* Моя служба в Старой Гвардии. 1905–1917. Мирное время и война. Буэнос-Айрес : Доррего, 1951.
29. *Россия в мировой войне 1914–1918 года (в цифрах).* М. : Центральное стат. управление, 1925.
30. *Weber M.* Der Sozialismus. Rede zur allgemeinen Orientierung von österreichischen Offizieren in Wien 1918 // Max Weber: Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik / Hrsg. von M. Weber. Tübingen, 1988.
31. *Деникин А.И.* Старая армия. Офицеры. М. : Айрис Пресс, 2005.

Azat B. Rakhmanov, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 162–183.

DOI: 10.17223/1998863X/52/16

LOYALTY OF THE ARMED FORCES AND ITS EMPIRICAL RESEARCH: THE RUSSO-JAPANESE WAR AND WORLD WAR I

Keywords: loyalty of armed forces; Imperial Russian Army; Russo-Japanese War; World War I; Max Weber; Gnosticism.

An important factor of combat effectiveness of any army is its morale, which is largely based on its loyalty to the relevant state (government) and social order. The article raises the problem of an objective study of the loyalty of the armed forces during wartime. The main object of analysis is the Russian Imperial Army during the Russo-Japanese and the First World Wars. The author proposes to explore the loyalty of the armed forces using the appropriate indicator. Its values are calculated on the basis of empirical data on various types of combat casualties (killed, wounded and taken prisoner). The differences in loyalty of different types of troops (infantry, cavalry, artillery, engineering and Cossack troops, as well as border guards), on the one hand, are analyzed, and the loyalty of officers and soldiers of lower ranks in the army of the Russian Empire, on the other. In terms of loyalty to the state during the Russo-Japanese and the First World Wars, officers of the Russian Imperial Army, as a rule, outstripped the lower ranks. The greater level of loyalty of officers during the Russo-Japanese War, in particular, is indicated by differences in the nature of injuries received by officers and lower ranks on the battlefield, as well as by differences in the causes of their injuries. In the course of the Russo-Japanese War, officers of the border guard, engineering troops and cavalry, as well as lower ranks of cavalry, demonstrated the most loyalty, and the officers of artillery and the lower ranks of the engineering troops and artillery the least. During the First World War, officers of Cossack troops, border

guards and cavalry showed the greatest loyalty; and the loyalty level of officers of artillery, engineering troops and infantry was noticeably behind. Differences in loyalty of different contingent categories were due to the social origin of the officers and the lower ranks, as well as the type of military activity characteristic of different types of troops. There were noticeable differences in the degrees of loyalty of the troops of the Russian Empire and Japan, as well as of the armed forces of the main countries participating in the First World War. These differences were among the factors that determined the outcomes of the Russo-Japanese and the First World Wars.

References

1. Weber, M. (1980) *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie*. Tübingen: Mohr.
2. Posnov, M.E. (1991) *Gnostitsizm II veka i pobeda khristianskoy tserkvi nad nim* [Gnosticism of the second century AD and the victory of the Christian church over it]. Brussels: Zhizn' s bogom.
3. Valentinus et al. (2002) *Shkola Valentina. Fragmenty i svidetel'stva* [The Valentinus' school. Fragments and evidence]. Translated from ancient Greek by E.V. Afonasin. St. Petersburg: Aleteyya.
4. Merton, R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social theory and social structure]. Translated from English. Moscow: AST.
5. Sun Tzu, W. (2003) *Traktaty o voennom iskusstve* [Treatises on the Art of War]. Translated from Chinese. Moscow, St. Petersburg: Terra Fantastica.
6. Clausewitz, K. (1998) *O voyne* [On war]. Translated from German. Moscow: Logos-Nauka.
7. The General Staff of Russia. (1911) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1910 god* [Military-statistical yearbook of the army for 1910]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
8. The General Staff of Russia. (1913) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1911 god* [Military-statistical yearbook of the army for 1911]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
9. The General Staff of Russia. (1914) *Voенно-statisticheskiy ezhegodnik armii za 1912 god. Izdanie Glavnogo shtaba* [Military statistical yearbook of the army for 1912. The Edition of the General Staff]. St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great.
10. Rezhepo, P.A. (1903) *Statistika generalov* [The Statistics of Generals]. St. Petersburg: Tipografiya Trenke i Fyusno.
11. Rezhepo, P.A. (1905) *Statistika polkovnikov* [The Statistics of Colonels]. St. Petersburg: S.H. Zolotukhin.
12. Rezhepo P.A. (1909) *Ofiterskiy vopros* [The Officer Problem]. St. Petersburg: Russkaya Skoroпечатnya.
13. Oberuchev, K.M. (1909) *Nashi voennye vozhd'i* [Our military leaders]. Moscow: Trud.
14. Oberuchev, K.M. (1910) *Nashi komandiry (opyt statisticheskogo issledovaniya sluzhebного dvizheniya ofiserov)* [Our commanders (An essay on the statistical study of officers' careers)]. Kiev: R.K. Lubkovsky.
15. Denikin, A.I. (2002) *Ocherki russkoy smuty* [Essays on the Russian Troubles]. Vol. 1. Minsk: Kharvest.
16. Oberuchev, K.M. (1918) *Ofitsery v Russkoy revolyutsii* [The officers in the Russian revolution]. New York: Pervoe russkoe izdatel'stvo v Amerike.
17. Shpilrein, I.N., Reytnibarg, D.I. & Netsky, G.O. (1928) *Yazyk krasnoarmeytsa. Opyt issledovaniya slovarya krasnoarmeytsa Moskovskogo garnizona* [The language of the Red Army's soldier. The research of the idiolect of Red Army's soldier of Moscow garnison]. Moscow, Leningrad: Gosizdat.
18. Zayonchkovsky, P.A. (1973) *Samoderzhavie i russkaya armiya na rubezhe XIX–XX stoletiy* [The autocracy and the Russian army at the turn of the 20th century]. Moscow: Mysl'.
19. Dirivyankin, S.M. (2006) *Moral'nyy dukh ofitserov Rossiyskoy armii i ego ukreplenie: istoricheskiy opyt, uroki: 1900 – avgust 1914 g.* [The morale of the Russian officers and its strengthening: historical experience, lessons: 1900 – August 1914]. History Dr. Diss. Moscow.
20. Senyavskaya, E.S. (ed.) (2002) *Voенно-istoricheskaya antropologiya 2002* [Military-historical Anthropology]. Moscow: ROSSPEN.
21. Senyavskaya, E.S. (ed.) (2006) *Voенно-istoricheskaya antropologiya 2005/06. Aktual'nye problemy izucheniya* [Military-historical anthropology. 2005/06. Topical problems of study]. Moscow: ROSSPEN.
22. Golovin, N. (2008) *Nauka o voyne* [The science of war]. Moscow: Astrel'.

23. Krivosheev, G.F. (ed.) (2001) *Rossiya i SSSR v voynakh XX veka. Poteri vooruzhennykh sil. Statisticheskoe issledovanie* [Russia and the USSR in the wars of the 20th century. The loss of armed forces. Statistical research]. Moscow: Olma-Press.

24. Kozlovsky, N.I. (1911) *Statisticheskie dannye o poteryakh russkoy armii ot bolezney i raneniy v voynu s Yaponiey 1904–1905 gg.* [Statistical data on the losses of the Russian army from illnesses and wounds during the war against Japan in 1904–1905]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov.

25. Kozlovsky, N.I. (ed.) (1914) *Voyna s Yaponiey 1904–1905 gg. Sanitarno-statisticheskiy ocherk* [The war against Japan, 1904–1905 Sanitary-statistical essay]. Petrograd: Military Printing House of Empress Catherine the Great.

26. Denikin, A.I. (2003) *Put' russkogo ofitsera* [The Career of a Russian Officer]. Moscow: Vagrius.

27. Svechin, A.A. (2002) *Evolyutsiya voennogo iskusstva* [The evolution of the art of war]. Moscow: Akademicheskii proekt, Kuchkovo pole.

28. Makarov, Yu.V. (1951) *Moya sluzhba v Staroy Gvardii. 1905–1917. Mirnoe vremya i vojna* [My service in the Old Guard. 1905–1917. Peacetime and war]. Buenos Aires: Dorrego.

29. The USSR Central Office of the Department of Military Statistics. (1914) *Rossiya v mirovoy voyne 1914–1918 goda (v tsifrakh)* [Russia in the World War of 1914–1918 (in numbers)]. Moscow: Central Statistical Bureau.

30. Weber, M. (1988) *Gesammelte Aufsätze zur Soziologie und Sozialpolitik*. Tübingen: Mohr.

31. Denikin, A.I. (2005) *Staraya armiya. Ofitsery* [The Old Army. Officers]. Moscow: Ayris Press.

УДК 316-47

DOI: 10.17223/1998863X/52/17

Е.В. Сухушина, М.О. Абрамова, А.Ю. Рыкун

БАЗОВЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ПОСТРОЕНИЯ МОДЕЛЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВА МАСКУЛИННОСТИ (ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)¹

Анализируются особенности гендерной социализации в современном обществе. Представлены тенденции, существующие в этой области, такие как изменение роли отца в современной семье, профессионализация родительства и изменения в представлениях о нормативной маскулинности, а именно формирование идеи множественной маскулинности. На основе выделенных теоретически основных элементов социализации (цели и установки воспитания, агенты социализации и особенности процедуры) и анализа данных практического исследования качественного характера выделяется три актуальные для современного общества модели социализации мальчиков.

Ключевые слова: *гендерная социализация, модели воспроизводства маскулинности.*

В современном мире в ситуации, когда гендерные каноны все больше размываются, а гендерное многообразие становится все шире, особую остроту приобретает вопрос гендерной социализации.

В настоящее время в практике воспитания детей в семье существует несколько тенденций, оказывающих серьезное влияние на воспроизводство маскулинности. В числе наиболее значимых необходимо выделить три. В качестве первой отметим преобразование роли отца в современной семье. Изменения, наблюдаемые в рамках развития данного социального феномена, противоречивы. С одной стороны, статистика свидетельствует о росте количества детей, рожденных матерям-одиночками и о достаточно большом количестве разводов [1, 2], что ведет к воспитанию в неполных семьях; с другой стороны, некоторые исследования свидетельствуют, что даже при наличии фигуры отца в семье она носит в большей степени номинальный характер – отцы являются «отсутствующими фигурами» [3], т.е. даже при формальном наличии в семье психологически отдалены от ее проблем. Связано это как с тем, что институт отцовства в семье, согласно Т. Парсонсу [4], выполняет инструментальную роль и потому фигура отца должна быть дистанцирована от всего, что связано с домашними хлопотами, в том числе и от воспитания детей, а также с изменениями гендерного порядка, которые оказывают на данную сферу противоречивое влияние. Они выражаются в росте влияния женщины в публичной сфере, однако это не означает симметричного роста влияния мужчины в сфере семьи, что связано как с особенностями государственной политики в разных странах [5], так и с давлением стереотипов, оказывающих влияние на мужчин и женщин как индивидов, реализующих повседневные практики. На постсоветском пространстве данная тенденция

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта № 17-03-00842 «Настоящие» мальчики: современные вызовы социализации».

усиливается – история Советского Союза демонстрирует активное включение женщин в производственную сферу и даже выполнение государством некоторых традиционных мужских функций (например, обеспечение, в том числе и посредством распределительной системы) [6]. Последствия этого разнообразны и могут иметь как негативный, так и позитивный характер. Негативный выражается в одновременной потере преимуществ в публичной сфере и отчуждении мужчины от семьи [7], позитивный – в медленных, но все же имеющих изменениях в социальной политике, касающихся роли отца, в появлении феномена «вовлеченного» отцовства [8].

Вторая тенденция, оказывающая влияние на воспитание в целом и на воспроизводство маскулинности как его часть, – это профессионализация родительства [9]. Появляется множество институтов и практик, явно и неявно, строго и нестрого регламентирующих родительство как социальную практику. Специализированные книги, программы в СМИ, родительские курсы и школы, патронатные службы – все это указывает разным целевым аудиториям (преимущественно мамам, но также папам, бабушкам, дедушкам и другим агентам социализации), как себя правильно вести с ребенком на разных этапах его развития, причем часто эти правила связаны с полом ребенка.

Третьим фактором, непосредственно влияющим на воспроизводство маскулинности, являются представления о ее нормативной модели и кризисе маскулинности как причине ее трансформации. Многие исследователи, признавая, что существует множество типов маскулинности, в качестве критериев нормативной модели выделяют представленные Р. Бренноном: 1) отличаться от женщин и избегать всего женского, 2) стремиться к доминированию как над женщинами, так и над другими мужчинами, например принадлежащими к более низшим социальным слоям, 3) быть твердым, что выражается прежде всего в норме эмоциональной твердости, 4) не бояться насилия, быть всегда готовым к физической агрессии [10. С. 75–76]. Кризис маскулинности выражается в двух явлениях. Он проявляется в размывании ее канона – нельзя сказать, что перечисленные выше требования теряют свое значение, однако появляются новые, в том числе и им противоречащие, возникает представление о множественной маскулинности. Также само соблюдение канона традиционной маскулинности в современных социальных условиях становится все более проблематичным и несет за собой тяжелые психологические последствия для мужчин. Именно эта тема стала очень популярной в конце XX – начале XXI в. Ряд авторов говорят о гендерно-ролевых конфликтах, сопровождающих жизнь мужчины, и указывают на невыгодность роли мужчины в современном мире [11. С. 136–168].

Исследуемые модели представляют прежде всего некоторую мыслительную конструкцию (концепт, идеальный тип), созданную на основе теоретических и практических данных, и являются средством анализа, не обязательно широко распространенным в представленном виде в существующей социальной практике.

Авторы не ставят своей задачей производство синтетической модели воспроизводства маскулинности, а также выделение какой-либо модели как наиболее ценной для современного общества.

Существует множество подходов к определению модели, но все они согласны с тем, что модель – это схематическое представление какого-либо

объекта, которое выделяет наиболее важные, обязательные элементы данного объекта и показывает взаимосвязи между ними.

Когда речь идет о процессе социализации, выделяют следующие обязательные элементы:

1) усваиваемые цели и установки – нормативная система, предлагаемая индивиду, она отражает доминирующие представления о целях социализации;

2) агенты социализации – субъекты и социальные институты, оказывающие на объект социализации непосредственное и опосредованное воздействие;

3) процедура социализации – особенности процесса интериоризации предлагаемых норм.

Каждый из этих трех элементов в контексте рассматриваемой проблемы имеет возможные вариации.

В процессе социализации индивид усваивает определенные нормы, характерные для общества и опосредованные социальной группой, к которой он принадлежит. Усваиваемая нормативная система касается широкого спектра социальных ситуаций. Особенность современного общества в том, что базовым элементом его структурирования традиционно было разделение по полу. Это приводит к тому, что важным аспектом восприятия (как окружающих, так и самовосприятия) является отношение к полу, гендеру. Научение гендерной идентификации и самоидентификации является важной частью социализации.

Возникает необходимость определить, какие вариации целей и установок относительно гендерной социализации существуют на сегодняшний момент. Можно выделить два типа установок относительно воспроизводства маскулинности в воспитании мальчиков.

Первый тип – традиционно-ориентированный; в данном случае используется классический набор представлений о мужественности. Именно он определен каноном маскулинности, и его базовой установкой является тезис о противоположности мужчин и женщин. Второй тип – гендерно-нейтральный, ориентирован на воспитание гендерно-нейтральной личности, т.е. такой, которая в будущем не будет ограничивать себя гендерными установками или как минимум будет допускать их широкие вариации. В таком случае в процессе воспитания акцент делается на общих особенностях мужчин и женщин, нивелируется традиционная социокультурная разница.

Традиционным агентом социализации выступает семья. При анализе воспроизводства маскулинности необходимо обращать внимание на структуру семьи, прежде всего на наличие в ней отца как образца мужского поведения и на его отношение к воспитанию мальчика. Помимо этого, необходимо сказать о возможности замены, компенсации или усиления демонстрации «мужского поведения» другими членами семьи. Стоит отметить, что данный тип поведения – мужской – могут демонстрировать не только мужчины.

Другим важным агентом социализации являются школа и друзья. Большую роль в воспитании маскулинности традиционно играли система наставничества и сверстники. Также стоит отметить, что роль представления образца «мужского поведения» могут играть другие, внешние по отношению к семье агенты социализации, например тренер спортивной секции.

В рамках этого элемента можно выделить два направления построения возможных моделей воспроизводства маскулинности.

Во-первых, замкнутый на семью, когда считается, что все важные правила и установки могут и должны быть даны в семье, в этом случае члены семьи стремятся ограничивать внешнее воздействие на ребенка или по крайней мере значительно его контролировать.

Во-вторых, ориентированный вовне – в рамках данного типа реализуется установка, согласно которой ребенок должен как можно больше контактировать со сверстниками, чтобы получить адекватные современному обществу навыки общения. Считается, что ребенка нельзя ограничивать во внешних контактах, и он должен получить как можно больше разнообразного опыта, чтобы стать самостоятельным. Исследователи полагают, что этот подход в целом чаще реализуется в отношении мальчиков, чем в отношении девочек, потому что именно в отношении существует норма «твердости» (мальчик должен научиться терпеть жизненные невзгоды).

В рамках процедуры социализации можно также выделить два возможных подхода.

Согласно первому подходу (его можно условно назвать «целенаправленная социализация») в ребенке надо сознательно воспитывать и развивать определенные качества, необходимо продумывать и контролировать все элементы социализации, в случае необходимости – обращаться к соответствующим агентам. Например, если мальчик боится вступать в конфликт, надо отдать его в спортивную секцию, где его научат давать отпор обидчикам.

Второй подход (условно назовем его «случайная / нецеленаправленная социализация») заключается в том, что воспитание определяется обстоятельствами, отсутствуют план и представление о необходимых механизмах. Приемы социализации, определяемые агентами, меняются под воздействием внешних, часто случайных факторов. Безусловно, каждый ребенок всегда подвергается так называемому незапрограммированному, случайному воздействию, однако разница подходов заключается в том, как к этому относятся агенты, контролирующие социализацию. В рамках данного исследования целесообразно различать целенаправленную и нецеленаправленную («случайную») социализацию.

В рамках первого подхода родители сознательно отслеживают и корректируют процесс социализации, в рамках второго реагируют только на серьезные отклонения в процессе социализации ребенка.

Исходя из предложенных элементов, можно сделать вывод, что потенциально возможно 8 моделей социализации мальчиков, однако практическое исследование (была проведена серия фокус-групп с мамами, представителями полных семей и материями-одиночками, воспитывающими мальчиков) показало, что в настоящее время распространены лишь три модели. Сразу необходимо отметить, что любые теоретические модели носят идеальный, в веберовском смысле, характер, а методология качественного исследования не позволяет говорить о степени распространенности явления. Практические модели воспроизводства маскулинности, реализуемые в семьях, всегда будут немного отклоняться от идеальной модели.

Традиционно-ориентированная, замкнутая на семью, целенаправленная модель

Как правило, в семье придерживаются традиционных взглядов относительно стандарта мужского поведения, не допускают его вариаций и очень скептически относятся к разным отклонениям от него, допустимо высмеивание отклонений от традиционного гендерного шаблона.

«Все-таки должно быть вот это различие, важно, чтобы оно было. Мальчик – он воспитывается как мальчик, как мужчина, а девочка должна воспитываться как девочка, а у нас сейчас получается что-то странное» (Фокус-группа, мамы-одиночки).

Своим сыновьям родители открыто демонстрируют запрос на «мужское поведение», четко его операционализируя, – мужское поведение привязывается к однозначным чертам характера и видам действий. Наиболее строгие, однозначные представления о «правильном мужском поведении», имеют матери-одиночки.

«Как-то мы пришли к такому, что мы с ним, у нас нет вот таких вот каких-то особых проблем сейчас в общении, за исключением того, что – бывает периодически – он начинает у меня ныть. Я тогда ему сразу говорю – я не поняла, кто в доме пацан? Он говорит – я, я говорю – что ною? Все, он ныть перестанет» (Фокус-группа, мамы-одиночки).

Цель – воспитание «настоящего мужчины», достигается за счет контроля сферы, окружающей ребенка. Родители, близкие родственники определяют ближайшее окружение и приоритетные виды деятельности. Интересы ребенка подстраиваются под стандарты гендера.

«И вот сейчас у нас получилось такое трение: мой сын был у них в гостях, а подруга пошла ребятишек в хобби-центр записывать, и она его записала на „мягкую игрушку“, то есть своих записала и моего записала. Я говорю – он не пойдет на „мягкую игрушку“. „Ну он же вот хочет, ему интересно...“ Да ради бога, он любит что-нибудь руками делать, пожалуйста, вон всякие запчасти, детали, коробки, банки – пусть руками делает, но не мягкие игрушки. А она вот этого не понимает» (Фокус-группа, мамы-одиночки).

Примеры подобных семей можно найти как среди полных, так и среди неполных семей.

К реализации подобной модели склонны матери-одиночки – они заявляют ее как образец, которому стремятся соответствовать в действительности, однако в то же время они признаются в том, что в реальности не могут самостоятельно справиться с воспитанием мальчика, им свойственны постоянная рефлексия и сомнения в правильности воспитания сына.

С одной стороны, они осознают и признают, что нуждаются во внешнем наставнике для своего мальчика – особенно это актуально для воспитания детей дошкольного и младшего школьного возраста. С другой стороны, они склонны строго контролировать внешнее окружение, что блокирует возможность независимого общения ребенка и наставника.

Также подобная модель реализуется в полных семьях, при этом отмечается, что за нее выступают в большей степени отцы, в то время как матери дают свое молчаливое согласие.

«Я считаю тоже необязательно [посещать спортивные секции], если только ребенок сам хочет. Папа у нас считает, что обязательно, обяза-

тельно должен посещать такие вот мужские секции, мужские виды спорта всякие» (Фокус-группа, полная семья).

Гендерно-нейтральная, замкнутая на семью, нецеленаправленная модель

Данную модель в большей степени реализуют полные семьи. В рамках модели воспитывается просто ребенок, его пол имеет вторичное значение, как это ни странно, возможно, звучит. В ребенке стремятся воспитать прежде всего человека, личность.

«Но вот нужно чувствовать себя уверенно, в том что, чтобы жена не говорила: да ты без меня пропадешь. Я тоже так считаю, что мальчик должен уметь и постирать, и покушать приготовить должен» (Фокус-группа, полная семья).

При этом некоторые родители отмечают, что воспитание гендерно-конвенциональной личности может иметь тяжелые последствия для самого ребенка как в детстве, так и в будущей взрослой жизни.

«Поэтому мальчишкам говорят – ты же мальчик! Поэтому, вроде как, ты должен быть сильным, большим, достойным защитником. Слезы – это удел девочек. Хотя меня это страшно раздражает, потому что у меня 4 сына...» (Фокус-группа, мамы-одиночки)

«Я книжки давно там читала, поняла для себя – ладно, пусть у него там будут слезы, я постараюсь себя удержать. Многие считают, что если мужчины не могут проявить ласку и нежность – это потому, что когда-то им сказали, что нельзя плакать» (Фокус-группа, мамы-одиночки).

Родители стремятся контролировать окружение ребенка, круг его занятий. Признавая, что именно мальчикам, по сравнению с девочками, более важно для формирования мужской идентичности общаться со сверстниками, матери испытывают сильное беспокойство по этому поводу – мальчишеский мир предстает как мир, полный соблазнов, опасностей и неясных последствий.

«Ребенок вот пошел во 2-й класс. Я очень удивилась изменению ребенка. В школу пошел один ребенок, потом стал другим. Во-первых, конечно, взросление, во-вторых, многие прозрачные вопросы, которые раньше не возникали – они теперь возникли от общения со сверстниками... До школы у ребенка все равно было более избранное общение, а там общение такое, что ты никак не контролируешь, он вынужден с ними общаться» (Фокус-группа, мамы-одиночки).

В то же время родители (в лице матерей) подчеркивают, что в современном мире гендерные роли сближаются, и потому ребенку важно приобретать широкий опыт, нельзя делать акцент исключительно на воспроизводстве традиционной мужественности.

Традиционно-ориентированная, ориентированная вовне, целенаправленная модель

Данная модель в рамках практического исследования представляется наименее проявленной – содержательно она похожа на первую представленную модель, которая имеет довольно четкие очертания. Разница состоит только в том, как выстраиваются отношения с агентами социализации за пределами семьи. Родители отмечают, что ребенку нужно давать как можно больше самостоятельности, создавать для этого специальные ситуации, позволяющие получить как можно больше жизненного опыта. Этот подход более актуален в отношении сыновей старшего возраста.

«Мы не могли к нему подход найти некоторое время, ну а потом... отпустили... решили для себя, что не будем прям так настаивать на чем-то, напрягать, и в итоге – все. У меня даже родители... он вообще закрылся от всех. Я знала, что все нормально, все пройдет, а мне прям родители говорили – ну ты посмотри на него, он вообще, то есть, какой-то замкнутый стал, хотя он вообще не замкнутый ребенок, очень открытый. И все. Сейчас это все прошло, как не бывало. Само собой, видимо период такой прошел, и все» (Фокус-группа, полная семья).

«Я вот про большинство своих знакомых скажу – мамы склонны переоценивать свою задачу. Если завтра я помру – мои дети выживут. Они выживут, и с ними будет все прекрасно. Да, они погорюют, но они станут людьми в этом обществе, куда-то уедут... с ними все будет нормально, они обычные люди, у них должны быть трудности. Чем сейчас у них все идеальнее, тем сложнее им будет потом» (Фокус-группа, полная семья).

Допускается, что в реальности распространены и другие модели. В ходе практической части исследования возникли сложности на этапе сбора информантов, в результате существует опасность, что определенные социальные группы не попали в фокус исследования, и потому оно не дает возможности представить опыт всех социальных групп. Как представляется, за пределами остались неблагополучные семьи, которые имеют особый опыт в отношении воспитания детей. Предположительно (по ссылкам и отзывам участников исследования), для данной группы характерна традиционно-ориентированная, ориентированная вовне, нецеленаправленная модель воспроизводства маскулинности.

Таким образом, в современном обществе существует определенная нормативная модель мужественности. Она включает в себя нормы твердости и антиженственности, а также готовность к агрессивному поведению и стремление утвердить свою власть. Сегодня существует кризис маскулинности, что связано со сложностью реализации предъявляемых требований в современных культурных условиях, как результат – появление множественной маскулинности. Это подтверждают и результаты практического исследования – несмотря на то что оно демонстрирует доминирование традиционного нормативного представления (информанты указывают на то, что к мужчинам и женщинам предъявляются разные требования, и, содержательно описывая мужские черты, выделяют соответствующие традиционной модели – требование твердости, неэмоциональности, умение держать слово и защитить близких), также звучит точка зрения, что и мужчины, и женщины должны обладать традиционными универсальными общечеловеческими качествами.

В ходе исследования были выделены две преобладающие модели воспроизводства маскулинности. Сторонники первой выделенной модели (традиционно-ориентированная, замкнутая на семью, целенаправленная) считают, что в ребенке надо сознательно воспитывать и развивать определенные качества, необходимо продумывать и контролировать все элементы социализации, в случае необходимости – обращаться к соответствующим агентам. Вторая (гендерно-нейтральная, замкнутая на семью, нецеленаправленная) ориентирована на воспитание прежде всего человека, личность, пол в данном случае имеет вторичное значение.

Литература

1. Число неполных семей в России выросло до 6 миллионов // Рос. газ. 2012. 26 апр. URL: <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html>
2. Демографический ежегодник России – 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm
3. Кон И.С. кризис отцовства и вертикаль власти. URL: <http://polit.ru /article/2009/12/18/fatherthness/>
4. Парсонс Т. Американская семья и ее отношения с личностью и социальной структурой / пер.с англ. И.Н. Тартаковской. М. : ИС РАН, 1996.
5. Чернова Ж.В. Отцовство и модели социальной политики // Вестник Нижегородского университета. Сер. Социальные науки. 2011. № 4 (24). С. 81–86.
6. Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности: сб. ст. / сост. С. Ушакин. М. : Новое лит. обозрение, 2002. С. 432–451.
7. Лыткина Т.С. Домашний труд и гендерное разделение власти в семье // Социологические исследования. 2004. № 9. С. 85–90.
8. Авдеева А.В. «Вовлеченное отцовство» в современной России: стратегии участия в уходе за детьми // Социологические исследования. 2012. № 11. С. 95–104.
9. Чернова Ж.В. Профессионализация родительства: между экспертным и обыденным знанием // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 4, № 14. С. 521–534.
10. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. М. : Время, 2009. 496 с.
11. Берн М.Ш. Гендерная психология. М. : Прайм-Еврознак, 2004. 320 с.

Elena V. Sukhushina, Ph.D, Dean, Faculty of Philosophy, Tomsk State University.

E-mail: elsukhush@inbox.ru

Maria O. Abramova, Senior Lecturer, Department of Sociology, Faculty of Philosophy, Tomsk State University.

E-mail: abra@yandex.ru,

Artem Yu. Rykun, Vice-rector for International Affairs, Tomsk State University, Doctor Habil. of Sociology, Professor.

E-mail a_rykun@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 184–192.

DOI: 10.17223/1998863X/52/17

BASIC ELEMENTS OF MASCULINITY REPRODUCTION MODELS (PRACTICAL RESEARCH EXPERIENCE)

Keywords: gender socialization; masculinity reproduction models.

The article analyzes the features of gender socialization in modern society, i.e. the model of masculinity reproduction. The first part of the article presents social trends that affect socialization in general and gender socialization in particular. First of all, these trends include the changing role of the father in the modern family, the professionalization of parenthood and changes in ideas about hegemonic masculinity, i.e. the formation of the idea of multiple masculinity.

The second part of the article analyzes key elements of socialization and distinguishes the most relevant models of masculinity reproduction which are based on these elements. According to the authors the basic elements are parenting principles and objectives which are divided into tradition-oriented, gender-neutral, and agents of socialization. Thus, socialization can be focused on and beyond a family and specific features of the socialization process where two approaches can be distinguished (intentional and unintentional).

Following practical research carried out using qualitative methods and approaches, three models of masculinity reproduction have been identified that are relevant for the present-day society: tradition-oriented, family-oriented, intentional (1), gender-neutral, family-oriented, unintentional (2), tradition-oriented, non-family-oriented, intentional (3). The article considers their substantial features.

References

1. Rossiyskaya gazeta. (2012) *Chislo nepolnykh semey v Rossii vyroslo do 6 millionov* [The number of single-parent families in Russia has grown to 6 million]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2012/04/26/semiya-anons.html>.

2. The State Committee of Statistics. (n.d.) *Demograficheskiy ezhegodnik Rossii – 2017* [Demographic Yearbook of Russia – 2017]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm.
3. Kon, I.S. (2009) *Krizis otsovstva i vertikal' vlasti* [The crisis of paternity and the vertical of power]. [Online] Available from: <http://polit.ru/article/2009/12/18/fatherness/>.
4. Parsons, T. (1996) *Amerikanskaya sem'ya i ee otnosheniya s lichnost'yu i sotsial'noy strukturoy* [American family and its relations with the individual and social structure]. Translated from English by I.N. Tartakovskaya. Moscow: RAS.
5. Chernova, Zh.V. (2011) Fatherhood and family policy models. *Vestnik Nizhegorodskogo universitete. Seriya Sotsial'nye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. 4(24). pp. 81–86. (In Russian).
6. Zdravomyslova, E. & Temkina, A. (2002) Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskom diskurse [The crisis of masculinity in the late Soviet discourse]. In: Ushakin, S. (ed.) *O muzhe(N)stvennosti* [On (Wo)manhood]. Moscow: NLO. pp. 432–451.
7. Lytkina, T.S. (2004) Domashniy trud i gendernoe razdelenie vlasti v sem'e [Household chores and gender separation of power in the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 9. pp. 85–90.
8. Avdeeva, A.V. (2012) “Vovlechennoe otsovstvo” v sovremennoy Rossii: strategii uchastiya v ukhode za det'mi [“Involved fatherhood” in modern Russia: strategies for participating in childcare]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 95–104.
9. Chernova, Zh.V. & Shpakovskaya, L.L. (2016) The professionalization of parenthood: between common sense and expert knowledge. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki – The Journal of Social Policy Studies*. 4(14). pp. 521–534. (In Russian).
10. Kon, I.S. (2009) *Muzhchina v menyayushchemsya mire* [A Man in a Changing World]. Moscow: Vremya.
11. Burn, M.S. (2004) *Gendernaya psikhologiya* [The social psychology of gender]. Translated from English. Moscow: Praym-Evrozna.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 329.1 / 6 – 027.5: (477): 324' 2019
DOI: 10.17223/1998863X/52/18

Ю.А. Остапец, И.Ю. Остапец

ИЗМЕНЕНИЕ АКТОРНОЙ СТРУКТУРЫ И КОНФИГУРАЦИИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ УКРАИНЫ ПО ИТОГАМ ПРЕЗИДЕНТСКИХ И ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2019 ГОДА

Проанализировано влияние президентских и парламентских выборов 2019 года на конфигурацию партийной системы Украины. Сделан вывод, что акторная структура парламента изменилась на 80% (значение индекса волатильности (69) было самым высоким за всю историю парламентских выборов), а конфигурация партийной системы приобрела характеристики системы с доминирующей партией. Значения индексов национализации политических партий и партийной системы указывают на тенденцию регионализации партийного влияния и региональную природу многих украинских политических партий.

Ключевые слова: партийная система Украины, президентские выборы, парламентские выборы, конфигурация партийной системы.

Актуальность и методология исследования

Парламентские выборы 2014 и 2019 гг. существенно изменили акторную структуру и конфигурацию партийной системы Украины. Изменения были столь кардинальными, что в экспертной среде заговорили о «второй» и «третьей» украинской партийной системе, поскольку по результатам выборов 2014 г. в Верховную Раду (ВР) Украины прошли пять новых партий из шести, которые преодолели избирательный барьер, а в 2019 г. – четыре из пяти.

Причины таких изменений исследователи трактуют по-разному. Одни оценивают партии как институты, которые неэффективно выполняют свои функции, а партийную систему рассматривают как слабоинституционализированную [1]. Другие считают, что партии оказались в «институциональной ловушке», «устроенной» гибридным политическим режимом, а отсюда и недоверие к ним со стороны общества [2]. Третьи называют их оформленными патронажно-клиентарными сетями [3] и т.д. Но, несмотря на такие пессимистические оценочные суждения, политические партии продолжают занимать важное место в политической системе, являясь частью государственного механизма реализации властных отношений.

Отсюда и цель нашего исследования – охарактеризовать изменения, которые произошли в партийной системе Украины по итогам парламентских выборов 2014 и 2019 гг., и показать новые тенденции и перспективы ее развития.

Теоретическая модель нашего исследования построена на основании работ политологов, в которых анализируется влияние электоральных процессов

на партийные системы и их конфигурацию (В. Гельман, Г. Голосов, М. Дюверже, А. Кынев, К. Лоунсон, А. Романюк, Дж. Сартори, Р. Таагапера, Р. Туровский, М. Уоллерстайн и др.). Электоральная стратегия политических партий, с нашей точки зрения, обуславливается социокультурной и институциональной средой, в которой они находятся. Для каждой политической системы такое влияние имеет свои особенности, которые продиктованы своеобразием исторического развития, социально-демографической структурой, неповторностью демократического транзита (для переходных обществ) и т.д.

Наиболее важными факторами, влияющими на избирательный процесс и функционирование партийной системы Украины, являются следующие: а) нестандартность транзита и формирование гибридного политического режима; б) социально-политическое размежевание по оси «Восток–Запад», которое с 2002 г. структурирует поддержку политических партий на выборах; в) смешанная избирательная система; г) форма государственного правления, которая изменялась в 2004, 2010 и 2014 гг.; д) социальные потрясения: протестная акция «Украина баз Кучмы» (2001–2002), «оранжевая революция» (2004–2005), Евромайдан (2013–2014); е) кризис политической элиты и ее неспособность эффективно управлять обществом.

Для определения конфигурации партийной системы нами использованы эмпирические индикаторы: индекс эффективного числа партий Маркку Лааксо и Рейна Таагаперы, индекс волатильности Могенса Педерсена, индекс национализации политических партий (Party Nationalization Score, PNS) и партийных систем (Party System Nationalization Score, PSNS) Марка Джонса и Скотта Мейнуоринга [4, 5].

Под конфигурацией партийной системы следует понимать отношения между политическими партиями, которые преодолели избирательный барьер и получили возможность участвовать в формировании правительства и принятии управленческих решений, а также партий, которые не стали парламентскими, но получили поддержку избирателей (не менее 1%), имеют влияние на партийную конкуренцию и региональные властные структуры, что и определяет в конечном итоге тип партийной системы: двухпартийная, многопартийная, система с доминирующей партией и др.

Характеристика акторной структуры и конфигурации партийной системы Украины по результатам парламентских выборов 2014 года

Парламентские выборы 2014 г. были внеочередными и состоялись сразу после президентских выборов, на которых в первом туре (25 мая 2014 г.) победил П. Порошенко, получив 54,7% голосов избирателей. Центральная избирательная комиссия (ЦИК) зарегистрировала 52 партии – субъекты избирательного процесса. Речь идет о партиях, выдвинувших кандидатов в мажоритарных округах и в общенациональном избирательном округе. В избирательный бюллетень для голосования за партийные списки было внесено 29 политических партий [6]. Выборы состоялись по закону (с несущественными изменениями), который был принят в ноябре 2011 г. и устанавливал смешанную избирательную систему (225 депутатов избираются по мажоритарной системе в одномандатных округах, а еще 225 – на основании партийных списков в общенациональном избирательном округе) с 5%-ным избира-

тельным барьером и запретом блокам политических партий участвовать в выборах [7].

Доминирующее влияние на избирательную кампанию имели Евромайдан (протестные акции в Украине, ноябрь 2013 г. – февраль 2014 г.) и президентские выборы, которые радикально изменили позиционирование партийно-политических сил накануне выборов. Главными субъектами избирательного процесса стали следующие политические партии. Во-первых, партии, образованные в результате Евромайдана: политическая партия (ПП) «Блок Петра Порошенко» (с ней подписал соглашение о совместном участии в выборах лидер ПП «УДАР» В. Кличко), ПП «Народный фронт», ПП «Правый сектор», ПП «Объединение „Самопомощь“». Во-вторых, преемница Партии регионов – ПП «Оппозиционный блок», которую образовали шесть малоизвестных партий. В-третьих, в выборах участвовали известные избирателю партийные бренды Всеукраинское объединение (ВО) «Батькивщина», ВО «Свобода», Партия зеленых Украины, ПП «Гражданская позиция» и др. В-четвертых, как всегда, в выборах участвовали малоизвестные партийные структуры с целью собственной электоральной рекламы накануне местных выборов 2015 г. [8. С. 344–345].

По итогам выборов в Украинский парламент прошло пять новых политических партий: ПП «Народный фронт», ПП «Блок Петра Порошенко», ПП «Оппозиционный блок», ПП «Объединение „Самопомощь“», Радикальная партия Олега Ляшка. Из прежнего состава Верховного Совета проходной барьер преодолело только ВО «Батькивщина» (результаты выборов представлены в табл. 1).

Таблица 1. Результаты выборов в Верховную Раду Украины 26 октября 2014 г. [6]

Название политической партии	МОИО, %	PNS	МИО, количество мандатов	ОИО, количество мандатов	Всего
ПП «Народный фронт»	22,14	0,75	64	18	72
ПП «Блок Петра Порошенко»	21,82	0,89	63	69	132
ПП «Объединение „Самопомощь“»	10,97	0,81	32	1	33
ПП «Оппозиционный блок»	9,43	0,42	27	2	29
Радикальная партия Олега Ляшка	7,44	0,81	22	0	22
ВО «Батькивщина»	5,68	0,85	17	2	19
ВО «Свобода»	4,71	0,75	–	6	6
Партия Сергея Тигипка «Сильная Украина»	3,11	–	–	1	1
ПП «Заступ»	2,65	–	–	1	1
ПП «Правый сектор»	1,8	–	–	1	1
ПП «Воля»	–	–	–	1	1
Самовыдвиженцы	–	–	–	96	96
Всего			225	198	423*

Примечание. МОИО – многомандатный общенациональный избирательный округ; PNS – индекс национализации политических партий; ОИО – одномандатный избирательный округ.

* В 27 округах выборы не проводились.

Внеочередные выборы в ВР Украины 2014 г. кардинально изменили формат партийной системы и ее акторную структуру. Изменения, произошедшие в акторной структуре партийной системы дают возможность назвать ее «второй украинской партийной системой». Первая была сформирована в процессе развития на протяжении 1991–2012 гг. Таким образом, изменения в

украинской партийной системе в течение 2014 г. привели к появлению новых партийных брендов, однако не новых способов организации и функционирования политических партий.

Эмпирические показатели развития партийной системы по результатам парламентских выборов в Украине представлены в табл. 2. Как видно из таблицы, в 2014 г. существенно увеличились показатели эффективного числа электоральных партий и индекс волатильности. Индекс волатильности составил 61, что и было результатом появления в парламенте пяти новых партий. Индекс национализации партийной системы (0,76) свидетельствовал о высоком уровне гомогенности голосования прежде всего за парламентские политические партии.

Таблица 2. Эмпирические показатели развития партийной системы Украины по результатам парламентских выборов 1998–2019 гг.

Индекс	Годы						
	1998	2002	2006	2007	2012	2014	2019
ENPS	4,9	4,7	3,4	3,3	4,3	4,8	2,7
ENPV	9,0	6,9	5,2	3,8	4,9	7,5	4,4
IPed	–	46	50	17	36	61	69
PSNS	0,65	0,62	0,66	0,68	0,72	0,76	0,74

Примечание. ENPS – индекс эффективного числа парламентских партий; ENPV – индекс эффективного числа электоральных партий; IPed – индекс волатильности М. Педерсена; PSNS – индекс национализации партийной системы Джонса–Мейнуоринга.

Выборы в местные советы 25 октября 2015 г. завершили «революционный электоральный цикл» (2014–2015) и окончательно сформировали акторный состав и конфигурацию партийной системы. По итогам местных выборов 2015 г. в местные советы были избраны представители 88 партий. Из них лишь немногие выдвинули кандидатов и получили по итогам выборов представительство в местных советах большинства регионов Украины, претендуя, таким образом, на статус всеукраинских [9]. Кроме парламентских партий по результатам местных выборов к партийной системе Украины можно отнести и следующие политические партии: ПП «Украинское объединение патриотов» (УКРОП), ВО «Свобода», ПП «Наш край», ПП «Возрождение», Аграрную партию Украины, ПП «Гражданская позиция», Народную партию.

Характеристика изменений в партийной системе Украины по итогам президентских и парламентских выборов 2019 года

Парламентские выборы 21 июля 2019 г. прошли под существенным влиянием стратегий и меседжей президентской избирательной кампании (март–апрель 2019 г.), которую политические эксперты назвали «третьим» туром президентских выборов. Но если голосование на президентских выборах было протестным и направленным против старой политической элиты и правящей элиты во главе с П. Порошенко, то на парламентских выборах можно было увидеть консолидацию украинских граждан вокруг новых политических идей и трендов, в том числе и европейского выбора Украины.

Логика избирательной кампании была построена кандидатами следующим образом: часть кандидатов с проевропейскими лозунгами рассчитывала на поддержку Запада и Центра Украины, а другая часть – Востока и Юга. Она была оправдана многолетней политической практикой и обеспечивала на

протяжении 1991–2014 гг. стабильные электоральные дивиденды как провластным, так и оппозиционным политическим силам, хотя взамен общество получало региональное противостояние [10. С. 87–89].

Президентские выборы 2019 г. отличались от предыдущих тем, что электорат был настроен на кардинальные изменения украинского политикума. И такое желание электората, которое фиксировалось в социологических исследованиях [11], совпало с появлением внесистемного, не связанного со старыми политическими элитами кандидата – В. Зеленского. В. Зеленский свою кампанию построил несколько по-другому, не используя социокультурные месседжи, которые разделяют электорат на восточный и западный (язык, вера, геополитические ориентиры), а акцентировал внимание на проблемах, которые являются общими для всех, – прекращение войны, преодоление коррупции, повышение благосостояния [12]. Расчет избирательного штаба В. Зеленского оказался правильным. Его внесистемность, акцент на жизненно важные проблемы дали свои электоральные результаты, и он одержал убедительную победу на выборах. Во втором туре он получил 73,22% голосов избирателей, а его оппонент П. Порошенко – 24,45%. В. Зеленский победил во всех областях Украины, кроме Львовской [6].

Итак, по результатам президентских выборов можно сделать следующие выводы. Во-первых, «озеленение» (цвет партии В. Зеленского «Слуга народа») не означало объединения Украины. Электорат Украины остался, как и прежде, разделенным на уровне идентичностей (восточный / западный). Его объединение возможно за счет взвешенной национальной политики, которая должна учитывать интересы населения как Востока, так и Запада Украины. Во-вторых, президентские выборы имели существенное влияние на парламентскую избирательную кампанию, очертив формат ее проведения и основные векторы политической конкуренции, а также показав рейтинг политических партий, которые поддерживали кандидатов.

Парламентские выборы 2019 г. были внеочередными, поскольку ВР Украины была распущена Указом Президента Украины В. Зеленского сразу после его инаугурации 21 мая 2019 г. как таковая, и распалось парламентское большинство.

Условно участников парламентской избирательной кампании можно разделить следующим образом: 1) пропрезидентская партия «Слуга народа»; 2) парламентские политические партии: ВО «Батькивщина», ПП «Объединение „Самопомощь“», ПП «Европейская Солидарность» (образована в результате ребрендинга ПП «Блок Петра Порошенко „Солидарность“», ПП «Оппозиционный блок»; 3) известные партийные бренды, неоднократно принимавшие участие в избирательных кампаниях: ВО «Свобода», ПП «Гражданская позиция», Аграрная партия Украины, ПП «Сила и Честь» и др.; 4) новые политические партии, которые впервые принимали участие в парламентских выборах: ПП «Голос», ПП «Украинская стратегия Гройсмана», ПП «Партия Шария», ПП «Сила людей» и др. [13. С. 70].

Результаты парламентских выборов 2019 г. существенным образом изменили конфигурацию партийной системы Украины как на общенациональном, так и региональном уровне. По итогам выборов 5%-ным барьер голосов избирателей преодолели четыре новые партии из пяти, которые прошли в парламент: ПП «Слуга народа», ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь»,

ПП «Европейская Солидарность», ПП «Голос». Из предыдущего Верховной Рады в новый состав прошло только ВО «Батькивщина». Поэтому изменения в формате партийной системы позволяют назвать ее «третьей» партийной системой в Украине («вторая», как отмечено выше, была образована по итогам парламентских выборов 2014 г., когда в парламент прошло пять новых партий). Результаты выборов представлены в табл. 3.

Таблица 3. Результаты выборов в Верховную Раду Украины 21 июля 2019 г. [6]

Название политической партии	МОИО, %	PNS	МИО, количество мандатов	ОИО, количество мандатов	Всего
ПП «Слуга народа»	43,16	0,89	124	130	254
ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь»	13,05	0,55	37	6	43
ВО «Батькивщина»	8,18	0,77	24	2	26
ПП «Европейская Солидарность»	8,1	0,73	23	2	25
ПП «Голос»	5,82	0,58	17	3	20
ПП «Оппозиционный блок»	3,03	0,56	–	6	6
ПП «Объединение „Самопомощь“»	0,62	0,57	–	1	1
ВО «Свобода»	2,15	0,55	–	1	1
ПП «Единый Центр»	–	–	–	1	1
ПП «Белая Церковь вместе»	–	–	–	1	1
Самовыдвиженцы	–	–	–	46	46
Всего			225	199	424*

Примечание. МОИО – многомандатный общенациональный избирательный округ; PNS – индекс национализации политических партий; ОИО – одномандатный избирательный округ.

* В 26 округах выборы не проводились.

В ходе парламентских выборов ПП «Слуга народа», которая ассоциировалась с В. Зеленским, не спекулировала на идентичностной проблематике (европейский выбор, восстановление исторической памяти, национальная церковь и пр.), что и позволило ей получить равномерный результат по Украине (индекс национализации – 0,89). ПП «Слуга народа» в предвыборной риторике умело учла амбивалентность украинского электората (западный / восточный), акцентировав на борьбе с коррупцией, изменении старой политической элиты и т.п. Главный побудительный мотив голосования за ПП «Слуга народа» – кризис доверия к старым политическим элитам, и прежде всего к действующей власти [14].

Итак, по результатам парламентских выборов можно сделать следующие выводы. Во-первых, произошло коренное изменение акторной структуры и конфигурации партийной системы. Партийная система приобрела контуры системы с доминирующей партией. Эффективное число парламентских партий уменьшилось до 2,7, а электоральных – до 4,4. В то же время индекс волатильности имел самый большой показатель на протяжении 1998–2019 гг. (69), что объясняется «электоральной революцией» 2019 г. В отличие от ПП «Слуга народа» большинство других партий имели в основном региональное влияние, что подтверждают расчет индекса национализации и зональность их электоральной поддержки: ПП «Европейская Солидарность» – 0,73, ПП «Голос» – 0,58, ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь» – 0,55, ПП «Оппозиционный блок» – 0,56. Все они теряли голоса избирателей по мере продвижения с запада на восток (ПП «Европейская Солидарность», ПП «Голос», ВО «Свобода»), или наоборот – с востока на запад (ПП «Оппозиционная плат-

форма – За жизнь», ПП «Оппозиционный блок», ПП «Партия Шария»). По этой причине общий показатель индекса национализации партийной системы Украины составил 0,74 (это среднее значение по сравнению с развитыми европейскими демократиями).

ПП «Слуга народа» показала абсолютный электоральный рекорд за всю историю парламентских выборов, набрав 43,16% голосов избирателей (124 мандата) и получив 130 депутатских мандатов в мажоритарных округах. Таким образом, она единолично сформировала новое правительство, взяв на себя всю ответственность за внутреннюю и внешнюю политику государства.

Во-вторых, политические партии, достигшие успехов на выборах, были образованы незадолго до выборов путем ребрендинга или раскола известных партийных структур, и потому все они были виртуальными организациями, не имевшими накануне выборов разветвленных организационных структур в регионах Украины. Несмотря на это, они смогли получить весомую поддержку избирателей.

ПП «Слуга народа» была образована путем ребрендинга Партии решительных изменений, которая была зарегистрирована 13 апреля 2016 г. Политическая идеология партии – либертарианство. Название получила по одноименному украинскому комедийному политическому сериалу, в котором главную роль президента, которым стал учитель истории, сыграл В. Зеленский. Использование телесериалов, художественных фильмов – это одна из политических технологий, которая успешно использовалась в электоральной практике для достижения победы на выборах.

ПП «Голос» образована по инициативе фронтмена известной украинской рок-группы «Океан Эльзы» С. Вакарчука путем переименования ПП «Платформа инициатив» 21 мая 2019 г. Политическая идеология партии – правоцентризм, проевропеизм. Как и ПП «Слуга народа», ПП «Голос» не имела к началу избирательной кампании партийной структуры в регионах.

ПП «Европейская Солидарность» – это ПП «Блок Петра Порошенко „Солидарность“», которая 24 мая 2019 г. изменила свое название. Повод для ребрендинга – поражение П. Порошенко на президентских выборах и необходимость изменения политической стратегии и тактики.

ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь» была образована в результате раскола ПП «Оппозиционный блок», олицетворяющей собой прежнюю Партию регионов, которая всегда состояла из двух условных групп: «донецких / промышленников» (Р. Ахметов, В. Новинский) и «представителей газового бизнеса» (Д. Фирташ, С. Лёвочкин, Ю. Бойко).

Новыми субъектами избирательного процесса также стали ПП «Украинская стратегия Гройсмана», ПП «Партия Шария». Указанные партии получили существенную поддержку избирателей (более 2% голосов), что обеспечит им государственное финансирование. Первая создана теперь уже экс-премьер-министром Украины В. Гройсманом, который решил с собственной политической силой принять участие в парламентских выборах, а вторая – политическая партия известного блогера А. Шария.

Итак, большинство субъектов избирательного процесса, за исключением ВО «Батькивщина», ВО «Свобода», Радикальной партии Олега Ляшка, ПП «Оппозиционный блок», практически не имели организационных структур в регионах, были виртуальными структурами, осуществляли агитационную

работу с помощью политической рекламы в средствах массовой коммуникации и социальных сетях. Поэтому выборы показали возрастание роли социальных сетей в избирательной кампании и возможности влияния «виртуальных» партий на исход голосования. Указанную тенденцию можно назвать тенденцией к «виртуализации» украинской партийной системы.

В-третьих, низкий рейтинг получили политические силы, которые спекулировали угрозой русофобии, национализма, фашизма – ВО «Свобода». Несмотря на то, что она на своей платформе объединила еще четыре националистические партии (ПП «Национальный корпус», Конгресс украинских националистов, Организацию украинских националистов, ПП «Правый сектор»), ее результат составил всего 2,15% голосов избирателей [15].

В-четвертых, выборы в мажоритарных округах разрушили старую патрон-клиентальную модель голосования, когда кандидат-мажоритарщик занимался благоустройством округа, раздавал материальную помощь (как денежную, так и продуктовую), а избиратели «благодарили» его за это своими голосами. Мы считаем, что вернуться в будущем к такой модели голосования будет практически невозможно, что является еще одним аргументом для установления пропорциональной избирательной системы.

Выводы

Президентские и парламентские выборы 2019 г., с нашей точки зрения, можно назвать «украинской электоральной революцией», по крайней мере исходя из двух причин. Во-первых, в результате выборов произошла смена поколений в украинской политической элите, поскольку к власти пришло молодое поколение в возрасте от 25 до 35 лет с целью кардинального изменения украинского политикума. И во-вторых, решительных изменений требовали украинские граждане, и это было главным мотивационным фактором голосования. Главным месседжем обеих избирательных кампаний было требование изменения старой политической элиты, поэтому наибольшее количество голосов избирателей получили политические партии, которые это предлагали и сами были представлены новыми именами (ПП «Слуга народа», ПП «Голос»). Сравнительный анализ парламентских выборов 2014 и 2019 гг. представлен в табл. 4. Результаты анализа показывают сущность кардинальных изменений в партийной системе Украины по итогам парламентских выборов 2019 г. Но следует также отметить, что за парламентские партии и партии, которые получили более 2% голосов избирателей, отдано практически равное количество голосов.

Высокий уровень волатильности со сравнительно невысоким значением индексов национализации политических партий по результатам парламентских выборов 2019 г. – свидетельство того, что, несмотря на существенные изменения в акторной структуре партийного формата, остается высоким уровень неоднородности (региональности) партийных предпочтений граждан Украины. И повышение уровня электоральной гомогенности по результатам парламентских выборов 2014 и 2019 гг. (значение PSNS) еще не определяет тенденцию к повышению уровня национализации партийной системы, поскольку отношение к идентичностным характеристикам социума до и в течение избирательных кампаний 2019 г. оставалось поляризованным по линии «Восток–Запад».

Таблица 4. Сравнительный анализ парламентских выборов 2014 и 2019 гг.

Показатель	Выборы 2014	Выборы 2019
Дата проведения	26 октября	21 июля
Избирательная система	Смешанная (225 мандатов в одномандатных округах и 225 по спискам партий в многомандатном общенациональном округе). Избирательный барьер – 5%. Блокам политических партий запрещено принимать участие в выборах. Закон Украины «О выборах народных депутатов Украины» (17 ноября 2011 г.)	Смешанная (225 мандатов в одномандатных округах и 225 по спискам партий в многомандатном общенациональном округе). Избирательный барьер – 5%. Блокам политических партий запрещено принимать участие в выборах. Закон Украины «О выборах народных депутатов Украины» (17 ноября 2011 г.)
Тип выборов	Внеочередные	Внеочередные
Парламентские партии	ПП «Народный фронт», ПП «Блок Петра Порошенко», ПП «Объединение „Самопомощь“», ПП «Оппозиционный блок», Радикальная партия Олега Ляшка, ВО «Батькивщина». Отдано голосов – 77,48%	ПП «Слуга народа», ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь», ВО «Батькивщина», ПП «Европейская Солидарность», ПП «Голос». Отдано голосов – 78,31%
Партии, которые получили более 2% голосов избирателей	ВО «Свобода», Коммунистическая партия Украины, Партия Сергея Тигипка «Сильная Украина», ПП «Заступ», ПП «Правый сектор», ПП «Воля». Отдано голосов – 17,45%	ПП «Оппозиционный блок», ПП «Объединение „Самопомощь“», ВО «Свобода», ПП «Партия Шария», ПП «Украинская стратегия Гройсмана», Радикальная партия Олега Ляшка, ПП «Сила и Честь». Отдано голосов – 17,65%
Самовыдвиженцы	46	96
ENPS	4,8	2,7
ENPV	7,5	4,4
Iped	61	69
PSNS	0,76	0,74
Количество субъектов избирательного процесса	52 (мажоритарные округа и партийные списки)	65 (мажоритарные округа и партийные списки)
Количество партий, внесенных в бюлеть для голосования	29	22
Состав правительственной коалиции	ПП «Народный фронт», ПП «Блок Петра Порошенко», ПП «Объединение „Самопомощь“», Радикальная партия Олега Ляшка, ВО «Батькивщина»	Многочисленность ПП «Слуга народа» (254 депутата)
Конфигурация партийной системы	Партийная система умеренного плюрализма	Партийная система с доминирующей партией

Акторная структура парламента изменилась на 80% (показатель индекса волатильности Педерсена (69) был самым высоким за всю историю парламентских выборов), а конфигурация партийной системы приобрела характеристики системы с доминирующей партией (индекс эффективного количества парламентских партий уменьшился до 2,7 при этом ПП «Слуга народа» получила 59,7% депутатских мандатов).

Как общенациональную, так и региональную конфигурацию партийной системы Украины образуют следующие составляющие: 1) общенациональные парламентские политические партии, которые на выборах преодолели избирательный барьер (ПП «Слуга народа», ПП «Оппозиционная платформа – За жизнь», ВО «Батькивщина», ПП «Европейская Солидарность», ПП «Голос»); 2) общенациональные непарламентские партии, получившие на выбо-

рах в ВР України не менше 2% голосів виборців (ПП «Оппозиційний блок», ПП «Об'єднання „Самопоміч“», ВО «Свобода», ПП «Партия Шарія», ПП «Українська стратегія Гройсмана», Радикальна партія Олега Ляшка, ПП «Сила і Честь»); 3) регіональні політичні партії, які представлені в обласних і районних радах декількох областей (ПП «Українське об'єднання патріотів» (УКРОП), ВО «Свобода», ПП «Наш край», ПП «Возродження», Аграрна партія України, ПП «Громадянська позиція»); 4) субрегіональні партії (політичні партії одного / декількох одномандатних виборчих округів; локальні партії, які ситуативно використовують місцеві політики для забезпечення електоральної підтримки на виборах в органи місцевого самоврядування (ПП «Партия простих людей Сергія Каплина» (Полтава), ПП «Доверяй делам» (Одеса), ПП «Єдиний Центр», «КМКС-Партия венгров України», Демократична партія венгров України (Закарпаття)).

Литература

1. *Національна єдність у конкурентному суспільстві : аналітична доповідь*. Київ : ІНІСД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2018. 288 с.
2. *Мацієвський Ю.* У пастці гібридності: зигзаги трансформацій політичного режиму в Україні (1991–2014). Чернівці : Книга – XXI, 2016. 277 с.
3. *Ганжа А.М.* Політичні партії України як формалізовані патронажно-клієнтарні мережі // Вісник ХНУ імені В.Н.Каразіна. Сер. Питання політології. 2016. Вип. 30. С. 62–65.
4. *Голосов Г., Григорьев В.* Национализация партийной системы: российская специфика // Политическая наука. 2015. № 1. С. 128–156.
5. *Туровский Р.* Национализация и регионализация партийных систем: подходы к исследованию // Полития. 2016. №1. С.162–180.
6. *Офіційний сайт Центральної Вибірчої Комісії*. URL: <http://www.cvk.gov.ua> (дата обращения: 10.10.2019).
7. *Про вибори народних депутатів України : закон України (17 листопада 2011 р.)*. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4061-17> (дата обращения: 10.10.2019).
8. *Остапеч Ю.* Електоральні процеси в Україні: загальнонаціональний та регіональний виміри : дис. ... д-ра політичних наук. Львів, 2016. 550 с. URL: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_ostapets.pdf (дата обращения: 10.10.2019).
9. *Янішевський С.* Локальні політичні проекти: чинники виникнення та перспективи політичної діяльності (за підсумками місцевих виборів – 2015). URL: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/8> (дата обращения: 10.10.2019).
10. *Трансформація партійної системи: український досвід у європейському контексті / за ред. Ю. Якименка*. Київ : Центр Разумкова, 2017. 428 с.
11. *Україна напередодні року виборів: запити суспільства, позиції політичних акторів, контури нової влади // Національна безпека і оборона*. 2018. № 3–4. 135 с.
12. *Рябчук М.* Випробування виборами. URL: <https://zbruc.eu/node/91268> (дата обращения: 10.10.2019).
13. *Остапеч Ю, Ільтьо Г.* Регіональний вимір конфігурації партійної системи України // Гілея. Науковий вісник. Київ, 2019. Вип. 17. С. 67–74.
14. *Ермолаев А., Емец В., Ермолаев Д., Левцун А., Надтока Ю., Щербина В.* Выборы в Украине: итоги и риски (коллективные размышления) / под общ. ред. А. Ермолаева. Киев, 2019. URL: <http://sg-sofia.com.ua/vibori-v-ukraineitogi-i-riski-kollektivni-razmishleniya-avgust2019> (дата обращения: 10.10.2019).
15. *Фесенко В.* Дневник парламентских выборов – 2019: финал. URL: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/fesenko/> (дата обращения: 10.10.2019).

Yurii O. Ostapets, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine).

E-mail: yu.ostapets@gmail.com

Iryna Yu. Ostapets, Uzhhorod National University (Uzhhorod, Ukraine).

E-mail: iryna.ostapets@uzhnu.edu.ua

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 193–204.

DOI: 10.17223/1998863X/52/18

CHANGES OF THE ACTOR STRUCTURES AND CONFIGURATION OF UKRAINE'S PARTY SYSTEM BY THE RESULTS OF 2019 PRESIDENTIAL AND PARLIAMENTARY ELECTIONS

Keywords: party system of Ukraine; presidential elections, parliamentary elections; configuration of party system.

The article analyzes the impact of 2019 presidential and parliamentary elections on the configuration of Ukraine's party system. The authors of the article used the Laakso-Taagepera Index of Effective Number of Parties, the Pedersen Index of Volatility, Jones and the Mainwaring Party Nationalisation Score Index to study the configuration of the party system. The authors characterized the actor structure and format of the party system of Ukraine by the results of 2014 parliamentary elections. The authors pointed out that the political parties, which were formed after the Euromaidan, won the elections (November 2013 – February 2014). As a result of the elections, five new political parties out of six overcame the electoral barrier and formed the Verkhovna Rada of Ukraine, in particular: Blok Petra Poroshenka [Petro Poroshenko Bloc], Narodnyi front [People's Front], Obyednannya "Samopomich" [Union "Self Help"], the Radical Party of Oleh Lyashko, Opozytsiynyi Blok [Opposition Bloc]. The authors researched the 2019 presidential and parliamentary elections in the context of their influence on the party system. The decisive influence of the presidential election on the parliamentary election campaign was stated. As a result of the parliamentary elections, five political parties overcame the 5% electoral barrier, with four of them elected to the Verkhovna Rada for the first time. These parties formed on the eve of elections by either splitting in existing party structures (Opozytsiyna Platforma – Za Zhyttya [Opposition Platform – For Life]) or rebranding (Yevropeyska Solidarnist [European Solidarity], Sluha Narodu [Servant of the People], Holos [Voice]. Only the All-Ukrainian union Batkivshchyna [Fatherland] stayed in the Verkhovna Rada from the previous composition. The authors emphasized that the political party Sluha Narodu won 254 deputy's seats and formed the government individually. The authors concluded that the parliamentary actor structure had changed by 80% (the Pedersen Index of Volatility comprised 69 and was the highest in the history of parliamentary elections), and the configuration of the party system acquired characteristics of the system with a dominant party (the Index of Effective Number of Parties decreased to 2.7; the party received 59.7% of parliamentary seats). The Party Nationalisation Score Index (0.74) remained low by the elections results, with the Nationalization Score Index for individual parties even lower (Opozytsiyna Platforma – Za Zhyttya (0.55), Opozytsiynyi Blok (0.56), Holos (0.58), the All-Ukrainian union Svoboda [Freedom] (0.55)). Such indicators state the tendency to regionalization of the party influence and to the regional nature of political parties.

References

1. Mayboroda, O.M. (ed.) (2018) *Natsional'na ednist' u konkurentnomu suspil'stvi: analitichna dopovid'* [National Unity in Competitive Society: Analytical Report]. Kyiv: NAS of Ukrain.
2. Matsievsky, Yu. (2016) U pastsi gibridnosti: zigzagi transformatsiy politichnogo rezhimu v Ukraini (1991–2014) [In the trap of Hybridity: Zigzags of Ukraine's Political Regime Transformations (1991–2014)]. Chernivtsi: Kniga – XXI.
3. Ganzha, A. (2016) Politichni partii Ukraini yak formalizovani patronazhno-klientarni merezhi [Political parties in Ukraine as formal patron-client networks]. *Visnik KhNU imeni V.N.Karazina. Pitannya politologii*. 30. pp. 62–65.
4. Golosov, G. & Grigoriev, V. (2015) Party System Nationalization: The Case of Russia. *Politicheskaya nauka – Political Science*. 1. pp. 128–156. (In Russian).
5. Turovsky, R. (2016) Nationalization and regionalization of party systems: approaches to research. *Politiya – Politeia*. 1. pp.162–180. (In Russian). DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-162-180
6. *The Central Election Committee of Ukraine*. (n.d.) The official website. [Online] Available from: <http://www.cvk.gov.ua> (Accessed: 10th October 2019).
7. Ukraine. (2011) *Zakon Ukraini "Pro vibori narodnikh deputativ Ukraini" (17 listopada 2011 r.)* [The Law of Ukraine "On Amendments to the Constitution of Ukraine"]. [Online] Available from: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/4061-17> (Accessed: 10th October 2019).

8. Ostapets, Yu. (2016) *Elektoral'ni protsesi v Ukraïni: zagal'nonatsional'niy ta regional'niy vimiri* [Electoral processes in Ukraine: nation-wide and regional dimensions]. Political Science Dr. Diss. Lviv. [Online] Available from: http://www.lnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/dis_ostapets.pdf (Accessed: 10th October 2019).
9. Yanishevsky, S. (2015) *Lokal'ni politichni proekti: chinniki viniknennya ta perspektivi politichnoï diyal'nosti (za pidsumkami mistsevikh vboriv-2015)* [Local political projects: factors of the origin and prospects of political activity (based on the results of local elections – 2015)]. [Online] Available from: <http://www.niss.gov.ua/catalogue/8> (Accessed: 10th October 2019).
10. Yakimenko, Yu. (ed.) (2017) *Transformatsiya partiynoi sistemi: ukraïns'kiy dosvid u evrop-ey's'komu konteksti* [The transformation of the party system: Ukrainian experience in the European context]. Kyiv: Tsentr Razumkova.
11. Ukrainian Think Tanks Liaison Office in Brussels. (2018) *Ukraïna naperedodni roku vboriv: zapiti suspil'stva, pozitsii politichnikh aktoriv, konturi novoï vladi* [Ukraine on the Eve of Elections: Expectations of Society and Stances of Political Actors as the New Power Looms]. *Natsionalna bezpeka i oborona – National Security and Defence*. 3–4.
12. Ryabchuk, M. (2019) *Viprobuvannya vborami* [The Test of Power]. [Online] Available from: <https://zbruc.eu/node/91268> (Accessed: 10th October 2019).
13. Ostapets, Yu. & Ilto, G. (2019) *Regional'niy vimir konfiguratsii partiynoi sistemi Ukraïni* [Regional Dimension of the Ukrainian Party System Configuration]. *Gileya. Naukoviy visnik*. 17. pp. 67–74.
14. Ermolaev, A., Emets, V., Ermolaev, D., Levtsun, A., Nadtoka, Yu. & Shcherbyna, V. (2019) *Vybory v Ukraïni: itogi i riski (kollektivnyye razmyshleniya)* [Ukrainian Elections: Key Take-Aways and Challenges (Collective Reflections)]. [Online] Available from: <http://sg-sofia.com.ua/vibori-v-ukraïneitogi-i-riski-kollektivni-razmyshleniya-avgust2019> (Accessed: 10th October 2019).
15. Fesenko, V. (2019) *Dnevnik parlamentskikh vyborov – 2019: final* [2019 Parliamentary Election Diary: Final]. [Online] Available from: <https://blogs.pravda.com.ua/authors/fesenko/> (Accessed: 10th October 2019).

УДК 321+32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/52/19

Н.В. Полякова

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: НАЦИОНАЛИЗМ VS ЗАПАДНОРУСИЗМ

Рассмотрены особенности выстраивания политики памяти в современной Беларуси на примере практик символической коммеморации – создания новых мемориалов, памятников и музеев. Делается вывод, что их функционирование в белорусском публичном пространстве отражает многовекторность политики памяти, основу которой составляет взаимодействие конкурирующих проектов – национализма и западнорусизма, элементы которых используются в официальном историческом нарративе.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, национализм, западнорусизм, Беларусь.

Символические аспекты политики памяти наглядным образом демонстрируют специфику ее функционирования в том или ином сообществе. Публичные мемориальные практики посредством символической, иллюстративной репрезентации коллективной памяти способствуют ее переводу в действенно-практический контекст, что предопределяет их политическую значимость: «Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытном смысле превращается в нечто иное: она становится коммеморациями» [1. С. 152]. Как подчеркивает английский историк Патрик Х. Хаттон, описывая специфику политики коммеморации, ее можно определить как проблему «идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [2. С. 30]. Обращаясь к особенностям выстраивания политики памяти в современной Беларуси, необходимо отметить особое место, которое в этих процессах занимают коммеморативные практики, связанные с созданием новых мемориалов, памятников и музеев, число которых в последние годы здесь интенсивно растет. Разноплановый характер этих новых проектов наглядно отражает сосуществование в современном белорусском публичном дискурсе нескольких конкурирующих между собой линий политики памяти.

На официальном уровне можно наблюдать преобладание неосоветского нарратива, сфокусированного вокруг репрезентации и реинтерпретации событий Великой Отечественной войны на территории БССР как ключевых моментов для формирования белорусской национальной идентичности. Специфическим стержнем этого нарратива являются в первую очередь темы партизанского движения на территории республики и огромных жертв среди населения. Так, согласно результатам последних исследований в этой области, подтверждаются ранее заявленные данные, согласно которым в годы войны погиб каждый четвертый житель республики: «С учетом поправок можно допустить, что численность населения Беларуси, погибшего на ее территории, на фронтах, на принудительных работах в Германии, а также умер-

шего естественной смертью (возраст, болезни, голод – 557,7 тыс. человек) на земле БССР и в советском тылу... 2,3–2,45 млн человек, что составляет примерно 25% довоенного населения. Это вполне соответствует утвердившемуся понятию „каждый четвертый“» [3. С. 14–15]. Однако некоторые ученые, например, один из ведущих специалистов по истории Холокоста на территории БССР, белорусский историк Э.Г. Иоффе, отстаивают точку зрения о более значительных потерях и приходят к выводу, что погиб каждый третий житель республики (см.: [4]).

В советский период уделялось большое внимание именно монументальному увековечиванию памяти о тех событиях, и сегодня в Беларуси насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений Великой Отечественной войны, которые, в отличие от многих других бывших республик СССР, бережно охраняются, реставрируются и поддерживаются в надлежащем виде. Кроме того, постоянно идет строительство новых мемориалов, посвященных различным специфическим аспектам памяти о событиях Великой Отечественной войны. В последние годы коммеморации подвергаются не только события, связанные с собственно военными победами (например, к 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в д. Раковичи Светлогорского района Гомельской области был открыт мемориальный комплекс «Операция Багратион», посвященный одной из крупнейших наступательных военных операций Великой Отечественной войны), но и «травматические» страницы военной истории, в том числе имеющие отношение к Холокосту (например, строительство мемориала «Тростенец» в память о жертвах одного из крупнейших в Европе лагерей смерти было начато в окрестностях г. Минска в 2015 г., а его торжественное открытие, на которое приехали федеральные президенты Германии и Австрии Франк-Вальтер Штайнмайер и Александр Ван дер Беллен, состоялось 29 июня 2018 г.). Таким образом, в официальном дискурсе памяти белорусский образ войны как его стержневой компонент имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР, но на современном этапе эта тенденция к спецификации продолжает углубляться, что характерно в целом для практик коммеморации, посредством которых независимые сообщества стремятся манифестировать собственные ключевые отличия [5. С. 12]. Белорусский социолог А.Л. Ластовский отмечает, что «в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом» [6. С. 93].

При этом параллельно с несоветским нарративом продолжают развиваться два других, традиционно находящихся в оппозиции друг к другу, – белорусского национализма и западнорусизма, элементы которых в различных пропорциях ситуативно используются на современном этапе и в официальном дискурсе белорусской политики памяти.

Точкой отсчета белорусского национализма в исследовательских кругах принято считать выход в свет в 1891 г. в Кракове книги уроженца Виленской губернии Франциска Богусевича «Дудка белорусская». В предисловии к этому поэтическому сборнику автор, выступивший под псевдонимом Мацей Бурачок, сформулировал так называемую программу «белорусской идентичности», которая была взята на вооружение формировавшимся в тот период движением белорусского национализма. Это программа, ставшая своеобраз-

ным националистическим манифестом, сохраняет свое значение в рамках белорусского националистического дискурса до настоящего времени. Основными ее пунктами были утверждение особой языковой общности белорусов и идеализация Великого княжества Литовского как «золотого века» в истории белорусского народа, когда, по словам автора, со времен Гедимина и Витовта «в середине Литвы, как то зернышка в орехах, была наша земля — Беларусь!» [7]. В этом предисловии Богушевич определил белорусскую идентичность в границах распространения «отцовского исконного», «белорусского» языка, который несправедливо называли «мужицким»: «...от Вильнюса до Мозыря, от Витебска за малым не до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вильнюс и много городков и деревень...» [Там же].

В современной версии белорусского националистического нарратива, направленного в первую очередь против России как значимого Другого, конкурируют при этом две версии о происхождении белорусов. Согласно ранней националистической версии акцент делался на более «чистом», славянском происхождении белорусов в отличие от русских, в генезисе которых присутствовал сильно выраженный финно-угорский и даже азиатский элемент: «Белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа, и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом Белоруссии нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне... Великорусское же племя явилось в сильнейшей мере результатом скрещивания славянского племени с финнами и тюрками» [8. С. 24]. Позднее в националистическую аргументацию добавляется «балтский миф», который инструментально оказывается более удобным для полного исключения белорусов из «общерусского» контекста (см.: [9]). В итоге «белорусский национализм изначально держался на „трех китах“: культивирование белорусского языка, фетишизация литовского периода в истории Белоруссии и постулирование разного „состава крови“ у белорусов и великорусов» [10].

В свою очередь, проект западнорусизма также оформился в дореволюционный период, в первую очередь под влиянием впечатлений от событий польского восстания 1863–1864 гг. и мер по его подавлению. Как отмечает белорусский историк Д.В. Карев, эти события «заставили многих публицистов, общественных и государственных деятелей, ученых страны открыть для себя Беларусь и „белорусский вопрос“ не только как вполне ощутимые реалии политического настоящего империи, но и как явление, имеющее древние исторические корни и свою историю» [11. С. 92]. Сложившийся на этой основе проект западнорусизма был изначально сориентирован на версию об этноцивилизационном единстве всех восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов) и критически настроен по отношению к различным формам выстраивания национальной идентичности восточных славян вне общего контекста: «И хотя западнорусизм получил свое развитие преимущественно на белорусской земле, своим культурно-идеологическим и политическим потенциалом он охватывает всю Западную Русь, к которой географически принадлежит не только Белоруссия, но и значительная часть Украины» [12]. Стоявший у истоков этого направления уроженец Гродненской губернии, историк, политический публицист и издатель М.И. Коялович, полагавший, что белорусы являются самобытной частью русского народа наравне с

великороссами и малороссами, а местное белорусское наречие – это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями, в самом названии своих «Лекций по истории Западной России» обозначил этимологию термина «западнорусизм» (см.: [13]). На современном этапе сторонники данного проекта стремятся к поддержанию идеи общей «русскости» как системообразующего принципа и, как следствие, к стиранию различий в рамках общего культурного, социоэкономического и геополитического пространства. При этом украинская и белорусская культура, украинский и белорусский языки не отвергаются, но рассматриваются в западнорусизме как составные элементы общерусской культуры. В свою очередь, их оппоненты из националистического лагеря квалифицируют идеи западнорусизма как проявление российской имперской идеологии в современной Беларуси.

Оба этих нарратива – национализма и западнорусизма – представлены в белорусском символическом пространстве очень неравномерно. Проект белорусского национализма оказывается сегодня в более выигрышном положении: в последние годы можно наблюдать явную активизацию практик коммеморации отдельных элементов истории Великого княжества Литовского, а также Речи Посполитой, ставшей после Люблинской унии 1569 г. наследницей данной традиции, в первую очередь посредством установки памятников видным политическим фигурам того периода. Так, 24 июня 2014 г. в Витебске, на Рыночной площади, напротив Свято-Воскресенской церкви и городской ратуши, вопреки протестам со стороны противников этого мемориального проекта, был установлен памятник великому князю литовскому Ольгерду [14]. Показательно, что первоначально в центре Витебска планировалась установка наряду с памятником Ольгерду и памятника русскому князю Александру Невскому и его жене – витебской княжне Александре – с сыном Василием, но под нажимом националистического лобби этот проект тогда не был осуществлен. В 2015 г. эта тема снова попала в ракурс публичного обсуждения, а положительные подвижки по поводу памятника некоторые эксперты напрямую связывали с прошедшим 3 марта 2015 г. в Москве награждением Президента Беларуси А.Г. Лукашенко российским Орденом Александра Невского. В конечном итоге проект был все-таки реализован: 24 июня 2016 г. памятник Александру Невскому с женой и сыном был торжественно установлен рядом с Благовещенской церковью в центре Витебска [15]. В начале сентября 2019 г. в г. Лида Гродненской области был торжественно открыт памятник еще одному политическому лидеру Великого княжества Литовского – князю Гедимину, а сейчас прорабатывается вопрос об установке памятника князю Миндовгу в г. Новогрудке. Кроме того, активно проводятся коммеморации в форме музейных проектов, связанных с историческими фигурами, прославившимися своей антироссийской деятельностью в более поздний имперский период. Так, еще в 2004 г. была восстановлена усадьба лидера Польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко в г. Коссово (Ивацевичский район Брестской области), где родился национальный герой Польши. На восстановление усадьбы, которая была сожжена в период Великой Отечественной войны (в августе 1942 г.), и организацию на ее базе нового музейного пространства были выделены средства из госбюджета Республики Беларусь, а также на этот проект был получен грант правительства США, чьим национальным героем периода Войны за независимость (1775–

1783) также является Т. Костюшко. Таким образом, подобные практики коммеморации, опирающиеся на инициативы соответствующих заинтересованных политико-идеологических сил и региональных властей, находят сегодня поддержку в Беларуси и на общегосударственном уровне: поиск национальной идентичности приводит белорусские власти к инкорпорированию элементов местного, обычно антироссийски ориентированного национализма в собственный официальный дискурс.

В свою очередь, коммеморативные символические проекты западнорусизма в современной Белоруссии, в отличие от идейно-просветительских и научных проектов этой направленности, развиваются в настоящее время не столь интенсивно. Скорее, можно отметить наличие практики сохранения и развития уже имеющегося наследия в этой области, нежели создание новых мемориальных объектов (например, господдержка музея А.В. Суворова в г. Барановичи Брестской области или Военно-Исторического музея им. П.И. Багратиона в г. Волковыске Гродненской области). В последние годы на общерусскую идеологию западнорусизма, постулирующую национальное единство великорусов и белорусов, в Беларуси наложен негласный запрет, несмотря на периодически появляющиеся популистские заявления Президента РБ А.Г. Лукашенко о братском единстве русского и белорусского народов. Эта тенденция особенно возобладали после украинского кризиса, когда белорусская официальная элита заняла выжидающе-настороженную, охранительную позицию (см.: [16]). В случае конфликта интересов этих двух оппонирующих друг другу нарративов официальные белорусские власти отдают зачастую приоритет националистическим проектам коммеморации, традиционно имеющим антироссийскую направленность. Так, показателен пример с памятным знаком, установленным у государственного профессионально-технического колледжа в г.п. Видзы (Браславский район Витебской области), с которого под давлением националистически ориентированной белорусской общественности и соответствующих СМИ были в начале сентября 2019 г. демонтированы герб Российской империи и надпись о том, что училище было открыто 1 сентября 1803 г. по указу императора Александра I [17]. Данный пример очень показателен, поскольку хорошо иллюстрирует характер и специфику выстраивания отношений между белорусским государством и представителями националистического проекта на современном этапе: после кампании против этого памятного знака, развернувшейся в националистически ориентированных СМИ и социальных сетях, приведшей к сбору подписей за его демонтаж на платформе petitions.by, Министерство культуры Беларуси после проведения консультаций с Национальной академией наук потребовало принять соответствующие меры у областных и районных властей, в результате чего с памятного знака были удалены российский герб и все поясняющие надписи.

Таким образом, подобные особенности функционирования практик символической коммеморации наглядно демонстрируют многовекторность политики памяти в современном белорусском публичном пространстве, в котором ведутся постоянные дискуссии о том, что следует помнить, что нужно вспоминать, а что следует забыть. В основе этой политики – сосуществование конкурирующих проектов, которое приводит к процессам фрагментации исторической памяти и гибридного наложения различных

нарративов национальной идентичности. В результате акцент на интегрирующей функции коммемораций оказывается оттесненным на задний план, что вносит определенный диссонанс в саму стратегию формирования национальной идентичности. Кроме того, эти процессы оказывают негативное влияние и на формирование ценностно-мировоззренческой картины мира, создавая предпосылки для углубления конфликтного напряжения в белорусском обществе: «Когда общество или отдельная группа принимают решение о сохранении в коллективной памяти того или иного события или личности, они одновременно принимают решение о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков» [18. С. 80].

Литература

1. Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : Канон+, 2007. 480 с.
2. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003. 424 с.
3. Литвин А.М. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Наука и инновации. 2015. № 5 (147). С. 4–16.
4. Иоффе Э.Г. Ах, война, что наделала, подлая // Беларуская думка. 2000. № 8. С. 147–152.
5. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М. : Новое изд-во, 2011. С. 7–17.
6. Ластовский А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4 (102). С. 88–99.
7. Богусевич Ф. Вступление к сборнику стихов «Дудка беларуская». URL: <https://stihi.d3.ru/frantishek-bogushevich-dudka-belaruskaia-1083764/?sorting=rating> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2011. 590, [1] с.
9. Шимов Вc. Белорусы – не славяне, Беларусь – это Литва: разбираем мифы националистов // Камертон : сетевой литературный и исторический журнал. URL: <https://webkamer-ton.ru/user/2612> (дата обращения: 19.10.2019).
10. Аверьянов-Минский К. Белоруссия: местечковый национализм против западнорусизма / News Front : информационное агентство. URL: <https://news-front.info/2017/04/28/belorusiya-mestechkovuj-natsionalizm-protiv-zapadnorusizma/> (дата обращения: 22.09.2019).
11. Карев Д.В. Западнорусизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на историческую идеологию) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2009. № 2 (80). С. 91–102.
12. Гулевич Вл. Идеология западнорусизма // Сегодня.ру : информационно-аналитическое сетевое издание. URL: <http://www.segodnia.ru/content/112644> (дата обращения: 10.09.2019).
13. Коялович М.И. Лекции по истории Западной России. М. : Тип. Бахметева, 1864. 393 с.
14. В Витебске установили памятник князю Ольгерду // Наша Нива. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=130420&lang=ru> (дата обращения: 05.10.2019).
15. Памятник Александру Невскому и его семье устанавливают в Витебске // Информационное агентство БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/regions/view/pamjatnik-aleksandrunevskomu-i-ego-semje-ustanavlivajut-v-vitebske-198196-2016/> (дата обращения: 21.10.2019).
16. Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М. : ММО «СIS-ЕМО», 2015. 192 с.
17. Дашчынскі А. «Не даспадобы людзям, то калі ласка». У Відзах з «памятнага знаку» дэмантавалі герб Расейскай імперыі // Радио Свобода. URL: <https://www.svaboda.org/a/30150205.html> (дата обращения: 24.10.2019).
18. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: воспитательный и образовательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 205–212.

DOI: 10.17223/1998863X/52/19

ON SYMBOLIC ASPECTS OF THE MODERN BELARUSIAN POLITICS OF MEMORY: NATIONALISM VS ZAPADNORUSIZM

Keywords: politics of memory; commemoration; Nationalism; Zapadnorusizm; Belarus.

The article analyzes the features of building the politics of memory in modern Belarus on the example of symbolic commemoration practices: the creation of new memorials, monuments and museums. By the example of different cases, the author demonstrates how the diverse nature of these new projects clearly reflects the coexistence of several competing lines of memory policy—Nationalism and Zapadnorusizm (Westrussianism)—in the modern Belarusian public discourse. At present, the elements of these lines in different proportions are also used in the official discourse of the Belarusian politics of memory. At the official level, the Neo-Soviet narrative prevails, which is focused around the representation of the events of the Great Patriotic War as the key moments for the formation of the Belarusian national identity: the specific core of this narrative is, first of all, the themes of the guerrilla movement and the huge number of victims among the population. The project of Belarusian nationalism is built around three main points: the cultivation of the Belarusian language, the fetishization of the Lithuanian period in the history of Belarus and the postulation of different “blood composition” in Belarusians and Russians. In turn, the project of Zapadnorusizm at the present stage seeks to maintain the idea of a common “Russianness” as a system-forming principle and, as a consequence, to erase the differences within the common cultural, socioeconomic and geopolitical space. The article notes that both of these competing narratives – Nationalism and Zapadnorusizm – are presented unevenly in the Belarusian symbolic space. Using examples of symbolic commemoration, the author demonstrates that the project of Belarusian nationalism is now in a more advantageous position, and, in the case of a conflict of interests, the official Belarusian authorities often give priority to nationalist projects of commemoration, which traditionally have an anti-Russian orientation. The search for national identity leads the Belarusian authorities to incorporate elements of local, usually anti-Russian-oriented nationalism into their official discourse. It is concluded that the practices of symbolic commemoration clearly demonstrate the multi-vector nature of the politics of memory in modern Belarus. The coexistence of these competing projects leads to the fragmentation of historical memory and the hybrid stratification of different narratives of national identity.

References

1. Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Translated from English. Moscow: Kanon +.
2. Hutton, P.H. (2003) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. Translated from English by V.YU. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Litvin, A.M. (2015) O lyudskikh poteryakh Belarusi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On human losses in Belarus during the Great Patriotic War]. *Nauka i innovatsii – Science and Innovations*. 5(147). pp. 4–16. (In Russian).
4. Ioffe, E.G. (2000) Akh, voyna, chto nadelala, podlaya [Ah, the vile war, what you have done]. *Belaruskaya dumka*. 8. pp. 147–152.
5. Zerubavel, Ya. (2011) Dinamika kolektivnoy pamyati [The dynamics of collective memory]. In: Gerasimov, I., Mogilner, M. & Semenov, A. (eds) *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 7–17.
6. Lastovsky, A.L. (2009) Spetsifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetским proshlym i natsional'noy perspektivoy [Specificity of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya – Russian Public Opinion Herald*. 4(102). pp. 88–99.
7. Bogushevich, F. (n.d.) *Vstuplenie k sborniku stikhov “Dudka belaruskaya”* [Introduction to the collection of poems “The Belarusian flute”]. [Online] Available from: <https://stihi.d3.ru/frantishek-bogushevich-dudka-belarusskaia-1083764/?sorting=rating> (Accessed: 10th October 2019).
8. Dovnar-Zapolsky, M.V. (2011) *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus.
9. Shimov, Vs. (n.d.) *Belorusy – ne slavyane, Belarus' – eto Litva: razbiraem mify natsionalistov* [Belarusians are not Slavs, Belarus is Lithuania: we analyze myths of nationalists]. [Online] Available from: <https://webkamerton.ru/user/2612> (Accessed: 19th October 2019).

10. Averyanov-Minsky, K. (2017) *Belorussiya: mestechkovyy natsionalizm protiv zapadnorusizma* [Belarus: local nationalism against West Russianism]. [Online] Available from: <https://news-front.info/2017/04/28/belorussiya-mestechkovyj-natsionalizm-protiv-zapadnorusizma/> (Accessed: 22nd October 2019)
11. Karev, D.V. (2009) Zapadnorusizm i ego predstaviteli v belorusskoy istoriografii poreformnogo perioda (k probleme vliyaniya politiki na istoricheskuyu ideologiyu) [West Russianism and its representatives in the Belarusian historiography of the post-reform period (on the influence of politics on historical ideology)]. *Vesnik Grodzenskaga dzyarzhaj'naga y'niversiteta imya Yanki Kupaly – Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science.* 2(80). pp. 91–102.
12. Gulevich, V.I. (2012) *Ideologiya zapadnorusizma* [Ideology of West Russianism]. [Online] Available from: <http://www.segodnia.ru/content/112644> (Accessed: 10th September 2019)
13. Koyalovich, M.I. (1864) *Lektsii po istorii Zapadnoy Rossii* [Lectures on the History of Western Russia]. Moscow: Tip. Bakhmeteva.
14. *Nasha Niva*. (2014) V Vitebske ustanovili pamyatnik knyazyu Ol'gerdu [A monument to Prince Olgerd has been erected in Vitebsk]. [Online] Available from: <https://nn.by/?c=ar&i=130420&lang=ru> (Accessed: 5th October 2019).
15. BELTA. (2016) *Pamyatnik Aleksandru Nevskomu i ego sem'e ustanavlivayut v Vitebske* [Monument to Alexander Nevsky and his family is being erected in Vitebsk]. [Online] Available from: <https://www.belta.by/regions/view/pamjatnik-aleksandru-nevskomu-i-ego-semje-ustanavlivajut-v-vitebske-198196-2016/> (Accessed: 21st October 2019).
16. Averyanov-Minsky, K. & Maltsev, V. (2015) *Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira* [Belarusian nationalism against the Russian world]. Moscow: CIS-EMO.
17. Dashchynski, A. (2019) “*Ne daspadoby lyudzyam, to kali laska*”. U Vidzakh z “*pamyatnaga znaku*” demantavali gerb Raseyskay imperyi. [Online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30150205.html> (Accessed: 24th October 2019).
18. Shub, M.L. (2016) Sovremennye kommemorativnye praktiki: vospitatel'nyy i obrazovatel'nyy potentsial [Modern commemorative practices: educational potential]. *Chelyabinskiy gumanitariy.* 3(36). pp. 80–87.

УДК: 32.001(470+571) 66.1(2)
DOI: 10.17223/1998863X/52/20

Б.А. Прокудин, Д.А. Прокудина

«СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА» С.Т. АКСАКОВА КАК ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ ИДЕАЛ КРЕПОСТНОГО СТРОЯ И ПРИГОВОР ЕМУ: ИСТОРИКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

В конце 1850-х гг. мы наблюдаем удивительный факт: представители двух главных общественных направлений в России – «революционные демократы» и славянофилы (шире – консерваторы) – одинаково восторженно приветствовали публикацию «Семейной хроники» С.Т. Аксакова, причем интерпретация этого литературного произведения была совершенно противоположной. Первые увидели в тексте доказательство для обличения отживших крепостнических порядков, вторые – выразительное описание старинного традиционного уклада, основу вековых хозяйственных отношений в России. Эта статья – попытка реконструировать общественный идеал, выраженный в произведении Аксакова.

Ключевые слова: С.Т. Аксаков, Н.А. Добролюбов, С.П. Шевырев, славянофильство, патриархальный идеал.

Введение. Казус «семейной хроники»

Сергей Тимофеевич Аксаков не считал себя идеологом, формально не принадлежал к славянофильству и избегал давать социально-политические определения своим произведениям. Он был писателем и пытливым наблюдателем жизни. В 1847 г. он выпустил книгу «Записки об уженье», в 1952 г. – «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». Читая эти очерки бывалого рыболова и охотника, создается впечатление, что их автор, влюбленный в природу натуралист, не просто систематизирует свои многолетние наблюдения, как лучше ловить рыбу и стрелять птиц, а, разглядывая жизнь природы, пытается приблизиться к постижению ее тайн. И книги его воспринимались современниками не только как охотничьи справочники, но и как сочинения, имеющие свойства художественной литературы.

А потом Аксаков написал «Семейную хронику» (1856), состоящую из пяти «отрывков»². Произведение это было посвящено истории семьи, в центре которой стоял образ его дедушки, названного в книге Багровым. И здесь Аксаков выступил как пытливый наблюдатель. Беспристрастно описывая и симпатичные, и пугающие черты личности дедушки-Багрова, он будто тоже хочет разгадать тайну этой незаурядной личности. Не делая окончательных выводов относительно натуры своего героя и специфики помещицкой жизни

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00344.

² В начале 1856 г. первые три отрывка: «Степан Михайлович Багров», «Михайла Максимович Куролесов» и «Женитьба молодого Багрова», – вместе с «Воспоминаниями» вышли отдельным изданием. Необычайный успех книги побудил Аксакова выпустить ее летом того же года вторым изданием «с прибавлением двух отрывков», появившихся в «Русской беседе» и «Русском вестнике» уже после выхода в свет первого издания. Таким образом, лишь во втором издании «Семейная хроника» вышла в полном составе.

XVIII в., Аксаков приглашает читателей разгадывать дедушку вместе и самостоятельно давать интерпретации прочитанному.

И вот после выхода «Семейной хроники», этого, казалось бы, интимного семейного произведения, книга Аксакова вдруг стала знаменем двух конфликтующих партий. Оказалось, что ее можно свободно интерпретировать двумя противоположными способами: как антикрепостническую книгу и как сочинение, содержащее идеализированное описание патриархального быта. В таких интерпретациях «Семейная хроника» вдруг получила серьезное политическое содержание, а дискуссия о книге – общественное значение.

Действительно, выход в свет «Семейной хроники» стал событием для русской литературы. Успех книги Аксакова был необычайным. «Как бы ни были велики мои надежды на успех моей книги – действительность превзошла всякие самолюбивые ожидания, – писал 2 февраля 1856 г. Аксаков своему сыну Ивану. – Я начинаю бояться, что сам увлекусь этим потоком искренних восторгов» [1. С. 237]. Современники стали сравнивать успех Аксакова с успехами Пушкина и Гоголя. В письме к Вацлаву Ганке историк А.Ф. Гильфердинг писал: «Со времен Пушкина ни одна книга не имела у нас такого успеха, никто не писал таким русским языком, как этот 65-летний старик, недавно выступивший у нас в литературе» [2. С. 214]. «Издание „Хроники“ встречено было с таким восторгом, – вспоминал два года спустя Н.А. Добролюбов, – какого, говорят, не бывало со времени появления „Мертвых душ“. Все журналы наполнились статьями о С.Т. Аксакове» [3. С. 168].

Однако, несмотря на «восторг всех журналов» и «беспримечное единодушие похвал» (см.: [4. С. 1]), по мнению С.А. Венгерова, автора «Критико-биографического словаря русских писателей и ученых», «Семейной хронике» «не повезло» в отношении серьезных критических оценок [5. С. 191]. Действительно, читая наиболее крупные отзывы на «Семейную хронику», появившиеся в год ее выхода, мы видим, что все они были достаточно спокойными, комплементарными и похожими друг на друга. Критики были представителями совершенно разных социально-политических и эстетических направлений, но С.С. Дудышкин на страницах «Отечественных записок» (см.: [6. С. 69–90]) почти вторил Н.П. Гилярову-Платонову, опубликовавшему свою рецензию в «Русской беседе» (см.: [4. С. 1–69]), а Ф.А. Дмитриев, автор «Русского вестника» (см.: [7. С. 461–481]), – П.В. Анненкову из «Современника» (см.: [8. С. 1–24]). Все признавали, что Аксаков написал книгу о XVIII в. с явным сочувствием старине, но действительность не «лакировал», и получилось правдиво и поучительно.

Приговор всему «прежнему времени»

По-настоящему поводом для обострения общественной борьбы биографическая трилогия Аксакова стала через два года, когда были напечатаны «Детские годы Багрова-внука» (1858). Нужно сказать, что это произведение пользовалось меньшей популярностью у публики, и мы не будем говорить о нем отдельно, но публикация 1858 г. причудливым образом дала возможность современникам новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и увидеть в ней серьезную социально-политическую составляющую.

Толчком к «политизации» «Семейной хроники» стала статья Н.А. Добролюбова «Деревенская жизнь помещика в старые годы». Добролюбов вошел

в историю русской критики и социально-политической мысли как создатель особого метода прочтения художественных произведений, названного им «реальной критикой», суть которого состояла в умении автора использовать литературные произведения лишь как повод для разговора о социальных проблемах. Его метод окончательно оформился в поздних статьях 1859–1860 гг., но именно в статье «Деревенская жизнь помещика...» 1858 г. Добролюбов впервые заявил, что эстетические достоинства текста его интересоваться не будут и что сосредоточится он исключительно на содержании – жизни помещиков и крестьян при крепостном рабстве (подробней об эволюции метода «реальной критики» см.: [9. С. 143–160]). Мир «Семейной хроники» стал для Добролюбова как социолога исследовательским полем, и первоначальная гипотеза о том, что крепостное право оказывает негативное влияние на социальное и нравственное устройство русской жизни, нашла массу подтверждений.

Добролюбов показал «старинный произвол помещичьей власти», во всех подробностях разобрав взаимоотношения основных героев «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова-внука» с их дворовыми людьми и крепостными крестьянами. Этот «системный» (или «социологический») подход позволил ему показать «всеобъемлющий» характер крепостных отношений, основанный на произволе помещиков и раблении крестьян при скудости общего образования.

Более того, на примере семьи Багровых Добролюбов доказал, что «неразвитость нравственных чувств, извращение естественных понятий, грубость и невежество» «старых порядков» извращали не только отношения слуг и господ, но и порядки внутри самого дворянского сословия, где царили тот же деспотизм, рабление, и, как следствие, взаимная ненависть. В заключение Добролюбов писал: «Грустно становится, когда раздумываешься об этих временах, которых остатки существовали еще так недавно» [10. С. 325]. И это казалось вполне убедительным и законным приговором не только крепостному праву, но и всему «прежнему» времени.

Добролюбов настолько увлекся разоблачением крепостнических порядков, что пошел против текста «Семейной хроники», утверждая, что автор глубоко заблуждался, считая Степана Михайловича Багрова положительным персонажем. Категорически отказываясь замечать в произведении Аксакова апологетику «нравственного чувства» Багрова, Добролюбов полностью сосредоточился на негативной природе крепостничества и подчинил анализ «Семейной хроники» доказательству, что нет никакой принципиальной разницы между Багровым и садистом-Куролесовым, явным антагонистом Багрова, героем второго «отрывка» «Хроники». Добролюбову они оба представлялись просто жестокими крепостниками, представителями одного отмирающего типа, лишь с той разницей, что в Куролесове он видел чуть больше патологии, чем в Багрове.

Одним из оснований метода «реальной критики» Добролюбова был тезис о том, что художник, повинувшись «здоровому природному инстинкту» своей «натуры», осуществляет интуитивный прорыв к правильному постижению феноменов действительности, хотя не всегда осознает при этом общественное значение изображаемого, не всегда может произвести суд над действительностью и указать социальные истоки жизненных явлений и человеческих

типов. В таком случае «реальная критика» призвана растолковать читателям и самому автору смысл его творений. Правдивость воспроизведения жизни обусловливается отнюдь не идеологией автора, а его «живым чутьем».

Н.Г. Чернышевский не писал развернутой рецензии на «Семейную хронику», но почувствовал в книге Аксакова славянофильский дух и назвал ее переоцененным произведением (см.: [11. С. 699]), по-видимому, ему показалась ложной и опасной сама идея, лежащая в основе аксаковского текста. Добролюбов же решил, что «сила непосредственного художнического чувства» не оставила заблуждающегося автора, и у Аксакова помимо воли получилась «правильная» антикрепостническая книга.

Действительно, статья Добролюбова была одной из первых печатных попыток открыто осмыслить явление крепостничества, осудить его, когда вопрос освобождения крестьян был еще далек от своего разрешения. И книга Аксакова о XVIII в. оказалась для Добролюбова актуальнейшим произведением, на материалах которого можно было со всех сторон показать уродливые проявления крепостничества. Нетерпение Добролюбова из-за чересчур медленного хода преобразований отразилось в заостренных до несправедливости выводах статьи. И «Семейная хроника» для читателей «Современника» оказалась произведением, обличающим старые порядки, хотя сам Аксаков едва ли мог назвать себя писателем-обличителем.

Утверждение «утерянных идеалов» прошлого

Такое прочтение «Семейной хроники» никак не могло понравиться славянофилам. И восстановить «истинный» смысл биографической трилогии Аксакова взялся С.П. Шевырев. Критик, писал он, имея в виду Добролюбова и его статьи, «воспользовался новою книгою автора („Детскими годами...“ – *Б.П., Д.П.*), чтобы извлечь из нее новые обвинительные пункты против старой русской жизни, и нашел материал порядочный, доказав тем, как он совершенно не понимает духа произведений писателя, которым для своих целей пользуется» [12. С. 74].

Несмотря на то, что литературное творчество С.Т. Аксакова стало воплощением славянофильских представлений по поводу «русской школы» в искусстве (подробней см.: [13. С. 115]) и, по сути, безотносительно воли автора выступало литературным подкреплением славянофильской утопии (трактовку славянофильства как консервативной, антикапиталистической утопии предложил А. Валицкий – автор классического труда «В кругу консервативной утопии» (см.: [14. С. 511–525])), никто из главных теоретиков славянофильства не написал развернутого критического отзыва на произведения писателя. Среди рецензентов были люди, не относящиеся к славянофилам, но утверждавшие похожие эстетические принципы. Таким был Шевырев, близкий славянофилам консервативный критик (для уточнения социально-политических воззрений Шевырева см.: [15. С. 185–241; 16. 5–16]).

Именно Шевырев в статье «Детские годы Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова», опубликованной в журнале славянофильского направления «Русская беседа» в 1858 г., назвал Аксакова «главою писателей молодого поколения» как автора наиболее объективного и беспристрастного, в «художественном воззрении» которого сочетаются тем-

ные и светлые стороны жизни (см.: [12. С. 69]). В 1856 г. примыкавший к славянофилам Н.П. Гиляров-Платонов уже называл Аксакова художником, чье «воззрение чище, выше и шире, нежели какое находим мы вообще у современных писателей» [4. С. 69], но назвать Аксакова, как это сделал Шевырев, «главой писателей молодого поколения» было смелым заявлением.

Дело в том, что впервые титул «глава русской литературы» применил В.Г. Белинский, сначала по отношению к Пушкину, потом – к Гоголю. Вслед за ним русская критика каждые пять-десять лет назначала нового «главу» русской литературы: Островского, Тургенева, Гончарова, Толстого. Все эти авторы стали создателями национальной литературы, они отражали важные чаяния времени. Но почему Шевырев в момент наибольшего «подъема общественных настроений», когда ослабление цензурных запретов привело к возникновению оживленной дискуссии по большому кругу актуальных проблем, касавшихся прежде всего дальнейших путей развития России, признал «главой» писателей автора патриархальных пасторалей? Как получилось, что после смерти Николая I и поражения в Крымской войне, когда «вскрылись язвы общества» и все ожидали скорейшей отмены крепостного права и коренных государственных преобразований, выразителем «истинных начал жизни» стал любитель рыбалки, старик-писатель, рожденный в екатерининскую эпоху?

Ответ прост: потому что только Аксакову, как подчеркивал Шевырев, в беспокойное время удалось создать «спокойно-эпическое представление старой Русской жизни» [12. С. 69] без произнесения суда над ней. Аксакову удалось в образах старины напомнить читателям о вечных человеческих ценностях. И для консервативного критика отсутствие суда над «старой русской жизнью» в эпоху радикальных реформ было гораздо важнее литературы о современных метаморфозах, потому что давало надежду, что не все традиционные ценности будут «попраны» реформаторами.

Аксаков, по мысли Шевырева, писал о вечном, вневременном, а не об актуальном или злободневном. Именно поэтому возмутительными и абсурдными казались Шевыреву попытки Добролюбова выставить произведения Аксакова образцом обличительной литературы. В книгах Аксакова – «сама жизнь, основанная не на отрицании, а на созидających началах – любви и благоволения», – писал он. Как можно извлекать из них «свои раздраженные, обвинительные доносы» [Там же]? Статья Шевырева стала ответом «революционно-демократической» критике, разглядевшей в автобиографических текстах Аксакова лишь антикрепостническое содержание. Полемика «Современника» и «Русской беседы» по поводу произведений Аксакова в 1858 г. удивительным образом превратилась в попытки «перетянуть» автора «Семейной хроники» на свою сторону.

Но все же, почему произошло так, что в 1856 г. «Семейная хроника» была воспринята представителями всех общественных направлений практически с одинаковой благожелательностью, а два года спустя стала поводом для общественной борьбы? Дело в том, что новый император Александр II и его правительство не сразу пошли на то, чтобы дать возможность периодическим изданиям обсуждать проблемы внутренней политики. Причем вопрос о «крепостном состоянии в России» рассматривался как наиболее щекотливый, к которому нужно обращаться с наибольшей осторожностью, и в период 1855–1857 гг. его напрямую пока еще нельзя было обсуждать в периодике. Изме-

нения произошли в конце 1857 г., когда Александр II направил генерал-губернаторам рескрипты о создании губернских комитетов для обсуждения крестьянского вопроса (см.: [17. С. 22–33; 18. С. 273–287]). «Эти документы царя были повсеместно распространены, открывая гласность в важнейшем вопросе того времени» [19. С. 102]. С 1858 г. в периодике он стал активно обсуждаться; вышли журнал А.И. Кошелева «Сельское благоустройство» (Москва), «Земледельческая газета», «Журнал землевладельцев»; появились крестьянские отделы в «Отечественных записках», «Русском вестнике», «Русской беседе», «Современнике». И несмотря на то, что цензурное ведомство постоянно выражало недовольство характером обсуждения крестьянских проблем, выпускало распоряжения и запретительные циркуляры в отношении статей по крестьянскому вопросу, возможность высказаться появилась (см.: [Там же. С. 102–110]), и Добролюбов вернулся к «Семейной хронике».

В своих автобиографических сочинениях Аксаков, не отрицая недостатков, но все же взглянул на жизнь прошлого века с положительной точки зрения. Описание быта семьи Багровых вызывает в целом у читателя скорее чувство примирения с описанной действительностью, нежели негодования и протеста. Поэтому возвращение Добролюбова к тексту «Семейной хроники» в 1858 г. показывает, какую опасность для грядущего реформирования российского общества он видел в подобной идеализации патриархального прошлого. Популярность книг Аксакова, с его точки зрения, наносила очевидный вред модернизации страны. В период, когда наконец появилась возможность критиковать крепостные порядки, книги Аксакова содействовали их моральной реабилитации и тормозили реформы. Добролюбов попытался, хотя бы для читателей журнала «Современник», уменьшить «вред» от сочинений Аксакова и акцентировать внимание на недостатках «старого порядка».

Ответ Шевырева Добролюбову показывает, насколько консервативному мыслителю казалась опасной тотальная критика прошлого, ведь полная дискредитация патриархальных устоев, в свою очередь, неминуемо привела бы к разрушительным реформам. Таким образом, полемика «Современника» и «Русской беседы» о сочинениях Аксакова имела для представителей радикального и славянофильского (шире – консервативного) направлений принципиальное политическое значение.

Предположительно между 1861 и 1863 гг. Ю.Ф. Самарин на литературном вечере в Самаре произнес короткую речь «С.Т. Аксаков и его литературные произведения». В ней было высказано мнение о непосредственном отношении автора «Семейной хроники» к славянофильству и о значительной зависимости творчества писателя от развития этого общественно-политического направления.

Самарин был давним другом семьи Аксаковых и знакомился с содержанием автобиографических произведений ее главы задолго до их выхода в свет. В своей статье-речи, посвященной истокам аксаковского творчества, которая стала его последней критической работой, он высказал мысль о том, что для раскрытия таланта Аксакова «нужен был поворот в общественном сознании, известный у нас под названием славянофильства» [20. С. 262]. Самарин полагал, что в двадцатые и тридцатые годы XIX в., когда в литературе

велись споры о романтизме и классицизме, Аксакову и не могло бы прийти в голову поделиться с публикой воспоминаниями о природе заволжского края и тихой патриархальной жизни провинциальных помещиков. Не было «сочувствующей среды», готовой к восприятию «русских смыслов». Но когда содержанием литературных споров стал вопрос о древней и новой России, о значении народа и народности, который инициировался прежде всего славянофилами, среда оказалась готовой. «И можно сказать, – писал Самарин, – что это направление общественной мысли зачалось в доме С.Т. Аксакова, в кругу самых близких его друзей и почти ежедневных гостей его» [20. С. 262–263]. Среди людей, наиболее повлиявших на раскрытие таланта Аксакова-писателя Самарин называл Гоголя и старшего сына Константина, который «почти без всякой посторонней помощи возвел в сознание и оправдал в глазах Сергея Тимофеевича то глубокое сочувствие к русской народной жизни, которое было в нем природным свойством, но которому он сам не ведал цены» [Там же. С. 263]. Самарин писал, что старые друзья Аксакова, видя в нем глубокие перемены, досадовали, зачем он поддается влиянию детей, на что однажды Аксаков ответил: «Вы думаете уколоть меня влиянием Константина! Так знайте же, что глуп тот отец, который, воспитав своего сына, потом сам не перевоспитается от него» [Там же. С. 264].

Итак, вряд ли есть смысл спорить, кто «в действительности» на кого повлиял: рассказы С.Т. Аксакова о патриархальной старине сформировали интерес его детей, Константина и Ивана, к национальной проблематике, из которого выросло славянофильство, или Константин «перевоспитал» отца, который сделал из частных воспоминаний большую литературу с содержанием, близким славянофильской картине мира. Влияние было обоюдным. Вопреки расхожему представлению о неизбежности конфликта поколений, дети в аксаковской семье ценили опыт отца, а отец интересовался интеллектуальной жизнью детей. В результате оказалось, что в истории развития славянофильской школы важную роль сыграли художественные произведения С.Т. Аксакова, прежде всего «Семейная хроника», важной художественной особенностью которой стали воспроизведение черт национального характера, обращение к прошлому с целью отыскать в нем утерянные идеалы жизни. Было бы ошибкой назвать книги Аксакова просто художественной иллюстрацией славянофильских идей, мир «Семейной хроники» как будто стал самостоятельным дополнением общественно-политической концепции славянофилов, обогатив ее рядом дополнительных элементов и смыслов.

Система представлений Багрова

Можем ли мы сегодня новыми глазами посмотреть на «Семейную хронику» и попытаться реконструировать общественный идеал, выраженный в произведении Аксакова? И вообще, можно ли говорить об общественном идеале Багрова? По нашему мнению, нет. Герой Аксакова не произносит никаких манифестов, не предлагает социальных программ. Однако мы можем говорить о системе представлений Багрова, что, по его мнению, правильно, а что – неправильно. И делать предположения, что лежит в основе этих представлений.

Итак, герой «Семейной хроники» Степан Михайлович Багров, прототипом которого был дед писателя – Степан Михайлович Аксаков, стал одним из

классических образов русской литературы. Багров был достаточно заурядным человеком среднего дворянского круга в провинции, хотя «природный ум его был здоров и светел». «Разумеется, при общем невежестве тогдашних помещиков и он не получил никакого образования, русскую грамоту знал плохо» [21. С. 10]. Интеллектуальные запросы его были совсем несложны и невелики, книг в его доме не читали. Однако у него были природный здравый смысл и пронизательность, которые восполняли недостаток образования. Но, что важнее, Багров отличался «нравственной чуткостью», которая помогала ему разобраться в сложных явлениях окружающего мира и в людях, отличать хорошее от плохого. Этим «нравственным чувством» Багров руководствуется во всех случаях жизни.

Багров, по описаниям Аксакова, был человеком, не способным к обману. Например, он не захотел воспользоваться, подобно многим другим помещикам-колонистам, доверчивостью башкир, чтобы за бесценок купить их плодородные земли. В своих поступках он действовал «по совести», сообразно принципу справедливости, за что заслужил уважение своих крестьян и окрестных жителей, которые просили его помощи при разрешении ссор и тяжб.

Однако именно с нелюбовью ко лжи связана главная отрицательная черта Багрова, его склонность к вспышкам бешеного гнева, которые Аксаков описывает без прикрас и с чувством отвращения. Однажды «он прогневался на одну из дочерей своих, кажется, за то, что она солгала и заперлась в обмане; двое людей водили его под руки; узнать было нельзя моего прежнего дедушку; он весь дрожал, лицо дергали судороги, свирепый огонь лился из его глаз, помутившихся, потемневших от ярости! <...> Бабушка кинулась было ему в ноги, прося помилования, но в одну минуту слетел с нее платок и волосник, и Степан Михайлович таскал за волосы свою тучную, уже старую Арину Васильевну» [Там же. С. 25]. Во время другой вспышки гнева Багров так таскал жену за волосы, что год этой пожилой женщине пришлось ходить с пластырем на голове.

Мировоззрение Багрова зиждилось на нескольких основаниях, главное из которых – абсолютная ценность рода. Родовое начало лежало в основе всех его взглядов и привычек. Аксаков пишет, что «древность дворянского происхождения была коньком моего дедушки». Он «ставил свое семисотлетнее дворянство выше всякого богатства и чинов» и в юности даже не женился на красивой и богатой невесте, потому что «прадедушка ее был не дворянин» [Там же. С. 12]. Такая щепетильность к сохранению родовитости вписывается в его представление незыблемости дворянского права. «Семисотлетнее дворянство» рода – историческая легитимация патриархальной власти Багрова.

Особенно ярко патриархальность проявлялась у Багрова в отношении к своим домашним. В качестве главы семьи он считал себя полновластным хозяином и распорядителем судьбы всех своих домочадцев. Семью он любил и считал долгом заботиться обо всех, но со стороны домочадцев требовал беспрекословного подчинения своей воле. Все вопросы, касающиеся судьбы отдельных членов семьи, он решал сам, не спрашивая ничего совета, ничего мнения.

В «Семейной хронике» есть сюжет, как четырнадцатилетняя двоюродная сестра Багрова, сирота, находящаяся под его опекой, вопреки воле своего строгого брата вышла замуж за привлекательного, но порочного человека. И Багрову впоследствии пришлось спасти ее от мужа. Аксаков в финале описывает отношения брата и сестры следующими словами: «И странное дело, откуда вдруг взялась у нее такая любовь и признательность к своему двоюродному брату <...>? Прочла ли она в его глазах, полных слез при встрече с нею, сколько скрывается любви под суровой наружностью и жестоким самовластием этого человека? Было ли это темное предчувствие будущего или неясное понимание единственной своей опоры и защиты?» [21. С. 55] В этой фразе высказаны сразу две очень важные идеи, которые характеризуют патриархальное мировидение Багрова. Во-первых, его самовластие ограничено любовью и его «нравственным чувством». И это самовластие, или семейный деспотизм, имеет оправдание потому, что, кроме Багрова, никто не может гарантировать «опоры и защиты» для членов его семьи.

Однако постоянное подчинение всех домашних воле отца семейства приводило и к негативным последствиям. Его деспотизм способствовал развитию дурных привычек и свойств характера, например у его дочерей, которые прикрываясь полной покорностью, добивались своего хитростью и лукавством.

Патриархальностью проникнуто и отношение Багрова к слугам и крепостным, он смотрел на них как на младших членов своей семьи. Такому отношению, конечно, способствовало то, что по своим взглядам и образу жизни Багров был близок к крестьянам, имел с ними много общего. Высоко ценя свое дворянство, к крепостным он относился без высокомерия, отличался доступностью и простотой в общении. Будучи трудолюбивым хозяином, он был требователен к крестьянам, жесток с ленивыми и нерадивыми, но зато все крепостные Багрова знали, что в случае нужды они всегда могут обратиться за помощью к барину и никогда не встретят отказа.

Аксаков пишет, что Багров регулярно отправлялся «в поле» на инспекцию: «Дедушка <...> отправился в паровое поле и приказал возить себя взад и вперед по вспаренным десятинам. Это был его обыкновенный способ узнавать доброту пашни: всякая целизна, всякое нетронутое сохою местечко сейчас встряхивало качкие дроги, и если дедушка бывал не в духе, то на таком месте втыкал палочку или прутик, посылал за старостой, если его не было с ним, и расправа производилась немедленно» [Там же. С. 32]. Багров не принадлежит к тем помещикам, которые из Петербурга, Москвы или Парижа управляли имениями через приказчиков, не желая вдаваться в подробности деревенской жизни. Он знает каждую кочку на своих полях. Багров – начальник крестьянского «производства», строго, а иногда и жестоко отстаивающий общий хозяйственный интерес и общую выгоду: «Дедушка, сообразно духу своего времени, рассуждал по-своему: наказать виноватого мужика тем, что отнять у него собственные дни, – значит вредить его благосостоянию, то есть своему собственному; наказать денежным взысканием – тоже; разлучить с семейством, отослать в другую вотчину, употребить в тяжелую работу – тоже, и еще хуже, ибо отлучка от семейства – несомненная порча» [Там же. С. 11]. «Не удивительно, что крестьяне любили горячо такого барина» [Там же. С. 24], – пишет Аксаков далее. Багров воспринимал себя в отношении вверенных ему крестьян хозяином и отцом и чувствовал незыблемость общественного договора между

крестьянином и помещиком, в соответствии с которым первый должен работать, а второй быть эффективным организатором сельскохозяйственного процесса, справедливым судьей и защитником своих работников.

В отношении к крестьянам Багров не только строг, но и щедр. Новелла «Хороший день Степана Михайловича» заканчивается такой сценой: «Староста уже видел барина, знал, что он в веселом духе, и рассказал о том кое-кому из крестьян; некоторые, имевшие до дедушки надобности или просьбы, выходящие из числа обыкновенных, воспользовались благоприятным случаем, и все были удовлетворены: дедушка дал хлеба крестьянину, который не заплатил еще старого долга, хотя и мог это сделать; другому позволил женить сына, не дожидаясь зимнего времени, и не на той девке, которую назначил сам; позволил виноватой солдатке, которую приказал было выгнать из деревни, жить по-прежнему у отца, и проч.» [21. С. 39–40].

Однако и здесь самовластие барина приводило порой к негативным последствиям. Получив весть о скором рождении внука, Багров решил на радостях женить свою немолодую служанку Аксютку, очень «дурную лицом, неопрятную и злую», к которой почему-то питал симпатию, на красивом молодом слуге, Иване Малыше. «Противоречий, – как пишет Аксаков, – не было. Свадьбу сыграли. Аксютка без памяти влюбилась в красавца мужа, а Малыш возненавидел свою противную жену, которая была вдобавок старше его десятью годами. Аксютка ревновала с утра до вечера, и не без причины, а Малыш колотил ее с утра до вечера, и также не без причины, потому что одно только полено, и то ненадолго, могло зажимать ей рот, унимать ее злой язык. Жаль, очень жаль! Погрешил Степан Михайлыч и сделал он чужое горе из своей радости» [Там же. С. 212].

Для того чтобы лучше понять кажущуюся противоречивость натуры Багрова, нужно обратиться к российской патриархальной традиции, важнейшие элементы которой мы можем найти в «Домострое» XVI в. В этой книге содержатся поучения и наставления хозяину дома, «государю», как он именуется в редакции протопопа Селивестра. «Домострой» не только устанавливает патриархальные права хозяина-государя, но и предписывает его обязанности в отношении членов семьи и слуг. Например, в главе «Как воспитать своих детей в поучениях разных и страхе божьем» есть такое наставление: «Наказывай детей в юности – упокоят тебя в старости твоей. И хранить, и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таковых грехах и ответ им держать в день Страшного суда» [22. С. 76]. То же касается и слуг. В главе «Каких слуг держать при себе и как о них заботиться» мы читаем: «Если же нерадив ты в этом (в деле выявления пороков своих слуг. – *Б.П., Д.П.*): слуг держишь, а заботы о душах их не имеешь, и только поручаешь им дела, так или иначе служить тебе, еду и одежду и всякую службу справлять, – тебе самому за души их отвечать в день божьего суда» [Там же. С. 98]. То есть наказание домочадцев и слуг является долгом хозяина дома. Багров яростно «преследует» обманувшую его дочь и таскает жену за волосы по праву и обязанности заботы об их душе. С точки зрения «Домостроя» такое насилие является тяжким бременем хозяина, исполнением божественного закона, а с точки зрения хозяйства – долгом экономическим.

Именно поэтому свою «расправу» над старостой за плохо вспаханную барскую пашню Багров считает справедливой, опираясь при этом на букву закона. Крепостное право (как и «Домострой» в отношении семьи) не только определяет обязанности крестьян, но и обязывает барина гарантировать их исполнение применением насилия. Поэтому хозяин-государь, помещик должен уметь и наказывать, и женить крестьян по своему произволу без лишних сантиментов, потому что этого требует хозяйственная необходимость.

Но тот же «Домострой» предполагает соблюдение баланса «кнута и пряника», сочетание требования добросовестного исполнения крестьянами и дворовыми своих повинностей, послушание с проявлением щедрости: «Во всяком деле кто хорошо, бережливо и бесхитростно служит, по наказу все исполняет, того пожаловать и привечать его добрым словом, едой и питьем одарить, и всякую просьбу его исполнить. <...> Если же в другой и в третий раз натворит чего или заленится – тогда, по вине и по делу смотря, обдумав, проучить его – поколотить» [22. С. 183]. Багров учиняет немедленную «расправу» над старостой, если видит плохо возделанное поле, но в хорошем настроении прощает долги даже нерадивым крестьянам.

Несмотря на все, Багров является для Аксакова положительным типом помещика. Главный герой второго «отрывка» «Семейной хроники», Михаила Максимович Куролесов, на контрасте воплощает отрицательные черты тогдашнего «крепостного барства», и сравнение этих двух ярких персонажей дает нам возможность выделить основные черты системы представлений Багрова.

Прежде всего важно сказать, что Куролесов является «сильной натурой». Как и Багров, он человек деятельный и властный. Благодаря своим незаурядным качествам: упорству, умению общаться с людьми, этот «нечиновный» мелкопоместный дворянин женился на богатой невесте и добился почетного положения в обществе. После этого он активно принялся за устройство большого хозяйства, руководил строительством, переселял крестьян на плодородные земли, занимался рационализацией сельскохозяйственного быта и достиг в своей деятельности блестящих результатов. Кажется, перед нами двойник Багрова: Куролесов не только деловитый хозяйственник, человек такой же энергичный и успешный, но и властный барин с бурным темпераментом, который пока может сдерживать свою жестокость. Однако похожими эти персонажи кажутся только поначалу.

Когда Куролесов выстроил свое хозяйство, период большой стройки и агрономических реформ закончился и пришло время благополучной стабильности, его кипучая энергия и сильные страсти начали искать выход в «буйном разгуле и различных неистовствах», в насилии над своими дворовыми людьми и соседями. Опьяненный сознанием своей власти и полной безнаказанности, не встречая никакого сопротивления ни от окружающих его людей, ни от властей, из простого садиста он превратился в преступника. Жестокость стала для него потребностью, и в конце концов он был убит своими слугами.

Куролесов не может обуздать свои страсти потому, что в нем нет того нравственного чувства, которое сдерживает Багрова. И это, на наш взгляд, главное отличие двух героев «Семейной хроники». В патриархальных условиях быта, предоставляющих сильному, властному человеку полный простор

для угнетения слабых и подчиненных, при одинаковых исходных характеристиках Багров стал символом доброго помещика, а Куролесов – страшного тирана только потому, что один обладал этим пресловутым «нравственным чутьем», а другой – нет. Интересно, что Аксаков часто говорит о «нравственном воспитании», которое осуществлял Багров, но в «Семейной хронике» практически нет упоминаний о религиозной жизни семьи героев.

Уверенность Аксакова, что единственным средством защиты подчиненных от злоупотребления помещичьей властью является нравственное чувство барина, заставляет вспомнить апологию самодержавной власти Н.М. Карамзина, который также был убежден, что единственным средством охранения подданных от злоупотреблений самодержавной властью являются совесть монарха, никому и ни в чем не дающего ответа, и сложившиеся традиции (см.: [23. С. 24]). То есть самовластью помещика есть проекция самодержавия государя.

Если продолжать аналогии и обратиться к знаменитой уваровской триаде «Православие. Самодержавие. Народность», то на поместном уровне основаниями русской жизни можно считать самовластие барина, его нравственное чувство, любовь к барину крестьян. Три основные идеи, заложенные в формуле Уварова, являются основой национально-консервативного течения общественно-политической мысли России, «православно-русского направления» (П.А. Вяземский), русского «хранительства» (см.: [24. С. 299])¹. Идеи, выведенные из системы представлений Багрова, можно считать основой патриархального мировидения.

Итак, систему представлений Багрова в строгом смысле слова нельзя назвать общественным идеалом, но на материалах «Семейной хроники» мы можем сформулировать основные черты патриархального идеала:

- абсолютная ценность помещичьего рода, за которой стоит историческая легитимация патриархальной власти;
- самовластие барина в отношении членов семьи, крестьян и дворовых слуг;
- ответственность за членов семьи, крестьян и дворовых слуг перед Богом и государством;
- обязанность судить и наказывать членов семьи, крестьян и дворовых слуг согласно божественному закону и нравственному чувству;
- обязанность вести добросовестно хозяйство в интересах членов семьи, крестьян, дворовых слуг и государства.

Члены семьи, крестьяне и слуги, в свою очередь, обязаны следовать указаниям барина, добросовестно исполнять все свои повинности и, в идеале, барина любить.

«Положительным», или «созидательным», патриархальным идеалом этот набор черт делает соблюдение помещиком баланса: самовластие барина должно быть уравновешено его ответственностью за землю, которую обрабатывают его крестьяне; насилие «патриарха» – очевидным благом для членов его семьи и крестьян, которое в результате подразумевает это насилие. Если

¹ Концепция русского «хранительства» была предложена профессором МГУ имени М.В. Ломоносова М.А. Маслиным и разрабатывается Д.В. Ермашовым, С.В. Перевезенцевым, А.А. Шириняном и др. (см.: [26. С. 5–22; 27. С. 69–87 и др.]). Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализуется в антологии «Хранители России» (М., 2015–2018. Т. 1–6).

баланс или общественный договор не соблюден, «созидательный» патриархальный идеал превращается в простую эксплуатацию крестьян и семейный деспотизм. Аксаков описывает своего дедушку-Багрова как барина, практически полностью соблюдающего этот баланс.

Общественный идеал С.Т. Аксакова и дворянская литература

Изучая общественный идеал в художественной литературе, важно не сделать ошибки, полагая, что художественное произведение в идейном плане представляет собой прямое выражение политических пристрастий автора (см.: [25. С. 213–219]). Разумеется, в случае «Семейной хроники» Аксаков пытается быть объективным и беспристрастным, изображая дедушку-Багрова, но как бы он ни старался, авторская симпатия остается на стороне героя, даже когда перед нами описания самых неоднозначных его деяний.

Если Аксаков повествует о реализованном Багровым переселении крестьян, которым пришлось по прихоти барина навсегда распротиться со «старинною, с церковью, в которой крестились и венчались, и с могилами дедов и отцов» [21. С. 15], то заканчивается рассказ уверением, что очень скоро на новой земле крестьяне стали жить куда лучше, чем раньше. Когда Аксаков описывает дедушкины вспышки гнева, то беспристрастный, казалось бы, рассказ заканчивается словами, что эти вспышки случались у него нечасто, не были беспочвенными, и быстро проходили, потому что старик был «незлопамятен и отходчив» и даже старался какой-нибудь лаской вознаградить пострадавшего от своего гнева.

Как в первом, так и во втором случае мы видим идеализацию патриархальной жизни. К своему герою Аксаков относится с нескрываемой симпатией. Дедушка Багров, по его описаниям, прежде всего цельная натура, ему не свойственны сомнения и колебания. Его представления о жизни – ясные и определенные, поступки всегда соответствуют его взглядам и убеждениям.

Несмотря на свои умеренно консервативные взгляды и ностальгическую романтизацию патриархального прошлого, С.Т. Аксаков, как и его сыновья, поддерживал многие либеральные реформы в России, в частности отмену крепостного права, расширение гласности (свободу печати), децентрализацию (местное самоуправление), судебную реформу. Аксаков понимал, что патриархальные условия предоставляют простор для угнетения подчиненных со стороны помещиков. Отвечая на вопрос, каким образом преобразовать старый уклад жизни, чтобы положить конец угнетению и в то же время не утратить лучшее из того, что было создано предками, уместно вновь обратиться к героям «Семейной хроники» Багрову и Куролесову.

В понимании Аксакова, отмена крепостного права прежде всего стала бы действенной мерой по искоренению Куролесовых. Дарование крестьянам прав, уравнивание всех граждан перед законом положило бы конец помещичьим злоупотреблениям. А таким «добрым» помещикам, как Багров, которые в отношении крестьянства хоть и прибегали к насилию, но были справедливыми землевладельцами, ответственными за общее благополучие, отмена крепостного права не причинила бы вреда, ведь Аксаков настаивал на освобождении крестьян сверху, притом с обязательным денежным выкупом.

Если не брать в расчет важнейшую для «Семейной хроники» категорию нравственного чувства помещика, может показаться, что Аксаков предлагал

примерно то же самое, что и либеральные идеологи крестьянской реформы, например И.С. Тургенев: освободить крестьян и сдавать им землю в аренду (подробней см.: [28. С. 40–59]). Тогда помещики «потеряют возмутительную и опасную власть над рабами, – писал Тургенев, – но, возможно, даже преумножат свои состояния» [29. С. 538]. Для Тургенева было совершенно не важно, хороший или плохой помещик будет сдавать землю крестьянам. Важно, что отмена крепостного права разрушит патриархальную систему насилия, а на ее месте со временем будут выстроены «здоровые» рыночные отношения между землевладельцами и свободными крестьянами-арендаторами. Аксаков же хотел «облагородить» старый уклад жизни не только за счет установления правовых отношений, но и за счет «нравственного» воспитания.

Подводя итог, стоит сказать, что «Семейная хроника» С.Т. Аксакова – выдающееся явление интеллектуальной истории XIX в. И.Л. Солоневич в работе «Народная монархия» писал: «Из русской *реальности* наша литература не отразила почти ничего. <...> во всяком случае – русская литература отразила много слабостей России и не отразила ни одной из ее сильных сторон» [30. С. 164]. Во многом это утверждение верно: в силу разных причин русская литература первой половины XIX в. более преуспела в критике российской действительности. Но все же Солоневич ошибался. «Семейная хроника» Аксакова – это, пожалуй, первое большое произведение, которое преодолело «критическое направление» в литературе, фиксировавшее в российской действительности по преимуществу пошлость и варварство.

«Семейная хроника» демонстрирует пример созидательной деятельности помещичьего хозяйства XVIII в. Первый «отрывок» «Хроники» можно назвать миниатюрным эпосом. Он включает рассказ о героическом освоении пустовавших башкирских земель, о подвигах героев-колонизаторов, помещиков и крестьян, занятых земледелием на новых территориях, работающих, по сути, в интересах укрепления и процветания державы. Это, пусть и схематичное, описание наглядно показывает, как строилась, богатела и развивалась Россия в XVIII в. А образ Багрова, надо полагать, собирает типичные черты реального помещика-колонизатора, который смог перевезти крестьян на более плодородные земли, наладить хозяйство, построить деловые отношения с такими же помещиками и с местными башкирами.

Подобное помещичье хозяйство показывало свою эффективность с точки зрения социально-экономического развития страны. По типу отношений оно было патриархальным. Несмотря на существование условных Куролесовых, Россия держалась и богатела, опираясь на деятельные патриархальные помещичьи «ячейки общества», составлявшие «здоровое» большинство. Вот что показал своей «Семейной хроникой» Аксаков в тот исторический момент, когда художественная литература в России стала полноценным поставщиком новых идей для русской жизни, стала вырабатывать образы общественного идеала.

Литература

1. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Том третий и последний. Письма 1851–1860 годов. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1892. 514 с.
2. Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель / изд. В.А. Францев. Варшава : Тип. Варшавского Учебного Округа, 1905. 1296 с.

3. *Добролюбов Н.А.* Разные сочинения С. Аксакова // Собрание сочинений : в 9 т. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1962. Т. 4: Статьи и рецензии январь–июнь 1859. С. 167–178.
4. *Гиляров-Платонов Н.П.* Семейная хроника и Воспоминания, соч. С. Аксакова // Русская беседа. 1856. Ч. I, кн. 1: Критика. С. 1–69.
5. *Венгеров С.А.* Сергей Аксаков // Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). А. СПб. : Семеновская Типо-Литография (И. Ефрона), 1889. Т. I. Вып. 1–21. С. 149–200.
6. *Дудышкин С.С.* Семейная хроника и Воспоминания С. Аксакова. Москва. 1856 // Отечественные записки. 1856. Т. CV, № 4, отд. II. С. 69–90.
7. *Дмитриев Ф.А.* Русская литература (Семейная хроника и Воспоминания С.Т. Аксакова) // Русский вестник. 1856. Т. 2. С. 461–481.
8. *Анненков П.В.* «Семейная хроника и воспоминания» С. Аксакова // Современник. 1856. Т. LVI, № 3. Отд. III. С. 1–24.
9. *Вдовин А.В.* Добролюбов: разночинец между духом и плотью. М. : Молодая гвардия, 2017. 298 [6] с.
10. *Добролюбов Н.А.* Деревенская жизнь помещика в старые годы // Собрание сочинений : в 9 т. Т. 2: Статьи и рецензии август 1857 – май 1858. М. ; Л. : Гос. изд-во худ. лит., 1962. С. 290–327.
11. *Чернышевский Н.Г.* Заметки о журналах. Декабрь 1855 и январь 1856 года // Полное собрание сочинений : в 15 т. М. : Гослитиздат, 1947. Т. 3. С. 630–729.
12. *Шевырев С.П.* Детские года Багрова внука, служащие продолжением Семейной Хроники, С. Аксакова // Русская беседа. 1858. Ч. I–II, кн. 10: Критика. С. 63–92.
13. *Ласькова А.Е.* Автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова в литературной критике середины XIX века : дис. ... канд. филол. наук. М., 2015.
14. *Валицкий А.* В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства / пер. с польск. К. Душенко. М. : Новое лит. обозрение, 2019. 794 с.
15. *Мартынов В.А.* У истоков «русской идеи»: жизнь и судьба С.П. Шевырева. М. : ФОРУМ : ИНФРА-М, 2013. 280 с.
16. *Шириянц А.А.* С.П. Шевырев в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 1. С. 5–16.
17. *Шириянц А.А.* «Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев // Русская политология – Russian political science. 2018. № 1 (6). С. 22–33.
18. *Шириянц А.А., Кононенко О.С.* Дворянские «эксперты» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: А.П. Заблоцкий-Десятовский, М.П. Позен, А.М. Унковский и А.А. Головачев // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 273–287.
19. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М. : Аспект Пресс, 2001. 368 с.
20. *Самарин Ю.Ф.* С.Т. Аксаков и его литературные произведения // Сочинения. Изд. Д. Самарина. М. : Типография А.И. Мамонтова и Ко, № 5, 1877. Т. I: Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. С. 261–265.
21. *Аксаков С.Т.* Семейная хроника. М. : Худ. лит., 1991. 254 с.
22. *Домострой* / пер. с древнерус. В.В. Колесова. М. : АСТ, 2015. 288 с.
23. *Ермашов Д.В., Шириянц А.А.* «Хранительство» Н.М. Карамзина // Тетради по консерватизму. 2016. № 4. С. 11–28.
24. *Шириянц А.А.* «Теоретик официальной народности»: М.П. Погодин и триединая формула С.С. Уварова // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 219–232.
25. *Прокудин Б.А.* Специфика выражения общественного идеала в русской художественной литературе XIX в.: понятие полифонии // SCHOLA-2018 : сб. науч. ст. факультета политол. Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2018. С. 213–219.
26. *Ермашов Д.В., Шириянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России) // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 2. С. 5–22.
27. *Шириянц А.А.* Хранительство как основание консервативной политической культуры интеллигенции (опыт пореформенной России): концепция русской монархии // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 4. С. 69–87.
28. *Прокудин Б.А.* Общественный идеал в «Записках охотника» И.С. Тургенева: историко-политологический анализ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2018. Т. 14, № 2. С. 40–59.
29. *Тургенев И.С.* <Записка о крепостном праве> // Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. М. : Наука, 1986. Т. 12. С. 531–547.
30. *Солоневич И.Л.* Народная монархия. М. : Феникс, 1991. 512 с.

Boris A. Prokudin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: probor@bk.ru

Daria A. Prokudina, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: dariap@bk.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 213–230.

DOI: 10.17223/1998863X/52/20

THE FAMILY CHRONICLE BY SERGEY AKSAKOV AS A PATRIARCHAL IDEAL OF SERFDOM AND ITS DEATH VERDICT: A HISTORICAL AND POLITICAL ANALYSIS

Keywords: Sergey Aksakov; Nikolay Dobrolyubov; Stepan Shevryev; Slavophilism; patriarchal ideal.

In the late 1850s, a surprising fact can be observed. Representatives of the two main social movements in Russia, the Revolutionary Democrats and the Slavophiles (more widely, the Conservatives), equally enthusiastically welcomed the publication of *The Family Chronicle* by Sergey Aksakov, but the interpretation of this literary work was completely opposite. In the text, the former saw evidence for the conviction of obsolete serfdom orders, the latter the expressive description of the ancient traditional way of life, the basis of age-old economic relations in Russia. In such interpretations, *The Family Chronicle* suddenly received a serious political content, and the discussion on the book gained social significance. The impetus for the “politicization” of *The Family Chronicle* was Nikolay Dobrolyubov’s article “The Country Life of a Landowner in the Old Years”, published in 1858 in the magazine *Sovremennik*. It was one of the first printed attempts to openly comprehend the phenomenon of serfdom, to condemn it in the time when the question of the liberation of peasants was still far from being resolved. And Aksakov’s book, which was about the 18th century, became a highly relevant work for Dobrolyubov. It gave him an opportunity to show the ugly manifestations of serfdom from all sides. Dobrolyubov’s impatience with the too slow progress of reforms was reflected in the unjustly sharp conclusions of the article. For the readers of *Sovremennik*, *The Family Chronicle* became a work denouncing the old orders, although Aksakov himself could hardly call himself a denouncing writer. The Slavophiles and representatives of the conservative direction could not like this reading of *The Family Chronicle*. Stepan Shevryev undertook to restore the true meaning of Aksakov’s work in the article “The Childhood Years of Bagrov the Grandson, Serving as a Continuation of “The Family Chronicle” by S. Aksakov”, published in *Russkaya Beseda*, a Slavophile magazine, in 1858. In this article, Shevryev insisted that Dobrolyubov “did not understand the spirit of the writer’s works completely”. According to Shevryev, in a troubled time, Aksakov managed to create a “calmly epic representation of the old Russian life” without making a trial of it and to remind readers about the eternal human values in the images of the old time. This article is an attempt to have a new look at *The Family Chronicle* and try to reconstruct the social ideal expressed in Aksakov’s work. *The Family Chronicle* shows an example of the creative activity of landlord economy of the 18th century, its effectiveness in terms of the socioeconomic development of the country, and it was patriarchal by the type of relations. Despite the existence of “bad” landlords, Russia held on and grew rich, relying on the active patriarchal landowner “cells of society”, which constituted the “healthy” majority. This is what Aksakov showed with his *The Family Chronicle* at the historical moment when fiction in Russia became a full-fledged supplier of new ideas for Russian life and began to develop images of the social ideal.

References

1. Aksakov, I.S. (1892) *Ivan Sergeevich Aksakov v ego pis'makh* [Ivan Sergeyevich Aksakov in his letters]. Vol. 3. Moscow: Tipografiya M.G. Volchaninova.
2. Frantzev, V.A. (1905) *Pis'ma k Vyacheslavu Ganke iz slavyanskikh zemel'* [Letter to Vyacheslav Ganke from the Slavic lands]. Warsaw: Tip. Varshavskogo Uchebnogo Okruga.
3. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 4. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 167–178.
4. Gilyarov-Platonov, N.P. (1856) *Semeynaya khronika i Vospominaniya*, soch. S. Aksakova [The Family Chronicle and Memoirs by S. Aksakov]. *Russkaya beseda*. 1(1). pp. 1–69.
5. Vengerov, S.A. (1889) *Kritiko-biograficheskiy slovar' russkikh pisateley i uchenykh (ot nachala russkoy obrazovannosti do nashikh dney)* [Critical and Biographical Dictionary of Writers and Scientists (From the Beginning of Russian Education to the Present Day)]. Vol. 1. St. Petersburg: Semenovskaya Tipo-Litografiya (I. Efrona). pp. 149–200.

6. Dudyskhin, S.S. (1856) *Semeynaya khronika i Vospominaniya S. Aksakova* [The Family Chronicle and Memoirs by S. Aksakov]. *Otechestvennyye zapiski*. CV(4). pp. 69–90.
7. Dmitriev, F.A. (1856) *Russkaya literatura (Semeynaya khronika i Vospominaniya S.T. Aksakova)* [Russian literature (The Family Chronicle and Memoirs by S.T. Aksakov)]. *Russkiy vestnik*. 2. pp. 461–481.
8. Annenkov, P.V. (1856) “Semeynaya khronika i vospominaniya” S. Aksakova [“The Family Chronicle and Memoirs” by S. Aksakov]. *Sovremennik*. LVI (3). pp. 1–24.
9. Vdovin, A.V. (2017) *Dobrolyubov: raznochinets mezhdru dukhom i plot'yu* [Dobrolyubov: a raznochinets, between flesh and spirit]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Dobrolyubov, N.A. (1962) *Sobranie sochineniy: v 9 t.* [Collected Works in 9 vols]. Vol. 2. Moscow; Leningrad: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 290–327.
11. Chernyshevsky, N.G. (1947) *Polnoe sobranie sochineniy: V 15 t.* [Complete Works: in 15 vols]. Vol. 3. Moscow: Goslitizdat. pp. 630–729.
12. Shevyrev, S.P. (1858) *Detskie goda Bagrova vnuka, sluzhashchie prodolzheniem Semeynoy Khroniki, S. Aksakova* [Children's Years of the Bagrov's Grandson as continuation of The Family Chronicle by S. Aksakov]. *Russkaya beseda*. 10. pp. 63–92.
13. Laskova, A.E. (2015) *Avtobiograficheskaya trilogiya S.T. Aksakova v literaturnoy kritike serediny XIX veka* [Autobiographical trilogy of S.T. Aksakov in literary criticism of the mid-19th century]. Philology Cand. Diss. Moscow.
14. Valitsky, A. (2019) *V krugu konservativnoy utopii. Struktura i metamorfozy russkogo slavyanofil'stva* [In the circle of conservative utopia. The structure and metamorphoses of the Russian slavophilism]. Translated from Polish by K. Dushenko. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Martynov, V.A. (2013) *U istokov “russkoy idei”: zhizn' i sud'ba S.P. Shevyreva* [The origins of the “Russian idea”: The life and fate of S.P. Shevyrev]. Moscow: FORUM: INRA-M.
16. Shirinyants, A.A. (2011) *S.P. Shevyrev v istorii sotsial'no-politicheskoy mysli Rossii* [S.P. Shevyrev in Russian history of social and political thought]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 7(1). pp. 5–16.
17. Shirinyants, A.A. (2018) “Prosveshchennaya byurokratiya” v epokhu krest'yanskoy reformy 1861 g.: Ya.I. Rostovtsev, S.S. Lanskoj, M.N. Murav'ev [“Enlightened bureaucracy” in the era of peasant reform in 1861: Y.I. Rostovtsev, S.S. Lanskoj, M.N. Muraviev]. *Russkaya politologiya – Russian Political Science*. 1(6). pp. 22–33.
18. Shirinyants, A.A. & Kononenko, O.S. (2018) *Dvoryanskie “eksperty” v epokhu krest'yanskoy reformy 1861 g.: A.P. Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. Pozen, A.M. Unkovskiy i A.A. Golovachev* [Noble “experts” in the era of peasant reform in 1861: A.P. Zablotskiy-Desyatovskiy, M.P. Posen, A.M. Unkovskiy and A.A. Golovachev]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 14(2). pp. 273–287.
19. Zhirkov, G.V. (2001) *Istoriya tsenzury v Rossii XIX–XX vv.* [History of Censorship in Russia 19th – 20th Centuries]. Moscow: Aspekt Press.
20. Samarin, Yu.F. (1877) *Sochineniya* [Works]. Vol. I. Moscow: A.I. Mamontov i Ko. pp. 261–265.
21. Aksakov, S.T. (1991) *Semeynaya khronika* [The Family Chronicle]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
22. Anon. (2015) *Domostroy* [Domostroy]. Translated from Old Rus by V.V. Kolesov. Moscow: AST.
23. Ermashov, D.V. & Shirinyants, A.A. (2016) “Khranitel'stvo” N.M. Karamzina [“Preservation” by N.M. Karamzin]. *Tetrady po konservatizmu*. 4. pp. 11–28.
24. Shirinyants, A.A. (2018) “Teoretik ofitsial'noy narodnosti”: M.P. Pogodin i triedinaya formula S.S. Uvarova [“Theorist of official nationality”: M.P. Pogodin and S.S. Uvarov's triune formula]. *Tetrady po konservatizmu*. 1. pp. 219–232.
25. Prokudin, B.A. (2018) *Spetsifika vyrazheniya obshchestvennogo ideala v russkoy khudozhestvennoy literature XIX v.: ponyatie polifonii* [Specificity of social ideal expression in Russian fiction of the 19th century: the concept of polyphony]. In: Shirinyants, A.A. & Shutov, A.Yu. (eds) *SCHOLA-2018*. Moscow: Moscow State University. pp. 213–219.
26. Ermashov, D.V. & Shirinyants, A.A. (2006) *Khranitel'stvo kak osnovanie konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii)* [Preservation as the foundation of conservative political culture of intellectuals (the experience of post-reform Russia)]. *Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 2. pp. 5–22.
27. Shirinyants, A.A. (2006) *Khranitel'stvo kak osnovanie konservativnoy politicheskoy kul'tury intelligentsii (opyt poreformennoy Rossii): kontseptsiya russkoy monarkhii* [Preservation as the basis

of the intelligentsia conservative political culture (the experience of post-reform Russia): the concept of the Russian monarchy]. *Vestnik Moskovskogo uni-versiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki – Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*. 4. pp. 69–87.

28. Prokudin, B.A. (2018) Obshchestvennyy ideal v “Zapiskakh okhotnika” I.S. Turgeneva: istoriko-politologicheskii analiz [The public ideal in “A Sportsman's Sketches” of Ivan Turgenev: a historical and politological analysis]. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS*. 14(2). pp. 40–59.

29. Turgenev, I.S. (1986) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.* [Complete Works and Letters in 30 vols]. Vol. 12. Moscow: Nauka. pp. 531–547.

30. Solonevich, I.L. (1991) *Narodnaya monarkhiya* [The Popular Monarchy]. Moscow: Feniks.

УДК 323.2

DOI: 10.17223/1998863X/52/21

А.В. Соколов, А.А. Курбанова

МАССОВЫЕ ДВИЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ДВИЖЕНИЯ В ПОДДЕРЖКУ А. НАВАЛЬНОГО)¹

Статья посвящена анализу организации и проведения массовых движений в современной России. Делается обзор ряда массовых движений в России: «марша на Москву» профсоюза работников РАН, митинга медицинских работников в Москве, протестного движения дальнбойщиков против системы «Платон». Проводится анализ массового движения, организованного А. Навальным в 2017 г., авторами выделяются цели и ресурсы организации данного движения. Для анализа масштабов действий А. Навального по организации массовых действий авторами проведен анализ офлайн коллективных действий политика в 2017 г. в Центральном федеральном округе России. Определяется хронология, делается количественный анализ проведенных массовых мероприятий. Определяется статус проведенных мероприятий. Авторами проводится анализ освещения деятельности А. Навального в социальных сетях.

Ключевые слова: массовые движения, коллективные действия, коммуникация, Интернет, протест, социальные сети.

Одна из причин возникновения массовых движений – неудовлетворительная социальная ситуация, когда социально-политические обстоятельства воспринимаются гражданами как невыносимые. У всех массовых движений существуют разные цели и способы их достижения. Если массовые движения характеризуются как общественные движения, то чаще всего цели этих движений являются политическими (проблемы социально-политических конфликтов, вопросы властных полномочий). Именно от количества граждан, поддерживающих идеи и взгляды тех или иных движений, зависит степень их влияния.

Г. Блумер подчеркивал особое значение массовых общественных движений, определял их как «коллективные инициативы для формирования нового социального порядка». Социальные движения он рассматривал как «коллективные предприятия нацеленные на установление нового строя жизни» [1. С. 195]. В основе мотивации социального движения, заставляющей человека совершать определенные действия, – неудовлетворительно сложившаяся форма жизни, а также желание перейти в новое устройство существования.

М. Олсен в своем труде «Логика коллективного действия. Общественные блага и теория групп» утверждает, что в коллективных действиях наиболее эффективными в реализации своих позиций являются малые группы. Большие группы менее способны действовать в общих интересах, причем заинтересованность действовать в групповых интересах снижается с ростом количества участников. Социолог определяет факторы, при которых эффективность больших групп снижается: спад влияния индивида на приня-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 17-33-01022 (а2) «Моделирование и индексирование протестной активности в субъектах Российской Федерации».

тие решений, соответственно, процесс коммуникации между участниками становится сложнее [2].

П. Штомпка рассматривает социальные движения как «свободно организованные коллективы, действующие совместно в неоинституционализованной форме для того, чтобы произвести изменения в обществе» [3]. Данные социально-политические процессы обусловлены общественными целями, интересами взаимодействующих индивидов. Общественные движения включают такие составляющие, как взаимодействие различных социальных групп, коллективные действия, протестное поведение.

Определенное желание человека изменить существующий порядок носит протестный характер. Общественные движения представляют собой конкретные действия граждан, стремящихся к реализации определенных целей. Н. Смелзер – сторонник систематических исследований массовых движений – в своей работе «Теория коллективного поведения» рассматривал движения как сеть, в которой взаимодействуют индивиды, группы. Однако он отмечал: из-за нестабильности социально-политических структур происходят массовые протестные движения. В основу теории коллективного действия Н. Смелзера положена классификация шести факторов, присутствие каждого из которых с высокой степенью интенсивности обеспечивает достаточную причину для социально-политического протеста (см.: [4. С. 25]).

М.И. Козин понимает под общественным движением массовую самостоятельную организацию, являющуюся одной из форм общественных объединений, «созданную для оказания давления на органы власти и выражения политических требований заинтересованных групп населения» [5. С. 75]. Движения представляют собой объединения граждан, которые стремятся реализовывать определенные цели, связанные с выражением коллективного недовольства или, напротив, поддержки возникшим социальным изменениям в обществе. Граждане, объединяясь, пытаются решать свои проблемы и тем самым выражают отношение к окружающему миру.

Рассматривая социальные движения, О.И. Якушина отмечала, что они являются «практиками, упорядоченными в пространстве и времени», которые организуются акторами и регулярно [6]. При взаимодействии каждый индивид использует определенные ресурсы и руководствуется нормами и правилами.

Развитие информационных технологий (Интернета, социальных сетей) способствовало конструированию новых взаимодействий и сетей между участниками движения. Безусловно, все участники движений являются совершенно свободными в своих действиях, но эти действия имеют силу только в рамках коллектива. Каждый индивид обладает правом присоединиться к движению, ориентируясь на его основные цели, один человек не имеет значительного влияния. Интернет-платформы и СМИ являются ключевым механизмом воздействия на сознание населения. Благодаря широкому информационному обеспечению человек может получить доступ к различной информации. Наличие большого количества информации способствует формированию общих интересов и организации участников, которые могут повлиять на коллективные действия в рамках массовых движений. При этом результативность деятельности акторов зависит от уровня организации и мобилизации масс [7].

Причиной возникновения массовых выступлений, в первую очередь протестных, является накопленное у населения недовольство социальной несправедливостью, властью, тяжелое социально-экономическое положение граждан, а также стремление бороться за свои права [8]. Для активной мобилизации населения следует выделить следующие показатели: уровень организации; степень информационного обеспечения (коммуникативные сети); общность интересов и единство; наличие лидера. Стоит отметить, что для управления массами необходим харизматический лидер, который обращает внимание масс на ценности и убеждения путем внедрения в общественное сознание образов с помощью пропаганды и манипуляции [9].

В коллективном действии общность людей нацелена на изменение существующей социальной ситуации [2]. Коллективные действия граждан могут носить как радикальный, так нормативный характер. Коллективная деятельность представляет определенное действие, которое совершается двумя или более субъектами ради достижения конкретного общественного блага.

Массовые движения сталкиваются с рядом проблем, таких как неустойчивый характер, разнородный состав движений, слабые социальные связи внутри организационной структуры. Одной из значимых проблем, влияющих на развитие движений в России, является относительно низкий уровень гражданской активности, что отражено в социологических исследованиях [10]. Несмотря на развитие информационно-коммуникационных технологий, низкая гражданская активность свидетельствует об отсутствии желания населения участвовать в политической жизни страны, что говорит о низкой мотивации воздействовать на политику для реализации собственных интересов.

Обобщая анализ массовых движений, можно отметить, что общими признаками, характеризующими коллективные действия, являются: единая цель всех участников, общие интересы, наличие стимулов, общая совместная деятельность. Отношение к социальным проблемам, экономические требования, желание поддержать или отвергнуть власть являются основными поводами для консолидации граждан в разные виды объединений.

Массовые акции, в том числе протестные, представляют инструмент, который позволяет гражданам расширить свои социально-политические возможности, способствует установлению межличностных связей между различными социальными группами, укрепляет существующие и формирует новые идентичности [11]. Можно выделить ряд наиболее крупных массовых движений, которые привлекли внимание общественности.

В 2002 и 2004 гг. профсоюз работников РАН организовал «марши на Москву». Как правило, марши протеста сопровождались митингами. Основными причинами акций послужили сокращение заработной платы и льгот у сотрудников РАН и уменьшение числа научных учреждений. Акции способствовали привлечению внимания со стороны общественности, что подчеркивало актуальность проблемы.

Санкционированный митинг «За честные выборы» на Болотной площади в декабре 2011 г. являлся самым массовым за последние годы. Поводом для митинга послужили результаты выборов в Государственную Думу, недовольство властями и текущей ситуацией в стране. Стоит отметить, что участие в подобной форме социально-политического активизма способствовало выра-

жению и отстаиванию своих интересов и прав, а также формированию уверенности в возможности общества воздействовать на власть.

В ноябре 2014 г. на Суворовской площади в Москве прошел митинг медицинских работников. Предложенная Минздравом России реформа послужила поводом для акции, так как сокращение медучреждений приведет к снижению количества рабочих мест. В ходе опроса «Левада-Центра» было выявлено, что, по мнению 63% граждан, реформа не позволит повысить качество и эффективность системы здравоохранения [12]. В итоге была подписана резолюция, призывающая к пересмотру реформы, предполагающая общественные обсуждения направлений развития здравоохранения.

В 2015 г. была организована волна протестных акций против системы взимания платы «Платон». Инициативные группы согласовывали митинги и пикеты. Общество поддерживало протесты дальнобольщиков. В ходе исследования «Левада-Центра» было выявлено, что 63% граждан поддерживают протестующих [13]. В ноябре 2015 г. транспортный сбор «Платон» был введен, но, учитывая прошедшие акции протеста, Министерство транспорта Российской Федерации приняло решение не изменять тариф и оставить его на том же уровне до 2016 г. Однако в 2017 г. в результате повышения тарифов начался новый этап протестных акций в регионах страны. Было сформировано несколько петиций против системы «Объединением перевозчиков России». Также на официальном сайте «Российской общественной инициативы» была создана инициатива по отмене системы «Платон».

С целью детального анализа специфики организации массовых движений в современной России был проведен анализ движения в поддержку А. Навального в 2017 г. Выбор данного движения был связан с его массовостью, публичностью деятельности, широким освещением в СМИ, политической значимостью, а также использованием разнообразного инструментария для мобилизации масс.

Исследование базировалось на трех основных методах.

1. Метод case-study. Он представляет собой метод качественного исследования, направленный на всестороннее изучение деятельности акторов, вовлеченных в массовое движение, которое рассматривается в конкретных условиях и на определенном промежутке времени. Данный метод позволяет выявить проблему, лежащую в основе коллективных действий, существующие взаимосвязи между ключевыми акторами, определить их цели, стратегии и тактики действий, используемые ресурсы.

2. Ивент-анализ. Данный метод дает возможность анализировать динамику политических процессов и их интенсивности для выделения основных тенденций развития событий. Методика позволяет формализовывать, получать количественные характеристики изучаемых массовых движений. В рамках исследования был проведен анализ массового движения в поддержку А. Навального в 2017 г. в Центральном федеральном округе России (количество акций, география акций, статус мероприятий, численность участников).

3. Сетевой анализ. Метод направлен на выявление специфики и характера коммуникации. В данном исследовании был проведен анализ страниц в социальных сетях Фонда борьбы с коррупцией за период с сентября 2017 г. по февраль 2018 г. Методом количественной обработки данных выступил критерий корреляции r Брауэ–Пирсона.

Разнообразный инструментарий исследования позволил обеспечить комплексный анализ массового движения в поддержку А. Навального, выявить его содержание и специфику.

Началом анализируемой ситуации можно считать декабрь 2016 г., когда А. Навальный объявил о решении баллотироваться на пост президента в 2018 г. и на своем официальном предвыборном сайте начал сбор электронных подписей в свою поддержку, несмотря на решение суда. Согласно официальным данным на 13 ноября 2017 г. поддержку А. Навального было собрано более 648 415 подписей и создано 80 штабов по всей стране.

В начале марта 2017 г. на официальном сайте Фонда борьбы с коррупцией на видео-портале Ютуб был опубликован фильм «Он вам не Димон», который посвящен «расследованию» деятельности премьер-министра Д. Медведева. Ролик получил широкую популярность – за месяц он получил более 22 млн просмотров пользователей. В дальнейшем произошел подъем протестной активности в регионах в форме антикоррупционных митингов. Согласно данным Фонда общественного мнения, причиной протестных акций послужили недовольство властями, снижение уровня жизни граждан и протест против коррупции [14].

Значительное количество просмотров указанного видеоролика стало одним из лучших результатов в современном Рунете и доказывает эффективность интернет-инструментов в распространении политической информации. Роль Интернета в этих событиях является если не ключевой, то одной из самых значимых. В первую очередь это связано с тем, что вся подготовка к последующей офлайн кампании 2017 г. (митинги, сбор подписей, согласование мест, времени, формы проведения) проходила в Интернете. Основным инструментом на этом этапе стали социальные сети. Именно они дали организаторам антикоррупционных выступлений возможность создать масштабную волну, которая затронула каждую область, многие крупные города.

Следует отметить, что А. Навальный начал общественно-политическую карьеру в начале 2000-х гг. Он являлся одним из основателей молодежного общественного движения «Демократическая альтернатива», а также активистом партии «Яблоко» (с 2000 до 2007 г.). В 2010 г. он запустил первый проект «РосПил» посвященный проверке госзакупок, который способствовал привлечению внимания со стороны населения как к процессам государственных закупок, борьбе с коррупцией, так и к персоне самого политика. В 2013 г. он принял участие в выборах мэра Москвы, где занял второе место, набрав 27%. А. Навальный также является председателем Партии Прогресса и учредителем Фонда борьбы с коррупцией. В 2017 г. он начал активную общественную кампанию, позиционируя ее как предвыборную кандидата на пост президента страны.

Можно выделить ряд целей, которые преследовал А. Навальный в 2017 г.:

- 1) привлечение внимания масс за счет «разоблачения» крупных российских политиков и сырьевых компаний;
- 2) проведение «антикоррупционной» деятельности, в том числе для получения политических очков;
- 3) противодействие проводимой политике в стране посредством организации массовых протестных акций в регионах;

4) увеличение сторонников в социальных сетях посредством применения современных интернет-технологий и инструментов.

Для мобилизации масс им использовались разные виды ресурсов (зачастую они являются пересекающимися).

1. Информационный ресурс.

Интернет-платформы являются наиболее удобным способом донесения информации и мобилизации масс. Представители оппозиции активно используют социальные страницы и создают видеоблоги на различных интернет-платформах (Ютуб, Твиттер, Фейсбук, Инстаграм, ВКонтакте, Телеграм).

В ходе «предвыборной» кампании, которую Навальный начал в 2017 г., активно использовались интернет-каналы: «Штаб Навального» и «Навальный Live», в который входят программы «Кактус» (выпущено 267 видеороликов) и «Навальный в 20:18» (выпущено 50 видеороликов). Эти платформы имеют значительный охват пользователей. В частности, «Навальный Live» имеет 503 996 подписчиков и, согласно официальной статистике Ютуб-канала, доля просмотров составляет 77 335 821 человек [15].

В предвыборные штабы в регионах активно привлекали волонтеров (на октябрь 2017 г. насчитывалось 174 234 добровольцев [16]). Для волонтеров был создан интернет-канал «Штаб Навального», в котором количество подписчиков составляло более 63 тыс. человек, а количество просмотров канала составляло почти 17 млн [17]. Был инициирован сбор средств посредством технологии краудфандинга на реализацию проектов и массовых акций.

2. Ресурс массовой поддержки со стороны населения.

Навальный обладает популярностью в интернет-пространстве. Он узнаваем жителями крупных городов, молодежью. Как уже было указано, на осень 2017 г. его штабами в регионах было привлечено более 174 тыс. добровольцев, большей частью которых была молодежь.

3. Организационный ресурс.

Поддержка Партии Прогресса и общественной организации «Фонд борьбы с коррупцией» (объединяет проекты РосПил, РосЯма, РосВыборы, РосЖКХ).

4. Личностный ресурс.

Рассматривая образ А. Навального следует отметить, что на протяжении долгой профессиональной деятельности в разных сферах им сформирован достаточно четкий имидж. Он обладает харизмой, психологическим запасом прочности, опытом работы в политике более 17 лет, умением увлечь массы за собой.

5. Финансовый ресурс.

Состоятельные предприниматели не заявляли публично о своей поддержке кампании А. Навального. Поэтому основным публичным источником средств для нее стали средства, собранные в ходе краудфандинговых кампаний. Это позволяло не только аккумулировать ресурсы, но и выстраивать специфическую коммуникацию со сторонниками, вовлекать их в активные действия в поддержку той позиции, которую они уже поддержали пожертвованием.

Можно выделить целый ряд использованных в ходе организации массового движения действий:

– проведение избирательной кампании;

- организация встреч со сторонниками в регионах;
- выступление в видеоблогах, радиоэфирах, ведение социальных сетей;
- проведение несанкционированных массовых акций протеста.

Осенью 2017 г. А. Навальным был предложен конкурс по созданию личного YouTube-канала, тематика которого должна быть посвящена региональным проблемам. Участие в конкурсе приняли 518 сторонников из 53 регионов. Основным условием участия в конкурсе было размещение видеороликов и их публикация не менее двух раз в неделю. В результате жюри определило 10 победителей, которые получили один миллион рублей. Победителем конкурса стал канал «МеждуМедиа Политика» из Саратова, на который было подписано 71 396 человек.

Стоит подчеркнуть, что главной целью проведения данного конкурса было создание и ведение участниками каналов в интернет-пространстве, которые способствовали привлечению граждан и их идентификации. При этом попытка создания каналов в регионах является наиболее эффективным способом донесения информации и мобилизации масс.

Для анализа масштабов действий А. Навального по организации массовых действий авторами был проведен анализ офлайн коллективных действий политика в 2017 г. в Центральном федеральном округе России (18 субъектов Российской Федерации, 650 205 км², или 3,8% территории страны, 9,3 млн человек, или 26,77% населения страны). Для проведения исследования использовались информационные сайты СМИ и штабов А. Навального в регионах ЦФО.

В анализе использовалось 265 информационных источников Центрального федерального округа:

- 1) федеральные новости в СМИ, освещающие проводимые мероприятия;
- 2) информационные порталы в регионах;
- 3) официальный сайт предвыборной кампании Навального и социальные страницы штабов (ВКонтакте, Фейсбук, Живой Журнал) в 17 регионах.

Содержание мероприятий А. Навального в 2017 г. направлено на распространение результатов «антикоррупционных» расследований и на предвыборную кампанию, при этом использовались разные формы мобилизации масс. Акции в предвыборной кампании основывались в основном на санкционированных формах. Несанкционированные мероприятия, посвященные антикоррупционным расследованиям, организовывались в форме митингов и получили широкое освещение в СМИ.

В течение 2017 г. наиболее значимыми массовыми акциями являлись антикоррупционные митинги, проходившие 26 марта и 12 июня, посвященные расследованию Фонда борьбы с коррупцией, а также 7 октября – «антипутинские» протесты. Ключевой и наиболее массовой стала всероссийская акция 26 марта 2017 г. – сразу после демонстрации ролика «Он Вам не Димон». Как показывают результаты исследования, большинство протестных акций в марте не были согласованы с властями и получили широкое освещение в СМИ (табл. 1).

Наибольшая часть несанкционированных мероприятий офлайн кампании 2017 г. приходилась на март (47% акций), октябрь (26%) и июнь (11%). Рост количества санкционированных мероприятий отмечен с сентября по декабрь: от 15 до 16%. В данный промежуток времени активно использовались пикеты

и кубы, которые организовывались в поддержку А. Навального в ходе проводимой избирательной кампании в регионах.

Таблица 1. Общая характеристика акций в ЦФО в 2017 г.

Виды акций	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Митинги	0	0	33	1	0	10	0	0	0	12	7	0	63
Пикеты	0	0	1	0	0	2	2	1	0	19	6	7	38
Демонстрации	0	0	1	0	0	0	0	0	0	1	0	0	2
Кубы	0	0	0	0	4	11	14	12	14	3	6	0	64
УМ	0	0	0	0	0	1	10	6	25	12	15	19	88
Собрания ин. групп	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	10	10
Санкционированные	0	0	13	1	4	19	23	19	36	35	33	35	218
Не санкционированные	0	0	22	0	0	5	3	0	3	12	1	1	47
ВСЕГО	0	0	35	1	4	24	26	19	39	47	34	36	265
Средняя численность участников митингов	0	0	12 910	150	4 350	1 680	350	400	250	125	330		

В период антикоррупционной кампании (весна – начало лета) организуются в первую очередь митинги. В марте 2017 г. проведено наибольшее количество митингов (52%). Организация и проведение митингов осуществлялись в июне, октябре и ноябре – 11–19% (табл. 2). В предвыборный (осенний) период А. Навальный организует в свою поддержку главным образом пикеты, кубы, уличные мероприятия. Так, наибольшее количество проведенных пикетов приходится на октябрь (50%). С июня по сентябрь главным средством агитации стали кубы (от 17 до 22%). В сентябре (28%) и декабре (22%) организаторы в регионах активно используют уличные мероприятия, в ходе которых активно привлекают сторонников и волонтеров.

Таблица 2. Виды акций в ЦФО в 2017 г.

Регион	Митинги	Пикеты	Демонстрации	Кубы	Уличные мероприятия	Собрания инициативных групп
Белгородская область	2	1	0	1	6	1
Брянская область	1	5	0	7	5	0
Владимирская область	3	6	0	10	1	0
Воронежская область	1	3	0	7	7	1
Ивановская область	2	1	0	10	0	0
Калужская область	2	1	0	3	1	0
Костромская область	2	4	0	3	7	0
Курская область	3	3	0	1	2	0
Липецкая область	1		1	0	7	0
Москва	3	2	1	1	15	1
Орловская область	2	6	0	1	7	0
Рязанская область	2	1	0	3	5	0
Смоленская область	3	0	0	4	5	0
Тамбовская область	2	2	0	0	10	0
Тверская область	1	1	0	2	4	0
Тульская область	2	1	0	0	0	0
Ярославская область	3	1	0	11	4	1

Важно отметить, что в декабре в четырех регионах были проведены собрания инициативных групп по выдвижению А. Навального в кандидаты в президенты России (Белгород, Воронеж, Москва, Ярославль).

Рассматривая региональную специфику проведенных акций, стоит отметить, что большая часть митингов была организована в Москве, Ярославле, Владимире, Воронеже, Брянске. По количеству пикетов лидирующими регионами являются Владимир, Орел, Брянск. Наименьшее количество пикетов проведено в Твери, Туле, Калуге, Курске, Липецке.

В 16 регионах регулярно проводились уличные акции, на которых раздавались агитационные материалы. Для вовлечения населения в акции, заранее отмечались места, в которых устанавливались кубы. Таким образом, создание первых кубов проходило практически одновременно с проведением агитационных мероприятий. Уличные акции, кубы стали ключевым элементом кампании А. Навального. Запуск визуальных способов агитации способствовал привлечению внимания граждан. Волонтеров для участия в мероприятиях привлекали с помощью страниц, созданных в социальных сетях, и блогов А. Навального.

Основная доля участников митингов приходится на Москву. В частности, 57% всех участников митингов 26 марта в ЦФО – жители Москвы (табл. 3). Далее следуют Воронеж (7%), Иваново (5%), Владимир (4%). Это можно объяснить как численностью населения Москвы, так и опытом А. Навального работы в данном регионе, спецификой социального состава жителей Москвы. Напротив, в отдаленных регионах наблюдается сокращение граждан, принявших участие в митингах.

Таблица 3. Численность митингующих в 2017 г.

Регион	Дата								
	26 марта	9 апреля	12 июня	7 октября	27 октября	28 октября	29 октября	12 ноября	29 ноября
Белгородская область	200 НС			30 С					
Брянская область	250 НС								
Владимирская область	500 С		300 НС						330 С
Воронежская область	860 С								
Ивановская область	650 С				350 С				
Калужская область	300 С		350 С						
Костромская область	400 С		300 С						
Курская область	150 С		200 С			400 С			
Липецкая область	300 С								
Москва	7 300 НС		1 800 НС	1 350 НС					
Орловская область	300 НС			50 С					
Рязанская область	375 НС		400 С						
Смоленская область	300 НС		450 С					125 С	
Тамбовская область	175 НС						250 НС		

Регион	Дата								
	26 марта	9 апреля	12 июня	7 октября	27 октября	28 октября	29 октября	12 ноября	29 ноября
Тверская область	400 НС								
Тульская область	450 НС		50 НС						
Ярославская область		150 С	500 С	250 НС					
	12 910	150	4 350	1 680	350	400	250	125	330

Примечание. НС – несогласованный митинг; С – согласованный митинг.

В целом в течение 2017 г. А. Навальным было организовано более 35 митингов в Центральном федеральном округе. Наиболее массовыми были мартовские митинги (63% участников от годовых значений). Вторыми по массовости стали митинги 12 июня (21% участников от годовых значений). Среднее количество в регионах варьирует от 250 до 350 человек.

Наибольшее количество несанкционированных акций приходится на 26 марта 2017 г. Несанкционированные акции прошли в 9 регионах. Стоит отметить, что в одном из регионов 26 марта не проводился митинг из-за несогласованности документов на его проведение, поэтому он был перенесен на 9 апреля. При этом в Ивановской, Калужской, Костромской, Курской областях наиболее часто проводились согласовывали митинги.

В ходе избирательной кампании А. Навальный организовал митинги в свою поддержку и посетил 5 регионов Центрального федерального округа с октября по ноябрь: Ивановскую, Курскую, Тамбовскую (митинг не был согласован), Тверскую, Владимирскую области.

Осенью начался процесс создания предвыборных штабов А. Навального по выборам президента России по всей стране. Следует отметить, что он не был зарегистрирован в качестве кандидата. Однако штабы были открыты в 81 регионе России. Штабы стали организационной основой для мобилизации масс и проведения различных офлайн мероприятий.

Проведенный анализ позволяет выявить основные формы офлайн активности:

- митинги (пик – март, 63% от всех мероприятий подобного типа);
- пикеты (октябрь, 50%);
- кубы (июль, сентябрь, 22%);
- уличные агитационные мероприятия (сентябрь, 28%).

В начале года преобладали несанкционированные формы для привлечения граждан. С апреля наблюдается увеличение доли санкционированных форм, которые используются и преобладают по декабрь 2017 г.

Таким образом, прошедшие в марте, июне, октябре массовые митинги, организованные А. Навальным в регионах, были посвящены антикоррупционным расследованиям. После прошедших мартовских митингов наблюдается открытие штабов в ходе предвыборной кампании А. Навального. С мая по декабрь 2017 г. активно применяются такие виды акций, как кубы, пикеты и уличные мероприятия, использующиеся в предвыборной агитации. Применение интернет-платформ в проводимых акциях является эффективным способом донесения информации и мобилизации масс.

Массовые антикоррупционные митинги и масштабное их освещение в СМИ позволили А. Навальному достигнуть нового уровня узнаваемости – 55% среди населения России [18]. Наиболее высокая узнаваемость Алексея Навального среди жителей Москвы, где его знают 88% участников опроса. Среди россиян с высоким потребительским статусом и респондентов с высшим образованием его узнаваемость также выше. На страницы А. Навального в Интернете подписано в общей сложности почти 2 млн человек.

Как уже отмечалось, А. Навальный и представители штабов в регионах, созданных в 2017–2018 гг., активно используют социальные страницы и видеоблоги для организации коллективных действий. Связь руководителей со сторонниками осуществляется с помощью социальных сетей, что способствует улучшению коммуникации между участниками. Предварительно на официальных страницах в социальных сетях публикуется информация о предстоящих акциях в регионах, граждан призывают принять участие в мероприятиях. Страницы используются для рассылок в социальных сетях агитационных материалов и предложений приобрести продукцию в интернет-магазине.

Характер активности в социальных сетях А. Навального хорошо виден на примере социальных страниц Фонда борьбы с коррупцией [9]. Авторами статьи был проведен анализ их содержания за период с сентября 2017 г. по февраль 2018 г. Целью анализа являлось определение связей между страницами, созданными Фондом борьбы с коррупцией, и выявление наиболее часто используемых форм активности.

Эмпирической базой исследования выступила информация, размещенная на официальных страницах Фонда борьбы с коррупцией. Единицами анализа выступили размещенные Фондом борьбы с коррупцией посты (лайки, репосты, комментарии) в социальных сетях ВКонтакте, Facebook, Twitter. Методом количественной обработки данных выступил критерий корреляции *r* Брауэ–Пирсона.

В ходе исследования было выявлено, что социальная сеть ВКонтакте обладает наибольшим количеством подписчиков: их количество составляет 66 226 человек (рис. 1).

Рис. 1. Общее количество подписчиков ФБК (указаны численность и год создания страницы)

При этом Facebook и ВКонтакте – первые платформы, на которых были созданы страницы ФБК в 2012 г. Страница в Instagram была создана позже. Проведенный анализ (рис. 2) определил, что наибольшая взаимосвязь у постов, размещенных в социальных сетях ВКонтакте и Facebook (98%). Выявленная корреляция является положительной, так как оба показателя возрас-

тают пропорционально. Установлена наименьшая зависимость между постами в ВКонтакте и Twitter: доля корреляции составляет 14%.

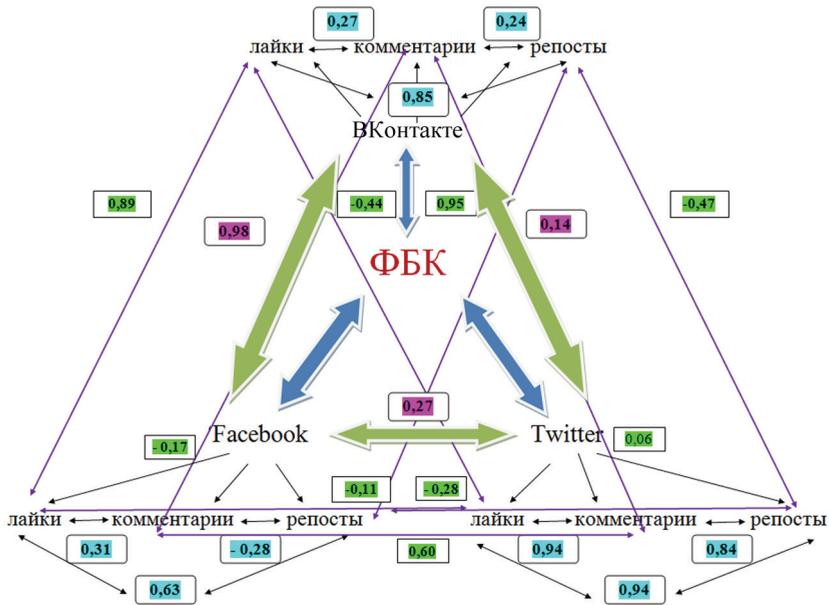

Рис. 2. Корреляции между социальными сетями ФБК

Наиболее активные формы участия в социальных сетях:

- лайки (33 209, 69%);
- репосты (7 993, 16%);
- комментарии (7 214, 15%).

Исследование позволило выявить закономерность: посты, получающие наибольший отклик у пользователей, имеют наибольшее количество лайков, репостов и комментариев. Таким образом, реакция пользователей выражается сразу во всех возможных формах. Пользователи больше обращают внимание на посты, в которых отмечено значительное количество лайков, репостов, комментариев. Большое количество лайков способствует росту репостов и комментариев к размещенному посту. Следовательно, данные формы участия выступают показателем популярности данного поста в социальной сети.

Таким образом, развитие интернет-пространства расширило коммуникационные возможности граждан, при этом интернет-технологии выступают сильным инструментом воздействия на массовое сознание в движениях. Интернет-коммуникация оказывает значительное влияние на результат коллективных действий.

Интернет позволяет политикам формировать узнаваемость и политический капитал, привлекать сторонников. Ярким примером такого политика является А. Навальный. Созданные А. Навальным в Интернете платформы позволяют координировать и мобилизовать сторонников в конкретные коллективные действия в офлайне.

Можно говорить о том, что А. Навальный является популярным политическим деятелем Рунета. Своей популярности он добился во многом благодаря грамотной интернет-кампании, которая включала в себя расследования,

защиту прав граждан, массовое использование социальных сетей для мобилизации сторонников, непосредственного общения с ними и организации выступлений. Алексей Навальный, получив известность в сети как блогер, расследующий коррупционные схемы в крупных государственных компаниях, стал значимым политическим деятелем с высоким уровнем узнаваемости, способным организовывать многочисленные офлайн акции по всей стране.

Созданные А. Навальным Интернет-платформы являются ключевым механизмом мобилизации населения. Наличие большого массива информации, распространяемого посредством интернет-платформ, способствует формированию общих интересов и объединению участников для коллективных действий.

Использование Интернета является фактором повышения эффективности работы политических субъектов за счет возможностей, которые появляются при переносе части организационной активности в Сеть. В Сети формируется среда, которая обладает широкими возможностями коммуникации и объединения внутри нее. Эти свойства отражаются в повышении результативности работы гражданских организаций, главным показателем которой является масштабность деятельности.

Таким образом, можно говорить о том, что А. Навальный сформировал эффективный симбиоз инструментов осуществления коллективных действий, базируясь как на онлайн, так и офлайн элементах:

- 1) социальные сети, блоги, интернет-реклама;
- 2) уличная агитация (массовые митинги, кубы, пикеты);
- 3) производство и распространение агитационных материалов;
- 4) финансовое обеспечение (краудфандинг и привлечение спонсоров).

Литература

1. Блумер Г. Коллективное поведение // Американская социологическая мысль : тексты. М, 1994. С. 168–215.
2. Казаринова Д.Б. Теория коллективных действий: политические импликации // Вестник российского университета дружбы народов. 2011. № 3. С. 71–78.
3. Штольма П. Социология. Анализ современного общества. М. : Логос, 2005. 664 с.
4. Скакунов Э.И. Природа политического насилия. Проблемы объяснения // Социс. 2001. № 12. С. 22–30.
5. Козин М.И. Современный политический процесс в России: общественно-политические объединения и политическая элита : (теоретико-методологические проблемы исследования). М. : ИСПИ РАН, 1997. 78 с.
6. Якушина О.И. Идентичность в социологической теории Э. Гидденса // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 2. С. 87–95.
7. Попова В.О., Балежина Е.А. Роль средств массовой информации в формировании стереотипов массового сознания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. № 2 (22). С. 88–92.
8. Предпосылки для осенних протестов. 01.08.2018. URL: <https://www.levada.ru/2018/08/16/predposylki-dlya-osennih-protestov/> (дата обращения: 10.09.2018).
9. Gerbaudo P. Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism. London : Pluto Books, 2012. 216 p.
10. ВЦИОМ. Проект «Электоральная панель 2011–2012». URL: <http://politpanel.wciom.ru> (дата обращения: 20.09.2017).
11. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connectiveaction // Information, Communication & Society. 2012. № 15. P. 739–768.
12. Левада-Центр. Митинг медицинских работников. URL: <http://www.levada.ru/2014/11/21/miting-meditsinskih-rabotnikov> (дата обращения: 20.09.2017).

13. *Левада-Центр*. Протесты «дальнобойщиков» и готовность протестовать среди населения. URL: <https://www.levada.ru/2015/12/30/protesty-dalnobojshnikov-i-gotovnost-protestovat-sredi-naseleniya/> (дата обращения: 14.03.2018).

14. *Фонд общественного мнения*. Акции протеста 12 июня: опросы накануне и после протестов. URL: <http://fom.ru/Nastroeniya/13591> (дата обращения: 06.04.2018).

15. *Навальный LIVE*. URL: <https://www.youtube.com/channel/UCgxTPTFbIbCWfTR9I2-5SeQ/featured> (дата обращения: 06.04.2018).

16. *Навальный*. URL: <https://navalny.com> (дата обращения: 14.03.2018).

17. *Штаб Навального*. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC7Elc-kLYdl-NAV4g204pDQ> (дата обращения: 06.04.2018).

18. *Левада-центр*. Протесты и Навальный. URL: <https://www.levada.ru/2017/07/17/protesty-i-navalnyj/> (дата обращения: 17.07.2017).

Alexander V. Sokolov, Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russian Federation).

E-mail: alex8119@mail.ru

Asiyat A. Kurbanova, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).

E-mail: kurbanovaasyat@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 231–245.

DOI: 10.17223/1998863X/52/21

MASS MOVEMENTS IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE MOVEMENT IN SUPPORT OF ALEXEI NAVALNY)

Keywords: mass movement; collective actions; communication; Internet; protest; social network sites.

The article is devoted to the analysis of the organization and conduct of mass movements in modern Russia. A review of a number of mass movements in Russia was made: the March to Moscow of the trade union of workers of the Russian Academy of Sciences, the rally of medical workers in Moscow, the protest movement of truckers against the Platon toll system. The movement in support of Alexei Navalny in 2017 was analyzed to give a detailed description of the specificity of the functioning of mass movements in modern Russia. The choice of this movement was due to its mass character, publicity of activity, wide media coverage, political significance, the use of various tools for mobilizing the masses. The study was based on three main methods: case study, event analysis, network analysis. The authors described the goals and resources of this movement's organization, the chronology, conducted a quantitative analysis of the mass events, determined the status of the events. In order to analyze the scale of Navalny's activities on organizing mass actions, the authors analyzed offline collective actions in 2017 in the Central Federal District of Russia (based on 265 information sources). The online activity was analyzed on the example of social network pages of the Anti-Corruption Foundation for the period from September 2017 to February 2018. The purpose of the analysis was to determine the links between the created pages of the Anti-Corruption Foundation (Vkontakte, Facebook, Twitter) and to identify the most frequently used forms of activity (likes, reposts, comments). The analysis made it possible to reveal that the greatest relationship is with posts posted on social networks Vkontakte and Facebook (98%). The study revealed a pattern: posts that receive the greatest response from users have the largest number of likes, reposts and comments. Thus, the reaction of users is expressed immediately in all possible forms. Users pay more attention to posts with a significant number of likes, reposts and comments. More likes contribute to the growth of reposts and comments to the post. Navalny achieved his popularity largely due to a competent Internet campaign, which included investigations, protection of citizens' rights, massive use of social networks to mobilize his supporters, direct communication with them and organization of performances. Internet platforms created by Navalny are a key mechanism for mobilizing the masses of the population. The large array of information disseminated through Internet platforms contributes to the formation of common interests and the unification of participants to collective action. Thus, it can be stated that Navalny has formed an effective symbiosis of collective action tools based on both online and offline elements.

References

1. Bloomer, G. (1994) Kollektivnoe povedenie [Collective Behaviour]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American Sociological Thought]. Translated from English. Moscow: Moscow State University. pp. 168–215.

2. Kazarinova, D.B. (2011) Teoriya kollektivnykh deystviy: politicheskie implikatsii [Collective action theory: the political dimension]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov – RUDN Journal of Political Science*. 3. pp. 71–78.

3. Sztompka, P. (2005) *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva* [Sociology. Analysis of Modern Society]. Moscow: Logos.

4. Skakunov, E.I. (2001) Priroda politicheskogo nasiliya. Problemy ob'yasneniya [The nature of political violence. Problems of explanation]. *Sotsis – Sociological Studies*. 12. pp. 22–30.

5. Kodin, M.I. (1997) *Sovremennyy politicheskiy protsess v Rossii: obshchestvenno-politicheskie ob'edineniya i politicheskaya elita: (Teoretiko-metodologicheskie problemy issledovaniya)* [The modern political process in Russia: socio-political associations and the political elite: (Theoretical and methodological problems of research)]. Moscow: RAS.

6. Yakushina, O.I. (2014) Identity in the sociological theory of A. Giddens. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern Problems of Science and Education*. 4. pp. 87–95. (In Russian).

7. Popova, V.O. & Balezina, E.A. (2015) Role of mass media in formation of stereotypes of mass consciousness. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya – Perm University Herald. Series “Philosophy. Psychology. Sociology”*. 2(22). pp. 88–92. (In Russian).

8. Levada.ru. (2018) *Predposylki dlya osennikh protestov. 01.08.2018* [Background for the autumn protests. August 1, 2018]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2018/08/16/predposylki-dlya-osennih-protestov/> (Accessed: 10th September 2018).

9. Gerbaudo, P. (2012) *Tweets and the Streets. Social Media and Contemporary Activism*. London: Pluto Books.

10. VTsIOM. (n.d.) *Proekt “Elektoral'naya panel' 2011–2012”* [Project “Electoral Panel 2011–2012”]. [Online] Available from: <http://politpanel.wciom.ru> (Accessed: 20th September 2017).

11. Bennett, W.L. & Segerberg, A. (2012) The logic of connective action. *Information, Communication & Society*. 15. pp. 739–768.

12. Levada-Tsentr. () *Miting meditsinskikh rabotnikov*. [Online] Available from: <http://www.levada.ru/2014/11/21/miting-meditsinskikh-rabotnikov> (data obrashcheniya: 20.09.2017).

13. Levada.ru. (2015) *Protesty “dal'nobol'shchikov” i gotovnost' protestovat' sredi naseleniya* [Protests of the long-distance truckers and the willingness to protest among the population]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2015/12/30/protesty-dalnobojshhikov-i-gotovnost-protestovat-sredi-naseleniya/> (Accessed: 14th March 2018).

14. Public Opinion Foundation. (n.d.) *Aksii protesta 12 iyunya: oprosy nakanune i posle protestov* [The June 12 protests: polls the day before and after the protests]. [Online] Available from: <http://fom.ru/Nastroeniya/13591> (Accessed: 6th April 2018).

15. Youtube.com. (n.d.) *Navalnyy LIVE*. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/channel/UCgxTPTFbIbCWfTR9I2-5SeQ/featured> (Accessed: 6th April 2018).

16. Navalny.com. (n.d.) *Navalnyy* [Navalny]. [Online] Available from: <https://navalny.com> (Accessed: 14th March 2018).

17. Youtube.com. (n.d.) *Shtab Naval'nogo* [The Navalny Headquarters]. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/channel/UC7Elc-kLydl-NAV4g204pDQ> (Accessed: 6th April 2018).

18. Levada.ru. (2017) *Protesty i Naval'nyy* [Protests and Navalny]. [Online] Available from: <https://www.levada.ru/2017/07/17/protesty-i-navalnyj/> (Accessed: 17th July 2017).

УДК 323 (470)

DOI: 10.17223/1998863X/52/22

И.Б. Фан

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКИХ УСЛОВИЯХ

Исследуется проблема реального содержания гражданства в России, степени реализации в данном институте западноевропейской модели национального гражданства. Раскрываются основные положения современной концепции национального гражданства, главные характеристики модели гражданства эпохи модерна и ее динамика в условиях глобализации. Дается авторская интерпретация содержания института гражданства. Анализируется соответствие политико-юридической формы и содержания гражданства в российских условиях.

Ключевые слова: гражданство, подданство, нация, национальная идентичность, политическое участие, государственный суверенитет.

Проблема определения реального содержания российского гражданства требует рассмотрения ряда теоретических задач. Приобрел ли институт гражданства РФ качественно иной характер по сравнению с советским гражданством? В какой степени в нем реализована модель западноевропейского гражданства эпохи модерна? Насколько в политических и юридических практиках российского государства воплощено гражданство как «двустороннее отношение гражданина и государства» («Закон о гражданстве РФ» 2002 г.)?

Представления о гражданстве в отечественной политической науке основаны на западноевропейской парадигме эпохи модерна. В ней выделяется два аспекта существования гражданина: в качестве объекта государства – подданного, пассивного члена политического сообщества, и как политического актора, обладающего конституционными правами участия в управлении нацией-государством. Истоки современной концепции гражданства восходят к идеям Т. Маршалла, который анализировал влияние концепции прав гражданина на структуру социального неравенства [1]. На эволюцию института гражданства в западноевропейских странах на протяжении XIX–XX вв. влияли два процесса: процесс расширения объема прав индивидов, признаваемых гражданами, и процесс постепенного распространения гражданства на новые категории населения (низшие классы, женщин). Т. Маршалл осуществил анализ первого процесса через динамику трех компонентов гражданства: собственно «гражданского» (*civic* – основные личные права и свободы), политического и социального [2. С. 83]. В XX в. эти три группы прав были объединены в единый статус гражданина. В странах Западной Европы и США гражданство стало уравнивающим механизмом, нивелирующим противоречия, порождаемые неравенством, связанным со становлением капитализма и системы представительной демократии.

Под влиянием тенденций транснационализации, глобализации и массовой миграции модель национального гражданства начала претерпевать трансформацию [3]. Этот процесс в 1980–1990-е гг. вызвал дискуссию между

последователями и критиками концепции Т. Маршалла. Обсуждались проблемы социального неравенства [4], формирования нации [5], развития политического содержания понятия «гражданин» [6], формирования гражданского общества [7], трансформации гражданства [8]. Анализу были подвергнуты разные аспекты проблемы – через соотношение с понятиями демократии [9], нации и национализма [10], гражданства [11], национальной идентичности [12]. Исследуя режимы гражданства разных стран, эти авторы развивали представления о специфическом соотношении трех групп прав в структуре гражданства в зависимости от конкретного политического контекста. Представители отечественной политической науки акцентировали внимание на проблеме специфики эволюции нации и гражданства в российских условиях, а также на анализе концептуальных основ современного гражданства [13], понятиях политической культуры [14] и культурных различий [15], корпоративного [16], транснационального и космополитического гражданства [17]. Б.Г. Капустин главной проблемой считает не эволюцию государственного института гражданства, а становление гражданина как члена гражданского общества. Таковое он рассматривает как «форму производства политической субъектности» [18. С. 140] и акцентирует внимание на гражданственности. Гражданство формируется в системе отношений гражданского общества и государства и включает кластер значений: легальный и социальный статус; признаки политической идентичности; фокусировку культурной и политической лояльности; требование исполнения обязательств (долга) и ожидание исполнения прав; мерило правильного или одобряемого поведения в обществе [Там же. С. 53–54].

Дискуссия о гражданстве высветила многообразие аспектов, значений и противоречий в данном феномене. Их разрешение мы видим на пути интеграции основных аспектов феномена гражданина, этот путь выводит на следующее понимание гражданства. Гражданство как подчинение, фиксирующее статус принадлежности, подданства индивида государству, и гражданство как власть каждого члена данного государства, его активное «участие в господстве» составляют два предельных значения и измерения данного понятия. Политическая культура гражданина определяет возможность реализации этих двух измерений, выражающих разные исторические типы отношения государства и гражданина. Итак, гражданство как подданство – это статус индивида в традиционных обществах, в современных государствах он выступает в качестве нижнего уровня статуса гражданина. Этот уровень характеризуется подданнической политической культурой, предписываемой политической идентичностью, пассивной политической лояльностью как ощущением подчинения и принадлежности к конкретному государству и пассивным политическим поведением. Гражданство как политическое участие включает в себя подданство, но составляет более высокий уровень явления: на основе формального статуса гражданина формируются гражданская политическая культура, гражданская идентичность, активная лояльность государству и активная политическая деятельность (гражданское участие). Данная концептуальная модель института гражданства и феномена гражданина лежит в основе Конституции РФ (1993 г.). Однако спустя четверть века вновь разгорелась старая дискуссия относительно применимости данной концепции к российской действительности.

В последние годы в странах Центральной и Восточной Европы проявляются антилиберальные настроения и критическое осмысление копирования (имитации) западных либерально-демократических институтов, включая гражданство. «Идеология» антилиберализма порождена несколькими факторами: динамикой западных «образцов» в контексте глобализации и миграции; разочарованием населения этих стран в эффективности экономических и политических реформ, «протестом против унижений» из-за признания иностранной культуры выше собственной; стремлением восстановить национальное самоуважение путем отрицания западных институтов и ценностей в качестве образца для подражания [19. С. 13]. В России также сильны антилиберальные и антизападные настроения. В 1990-е гг. в Россию импортировалась модерна модель национального гражданства. В нынешних условиях на Западе наряду с данной моделью формируются модели постнационального, космополитического, глобального гражданства. Возникает кумулятивный эффект взаимодействия разнонаправленных внешних и внутренних политических факторов. Трудно реализовать модель национального гражданства в границах одного государства в условиях трансформации самой модели, а также вызовов и рисков, связанных с глобализацией. Понятны причины приверженности элит государств Центральной и Восточной Европы и России конструкции государственного суверенитета. Однако в данных государствах существуют и внутренние противоречия, вызванные установившимся политическим порядком, неэффективностью их собственных элит, отсутствием реальной нацеленности деятельности правительств на реализацию прав и свобод граждан.

Сложность описания феноменов российского гражданина и гражданства состоит в том, что существуют политические и юридические формы, фиксируемые наименованием данных феноменов и представленные законами, соответствующими западноевропейской модели. Однако содержание данных форм – различные аспекты онтологии российского индивида и его отношений с государством как совокупность условий, факторов и практик осуществления принципов и норм, закрепленных в юридической форме, – по нашему мнению, отличается принципиальным несоответствием данным формам. За политическим и юридическим термином «гражданин», который считается калькой европейского термина *citizen* и, как полагают, несет в себе европейскую модель отношений индивида и государства, реально скрывается иное содержание. Именно совокупность аспектов, процессов и тенденций в отношениях индивида и государства в России должна создавать (но не создает) условия и возможности для рядового индивида быть участником местного самоуправления и членом гражданского общества, образующим политическую общность граждан – нацию – как носителя государственного суверенитета, быть лицом, обладающим правом участия в управлении государством. Гражданин – юридическая и политическая форма, предназначенная для включения индивида в гражданское общество и нацию как основу национального государства.

Но что мешает реализации европейской модели гражданина и гражданства в российских условиях? Каково происхождение несоответствия формы реальному содержанию феномена гражданина в России? Устойчивое соотношение между формой и содержанием социального явления складывается

параллельно в ходе постепенной эволюции общества. Однако в сфере политики форма может быть придана содержанию целенаправленно, как искусственный идеологический конструкт, созданный из заимствованных элементов. Политические решения (законы) относительно формы конкретного политического явления принимаются в соответствии с интересами политической элиты. Поэтому форма может быть неадекватной фактическому содержанию и искажать его в разной степени. Отсюда острота проблемы несоответствия наименования (термина), обозначающего форму, фактическому содержанию явления (института). Подобное несоответствие в истории России возникает не впервые. Так, например, советские представительные институты с точки зрения либерализма являются выражением номинального конституционализма [20. С. 24]. По аналогии и советский институт гражданства, связанный с конституционным строем СССР, предстает как номинальное гражданство.

По нашему мнению, именно с начала установления власти большевиков в октябре 1917 г. возник разрыв между формально-юридической стороной феномена «гражданин» и содержательной. Несоответствие формы и содержания – вот базовая характеристика феномена советского гражданина и института гражданства в СССР. Данное несоответствие, на наш взгляд, в значительной степени воспроизводится российским государством в настоящее время. Перед исследователями стоит задача определить степень имперского и советского «наследства» в институте и практиках гражданства современной России. В эпоху сталинского правления в СССР был взят курс на антиимпериалистическую борьбу в колониальных и полуколониальных странах мира [21. С. 19]. Параллельно повороту от идей мировой революции к идее построения социализма в отдельно взятой стране и изоляционизму произошел возврат к имперским основам государственности в СССР. Это означало, что и во взаимодействиях с индивидом государство вернулось к традициям подданства в его архаическом виде. Произошел откат от достижений Февральской революции и возврат к монархическому подданству. Термины же «гражданство» и «гражданин», как и советская идеология, конституции и советское право, служили лишь средствами легитимации власти партноменклатуры внутри страны, а также инструментами демонстрации «прогрессивного» внешнеполитического образа страны.

В какой степени современное российское гражданство унаследовало черты советского гражданства? Э. Лор исследует институт гражданства с помощью понятия «граница гражданства», которое он определяет как «область взаимодействия граждан и притязаний их государства на суверенитет» [22. С. 8]. Он анализирует границы общности людей, составляющей государство, выделяет характеристики гражданства СССР, рассматривает традиционные элементы имперского и советского гражданства, унаследованные современной Россией. Советское гражданство пришло на смену подданству Российской империи и буржуазной республики Временного правительства и внесло новые идеологические принципы – классовую основу гражданства и новаторское решение женского вопроса. Одновременно большевистская власть использовала процессуальные нормы, связанные с подданством, принятые до реформ 1860-х гг. [Там же. С. 220]. Применяв термины «гражданин» и «гражданство» номинально, большевики отвергли их содержание как политических феноменов, связанных с осуществлением правового государства –

принципами верховенства права, равенства членов государства перед законом и др. Все эти принципы «буржуазного права» не соответствовали «советскому праву», базирующемуся на коммунистической идеологии.

Главным принципом советской политики гражданства, начиная с конца 1920-х гг., было обеспечение функционирования авторитарного государства. Уже в ходе Гражданской войны наметился разрыв между идеологическими лозунгами, с одной стороны, и практикой гражданства и применяемыми технологиями и процедурами – с другой. Политика гражданства осуществлялась под жестким контролем ОГПУ и НКВД, которые принимали важнейшие решения, определяли стратегию в этой сфере и осуществляли тайный контроль над населением. В секретных инструкциях НКВД содержалась установка подозрения по отношению к людям, въезжающим в страну. Она материализовалась во множестве процедурных препятствий для получения гражданства – в регистрации, чрезвычайном контроле над иностранцами, мерах уголовного преследования, арестах и казнях «подрывных элементов» и т.п. Суть советского подхода к гражданству заключалась в «лишении прав гражданства при сохранении обязанностей и самого статуса гражданина», то есть в создании некоей новой формы советского подданства [22. С. 252]. Большевики создали административную систему, основанную на дифференциации прав и обязанностей в зависимости от классового происхождения. Население фактически было разделено на граждан и «лишенцев». «Лишенцы» рассматривались в качестве врагов государства, их статус определялся исключительно обязанностями. В статусе последних в соответствии с меняющимися решениями ВКП(б) могли оказаться торговцы, духовенство, бывшие дворяне, полицейские, душевнобольные, этнические меньшинства и т.д. Но и среди людей, официально признаваемых гражданами, политического и юридического равенства установлено не было. Советские власти фактически воспроизводили имперские традиции формирования разных наборов прав и обязанностей для различных групп населения. Целью этих процедур и практик являлось наделение индивида обязанностями перед государством и ограничение прав, вплоть до их частичного или полного лишения.

Важнейшей чертой советской модели гражданства была не столько герметичность государства, сколько тотальный полицейский контроль над основной массой населения, даже соответствовавшего классово-идеологическим критериям советского гражданина. Такой контроль позволял использовать население в качестве рабочего материала государства, принуждая к выполнению обязанностей, наложенных госпартноменклатурой. Государство предоставляло гражданам некоторый минимум прав (на здравоохранение, образование и т.д.), но это не меняло сути этой модели – полицейского подхода к людям, низкой оценки их жизни, вечного подозрения и неуважения достоинства собственных граждан. Политическая система современной России после нескольких лет призывов к модернизации демонстрирует возврат к установкам на изоляционизм, враждебное отношение к внешнему миру и контроль над населением.

Означает ли это, что западноевропейская модель гражданства эпохи модерна, воплощенная в Конституции РФ (1993) и законе «О гражданстве РФ» (2002), служит лишь целям имитации феномена гражданина и института гражданства? Ответ на этот вопрос потребовал многолетних изысканий. На

основе анализа исследований гражданина и гражданства в политической науке, нами были разработаны методология социокультурного подхода и теоретическая модель гражданина. Структура модели включает институциональное, ментальное и личностное измерения, которые конкретизируются с помощью структурно-семантического каталога бинарных оппозиций: эгалитарное / элитарное, публичное / частное, вовлечение / исключение, участие / неучастие и др. [23. С. 94–103]. Эту модель мы использовали в качестве инструмента определения степени реализации прав и свобод российского гражданина. Были рассмотрены институциональные условия существования российского гражданина, т.е. действующий политический порядок, показаны возможности существования каждого россиянина в качестве частного и публичного лица, выявлено соотношение свободы и равенства в политических и правовых институтах и практиках. Также были изучены культурно-исторические основы ментальности современных россиян, сопоставлены их политическая культура и официальный дискурс, проанализированы восприятие гражданином его места в политике и другие аспекты онтологии российского гражданина [24].

Наши исследования приводят к выводам о том, что активное гражданство как полнота реализации политических прав гражданина не просто не реализуется даже в минимальной степени, но остается декларативным принципом Конституции РФ. В официальном дискурсе и практиках государственного управления дух Конституции РФ – конституционные права граждан – выхолощен до неузнаваемости [25]. Препятствия для политической активности современных российских граждан обусловлены не только социально-экономическим, правовым и политическим порядком, но и консервативно-идеологическим поворотом государства. Власть осуществляет курс на архаизацию политической культуры россиян с помощью государственной пропаганды, образовательной и символической политики. Совокупным эффектом действия этих факторов является низкий уровень политического участия россиян и периодически возникающие общественные протесты. Институты государства функционируют по преимуществу в качестве системы отстранения массового гражданина от участия в определении целей государственного управления, а граждане не становятся значимыми субъектами политики. В России не только не происходит «превращения буржуа в граждан», не формируется «политическое гражданское общество как форма производства политической гражданственности» [18. С. 142], но законсервирован процесс формирования буржуа – среднего класса, массового «частного человека» как носителя гражданских прав, являющихся основой прав политических. Поэтому нынешний статус российских граждан можно определить как номинальное (пассивное) гражданство, или подданство. Однако мы не исключаем возможности реализации европейской модели гражданства и гражданина в России в будущем, но прежде потребуются создать для этого комплекс фундаментальных политических и иных условий.

Литература

1. Marshall T.H. Class, citizenship, and social development. Westport : Greenwood press, 1973. 334 p.
2. Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays. Cambridge : Cambridge University Press, 1950. 154 p.

3. *Alexander J.* Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations. Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization / ed. by J. Alexander. London, 1998. P. 1–19.
4. *Barbalet J.M.* Citizenship: rights, struggle, and class inequality. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1988. 119 p.
5. *Bendix R.* Nation-building and citizenship: studies of our changing social order. New Brunswick : Transaction Publishers, 1996. 455 p.
6. *Riedel M.* Buerger, Staatsbuerger, Buegertum. Ges-chichtliche grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart : Ernst Klett Verlag, 1972–1995. Bd. 2.
7. *Somers M.R.* Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: the Place of Political Culture and the Public Sphere // *Sociological Theory*. 1995. Vol. 13, № 3. P. 229–274.
8. *Turner B.S.* Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism. London : Allen and U, 1986.
9. *Хьюбер Дж.Д.* Два взгляда либеральной демократии на конгруэнтность граждан и политиков // *Теория и практика демократии : избранные тексты / пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина. М., 2006. С. 281–290.*
10. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. СПб. : Алетейя, 1998. 306 с.
11. *Хабермас Ю.* Гражданство и национальная идентичность // *Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность : московские лекции и интервью. М. : Наука, 1995. С. 211–213.*
12. *Хантингтон С.* Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ : Транзиткнига, 2004. 635 с.
13. *Малахов В.С.* Гражданство как объект социальной и философской теории: критическое введение // *Капустин Б.Г. Гражданство и гражданское общество / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла; пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. С. 7–50.*
14. *Малинова О.Ю.* Гражданство и политизация культурных различий. Размышления по поводу некоторых тенденций в англоязычной политической философии // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 5. С. 7–17.*
15. *Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. М. : Новое лит. обозрение ; Ин-т философии РАН, 2014. 232 с.
16. *Перегудов С.П.* Транснациональные корпорации на пути к корпоративному гражданству // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 3. С. 95–103.*
17. *Межуев Б.В.* Постколониальный переход и «транснационализация» гражданства // *ПОЛИС: Политические исследования. 2004. № 5. С. 19–27.*
18. *Капустин Б.Г.* Гражданство и гражданское общество / Гос. ун-т – Высшая школа экономики; введ. ст. В.С. Малахова; прил. Т.Х. Маршалла / пер. с англ. Ю. Дергунова; под науч. ред. А. Смирнова. М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 224 с.
19. *Крастев И., Холмс С.* Имитация и ее отрицание // *Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 11–20.*
20. *Медушевский А.* Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // *Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 21–40.*
21. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира: социология XXI века / пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. М. : Логос, 2004. 368 с.
22. *Лор Э.* Российское гражданство: от империи к Советскому Союзу / пер. с англ. М. Семиколенных. М. : Новое лит. обозрение, 2017. 344 с.
23. *Фан И.Б.* Концепт гражданина в политической мысли. Методологические подходы и теоретические модели. Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG, 2011. 412 с.
24. *Фан И.Б.* Политическое участие в России: исключение «под прикрытием» включения // *Науч. ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд-ния Рос. акад. наук. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 67–82.*
25. *Фан И.Б.* Политическая онтология российского гражданина: содержание против формы. Екатеринбург : Урал. ин-т управления – филиал РАНХиГС, 2018. 332 с.

Irina B. Fan, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation).

E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 246–254.

DOI: 10.17223/1998863X/52/22

THE WESTERN EUROPEAN MODEL OF NATIONAL CITIZENSHIP IN RUSSIAN CONDITIONS**Keywords:** citizenship; nation; national identity; political participation; state sovereignty.

The article analyzes the problem of determining the real content of the institution of citizenship in Russia, reveals its quality and the degree of implementation of the concept and model of the Western European citizen and citizenship of the Modern Age. The article reveals the main provisions of the modern concept of citizenship, which is based on the ideas of Thomas Marshall. The core of this concept is two aspects of a citizen's existence that have institutional forms: (1) as an object of the state: a citizen, a passive member of the political community and (2) as a political actor with constitutional rights to participate in the governance of the nation-state. The transformation of the classical model of citizenship under the influence of globalization and migration is studied. The main positions of the Western and Russian participants of the discussion developed around these changes are presented. Anti-liberal sentiments and criticism of liberal democratic values and institutions, including national citizenship, are spreading in Central and Eastern European states, as well as in Russia. The hypothesis of the author of the article is as follows. There are political and legal forms fixed in the Constitution of the Russian Federation (1993) and in the law "On Citizenship" (2002) by the terms "citizen" and "citizenship", mainly corresponding to the Western European model of these phenomena. However, the content of these forms—various aspects of the ontology of Russian citizens and their relations with the state—does not correspond to the European model. The author shows that the origin of this discrepancy lies in the Soviet model of relations between the state and the population, which can be characterized as nominal citizenship and, in fact, allegiance. The article reveals the nature of Soviet citizenship as a heritage largely preserved in today's Russia. The author solves the problem of identifying the nature of citizenship in modern Russia using the methodology of a sociocultural approach and the theoretical model of the citizen. The use of this model allows testing the set of institutional, mental and personal conditions of the ontology of Russian individuals and drawing conclusions that the constitutional status of a citizen as a person with political rights to participate in the governance of the state is not realized in modern Russia. The author defines the current status of Russians as nominal, imitative, passive citizenship.

References

1. Marshall, T.H. (1973) *Class, Citizenship, and Social Development*. Westport: Greenwood press.
2. Marshall, T.H. (1950) *Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Alexander, J. (1998) Civil Society I, II, III: Constructing an Empirical Concept from Normative Controversies and Historical Transformations. In: Alexander, J. (ed.) *Real Civil Societies: Dilemmas of Institutionalization*. London: Springer. pp. 1–19.
4. Barbalet, J.M. (1988) *Citizenship: Rights, Struggle, and Class Inequality*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
5. Bendix, R. (1996) *Nation-Building and Citizenship: Studies of Our Changing Social Order*. New Brunswick: Transaction Publishers.
6. Riedel, M. (1972–1995) Buerger, Staatsbuerger, Buergerum. In: Koselleck, R. (ed.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Vol. 2. Stuttgart: Ernst Klett Verlag.
7. Somers, M.R. (1995) Narrating and Naturalizing Civil Society and Citizenship Theory: The Place of Political Culture and the Public Sphere. *Sociological Theory*. 13(3). pp. 229–274. DOI: 10.2307/223298
8. Turner, B.S. (1986) *Citizenship and Capitalism: the Debate over Reformism*. London: Allen and U.
9. Huber, J.D. (2006) Dva vzglyada liberal'noy demokratii na kongruentnost' grazhdan i politikov [Two views of liberal democracy on the congruence of citizens and politicians]. In: Dahl, R.A. et al. *Teoriya i praktika demokratii* [The Democracy Sourcebook]. Translated from English by V.L. Inozemtsev, B.G. Kapustin. Moscow: Ladomir. pp. 281–290.
10. Hobsbawm, E. (1998) *Natsii i natsionalizm posle 1780 g.* [Nations and nationalism after 1780]. St. Petersburg: Aleteyya.

11. Habermas, Ju. (1995) *Demokratiya. Razum. Nravstvennost': Moskovskie leksii i interv'yu* [Democracy. Mind. Morality: Moscow lectures and interviews]. Translated from German by T.Yu. Borodai et al. Moscow: Academia. pp. 211–213.
12. Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who are we? Challenges to American national identity]. Translated from English. Moscow: AST: Tranzitkniga.
13. Malakhov, V.S. (2011) *Grazhdanstvo kak ob'ekt sotsial'noj i filosofskoy teorii: kriticheskoe vvedenie* [Citizenship as an object of social and philosophical theory]. In: Kapustin, B.G. *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and Civil Society]. Moscow: HSE. pp. 7–50.
14. Malinova, O.Yu. (2004) *Grazhdanstvo i politizatsiya kul'turnykh razlichiy. Razmyshleniya po povodu nekotorykh tendentsiy v angloyazychnoy politicheskoy filosofii* [Citizenship and politicization of cultural differences. Reflections on some trends in English-language political philosophy]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 7–17.
15. Malakhov, V. (2014) *Kul'turnye razlichiya i politicheskie granitsy v epokhu global'nykh migratsiy* [Cultural differences and political boundaries in the era of global migration]. Moscow: NLO; RAS.
16. Peregudov, S.P. (2004) *Transnatsional'nye korporatsii na puti k korporativnomu grazhdanstvu* [Transnational corporations on the way to corporate citizenship]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 3. pp. 95–103.
17. Mezhuev, B.V. (2004) *Postkolonial'nyy perekhod i “transnatsionalizatsiya” grazhdanstva* [Post-colonial transition and “transnationalization” of citizenship]. *POLIS: Poliicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 19–27.
18. Kapustin, B.G. (2011) *Grazhdanstvo i grazhdanskoe obshchestvo* [Citizenship and Civil Society]. Moscow: HSE.
19. Krastev, I. & Holmes, S. (2019) *Imitatsiya i ee otritsanie* [Imitation and its denial]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1(128). pp. 11–20.
20. Medushevsky, A. (2019) *Konstitutsiya i sotsial'nyy zapros na izmeneniya v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Constitution and social demand for changes in modern Russian society]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*. 1(128). pp. 21–40.
21. Wallerstein, I. (2004) *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The end of the familiar world: Sociology of the 21st century]. Translated from English by V.I. Inozemtsev. Moscow: Logos.
22. Lore, E. (2017) *Rossiyskoe grazhdanstvo: ot imperii k Sovetskemu Soyuzu* [Russian Citizenship: From Empire to Soviet Union]. Translated from English by M. Semikolenykh. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
23. Fan, I.B. (2011) *Kontsept grazhdanina v politicheskoy mysli. Metodologicheskie podkhody i teoreticheskie modeli* [The concept of citizen in political thought]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co, KG.
24. Fan, I.B. (2013) *Politicheskoe uchastie v Rossii: isklyuchenie “pod prikrytiem” vklyucheniya* [Political participation in Russia: exclusion “undercovered” as inclusion]. *Nauchnyy ezhegodnik In-ta filosofii i prava Uralskogo otdeleniya Rossiyskoy Akademii Nauk – Research Yearbook, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 13(1). pp. 67–82.
25. Fan, I.B. (2018) *Politicheskaya ontologiya rossiyskogo grazhdanina: sodержание protiv formy* [The political ontology of a Russian citizen: content vs form]. Ekaterinburg: RANEPА.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБРАМОВА Мария Олеговна – старший преподаватель кафедры социологии философского факультета Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: abra@yandex.ru

АНТУХ Геннадий Геннадьевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (г. Томск).

E-mail: g.antukh@yandex.ru

БОРИСОВ Евгений Васильевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; профессор Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

Email: borisov.evgeny@gmail.com

БРАЛГИН Егор Юрьевич – кандидат философских наук, доцент Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина (г. Бийск).

E-mail: egor-bralgin@yandex.ru

ВИЛЬНИН Александр Данилович – кандидат технических наук, заведующий лабораторией Инженерной школы информационных технологий и робототехники Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: vilninad@tpu.ru

ГАЛИН Ринат Романович – научный сотрудник лаборатории киберфизических систем Института проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: grt@ipu.ru

ГЛУХОВ Андрей Петрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальных коммуникаций Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: GlukhovAP@tspu.edu.ru

ДОМАНОВ Олег Анатольевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: domanov@philosophy.nsc.ru

ЗАГИРНЯК Михаил Юрьевич – кандидат философских наук, научный сотрудник Академии Кантиана Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта» (г. Калининград).

E-mail: mikhael.zagirnyak@gmail.com

ИСХАКОВА Анастасия Олеговна – кандидат технических наук, старший научный сотрудник лаборатории киберфизических систем Института проблем управления им. В.А. Трапезникова Российской академии наук (г. Москва).

E-mail: shumskaya.ao@gmail.com

КАРПОВА Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент Школы базовых инженерных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: belts@tpu.ru

КОРОБКОВ Леонид Геннадьевич – соискатель Новосибирского национального исследовательского государственного университета (г. Новосибирск).

E-mail : 5in7in5@gmail.com

КРЕЧЕТОВА Мария Юрьевна – кандидат философских наук, доцент Школы культурологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва).

E-mail: mkrechetova@mail.ru

КУЛАГИНА Ирина Владимировна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права Института государства и права Сургутского государственного университета (г. Сургут).

E-mail: viva@ngs.ru

КУРБАНОВА Асият Ахмедова – магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: kurbanovaasyat@mail.ru

ОСТАПЕЦ Ирина Юлиевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина).

E-mail: iryna.ostapets@uzhnu.edu.ua

ОСТАПЕЦ Юрий Александрович – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии и государственного управления, декан факультета общественных наук Ужгородского национального университета (г. Ужгород, Украина).

E-mail: yu.ostapec@gmail.com

ПОЛИТОВ Андрей Викторович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права гуманитарного факультета Пермского национального исследовательского политехнического университета (г. Пермь).

E-mail: erikhezere@yandex.ru

ПОЛЯКОВА Наталья Валерьевна – кандидат философских наук, доцент кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург).

E-mail: belnata70@yandex.ru

ПРОКУДИН Борис Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: probog@bk.ru

ПРОКУДИНА Дарья Александровна – кандидат социологических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории мировой культуры философского факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: dariap@bk.ru

РАХМАНОВ Азат Борисович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и теории социологии социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва).

E-mail: azrakhmanov@mail.ru

РОДИН Кирилл Александрович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН (г. Новосибирск).

E-mail: rodin.kir@gmail.com

РЫКУН Артем Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, проректор по международным связям Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: a_gykun@mail.ru

САВЕЛЬЕВ Алексей Олегович – кандидат технических наук, доцент Инженерной школы информационных технологий и робототехники Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: sava@tpu.ru

СЕДОВ Юрий Григорьевич – кандидат философских наук, доцент кафедры управления социальными и экономическими процессами Государственного института экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчина).

Email: yuriy-sedov@mail.ru

СОКОЛОВ Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (г. Ярославль).

E-mail: alex8119@mail.ru

СУРОВЦЕВ Валерий Александрович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН; заведующий кафедрой истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: surovitsev1964@mail.ru

СУХАРЕВА Виктория Алексеевна – аспирант кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры департамента философии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург).

E-mail: Siberian-pegas@yandex.ru

СУХУШИНА Елена Валерьевна – кандидат философских наук, декан философского факультета Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: elsukhush@inbox.ru

ЧАЙКОВСКИЙ Денис Витольдович – кандидат философских наук, доцент Школы базовых инженерных технологий Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: dnvit@tpu.ru

ФАН Ирина Борисовна – доктор политических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела философии Института философии и права Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург).

E-mail: Irina-fan@yandex.ru

Научный журнал

**ВЕСТНИК ТОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

**ФИЛОСОФИЯ. СОЦИОЛОГИЯ.
ПОЛИТОЛОГИЯ**

**TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF PHILOSOPHY,
SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE**

2019. № 52

Редактор *Е.Г. Шумская*

Оригинал-макет *О.А. Турчинович*

Дизайн обложки *Яна Якобсона* (проект «Пресс-интеграл»,
факультет журналистики ТГУ)

Учредитель Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»

Подписано в печать 26.12.2019 г. Дата выхода в свет 17.01.2020 г.
Формат 70x100^{1/16}. Печ. л. 16,13; усл. печ. л. 20,97; уч.-изд. л. 22,13.
Тираж 50 экз. Заказ № 4185. Цена свободная.

Адрес издателя и редакции: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36
Томский государственный университет

Издание отпечатано на оборудовании Издательского Дома
Томского государственного университета
634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, тел. 8(382-2) 53-15-28; 52-98-49
<http://publish.tsu.ru>; e-mail; rio.tsu@mail.ru